

ТУЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕСНА – 2021

Социальное пространство
и время прошлого:
вызовы и ответы истории

Материалы II Всероссийской научной конференции
молодых учёных с международным участием

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»

ТУЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕСНА – 2021

**Социальное пространство
и время прошлого:
вызовы и ответы истории**

*Материалы II Всероссийской
научной конференции молодых учёных
с международным участием*

Тула
ТГПУ им. Л. Н. Толстого
2021

ББК 63.2 (2Р-4Тул)
Т82

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук,
доцент *К. А. Подрезов* (научный редактор);
кандидат исторических наук *Н. А. Биленко*
(ответственный редактор);
кандидат педагогических наук, доцент *Е. И. Белянкова*;
доктор исторических наук, доцент *Т. А. Володина*;
доктор филологических наук, доцент *Н. А. Красовская*;
кандидат политических наук, доцент *Н. В. Лебединец*;
кандидат исторических наук *С. М. Маркова*;
доктор исторических наук, профессор *Е. П. Мартынова*;
доктор исторических наук, профессор *Ю. В. Родович*;
кандидат исторических наук, доцент *Н. В. Сенина*;
доктор исторических наук, доцент *С. В. Ярцев*;
А. М. Тюханова (секретарь редколлегии)

Тульская историческая весна – 2021: Социальное пространство и время
Т82 прошлого: вызовы и ответы истории: Материалы II Всерос. науч. конф. молодых учёных с междунар. участием [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Минимальные систем. требования: Intel Celeron 1700 Mhz и выше, 128 Мб RAM, 300 Мб на винчестере, ОС Microsoft Windows 7 и выше; дисковод CD-ROM 2x и выше, SVGA 64 Mb; мышь. – Загл. с этикетки диска. – ISBN 978-5-6045159-5-2.

Сборник материалов II Всероссийской научной конференции молодых учёных с международным участием «Тульская историческая весна – 2021» содержит исследования студентов, магистрантов и аспирантов в области истории, права, культурологии и филологии. Работы молодых учёных посвящены проблемам социально-экономической, политической, этноконфессиональной и культурной истории обществ различных исторических эпох.

В сборнике представлено девять тематических направлений: «Трансформация политических структур в древности и средневековье», «Этноконфессиональное пространство в истории», «Взаимодействие государств и народов в пространстве прошлого», «Общественное в пространстве истории», «Социальные институты и политика в пространстве прошлого», «История и историк в пространстве науки», «Источник и историк в пространстве науки», «Культура в пространстве и времени», «Отражение в языке пространства и времени». Сборник содержит тезисы выступлений участников конференции в рамках «круглого стола» «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: история и историческая память».

Опубликованные исследования ориентированы на молодых учёных, специалистов в области истории, культурологии, филологии, а также будут интересны учителям, учащимся средних и высших учебных заведений.

ББК 63.2 (2Р-4Тул)

ISBN 978-5-6045159-5-2

© ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2021

© Коллектив авторов, 2021

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

ТГПУ

им. Л. Н. Толстого

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

food
bar

ТЕМА

ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА
23

ТЕМА

УДК 94 (3)

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ВЛАСТНУЮ ВЕРХУШКУ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ В СЕРЕДИНЕ IV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ VI в. н. э.¹

И. А. Астахов
astaha1@rambler.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается влияние этнических изменений в Северном Причерноморье на внутривополитическую ситуацию в Боспорском царстве в середине IV – первой четверти VI в. н. э. Определяются основные этнические группировки, появившиеся на Боспоре в указанное время, степень их влияния на государственные институты царства, характер политических изменений.

Ключевые слова: поздняя античность, Боспорское царство, сармато-аланы, готы, гунны, царская власть.

UDC 94 (3)

THE IMPACT OF ETHNIC CHANGE ON THE RULING ELITE IN THE BOSPORUS KINGDOM IN THE MIDDLE OF THE 4TH – THE FIRST QUARTER OF THE 6TH CENTURIES AD

I. A. Astakhov
astaha1@rambler.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines the influence of ethnic changes in the Northern Black Sea region, on the internal political situation in the Bosphorus kingdom in the middle of the 4th – the first quarter of the 6th centuries AD. The main ethnic groups that appeared in the Bosphorus at the specified time, the degree of their influence on the state institutions of the kingdom, the nature of political changes are determined.

Keywords: late antiquity, Bosporan kingdom, Sarmatian-Alans, Goths, Huns, royal power.

Рескупорид VI – последний царь Боспорского царства, чье правление четко фиксируется по археологическим и нумизматическим данным. С прекращением монетной чеканки на Боспоре в 341 г. н. э. связывают и прекращение правления Рескупорида VI, хотя, более точных источников, указывающих на это, мы не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90039.

имеем [32, с. 45–56]. Следующий доподлинно известный правитель Боспора, Диуптун, появляется только в конце V в. н. э. Надпись из Керчи, обнаруженная в 1888 г. (КБН 67), рассказывает о царе Диуптуне, относя его к старой боспорской династии Тибериев-Юлиев, последним из которых как раз был Рескупорид VI. Ю. В. Виноградов, по нашему мнению, наиболее четко и обоснованно датировал эту надпись 483 г. н. э. [12, с. 234–238]. В этой связи получается, что между Рескупоридом VI и Диуптуном образуется лакуна в полтора века, за которые мы не знаем упоминаний о других боспорских царях. Действительно, в то время Боспор находился в глубочайшем кризисе, который прослеживался во всех сферах государства. Однако по данным археологии, на многих боспорских городах жизнь не прекращается, а на некоторых памятниках можно проследить определенный экономический подъем [7, с. 103]. Сложно представить, что в таком хоть и маленьком, но древнем и устойчивом государстве наступает анархия и отмирает институт царизма на полторы сотни лет. Мы полагаем, что после Рескупорида VI на Боспоре продолжается царская власть, которую узурпируют представители соседних варварских народов.

Чеканка боспорской монеты до 341 г. н. э., а так же использование в официальных текстах оборотов «друг цезаря и римлян», добавление к своему имени династического имени Тиберий Юлий – все это говорит нам о явной ориентации Боспора на Римскую империю, признание ее, как своего патрона. Поэтому сложно говорить именно о смерти Рескупорида VI, хотя и небезосновательно. На территории Боспора повсеместно обнаруживают монетные клады, датируемые 20-40 годами IV в. н. э. [33, с. 73–81; 15, с. 72–126; 4, с. 544–560; 2, с. 689–702; 35, р. 193–238; 29, с. 458–569]. М. Г. Абрамзон связывает эти клады с военной активностью сармато-аланских племен в Северном Причерноморье [1, с. 396; 3, с. 150–163; 2, с. 689–702]. Вероятно, номады совершают ряд военных походов на Боспорское царство в это время. Исходя из этого, можно предположить, что в результате этой активности Рескупорид VI мог быть свергнут, а на его месте мог появиться царь-выходец из сармато-аланской знати.

Однако Боспорское царство и до этого знало царей, которых мы можем причислить к сарматам. Радамсад и Фофорс – эти правители носят иранские имена и вряд ли являлись прямыми представителями династии Тибериев-Юлиев [20, с. 211], но Рим продолжает субсидировать боспорскую чеканку, а сами правители в официальных текстах используют привычную титулатуру и обороты. Так с чем же можно связать разрыв Рима с Боспорским царством после 341 г. н. э.? Здесь может быть две версии: либо новый правитель не устроил империю, в связи с чем, было прекращено субсидирование; либо сама властная верхушка отказывается называть себя Тибериями Юлиями и числится имперскими клиентами. Нам кажется, что второй вариант более предпочтителен. Империя поддерживала Боспор, не взирая на то, кто находился у власти, главное, чтобы знать соглашалась со статусом клиента. Если царь отказывался от статуса клиента – следовала война, в результате которой Рим свергал неудобного и ставил лояльного правителя. Так было во время Боспорской войны 45–49 гг. н. э., когда

римляне свергли Митридата VIII и посадили на трон Котиса [11, с. 260–271]. Однако, на момент середины IV в. н. э. положение римской империи известно – она находится в таком же глубочайшем кризисе, как Боспорское царство. Мы полагаем, что в сложившейся ситуации потеря влияния над разоренным Боспором кажется куда меньшей проблемой, чем те, что нависали над империей в это время. Тем более, нам известно, что империя не оставляла попыток улучшить отношения с Боспором и настроить государство в свою пользу. Три серебряных блюда, обнаруженные в склепах Пантикапея и датируемые временем императора Констанция II (337–361 гг. н. э.) [24, с. 9; 34, с. 1] явно относились к вотивной посуде. Нет сомнений, что эти блюда имели торжественный и дипломатический характер, и были вручены местной элите [18, с. 30–32]. Это говорит о важности Боспорского царства для империи, но неспособности привести его к покорности силой оружия.

В этой связи возникает вопрос, почему новая боспорская знать отказывается от ориентации на Рим? Во-первых, не является секретом агрессивное отношение сармато-аланских племен Северного Причерноморья к империи. Достаточно вспомнить походы меотийских варваров совместно с боспорским военным контингентом в Малую Азию и на Дунай, совершенные на рубеже III–IV вв. н. э., упоминаемые в трактате Константина Багрянородного (*Const. Porph. De adm. Imp.*, 53) и работе Зосима (*Zosim. II*, 21). Во-вторых, мы связываем это с активным процессом политогенеза, который прослеживается у многих народов эпохи Великого переселения народов. Ранее находящиеся на племенном уровне политического развития, как оседлые народы, так и кочевники, столкнувшись с цивилизованными государствами Средиземноморья, начинают образовывать свои протогосударства. Из наиболее близких к Боспору достаточно вспомнить готскую «державу Германариха», образовавшуюся в Северном Причерноморье в ареале существования черняховской культуры [19, с. 30–39]. Кочевые племена сармато-аланов, представляющие собой паразитирующие общества, почувствовав ослабление империи в Причерноморье, вполне могли захватить власть на Боспоре с целью создания своей династии. Тем более, мы знаем много аналогичных эпизодов в период Великого переселения народов [31, с. 211–215]. Важно подчеркнуть, что, даже учитывая увеличение числа иранских имен на Боспоре к IV в. н. э. до 40 % [23, с. 111, рис. 7], основой государства продолжает являться эллинское население – боспоряне. Сармато-аланы являются, в первую очередь, властной верхушкой, во вторую, воинским контингентом.

Мы полагаем, что вплоть до 80-х гг. IV в. н. э. Боспорское царство в той или иной степени остается под влиянием сармато-аланских родов. А. А. Васильев предположил, что в период 50–60-х гг. IV в. н. э. Боспор мог входить в сферу влияния готского государства Германариха [10, с. 289]. Этот тезис вполне имеет право на существование, учитывая находки варварских подражаний римским монетам на Шум-речке [28, с. 172], Раевском городище [26, с. 53]. Мы располагаем информацией, что готам Германариха принадлежали обширные земли в районе Меотиды, в их подчинении находились некоторые меотийские варвары (Lord.

Get., 116–120), под их контролем находились речные торговые пути в Восточной Европе [37, p. 86]. В пользу этой версии так же говорит внешнеполитическая ситуация в степях Северного Причерноморья, а именно появление в это время гуннских племен и начало их столкновений с сармато-аланскими племенами (Amm., XXII, 8, 38.). Нет сомнений, что это ослабило их влияние на Боспорское царство и позволило другим варварским группировкам включиться в борьбу за контроль над государством.

Однако мы полагаем, что по-настоящему готское влияние на Боспоре нужно отсчитывать от 80-х г. IV в. н. э. Известно, что примерно с середины 70-х г. IV в. н. э. гунны начинают давление на «державу Германариха», закончившееся разгром готского государства (Iord. Get., 129–130; Zosim. IV, 20; Agaf. Mirn. V. 11; Sozom. VI. 37). После этого, готы разделились на остготов и визиготов, и отступили на запад, однако какая-то часть готов мигрировала в Крым и естественно проникла на Боспор [27, с. 18]. Это прослеживается по целому ряду находок готского круга на памятниках Керченского полуострова [22, с. 288, 291, 294, 295; 30, с. 226]. Нет сомнений, что готские беженцы включаются в состав Боспорского царства, вероятно на правах федератов, учитывая военную специфику мужского населения. В то же время, внутривосточная ситуация на Боспоре, а именно потеря варварской боспорской знатью союзника, в лице сармато-аланских племен Северного Причерноморья, создает благоприятный момент для узурпации власти. Вполне вероятно, что готы, если не в полной мере, то частично берут под контроль Боспорское царство. Представляется вполне логичным, что готы, ранее уже имевшие свое собственное, хоть и довольно шаткое государственное образование, прибыв в ослабленное, но, тем не менее, все еще имеющее большую часть государственных институтов Боспорское царство, попытаются утвердиться во власти. В пользу нашей версии может говорить сообщение Иоанна Златоуста к Олимпиаде от 404 г. н. э. В нем говорится о смерти епископа Унилы и просьбе прислать на Боспор нового епископа от некоего гех Gothorium [21, с. 637–645]. В Северном Причерноморье только Боспорское царство располагало достаточными силами и средствами, чтобы поддерживать епархию. Таким образом, получается, что гех Gothorium был выходцем с Боспора. Мы видим в гех Gothorium представителя переселившейся в 80-е г. IV в. н. э. на Боспор готской знати, которая узурпировала власть в государстве. Подчеркивая свою власть и самобытность, готские правители Боспорского царства, в данный период, вполне могли называть себя не царями Боспора а царями готов.

В исторической науке существовало мнение, что 70–80-е гг. IV в. н. э. гунны, помимо разгрома готов, малой частью орды прошли и по Боспору [14, с. 105–127, 133, 134; 8, с. 48, 49, 51, 64, 68–77, 84]. А. И. Айбабин выдвинул вполне обоснованную гипотезу о том, что появление гуннов на Боспоре стоит относить ко времени не ранее рубежа IV–V вв. н. э., после полного утверждения в степях Северного Причерноморья [5, с. 73]. По его мнению, гунны, направлявшиеся в Закавказье для военного похода против Армении и восточных провинций империи (Prisc. fr. 11, 595–615) [36, p. 28], двигаясь на юг вдоль Меотиды,

подчинили себе Боспор. А. К. Амброз полагает, что вторжение гуннов и их последующий протекторат протекал достаточно мирно, не привел к кризису на Боспоре или каким-либо разрушениям [6, с. 15–16]. С одной стороны, можно предположить, что гуннам было не выгодно громить такой важный торговый и ремесленный центр у себя в тылу, предпочитая паразитировать на нем. С другой, в мирном существовании Боспорского царства в реалиях гуннского протектората можно проследить деятельность готов-беженцев из «державы Германариха». Достаточно вспомнить сюжет, описанный Иорданом, в котором отмечается, что остготы, поработанные гуннами, жили мирно и остались в собственной «стране». Ими управлял собственный «царек» (*regulus*), который согласовывал все свои решения с гуннами (*Iord. Get.*, 125-127, 130, 246-253), что говорит о широкой автономии, предоставленной остготам. Можно предположить, что готы на Боспоре, подобно остготам, зная свирепости гуннов, и не желая идти с ними в конфронтацию, договариваются с последними, получая широкую автономию. Боспорское царство попадает в зависимость от гуннов. Вероятно, оно должно было выплачивать гуннам некую дань, как это делали в V в. н.э. Восточная и Западная империи [25, с. 26-50], выступать как торговый и ремесленный центр в тылу племенного союза [14, с. 200], предоставлять гуннам войска, или выступать воинским резервом для гуннских орд [7, с. 104], в их многочисленных походах на Кавказ и Закавказье. Вместе с этим, в начале V в. н.э. происходит обезлюдивание степей Северного Причерноморья. Многие исследователи связывают это с тем, что орда гуннов, в первые десятилетия V в. н.э., уходит на запад и уводит местное население с собой [9, с. 194]. Кочевое население Крымского полуострова также уходит на запад, а вместе с ним, вероятно, большая часть сармато-алан Боспора. Таким образом, в Боспорском царстве создается благоприятная ситуация для узурпации готами из «державы Германариха» власти. Получается, что на территорию Боспора распространялся протекторат гуннского племенного союза, а реальная власть принадлежала варварской готской знати.

Мы полагаем, что данная внутривосточная ситуация, в той или иной степени, могла продолжаться вплоть до начала второй половины V в. н. э., а именно разгрома гуннского племенного союза в сражении при Недао в 454 г. н. э. [36, р. 152–153], серии других поражений гуннов в 463 г. н. э. (*Prisc. fr.* 4, 37) и 469 г. н. э. (*Procop. Bell. Got.*, VIII. 5), и миграции племен гуннов-утигуров в степи Северного Причерноморья. Развал державы Атилы естественно приводит к независимости всех подчиненных гуннам народов, в том числе Боспорского царства. Появление в степях Таврии агрессивных настроенных номадов создает проблему для Боспора. Однако, судя по всему, орда утигуров был не столь сильна, как орда гуннов. Прокопий Кесарийский сообщает, что в Крыму утигуры встретились с «готами-тетракситами», готовыми сражаться с пришлыми кочевниками (*Procop. Bell. Got.*, VIII, 5). Место этого противостояния локализуется в районе Казантипской бухты, недалеко от с. Верхнезаморское [16, с. 349–354; 17, с. 90–96]. Прокопий продолжает, что утигуры и готы идут на переговоры и договариваются вместе переселиться на противоположную сторону Керченского пролива, где должны править вместе как союзники (*Procop. Bell. Got.*, VIII, 5).

Возникает вопрос, почему готы покинули пределы Боспорского царства и переселились вместе с утигурами на Тамань? Даже если не соглашаться с вышеизложенной нами позицией о готской властной верхушке на Боспоре, исход с хорошо знакомых и облагороженных мест, и совместное с номадами переселение в новые неподготовленные земли, кажется неблагоприятной идеей. Несомненно, утигуры знали кто такие готы. Последние были как частью гуннского племенного союза (Iord. Get., 250), так и выступали против него. Готы составляли часть армии, разгромившей гуннов при Недао (Iord. Get., 261–262). В этой связи мы полагаем, что переговоры между утигурами и готами, о которых сообщает Прокопий, не были столь дипломатичным. Вероятно, утигуры угрожали готам, а сами готы в этой ситуации были не столько равноправными союзниками, сколько заложниками. Этим решением, утигуры выполнили сразу две задачи: включили готов с свой племенной союз, тем самым усилив свою орду; подготовили на Боспоре почву, для создания собственного протектората, либо беспрепятственного паразитирования.

В период с последней четверти V по первую четверть VI вв. н. э. на Боспоре распространяется протекторат гуннов-утигуров, однако нельзя говорить о полном подчинении Боспорского царства. Силы утигуров были недостаточны для того, чтобы создать подобную гуннскому племенному союзу государственную систему. Они ограничивались несистематическими набегами на территорию Боспора, фактически паразитируя на нем. Появление надписи, упоминающей о царе Диуптуне (КБН 67), датированной 483 г. н. э., указывает на кардинальное изменение внутривластной ситуации в Боспорском царстве. Появление на Боспоре впервые за полтора столетия надписи с упоминанием боспорского царя, использование в этой надписи родового имени Тиберий Юлий и оборота «друг цезаря и римлян», несомненно, говорит нам о переориентации политики местной знати на Империю. Упоминаемые в надписи боспорские чиновники и их должности, а также информация о постройке (восстановлении) башни, говорят нам о значительной роли Византийской империи, в жизни государства в период правления этого царя. Должности явно скопированы с имперских должностей, что отмечает Ю. В. Виноградовым [12, с. 246], а строительные работы на Боспоре в это время сложно представить без финансирования извне. Мы полагаем, что исход готов с Боспора во второй четверти V в. н. э. создает внутри государства такую ситуацию, при которой варварская знать, выступавшая против подчинения империи и преобладавшая в течение полутора веков, либо совсем исчезает, либо полностью теряет свое влияние. Исход готов так же поставил царство в сложную внешнеполитическую ситуацию, ведь вместе с готами ушел значительный воинский контингент, осуществлявший оборону государства. Вероятно, все внутренние резервы Боспорского царства были исчерпаны, и оно не могло существовать без какого-либо покровителя. В этой ситуации, ориентация на Константинополь кажется вполне логичной. Нам не известны монеты царя Диуптуна, что может говорить, либо об отказе империи субсидировать боспорскую монетную эмиссию, либо неспособности Боспора в принципе чеканить свои

монеты. Нам кажется, что оба варианта, в равной степени, имеют право на существование и отражают ситуацию на Боспоре в конце V в. н. э.

Таким образом, вырисовывается картина внутривосточной ситуации на Боспоре, начиная с середины IV в. н. э. вплоть до первой четверти VI в. н. э. Мы можем разделить ее на несколько периодов:

1. Правление на Боспоре сармато-аланских знатных родов (середина – 80-е г. IV в. н. э.);
2. Правление на Боспоре гото-аланской знати (80-е г. IV в. н. э. – рубеж IV–V в. н. э.);
3. Попадание Боспора в сферу влияния гуннского племенного союза на правах автономии, при фактическом правлении готской знати (рубеж IV–V вв. н. э. – третья четверть V в. н. э.);
4. Протекторат племен гуннов-утигуров на Боспоре, при ориентации боспорской знати на Византийскую империю (третья четверть V в. н. э. – первая четверть VI в. н. э.).

Библиографический список

1. Абрамзон, М. Г. Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.) / М. Г. Абрамзон, Е. А. Молев // ВДИ. – 2016. – № 76/2.
2. Абрамзон, М. Г. Клад позднебоспорских статеров из села Гай-Кодзор (1986 г.) / М. Г. Абрамзон, А. М. Новичихин, И. А. Сапрыкина // ВДИ. – 2019. – № 79/3.
3. Абрамзон, М. Г. Клад позднебоспорских статеров из окрестностей Гермонассы (2016 г.) / М. Г. Абрамзон, Н. И. Сударев // РА. – 2018. – № 1.
4. Абрамзон, М. Г. Корпус боспорских кладов античных монет / М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова // Боспорские исследования, Suppl. 2. – Т. I (1834–2005 гг.). – Симферополь; Керчь, 2007–2008.
5. Айбабин, А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь, 1999.
6. Амброз, А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей / А. К. Амброз // Боспорский сб. – 1992. – № 1.
7. Амброз, А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы / А. К. Амброз // СА. – 1971. – № 2.
8. Блаватский, В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. / В. Д. Блаватский // МИА. – 1962. – № 103.
9. Буданова, В. П. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты / В. П. Буданова. – СПб., 2011.
10. Васильев, А. А. Готы в Крыму / А. А. Васильев // ИРАИМК. – Т. 1. – М., 1921. – Ч. 1.
11. Виноградов, А. Ю. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.) / А. Ю. Виноградов, В. А. Горончаровский. – СПб., 2008.

12. Виноградов, Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия / Ю. Г. Виноградов // ВДИ. – 1998. – №1.
13. Гайдукевич, В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке / В. Ф. Гайдукевич // СА. – 1940. – Т. VI.
14. Гайдукевич, В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. / В. Ф. Гайдукевич // МИА. – 1952. – № 25.
15. Голенко, К. В. Клад 1962 г. из Кеп / К. В. Голенко, Н. И. Сокольский // НЭ. – 1968. – № VII.
16. Ермолин, А. Л. Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а так же путь их продвижения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в. н. э.) / А. Л. Ермолин // БФ. – 2005.
17. Ермолин, А. Л. Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове / А. Л. Ермолин // ДБ. – 2006. – Вып. 9.
18. Засецкая, И. П. Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – 1-й пол. V в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Т. III. – Симферополь, 1993.
19. Зиньковская, И. В. К исторической оценке остроготского королевства Эрманариха / И. В. Зиньковская // *Via in tempore*. История. Политология. – 2015. – № 1 (198).
20. Зограф, А. Н. Античные монеты / А. Н. Зограф. – М., 1951.
21. Иоанн Златоуст. Творения. – СПб., 1900. – Т. 3.
22. Казанский, М. М. Готы на Боспоре Киммерийском / М. М. Казанский // Сто лет черняховской культуре. – Киев, 1999.
23. Масленников, А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. / А. А. Масленников. – М., 1990.
24. Мацулевич, Л. А. Серебряная чаша из Керчи / Л. А. Мацулевич. – Л., 1926.
25. Менхен-Хельфен, О. История и культура гуннов / О. Менхен-Хельфен; Пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М., 2014.
26. Онайко, Н. А. Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища / Н. А. Онайко // КСИА. – 1967. – № 109.
27. Рябцева, М. Л. Боспор и германцы в конце IV – середине VI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Л. Рябцева. – Ставрополь, 2009.
28. Салов, А. М. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) / А. М. Салов // СА. – 1975. – № 3.
29. Сидоренко, В. А. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров / В. А. Сидоренко // МАИЭТ. – 2011. – XVII.
30. Симоненко, А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – Изд. 2-е. – Киев, 2015.
31. Сиротенко, В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. / В. Т. Сиротенко. – Пермь, 1975.
32. Фролова, Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI / Н. А. Фролова // СА. – 1975. – № 4.

33. Харко, Л. П. Тиритакский монетный клад 1946 г. / Л. П. Харко // ВДИ. – 1949. – № 2.
34. Шкорпил, В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. / В. В. Шкорпил // ИАК. – № 25. – СПб., 1907.
35. Frolova, N. A. A hoard of Bosporan copper coins (1st – mid 4th century AD) found in Kerch (1995) / N. A. Frolova // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. – 7/3–4, 2001.
36. Thompson, E. A history of Attila and the Hunns / E. Thompson. – Oxford, 1948.
37. Wolfram, H. *Die Gothen* / H. Wolfram. – Munchen, 2000.

УДК 94(470.1/2 + 470.2)“19”

**ПЕРВЫЙ ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИИ:
СОЗЫВ ЗЕМСКОГО ВОЙСКА В 1806–1807 гг.
И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ СБОРА ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1812 г.**

М. А. Белан

mikhailbelan@mail.ru

Оксфордский университет

Аннотация. В статье рассмотрен опыт создания земского войска, или милиции, в 1806–1807 гг. и его значение для создания ополчения 1812 г. Милиция стала первой попыткой ответить на новые вызовы эпохи, включая военные, путем всеобщей мобилизации людских и материальных ресурсов: мобилизация проходила по сословному принципу, что больше подходило реалиям России и предопределило специфические черты милиции и ее значение для русского общества. В качестве примера изучена организация сбора ратников и пожертвований в уездных городах Санкт-Петербургской губернии. Проведено сравнение милиции с ополчением 1812 г. и формами мобилизации, использовавшимися в Западной Европе.

Ключевые слова: земское войско 1806–1807 г., милиция, земское ополчение, Отечественная война 1812 г., пожертвования, ратники, мобилизация, уездный город.

UDC 94(470.1/2)“19”

**THE FIRST MOBILIZATION EXPERIENCE:
RAISING ZEMSKOE VOJSKO IN 1806-1807 AND ITS ROLE
FOR THE ORGANISATION OF THE PEOPLE'S MILITIA IN 1812**

M. A. Belan

mikhailbelan@mail.ru

University of Oxford

Abstract. The article examines the experience of creating “zemskoe voisko”, or militia, in 1806–1807 and its importance for the organisation of the People’s militia in 1812. Militia became Russia’s first response to new challenges of the epoch including mass war threats, an attempt to effectively mobilize human and material resources. The first militia took form of a class-based national mobilisation, which better correlated with Russian realities and predetermined militia’s peculiarities and its role for the Russian society. Supplies of militiamen and collection of donations have been explored on the example of district towns of St. Petersburg province. A comparison with 1812 militia and mobilisation measures available in Western Europe is offered.

Keywords: zemskoe voisko of 1806–1807, first militia, the People’s Militia of 1812, the Patriotic War of 1812, donations, militiamen, mobilisation, district town.

В данной работе рассмотрен первый опыт мобилизации людских и материальных ресурсов России: сбор земского войска, милиции, в 1806–1807 гг. В отличие от земского ополчения 1812 г. [1], милиция практически не изучалась (сложилась традиция воспринимать милицию лишь в качестве эпизода «войны монархов» [9, с. 493]).

С Великой Французской революцией и началом революционных и наполеоновских войн страны Европы столкнулись с новым масштабом вызовов. Франция предложила во многом более прогрессивную модель экономического, социального и политического устройства [12, с. 115–116], в том числе позволявшую осуществлять эффективную мобилизацию всей нации (французская армия с 1798 г. комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности). Ответом на новые реалии стал рост военных расходов континентальных держав, реформы в военной сфере и ряд программ более широких преобразований, направленных на повышение конкурентоспособности стран и расширение возможностей для мобилизации [25, с. 3].

В России в XVIII в. сформировался особенный экономический, социальный и политический строй, и к 1800-м гг. возможные пути мобилизации ресурсов, которыми располагала правящая элита, отличались от тех, что были в распоряжении правительств Западной Европы. Определим эти отличия, сопоставив условия, в которых находилась высшая власть России в начале XIX в., прежде всего с Францией и Британией. В историографии последних десятилетий важное место занимает проблема взаимосвязи на переходном к Новому времени этапе между развитием государственного аппарата, фискально-административными инновациями и ростом постоянных армий и масштабов военных конфликтов. Ряд исследователей, в частности Д. Брюэр [24], связывают военную революцию XVII в. с появлением и развитием в XVIII в. нового типа государства, т. н. *fiscal-military state*, в том числе предлагая заменить этим термином понятие абсолютизма. Термин военно-фискального государства применим к Британии XVIII в., отчасти к Франции (после революции 1789 г.), Пруссии – однако должен использоваться аккуратно. К России он в полной мере не применим. Но перемены в континентальных странах действительно имели ряд общих черт: совершенствование налоговой системы, активное развитие центральной и местной бюрократии, рост армии и военных расходов [25, с. 3].

Рассмотрим специфику, преимущества и ограничения экономической, финансовой и военной модели России в контексте возможностей мобилизации.

Д. Хартли, анализируя победы России в войнах с Наполеоновской Францией, демонстрирует, что возможности России для мобилизации людских, финансовых, материальных ресурсов были достаточно велики [25, с. 3]: это позволило стране в непростых экономических условиях резко увеличить размер армии (с 450 000 в 1801 г. до почти 1 000 000 в конце правления Александра I [6, с. 12, 15]), финансировать перевооружение, масштабные кампании, а также внутренние реформы, в целом удовлетворяя потребности армии и внутреннего рынка собственной промышленной продукцией. При этом подчеркивается, что в основе

успешного государственного, экономического, военного развития России в XVIII в. лежали иные факторы, чем в Западной Европе [25, с. 70–82]. Поэтому и мобилизация в начале XIX в. должна была проходить особым путем.

Армия комплектовалась на основе рекрутской повинности, практически пожизненно отрывавшей рекрутов от их семей и обществ (в 1793 г. срок службы был сокращен до 25 лет [25, с. 6]). Л. Г. Бескровный отмечал, что к концу XVIII в. такая система комплектования армии уже не отвечала новым реалиям. Главной проблемой была невозможность иметь обученный резерв на случай войны: приходилось тратить средства на содержание большой постоянной армии [6, с. 70].

Далее, в XVIII в. развитие российской промышленности во многом происходило за счет активного привлечения крепостного труда, что тормозило зарождение классов капиталистических рабочих и промышленников, а также начинало сказываться на техническом прогрессе (например, с начала XIX в. стагнирует рост производства железа, падает его экспорт [25, с. 93]).

Наконец, налоговая и кредитная система России развивалась медленно. К концу XVIII в. основные направления усовершенствований в Европе включали: расширение налогообложения на привилегированные классы, улучшение сборов косвенных налогов, развитие кредита, в том числе внутреннего госзайма [24, с. 73–108]. Все это предопределило специфику мобилизации ресурсов в Европе. Так, в Британии войны во многом финансировались за счет наращивания займа у населения через Банк Англии и компании-посредники [24, с. 73–108]. В 1800 г. Наполеоном I по образцу английского был основан Banque de France. В 1799 г. Британия ввела прогрессивный подоходный налог – включая и на доход с земель дворян – именно как мобилизационную меру для войны с революционной Францией: налог отменили в 1816 г. [26, с. 3] (распространение налогообложения на привилегированные классы было острой проблемой везде – в том числе став одной из причин французской революции). В России большую роль играла подушная подать, купечество облагалось по размеру семейного капитала, а не по объему реальной торговли [17, с. 42], а растущая торговля крестьян стала облагаться только с 1812 г. [10, с. 117]. Медленно развивался – с сер. XVIII в. – и банковский сектор России, прежде всего займы у населения и кредит [11, с. 106–127].

В итоге в России к началу XIX в. были доступны свои пути мобилизации. Расходы бюджета постоянно увеличивались (активная внешняя политика требовала роста военных затрат), и курс ассигнационного рубля стал снижаться со второй половины 1780-х гг. Подати и госдолг стали расти. В 1780-х – 1810-х гг. подушная подать с крестьян и мещан пересматривалась несколько раз, как и гильдейский сбор с купеческого капитала и требования к размеру последнего [17, с. 42–43]. Внешний долг начал увеличиваться в правление Екатерины II (при Екатерине, Павле I и до 1811 г. внешние займы оформляла контора придворных банкиров), но еще больше с началом войн Александра I (к 1807 г. – 43,5 млн руб. [11, с. 134]). Предложенная в 1810 г. программа финансовых преобразований М. М. Сперанского и М. А. Балугьянского была в первую очередь направлена на стабилизацию денежного обращения [11, с. 126], но рост госрасходов и сложная

экономическая конъюнктура, сложившаяся в результате присоединением России к континентальной блокаде, мешали ее исполнению. Курс ассигнаций к 1810 г. упал до 25 коп. серебром. В 1810–1812 гг. были резко повышены подати, таможенные сборы и акцизы, а с апреля 1812 г. подати (установленные в серебре) стали взиматься ассигнациями по курсу 2 к 1 [11, с. 131]. Вместе с тем в феврале 1812 г. Россия стала второй после Британии страной с прогрессивным подоходным налогом, которым облагались дворяне (от 1 до 10 %; налог был отменен в 1819 г. [26, с. 5]).

Однако проблемы нарастали и в Западной Европе. Британия и Франция часто рассматриваются как страны, умевшие эффективно мобилизовать людские и финансовые ресурсы на время войн. Но и в Англии к концу XVIII в. растут госрасходы и госдолг [24, с. 31]. А обратной стороной развертываемых армий были проблемы, связанные с демобилизацией: рост преступности, нищеты, армии бродяг. Проблемы возникали и при мобилизации: так, с началом военных действий в английский флот силой и обманом забирали моряков торгового флота [24, с. 41]. В результате Д. Хартли призывает считать Российскую империю – с ее большой армией и менее эффективными финансами – скорее демилитаризованной страной, а не «гарнизонным государством»: рекрутская и постоянная повинности были тяжелы, но в целом военные проблемы затрагивали меньшую часть общества, чем в Европе [25, с. 210].

В таких условиях России приходилось с конца 1780-х гг. проводить активную внешнюю политику. Но совсем иной масштаб вызовов обозначился с вступлением Александра I в войну Зей антифранцузской коалиции (1805 г.), а осенью 1806 г. – в войну 4й коалиции. После быстрого разгрома и оккупации Пруссии в ноябре 1806 г. реальной стала угроза вторжения французской армии в Россию.

Императорским манифестом от 30.11.1806 г. было объявлено о созыве земского войска [13, № 22374]. Таким же образом манифестами от 6 и 18.07.1812 г. будет возведено о сборе земского ополчения [15, № 25176, № 25188] (здесь и далее даты приводятся по старому стилю). Цель этой работы – определить сущность милиции в контексте моделей мобилизации людских, финансовых и материальных ресурсов, известных в России и Европе – путем проведения анализа замысла и практического воплощения милиции в течение 1807 г. (как отмечал С. Гулевич, «милиция 1806–1807 годов представила собою совсем не то, что предполагалось создать первоначальными правительственными актами» [8, с. 18]). Исследовав ошибки и уроки милиции, можно лучше оценить сборы властями земского ополчения в 1812 г.

Необходимо (1) рассмотреть обращения в манифестах и (2) определить, чем стала милиция на практике для каждого сословия. Большое место занимает изучение остающегося дискуссионным вопроса добровольности [1, с. 37–41; 9, с. 163, 175–182; 27, с. 149], что позволяет оценить, как в действительности милиция должна была восприниматься современниками, принадлежащими к разным социальным группам (как форма повинности или добровольная помощь). Следует и (3) оценить широкий контекст создания земского войска – как не только

военной меры – но и как важный социальный, хозяйственный и политический проект; выделив его на фоне западных вариантов мобилизации – и дав оценку значению милиции для русского общества.

Чтобы лучше понять, как воспринимался сбор милиции общинами и отдельными людьми, какие практики использовались в реальности, были изучены дела о милиции и ополчении 1812 г. из фондов дум городов Санкт-Петербургской губернии, хранящиеся в ЦГИА СПб и РГИА (Новая Ладога, Гдов, София – все эти города входили в состав единого, исторически устоявшегося региона [3, с. 238]).

По всей видимости, идея сбора ополчения исходила от Александра I, хотя высказывались и другие версии (так, называлось имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны [8, с. 3]). При создании земского войска, очевидно, были приняты к сведению уже обсуждавшиеся проекты путей реформирования армии (например, система кантонов), а также опыт создания временных вооружённых сил в Европе, что отразилось и во втором названии ополчения – «милиция». Следует упомянуть всеобщее вооружение во Франции в 1793-94, *Levée en masse* (предшествовавшее утверждению системы конскрипции), создание французской национальной гвардии, а также британскую милицию, созданную актом о милиции 1757 г. и собиравшуюся во время войн для защиты страны [24, с. 26] (например, в 1805 г., в ожидании высадки французской армии, было собрано более 500 000 человек [27, с. 149]).

В итоге от податного населения – казенных, удельных, помещичьих крестьян и мещан – потребовалось выставить определенное число ратников от 17 до 50 лет; от купечества ожидалось внесение «добровольных» пожертвований [13, № 22385, 22389]. Дворяне могли помимо поставки ратников из числа крепостных вступать в милицейскую службу офицерами – но назначались на должности сотенных, пятисотенных, тысячных начальников по решению дворянских собраний (преимущество отдавалось имевшим боевой опыт [13, № 22385]). Церкви отводилась роль духовной мобилизации: в декабре 1806 г. в церквях зачитывали объявление Синода, разоблачавшее Наполеона I как антихриста [13, № 22394]). Однако некоторые иерархи, монастыри, подворья вносили и денежные пожертвования в частном порядке [7, с. 538]. Страна была разделена на семь областей во главе с главнокомандующими областных земских войск милиции: им подчинялись губернские командующие земских войск, а от гражданских губернаторов было передано ведение губернскими и штатными ротами [13, № 22374] (схожим образом в 1812 г. будет создано 3 округа «ополчающихся» губерний» [9, с. 174]). Планировался сбор 600 000 человек милиции: в западных областях были даны указания в течение 2 недель выбрать по 1 ратнику от каждых 16 д.м.п. [22, с. 2], снабдив их одеждой, 3-месячным провиантом и жалованьем (3 р.; в 1812 г. – 6 р.) за счет общин (или помещика), а также оружием. Одежда отличалась от формы рекрут, и ратникам не брили бород и «лбов», что должно было уверить людей во временном характере милиции [13, № 22374, 22385]. На время службы с общин за ратников не взимались подати [13, № 22496].

В итоге, для крестьян и мещан милиция фактически предполагала обязательную поставку людей: то есть это была экстраординарная форма воинской

повинности. Та же ситуация повторится в 1812 г.: несмотря на большое число волонтеров, основную часть ратников в оба ополчения назначали собрания обществ и помещики [9, с. 177–178]. Однако опыт милиции показал, что система назначения в службу «приговором» общества – согласно которой общины выбирали рекрутов (в свободной деревне и в городе) – для назначения и поиска большого числа людей в ополчение требовала больше времени. Также сложно было срочно собрать крупные суммы на экипировку и провизию для ратников.

Сложнее определить сущность купеческих пожертвований. Так, в отношении пожертвований в 1812 г. существуют разные мнения: в частности, можно ли считать взносы купцов на ополчение добровольной (благотворительной) материальной помощью [4, с. 61] или частью повинности военного времени [5, с. 49] (важно понять, как это понималось современниками).

В 1806–1807 гг. купцы применяли общинную схема сбора (так будет и в 1812 г.). Сделана была срочная раскладка: участие в сборе было обязательным. Основной принцип в изученных городах был один: собирали фиксированную сумму с каждой д. м. п. Так, в Новой Ладогe взнос на милицию составлял 25 р. с души (20, л. 13; столько же, видимо, брали и в 1812 г. [21, л. 33]). Так же собирали складку в Гдове, Софии, и – для сравнения – в Серпухове, одном из главных центров текстильного производства Московской губернии [3, с. 105] (по 33,33 р. [23, л. 12]). Но богатые купцы везде давали на милицию «сверх» [20, л. 31–32; 22, л. 25об.]. Насколько велик был обязательный сбор? До 1807 г. 25 р. составлял годовой гильдейский сбор с семьи. Значит купцы (а их семьи были крупными) отдали на милицию суммы, эквивалентные нескольким годовым «налогам».

Насколько планы по созданию милиции разошлись с реальностью? Планировался сбор 600 000 войска. Но уже в январе 1807 г. стало ясно, что сбор займет не недели, а месяцы. Были сложности в общинах, от которых требовалось в несколько раз больше людей, чем в самые тяжелые рекрутские наборы [6, с. 71–74]. Не хватало оружия в арсеналах. Когда же ратники были назначены, общества жаловались, что в отсутствие указаний они содержат массу людей, оторванных от работы для «упражнений»: в январе 1807 г. было разрешено отпускать ратников под подписку домой и даже выдавать паспорта (количество запросов которых показывает, что уже в эти годы многие уходили на заработки [16, л. 37–38, 50–51]). В марте 1807 г. было приказано собирать 200 000 человек (треть назначенных), назвав это войско «подвижной милицией» [13, № 22496]. Но только малая часть милиции – несколько «батальонов стрелков», сформированные раньше всего – приняли участие в военных действиях: К. Н. Батюшков, вступивший в милицию в качестве офицера Санкт-Петербургских стрелков, описал героизм, проявленный ратниками в боях в Восточной Пруссии [2, с. 70]. В то же время трехмесячный провиант и жалованье в марте было приказано изъять по изначальному числу людей – однако вывоз затягивался. Запасы предписали продать, сдав деньги в казначейство: аукционы в городах проходили еще в 1808–1809 гг. [16, л. 120; 20, л. 75–100]. Самих же ратников в сентябре 1807 г. было решено зачислить как рекрутов в армию, выдав за них помещикам и обществам рекрутские квитанции (набор 1807 г. был отменен) [13, № 22634, 22636].

К весне 1807 г. угроза вторжения миновала, и в июне был заключен Тильзитский мир: проблемы со сбором «временной народной силы» не оказались причиной поражений, но стали ценным уроком мобилизации. В 1808–1809 гг. был принят ряд норм, регулировавших назначение в службу обществами: в частности, уменьшилось количество злоупотреблений практикой назначения в службу за «пороки» «вперед» других, существовавшей с 1760-х гг. [14, с. № 22982, 23872]. А рекрутский устав 1810 г. решил главную проблему: четкая система семейных очередей пришла на смену выбору семей согласно традициям, принятым в общинах [6, с. 71]. В итоге снизилось число конфликтов и апелляций к губернатору на решения обществ, что ускорило процесс назначения рекрутов и ратников: в 1812 г. уже к концу июля (менее месяца со дня первого манифеста) города прислали почти всех полагавшихся с общин ратников [18, 19]. В то же время в казенной деревне ополчение решено было заменить рекрутскими наборами. Купцы в 1812 г. собирали такой же общинный сбор: при этом иногда (как в Новой Ладогe) сборы в 1807 г. оказались выше, чем в 1812 г. [20, 21]. Очевидно: вклад русского общества в милицию заслуживает дальнейшего изучения.

Первый опыт мобилизации не привел к отмене рекрутской системы и не вызвал других крупных реформ: в ожидании нового конфликта они откладывались. Постоянной полувоенной силы не появилось. Среди причин была и оппозиция дворянства, и в 1807 г., и в 1812 г. опасавшегося, что вооружение народа может вызвать новую «пугачёвщину» [9, с. 124]. Но на начавшемся этапе массовых войн и экономического противостояния, когда все государства искали ответ на новые вызовы, Россия удачно опробовала свою модель мобилизации людских, финансовых, материальных ресурсов. Ее можно называть всеобщей, государственной, всенародной. В России мобилизация строилась по сословному принципу: каждое сословие выполняло свою часть «службы». Но именно этот вариант оказался наиболее подходящим в российских реалиях: это доказал опыт 1812 г., когда мобилизация проходила гораздо успешнее – после учета ошибок организации земского войска в 1806–1807 гг. Кроме того, совместное исполнение обязанностей государственного масштаба в экстраординарных условиях служило сближению различных социальных групп: милиция – первая всеобщая мобилизация – сыграла важную консолидирующую роль для развития русского общества.

Библиографический список

1. Бабкин, В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / В. И. Бабкин. – М.: Соцэкгиз, 1962.
2. Батюшков, К. Н. Собрание сочинений: В 2 т. / Под. ред. А. Л. Зорина. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 2.
3. Белов, А. В. 1812 год в судьбе русского города / А. В. Белов. – М.: Полит. энцикл., 2018.
4. Белоусов, С. В. Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года / С. В. Белоусов // Вестн. СамГУ. – 2010. – № 3 (77).

5. Бессонов, В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. / В. А. Бессонов. – Калуга: Золотая аллея, 2011.
6. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке / Л. Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973.
7. Горновский, И. А. Сто лет назад. Милиция 1806 – 1807 годов и пожертвования на нее / И. А. Горновский // Рус. архив. – 1904. – Вып. 8.
8. Гулевич, С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. / С. А. Гулевич. – СПб.: Экон. типо-литография, 1906. – Т. 1.
9. Лапина, И. Ю. Земское ополчение России 1812 – 1814 гг.: Исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: Дис. ... д-ра ист. наук / И. Ю. Лапина. – СПб., 2008.
10. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990.
11. Морозан, В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / В. В. Морозан. – СПб.: Крига, 2004.
12. Отечественная война и русское общество. 1812–1912: Юб. изд. / Под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. – Т. 5.
13. ПСЗ-1. – 1830. – Т. 29.
14. ПСЗ-1. – 1830. – Т. 30.
15. ПСЗ-1. – 1830. – Т. 32.
16. РГИА. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 907.
17. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
18. ЦГИА СПб. – Ф. 189. – Оп. 1. – Д. 96.
19. ЦГИА СПб. – Ф. 189. – Оп. 1. – Д. 140.
20. ЦГИА СПб. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 206.
21. ЦГИА СПб. – Ф. 685. – Оп. 1. – Д. 500.
22. ЦГИА СПб. – Ф. 881. – Оп. 1. – Д. 215.
23. ЦГА г. Москвы. – Ф. 1036. – Оп. 1. – Д. 107.
24. Brewer, J. The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783 / J. Brewer. – N. Y: Alfred A. Knopf. 1989.
25. Hartley, J. M. Russia, 1762-1825: Military Power, the State, and the People / J. M. Hartley. – Westport: Praeger, 2008.
26. Korchmina, E. S. Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia / E. S. Korchmina // EHES. – 2018. – № 144.
27. Russia and the Napoleonic Wars: (War, Culture and Society, 1750–1850) / J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven (ed.). – L.: Palgrave Macmillan, 2015.

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

Секция 1

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
СТРУКТУР
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

УДК 94(369.1)

**МЕСТО ХАРАТОНА В ИЕРАРХИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ
В НАЧАЛЕ V в. И ЕГО СООТНОШЕНИЕ
С ПОНЯТИЕМ «Ο ΤΩΝ ΡΗΓΩΝ ΠΡΩΤΟΣ»
В ИСТОРИИ ОЛИМПИОДОРА ФИВАНСКОГО**

А. А. Внук

artemivnukov@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается положение вождя гуннов Харатона в иерархии правителей, вторгшихся в последней четверти IV в. кочевников. Анализируя письменные источники и сопоставляя их с этнографическими материалами, автор приходит к выводу, что титул Харатона «ο των ρηγων πρωτος», который известен по сочинению Олимпиодора Фиванского, скорее всего связан не с преимущественным положением этого вождя над Донатом и Ульдином, а с генеалогическим старшинством. Автор статьи отмечает, что практика наследования власти по боковой линии была распространена у кочевников евразийских степей, и гунны не были в этом исключением.

Ключевые слова: гунны, варвары, кочевники, власть, Харатон.

UDC 94(369.1)

**THE POSITION OF CHARATON IN THE HIERARCHY
OF THE EUROPEAN HUNS AT THE BEGINNING
OF THE FIFTH CENTURY, AND ITS RELATIONSHIP
TO THE CONCEPT OF "Ο ΤΩΝ ΡΗΓΩΝ ΠΡΩΤΟΣ"
IN THE HISTORY OF OLYMPIODORUS OF THEBES**

A. A. Vnukov

artemivnukov@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. In the article examines the position of the Hun leader Charaton in the hierarchy of the rulers of nomads who invaded Europe in the last quarter of the IV century. Analyzing written sources and comparing them with ethnographic materials, the author concludes that the title of Charaton "ο των ρηγων πρωτος", which is known from the work of Olympiodorus of Thebes, is most likely associated not with the preeminent position of this leader over Donatus and Uldin, but with genealogical seniority. The author of the article notes that the practice of inheriting power on the lateral line was typical among the nomads of the Eurasian steppes, and the Huns were no exception to this.

Keywords: Huns, barbarians, nomads, power, Charaton.

Вопрос о социальном строе европейских гуннов и характере власти их вождей до сих пор является дискуссионным в научном сообществе [3, с. 124–125]. Ряд исследователей по-разному представляют себе организацию гуннского кочевого общества в Европе. Одни считают, что европейские номады унаследовали способ организации власти у сунну [15, р. 80], другие же полагают что такое положение дел было маловероятным, т. к. гунны за долгое время своего путешествия в Северное Причерноморье и на территорию венгерской Пушты потеряли культурную связь с азиатскими предками [1, с. 42–43; 2, с. 137–138, 148; 8, с. 155–160; 13, с. 37, 41–42]. Не исключено, что некоторые способы руководства подчиненными народами они могли заимствовать у каких-то племен, с которыми сталкивались в своем продвижении на запад [13, с. 37]

Древние авторы греко-латинского происхождения, которые оставили в своих сочинениях сведения о рассматриваемых кочевниках, в основном не описывали их повседневную жизнь. В большинстве случаев в источниках имеется информация о нападении этих варваров на провинции Римской империи и на соседние оседло-земледельческие варварские народы. Однако это не значит, что информации о социальном устройстве пришедших в Европу кочевников нет в позднеантичных текстах. Например, об организации власти у гуннов еще в первый период появления номадов в Европе писал Аммиан Марцеллин (330–400 гг.). Этот древний историк, который использовал в своем труде «*Res gestae*» (Деяние) свидетельства, вероятно, участников гунно-готских сражений в северо-причерноморских степях, отметил, что азиатские пришельцы не знают «строгой царской власти, но довольствуются случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин» (Amm. Marc., XXXI, 2, 7). Впрочем, надо сказать, что Аммиан не был единственным историком кто оставил подобные сведения. В более поздний период, когда империя установила дипломатические отношения с гуннами, по меньшей мере два Константинопольских дипломата, сочинения которых частично сохранились до сегодняшних дней, побывали в ставках вождей кочевников и видели их жизнь изнутри. В отличие от Аммиана Марцеллина они не пользовались искаженными данными в страхе бежавших от гуннов готов, а описывали то, что видели своими глазами.

Одним из этих двух послов к кочевникам был Приск Панийский (ок. 410 – ок. 475 гг.). В 448 г. он в составе дипломатической миссии Восточной Римской империи совершил путешествие ко двору Атиллы, сидел вместе с ним за одним столом и общался с его *λοῦαδοι* (Prisc., fr. 8), т. е. избранными или военной элитой [8, с. 226]. Оставленные записи дипломата о посольстве к гуннам содержат ценные сведения о быте европейских номадов, о их организации в степях и о их иерархической структуре. Однако в рамках рассматриваемого вопроса сочинение Приска интересно лишь в контексте данных о других представителях рода царских скифов и их взаимоотношениях с единовластным вождем Атилой, т. к. общество гуннов уже при Руа, было по своей организации возможно другим, чем в первый период появления этих кочевников в Европе. Д. А. Черниенко полагает,

что именно во времена Руа были заложены основы гуннской «государственности» [13, с. 37].

Тем не менее существуют иные точки зрения [6, с. 145; 8, с. 222–231; 9, с. 18–23; 16, р. 80]. Связаны они с именами первых гуннских вождей, о деятельности которых информации не так много. Например, сведения о Донате и Харатоне имеются только в одном древнем тексте, который до нынешних дней сохранился в законспектированном виде. Это текст второго восточно-римского посла к гуннам Олимпиодора из Фив. В 412 г. он отправился из Константинополя в северо-понтийские степи [3, с. 121–122; 6, с. 145–146; 18, р. 40], чтобы заключить договор, содержание которого не известно, с вождем номадов Донатом (Olimp., 18).

К сожалению, как было выше сказано, труд Олимпиодора не сохранился. Современники могут довольствоваться только законспектированным вариантом патриарха Фотия [10, с. 83–84]. И тем не менее даже те пять строк из экскурса о гуннах дают небольшое, но все же, представление об обществе кочевников в начале пятого столетия.

Фотий отметил, что Олимпиодор в написанном им труде «рассказывает о Донате, о гуннах, о замечательном искусстве, с которым риксы их стреляли из лука, и о том, как он, историк, был отправлен послом к ним и к Донату; пишет о своих трагических скитаниях по морю и об опасностях, и о том, как Донат, коварно обманутый клятвой, был преступно умерщвлен. Также о том, как Харатон, первый из риксов, распалился гневом за это убийство и как императорские дары умягчили и успокоили его» (Olimp., 18).

Стоит ли говорить, что законспектированные строки Фотия, каждый исследователь, что хоть как-то касался истории гуннов, интерпретирует по-разному? В научных публикациях нет четкого представления как организовывалась власть гуннов на подвластных им территориях в начале V века [3, с. 124]. Неизвестно были ли гунны сплоченными в единый союз под управлением определённого рода-фамилии или же находились в состоянии раздробленных и независимых племен, после того как с успехом завершились мероприятий по покорению оседлых народов [17, р. 66]; была ли должность их вождя наследственной [3, с. 128]. Также не ясна связь между Донатом, Харатоном и Ульдином. Была ли эта связь кровная или же они были самостоятельными военными вождями, которые управляли отдельными группами гуннов на подвластных территориях, после распада единой гуннской орды [2, с. 151–152; 11, с. 72; 18, р. 66–67].

Что касается Ульдина, то анализ материальных и письменных источников, дает право полагать, что этот вождь не имел никакого отношения к основному ядру евразийских номадов. Вероятно, под его руководством находились алпидзуры, итимары и тункарсы [7, с. 33] или же те гунны, которые были оппозиционно настроены по отношению к правящей аристократической верхушке [5, с. 149–152]. Во всяком случае его интересы были далеки от основной военной и политической линии, проводимой кочевниками в Причерноморье [6, с. 145],

а тезис высказанный Отто Зееком [17, с. 282] о том, что Руа и Октар были сыновьями и приемниками Ульдина крайне сомнителен.

Титул же Харатона «ο τῶν ρῆϋων πρῶτος», вероятно связан не с преимущественным положением этого вождя над Донатом и Ульдином, а с генеалогическим старшинством. Возможно, употребив этот термин, Олимпиодор в своем сочинении отразил принцип наследования власти у кочевников по боковой линии, т. е. от брата к брату или от дяди к племяннику. Отметим, что такая практика была распространена у кочевников евразийских степей, среди которых были и азиатские предки европейских гуннов. Возможно, кочевые народы, подчинявшиеся Донату и Харатону, не были в этом вопросе исключением, а сама улусно-лествичная система организации власти не была инновационной. Она применялась у многих евразийских номадов с глубокой древности [12, с. 191–199; 13, с. 41]. Похожее предположение высказал в 1962 г. советский историк и археолог М. И. Артамонов в работе «История Хазар», он отметил, что в Европе гунны выступают под начальством вождей одной фамилии, возглавлявший гуннский союз в порядке наследственной привилегии [1 с. 45]. По мнению же автора данной статьи, гуннский «царский род», вероятнее всего, начал формироваться в Северо-Причерноморских степях в конце IV в., когда легендарный рикс гуннов Баламбер взял в жены представительницу готской аристократической верхушки из династии Амалов [4, с. 78]. Однако, надо отметить, что формирование гуннского царского рода могло начаться еще до 370-х гг., т.к. существует вероятность возможных гунно-готских аристократических браков в то время, связывать которые стоит с именами готских вождей, потомков Германариха Гуннимундом и Гезимундом [14, с. 231].

Таким образом, можно сказать, что Харатон не был верховным риксом, которому подчинялись местные вождества гуннов, а был лишь старшим представителем одного рода-фамилии. Именно поэтому он стал следующим после Доната вождем гуннского кочевого объединения племен в Северном Причерноморье.

Письменные источники не противоречат такому положению дел, наоборот дополняют данное предположение. В статье «Возвышение потомков Баламбера как причина социально-политического кризиса в гуннском вождестве в конце IV – начале V в.» мы рассматривали возникшие противоречия в среде правящей верхушки кочевников, которые были связаны с борьбой их аристократии за власть в рамках сложившейся системы наследования [4, с. 76–81]. В той работе был рассмотрен ряд письменных источников, которые частично или более-менее подробно отражали данную картину. Среди них были и записки дипломата Приска о посольстве к Атиллу.

Так, упомянутый нами Приск Панийский сообщает, что Бледа и Атилла настойчиво требовали у имперских властей выдачи им бежавших из Скифии представителей правящей фамилии. Имена этих гуннов не известны, однако Приск уточнил, что они дети неких Мама и Атакама (Prisc., fr.1). При каких обстоятельствах эти кочевники бежали в империю, сказать сложно. Однако если предположить, что причиной их бегства была борьба за власть, как старших

представителей рода с младшими, то данное допущение многое объясняет. Особенно убийство их детей племянниками Руа, и стремление последних подчинить себе вместе с дядей гуннские народы, поселившиеся на Истре (Prisc., fr. 1). Действия такого рода не могли возникнуть внезапно в верхах гуннской элиты, и скорее всего имели давнюю традицию, которая могла сложиться за долго до правления Руа и Октара. Не исключено, что первые военные стычки аристократической верхушки европейских кочевников произошли в 390-е гг., что может также объяснять и распад гуннской конфедерации в начале V века.

Следовательно, в 412 г. при правлении Доната Харатон был одним из многих улусных, если использовать по примеру А. М. Хазанова [12 с. 196] тюркомонгольскую терминологию, представителей правящего рода, который после смерти старшего родственника – дяди или брата – занял более привилегированную позицию. Источники не дают более ни каких сведений о дальнейшей жизни и деятельности этого вождя. Однако можно предположить, что почти десятилетнее молчание греко-латинских авторов о гуннах после 412 г., говорит либо о нарастающих социальных противоречиях в обществе кочевников, либо об успешном заключении мирных договоренностей между империей и Харатоном. Надо отметить, что такие договоренности могли бы исполняться только при наличии сильной и централизованной власти. В совокупности все это доказывает, что гунны уже в начале V в. были непосредственно под управлением представителей одного рода.

Библиографический список

1. Артамонов, М. И. История Хазар / М. И. Артамонов. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
2. Бернштам, А. Н. Очерк истории гуннов / А. Н. Бернштам. – Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1951.
3. Буданова, В. П. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты / В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова. – СПб.: Алетейя, 2017.
4. Внуков, А. А. Возвышение потомков Баламбера как причина социально-политического кризиса в гуннском вожестве в конце IV – начале V в. / А. А. Внуков // Тульская историческая весна – 2020: Кризисы в истории обществ: разрушительное и созидательное: Материалы всерос. науч. конф. мол. ученых, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2020. – С. 76–81.
5. Внуков, А. А. Место Ульдиса в иерархии гуннских вождей / А. А. Внуков // Белгородский диалог – 2020: Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: Сб. материалов XII Междунар. молодежного науч. форума. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – С. 149–152.
6. Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.) / И. П. Засецкая. – СПб.: АО «Эллипс ЛТД», 1994.

7. Казанский, М. М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст / М. М. Казанский // *Tractusaevorum: Эволюция социокультурных политических пространств.* – 2014. – № 1. – С. 28–51.
8. Никоноров, В. П. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Атиллы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов / В. П. Никоноров. – СПб.: Петерб. востоковедение; М.: Филоматис, 2004.
9. Олимпиодор Фиванский. История / Пер., коммент. Е. Ч. Скржинской; Под ред. П. В. Шувалова. – 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 2017.
10. Скржинская, Е. Ч. Олимпиодор и его сочинение / Е. Ч. Скржинская // *Олимпиодор Фиванский. История.* – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 83–102.
11. Толль, Н. П. Скифы и гунны / Н. П. Толль. – Евразийское книгоиздательство, 1928.
12. Хазанов, А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А. М. Хазанов. – М.: Изд-во «Наука», Гл. ред. восточной лит., 1975.
13. Черниенко, Д. А. Гунны в Европе: (Историко-этнографический очерк) / Д. А. Черниенко. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2003.
14. Щукин, М. Б. Готский путь: (Готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005.
15. Hyun Jin Kim. *The Huns* / Hyun Jin Kim. – L.; N. Y.: Routledge, 2016.
16. Maenchen-Helfen, J. Otto. *The world of the Huns. Studies in Their History and Culture* / Otto J. Maenchen-Helfen. – Los Angeles: Univ. of California Press, 1973.
17. Seeck, O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Sechster Band.* / O. Seeck. – Stuttgart, 1920.
18. Thompson, E. A. *The Huns* / E. A. Thompson. – Blackwell Publishing, 2004.

УДК 94(37)

ВООРУЖЕНИЕ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ РИМСКОЙ АРМИИ I в. до н. э. – II в. н. э.: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

В. С. Глебов

scheuloff.vladimir@yandex.ru

*Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос идентификации вооружения солдат и офицеров римской армии периода поздней республики – ранней империи, который по многочисленным причинам остается до конца не решенным.

Ключевые слова: римская армия, археология, военная история, армия античности, вооружение, легионеры, идентификация.

UDK 94(37)

MILITARY EQUIPMENT OF SOLDIERS AND OFFICERS OF THE ROMAN ARMY I BC – II AD: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION

V. S. Glebov

scheuloff.vladimir@yandex.ru

*The State University of Humanities and Social Studies
(Kolomna, Russia)*

Abstract. The article addresses the issue of identification of the military equipment of the Roman Army soldiers and officers of the late Republic-early Empire period, which, for numerous reasons, remains unresolved.

Keywords: roman army, archeology, military history, the army of antiquity, military equipment, legionaries, identification.

Древний Рим был сильной военно-политической державой. Это государство оказало большое влияние на весь дальнейший процесс развития цивилизации, а совершенство некоторых структур и организаций не удалось превзойти до сих пор. Это в полной мере относится к древнеримской армии.

В этой связи одним из важных для исследования вопросов является вооружение рядовых римских солдат и младшего офицерского состава: насколько отличалось их вооружение и возможности выявления различий. Для изучения этой проблемы был выбран период поздней Римской республики – начало и «золотой век» Принципата (I в. до н. э. – II в. н. э.). Более ранняя эпоха – период класси-

ческой республики и царского Рима, не имеет какой-либо идентификации в снаряжении офицерского и солдатского составов, где занимаемый пост в армии, скорее всего, определяло мастерство солдат, срок службы и местническая знатность. Для более поздних эпох – поздний Принципат и Доминат имеется больше критериев для идентификации вооружения и снаряжения, и разница в оснащении солдат и офицерского состава прослеживается как и по археологическим находкам, так и по иконографическим изображениям.

Выбранная тема является спорной и дискуссионной. На данный момент имеется множество точно описанных археологических находок вооружения и иконографических памятников – надгробий римских солдат и офицеров, однако обобщенный труд на тему идентификации вооружений отсутствует.

Период военной истории поздней Римской республики характерен взлетом могущества римской армии, высокой технологической культурой снаряжения и вооружения солдат и офицеров, а также стабильным и высоким заработком военнотружущих [1, с. 47–59] [3, с. 25]. К солдатам в римской армии относились бойцы от рядового легионера до принципала, включая должности иммунов и деканов, к младшему офицерскому составу римской армии – служащие с занимаемой должностью от опциона до примипила, включая так же центурионов и командную группу сигниферов, аквилиферов, вексилариев, корнисинов и букциариев [1, с. 112–123]. Мы не имеем точных данных по идентификации вооружения и снаряжения солдат офицерского или солдатского состава. До нас не дошло военных уставов или каких-либо документов, упоминающих разницу между младшими офицерами и солдатами римской армии в вопросе вооружения. На данный момент единственным используемым критерием идентификации вооружения является декоративность найденного элемента. Находки дорогих ножен гладиусов из бывших военных римских лагерей Виндониссы, Майнца, а также затонувших судов у Порто-Веккьо и Рейна I в. н. э. [1, с. 348; 3, с. 34; 5, с. 235–255; 6, с. 40–41], личных пугио из Виндониссы, Вайзенау и Лондона [1, с. 350; 5, с. 245] или богато окантованного доспеха типа лорика сегментата [8, с. 1–24], не дают полной гарантии отнесения находки к солдатскому или офицерскому снаряжению, а их массовость доказывает лишь огромную поточность производства римского вооружения. Пример лорики сегментаты Калкризе особо примечателен, так как из-за бронзовой окантовки нагрудной пластины доспеха первоначально она трактовалась как элемент офицерского доспеха, однако недавняя находка немецких археологов близ Калкризе полного доспеха данного типа, с элементами окантовки деталей, отбросило прежнее предположение о принадлежности данного доспеха к офицерскому составу [4, с. 28; 8, с. 10–12]. Больше конкретики для идентификации принадлежности дают шлемы типа кулус I в. н. э. [3, с. 29], Вайзенау I в. н. э. [7, с. 41–43], имперского галльского типа F рубежа I–II вв. н. э. [9, с. 54, 56; 5, с. 235–255]. Богато украшенный, с множеством декоративных элементов, покрытый драгметаллом, посеребренный, с аппликационными элементами и креплением для перьев и плюмажа, скорее всего принадлежали младшему офицерскому составу, из-за большей трудопроизводимости и обилия индиви-

дуально-отличительных особенностей. Подобные элементы доспеха точно не могли быть в поточном производстве даже римской военной промышленности. Функционально же вооружение имеет абсолютно идентичные характеристики с солдатскими шлемами. Преимущества предположительно офицерского вооружения над солдатским не наблюдается.

Наиболее чёткий критерий разделения солдат и офицеров Римской армии – это надгробные памятники. Погребальные сооружения несут в себе целый комплекс данных: от имени, звания и занимаемой должности, до изображения легионера в полный рост в военной экипировке. Однако и здесь есть своя специфика. Воля заказчика в изображении себя посмертно в снаряжении, не соответствующем его собственному, могут исказить наше представление о внешнем облике солдат и офицеров римской армии по причине, иконографической традиции или банальной ошибке каменщика. Но даже с учетом этих обстоятельств именно надгробья дают понять комплекс вооружения эпохи и идентификации погребенного и занимаемой им должности в армии. На иконографических источниках младший офицерский состав отличается от рядового *изображением гребня на шлеме*, как на памятнике центуриона из Сен-Реми [7, с. 31–33]; *наличием в руке стимула или гастиса*, как на надгробиях Квинта Сертония Феста из Вероны [1, с. 135–157, 320], центуриона Марка Фавония [3, с. 42] и сигнифера Квинта Лукция Фавста из Майнца [6, с. 80]; *изображением поножей* как на надгробиях Квинта Сертония Феста из Вероны [1, с. 135], центуриона Марка Фавония [3, с. 42], сигнифера Квинта Лукция Фавста из Майнца [6, с. 80], а также Гая Валерия Секунда из Майнца [7, с. 31–33]; *ношение гладиуса* с левой стороны, как на надгробиях неизвестного из Майнца [1, с. 119], и сигнифера Квинта Лукция Фавста из Майнца [6, с. 80; 7, с. 36], а также *оснащение круглым щитом* – гошлоном или пармой как на надгробиях сигнифера Квинта Лукция Фавста из Майнца [6, с. 80] и Гая Валерия Секунда из Майнца [7, с. 31–36]. Последнее вызывает наибольшие вопросы из-за унификации вооружений и общего уровня уязвимости командира при таком оснащении, однако это одна из главных отличительных черт младшего офицерского состава по иконографическим изображениям.

Таким образом, мы показали, что вопрос идентификации вооружения и снаряжения солдат и офицеров в римской армии остаётся спорным. Нет точного критерия соотношения той или иной находки, элемента доспеха к принадлежности солдатскому или офицерскому слою армии. Археологические находки уникальных дорогих элементов вооружения могли принадлежать обоим описываемым группам. Наиболее точным критерием идентификации вооружения по археологической находке может являться шлем с элементами как декоративно-прикладными, так и статусно-идентификационным, а также иконографическое изображение, вкуче с археологическими находками и с учетом условности изобразительного языка, и устоявшейся традиции изображения.

Библиографический список

1. Махлаюк, А. В. Римские легионы: Самая полная иллюстрированная энциклопедия / А. В. Махлаюк, А. Е. Негин. – М.: Эксмо, Яуза, 2018. – (Лучшие воины в истории).
2. Д’Амато, Рафаэлле. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. – 192 г. н. э. / Рафаэлле Д’Амато; Пер. с итал. – М.: Эксмо, 2012. – (Военная история человечества).
3. Дандо-Коллинз, С. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи / С. Дандо-Коллинз; Пер. с англ. Н. Ю. Живлова. – М.: Центрполиграф, 2017.
4. Кован, Р. Римские легионеры. 58 г. до н. э. – 69 г. н. э. / Р. Кован; Пер. с англ. Н. А. Феногенова. – М.: АСТ; Астрель, 2005.
5. Коннолли, П. Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков / П. Коннолли; Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2009.
6. Негин, А. Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение / А. Е. Негин. – М.: Нестор-История, 2010.
7. Негин, А. Е. Римский декорированный доспех эпохи принципата / А. Е. Негин. – М.: Фонд «Русские витязи», 2020. – (Б-ка «Старого Цейхгауза»).
8. Bishop, M. C. Augustian Lorica Segmentata / M. C. Bishop // Ancient Warfare. – 2018. – XIII-1.
9. Robinson, H. R. Armour of Imperial Rome / H. R. Robinson // Arms and Armour Press. – 1975.

УДК 94(37).08

ФЕНОМЕН УЗУРПАЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДОМИНАТА

Н. А. Гудков

gudkovnikita1996@mail.ru

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*

Аннотация. В статье рассматривается феномен узурпации императорской власти в рамках политической системы домината, сформированной в ходе реформ Диоклетиана и Константина I. Содержится попытка определения узурпации власти как явления общественно-политической жизни Римской империи, анализируются основания для узурпации, а также роль армии в данных процессах.

Ключевые слова: узурпация, империя, император, армия, власть.

UDC 94(37).08

THE PHENOMENON OF USURPATION OF THE IMPERIAL POWER WITHIN THE POLITICAL SYSTEM OF DOMINATE

N. A. Gudkov

gudkovnikita1996@mail.ru

Belgorod National Research University

Abstract. The article examines the phenomenon of usurpation of imperial power within the political system of the dominate, formed during the reforms of Diocletian and Constantine I. It contains an attempt to define the usurpation of power as a phenomenon of the social and political life of the Roman Empire, analyzes the grounds for usurpation, as well as the role of the army in these processes.

Keywords: usurpation, empire, emperor, army, power.

На момент провозглашения Диоклетиана императором в 284 г. н. э. Римская империя существовала уже больше трех веков. В установленную первым римским императором Октавианом Августом систему правления, известную как принципат, были заложены основы монархического управления государством. Император Август сумел выстроить стройную систему институтов и магистратур, наладил управление государством, обеспечил внешнюю и внутреннюю безопасность, а также длительный период стабильности Pax Romana.

Однако, в механизм римской государственности с самого начала был заложен коренной «порок», подрывавший, по выражению известного историка

Майкла Гранта, «корни всей имперской системы. Этим пороком было отсутствие удовлетворительного способа обеспечения мирного перехода власти от одного императора к другому...» [1, с. 34]. Действительно, император, принцепс, как «первый среди равных», «конституционно» должен был избираться сенатом, однако выборы в период ранней империи являлись формальностью и фикцией, а сама роль сената в данный период катастрофически снизилась по сравнению с периодом Республики. В таких условиях, все больший политический вес приобретала армия, став основным политическим субъектом, от лояльности которого зависело сохранение позиций императоров. Без поддержки армии назначение «каждого последующего обладателя трона цезаря» становилось весьма затруднительным предприятием, а порой и вовсе невозможным [1, с. 34].

Если в период относительной стабильности и мощи Римской империи, в течение I–II вв. н. э. преданность армии позволяла обеспечить политическую стабильность, то после смерти императора Коммода (192 г. н. э.) конец правящей династии, экономический кризис, ухудшение положения целых слоев населения империи, а также все большее возрастание роли армии, привело к непрекращающейся гражданской войне и целой череде военных переворотов. Стоит отметить, что с начала «кризиса III века» до прихода Диоклетиана к власти «сменилось более 20 законных императоров, провозглашенных сенатом, а многочисленные узурпаторы правили, кто дольше, кто короче – частями империи» [3, с. 23, подробнее об этом см. 9].

Можно сказать, что армия в данный период, как основной элемент государственного аппарата, на котором во многом базировалась императорская власть, показала свою неустойчивость, и «военные мятежи стали настоящим знаменем времени» [6, с. 54]. Руководители восстаний из среды военных без проблем находили людей, готовых встать под их знамена. Как указывает автор анонимного трактата «О делах войны», обнищавшие слои населения не видели причин отказаться примкнуть к восставшим легионерам и попытаться улучшить свое положение (*De reb. bell.* II. 3).

Постоянная смена военных деятелей, организовывавших перевороты и мятежи, дробление, распад и сепаратизм отдельных территорий, общий кризис императорской власти и центрального правительства привели к тому, что феномен узурпации императорской власти становится во многом центральной проблемой общественно-политической жизни Римской империи.

Терминологически, узурпацию (от лат. *usurpatio* – овладение) можно определить как незаконный захват власти, присвоение чужих полномочий и прерогатив. Интересным является факт, что латинский глагол «*usurpare*» изначально значил «использовать», но уже в период кризиса III века и позднеантичный период семантика изменилась. «*Usurpare*» стало использоваться в значении «завладеть», «присваивать», а производное «*usurpator*» обозначать лицо, незаконно захватившее власть (3, с. 1049–1050). В таком значении данные термины использованы в трудах IV в. н. э., в частности, в сочинениях Святого Амвросия, Аммиана Марцеллина, Аврелия Симмаха, и т. д.

Применительно к исследуемому хронологическому периоду, феномен узурпации императорской власти заключается в объявлении в различные периоды и в различных регионах какой-либо частью римских легионов императором того или иного военачальника. Массовость таких случаев, даже при условии не всегда долгой продолжительности узурпации, была впечатляющей, и акты узурпации власти продолжали возникать из поколения в поколение [1, с. 36]. О количестве актов узурпаций мы не имеем точной информации. Громкие и успешные, или просто знаковые случаи отражены в письменных источниках, довольно существенную помощь оказывает в этом вопросе нумизматика, т. к. узурпаторы, получив признание части армии, пытались всячески укрепить свое положение, в том числе посредством чеканки собственной монеты.

Для узурпаторов вопрос легитимности их положения был центральным, определяющим успех всего дела. Именно поэтому арсенал методов, которым узурпаторы пытались приобрести поддержку общественного мнения, был самым разнообразным: от упоминавшейся выше чеканки монет (зачастую более высокого качества, чем монеты «законных императоров», как, например, в случае узурпатора Караузия) [10, с.80], до проведения собственных выборов в сенате, опираясь на заложенный еще во времена Августа «механизм приобретения легитимности» и даже отправления «просьбы» к действующему императору, или императорам, об утверждении их статуса (как это было, например, в начале политической биографии Константина I) [3, с. 173].

Упоминание в ряду узурпаторов Константина I не случайно, в том смысле, что разделение, существующее в историографии древнего Рима, правителей Римской империи на «законных» и «узурпаторов» во многом условность, нежели объективный указатель на способ приобретения власти. Все дело в том, что оказавшиеся и оставшиеся в ходе исторических перипетий на императорском троне государственные и военные деятели считались «законными», а их проигравшие визави «узурпаторами». Но зачастую, те кого именуют «законными» императорами, сами пришли к власти в результате или убийства предыдущего императора, или военного переворота, а также гражданской войны. Данный тезис можно процитировать обширной цитатой из труда историка А. Х. М. Джонса: «Когда в 306 году преждевременно скончался Констанций, армия быстро объявила его сына Константина августом в Йорке, и в этот же период Максенций, сын Максимиана, поднял восстание в Риме, поставил на престол своего отца, разгромил и убил Севера. Галерий признал Константина цезарем Галлии и Британии, но одновременно назначил Лициния августом Запада. Затем Александр, наместник в Африке, провозгласил себя августом: таким образом, в общей сложности семь августов управляли различными частями империи: Константин, Максимиан, Максенций, Александр, Лициний, Галерий и Максимиан. Все они, за исключением двоих, быстро были уничтожены...» [3, с. 44].

Как известно, победителем в этой растянувшейся на долгие годы, военно-политической борьбе стал Константин, который после победы над Максенцием в 312 г., и Лицинием в 324 г. вошел в историю как «законный» император

Константин I Великий. В то же время, ряд его политических противников были объявлены «узурпаторами».

Однако термин «узурпатор» применим не ко всем государственным деятелям, участвующим в борьбе за власть. Как провести границу между военачальниками, сражавшихся за императорский трон, кто из них «узурпатор», а кто имел законные права? Для общественного сознания римлян исследуемого периода, а именно IV–V в. н. э., т. е. периода политической системы домината, вопрос легитимности власти зависел от факта принадлежности кандидата к правящей династии, будь то династия «Иовианов-Геркулианов» Диоклетиана и соправителей [10, с. 75], или же династия Валента I.

Как мы уже говорили, в Римской империи не существовало законных прав наследования трона. Диоклетиан был последним из императоров, который считал, что кровное родство не должно приниматься во внимание при выборе наследника престола, если есть более достойные кандидаты. Однако чувство родства оказалось очень сильным и понятным, в частности, в армейских кругах. И, как отмечает А. Х. М. Джонс, «начиная с Константина, трон всегда переходил к сыновьям и другим ближайшим родственникам императора, даже если они еще были детьми [3, с. 171].

После краха искусственной схемы Диоклетиана, по которой два августа должны были отречься от престола одновременно, передавая полномочия цезарям, и назначив двух новых цезарей, законы кровного родства в политике получили еще большее признание. И императоры в дальнейшем старались гарантировать своим сыновьям или своим избранныкам права наследования, провозгласив их императорами заблаговременно. Уже Константин I отошел от схемы Диоклетиана, и вернулся к принципу наследственности, назначив цезарем своих сыновей и племянника по достижению ими совершеннолетия. Валентиниан I провозгласил будущего императора Грациана, своего сына, августом, когда ему исполнилось восемь лет. Так же поступил и Феодосий, чьи сыновья стали августами, будучи детьми, а Феодосия II провозгласили августом сразу после его рождения.

Таким образом, введение династического принципа наследственности престола во многом подвело основу легитимности имперского трона. Реальное или мнимое родство с императорской семьей давало основание на притязание императорской власти и служило в глазах населения достойным поводом поддержки такого претендента на власть. Но оно было не единственным.

В начале статьи мы указывали, что еще со времен принципата, и особенно во времена «кризиса III века», а также эпоху домината, роль армии в процессе наследования трона постоянно росла. В итоге, военачальники, понимая зависимость императорской власти от поддержки легионов, и те возможности, которые несет обладание троном, зачастую бунтовали, поднимая как масштабные, раскиданные на несколько провинций, так и локальные восстания. Такое положение было «результатом неразрешимой дилеммы: армия должна быть достаточно сильна, чтобы защитить границы государства, но если она достаточно сильна,

чтобы делать это, то значит она достаточно сильна, чтобы повернуть оружие против императора, как только один из военачальников призовет к восстанию» [1, с. 37].

Следует заметить, что писатели IV–V вв. обращали значительное внимание на феномен узурпации власти. Так, известный античный историк Аммиан Марцелин подчеркивал положительную роль армии в отношении избрания императоров, так как считал, что армия поддерживает кандидатов, прошедших определенный отбор среди претендентов на власть [1, с. 35]. Однако он же называл порожденные чрезмерной ролью армии в политической жизни восстания и военные мятежи «высшим дьявольством» [1, с. 38], указывая на последствия безопасности государства в случае нелояльности народа и армии императору.

Известный церковный деятель Августин, размышляя над последствиями военных мятежей и узурпаций, указывал, что: «Какое неистовство иностранцев, какая жестокость варваров могут сравниться с тем вредом, который наносят гражданские войны?» (1, с. 38).

А, например, известный римский поэт Клавдиан в отношении узурпаторов Магна Максима (383–388 гг.) и Евгения (392–394 гг.), виновных в смерти императоров Грациана и Валентиниана II использует недвусмысленные выражения:

«...Третьего смерть свершена *тирана* сыновнею мощью...» (Claud. De bell. Gild. 6).

«...*Враг*, что бывшей возникнул зимой, весною повержен...» (Claud. De bell. Gild. 16).

«...После войны с *тираном* смиренным...» (Claud. Eutr lib. 37).

«...Отец, dokonчив войну истреблением *тирана*...» (Claud. Still. 140).

Явление узурпации не ограничивается прямыми военными мятежами и убийствами императоров. Например, в период Поздней Римской империи, случались и опосредованные акты узурпации власти, когда могущественные генералы, зачастую неримского происхождения, манипулировали марионеточными императорами, не стремясь самолично становится обладателем императорской власти [1, с. 173].

Вне зависимости от оснований, количества и масштабов мятежей, феномен узурпации императорской власти оказал огромное влияние на весь ход политической истории Древнего Рима. Начиная со времени основания Римской империи, и до самого падения ее западной части, едва ли было пару десятилетий, когда бы в каждый отдельный момент никто не претендовал на императорскую власть помимо действующего императора, а очень часто таких претендентов было сразу несколько.

Заложенная Диоклетианом система распределения властных полномочий между двумя августиами и двумя цезарями во многом была ответом на вызов постоянных, непрекращающихся узурпаций III века н.э. Однако, препятствовать появлению узурпаторов в империи, тянувшейся от Британии и до Тигра, с огромной протяженной границей и дислоцированными вдоль нее легионами, а также полевыми армиями, было практически невозможно.

В связи с этим, заложенные деструктивные процессы узурпации власти продолжились и в дальнейшем. До нас дошли сведения как минимум о десяти попытках узурпации императорской власти за время правления Валентинина I, география которых располагается от Балкан до Северной Африки. Но истощение ресурсов империи вследствие гражданских войн становилось все более очевидным, и неудивительно, что армия как один из самых влиятельных политических субъектов поддерживала политику Валентинина I по укреплению мирной династической преемственности.

В последний период существования Западной Римской империи, когда династия Валентиниана I прекратилась, паралич императорской власти еще более усугубился. Могущественные и влиятельные военачальники создавали и убирали марионеточных императоров, как, например, военачальник германского происхождения Рицимер (456–472 гг. н. э.). Такое положение сохранялось вплоть до падения Западной Римской империи в 476 г.

Перманентная борьба между «законными» императорами и узурпаторами приводила к истощению ограниченных людских и материальных ресурсов, дискредитации власти Рима в целом. Ослабление армии, понесшей значительные потери в ходе гражданских войн, подорвало внешнюю безопасность, спровоцировало ряд вторжений на разобщенные провинции империи.

Из-за фатального, дезинтегрирующего характера узурпаций римляне несли огромные потери экономического, социально-политического, и морального характера. В связи с этим, можно согласиться с мнением профессора Ф. Феррилла, который рассматривает концентрацию автократической власти в руках императора, и ее обратную сторону – стремление к узурпации императорской власти, в качестве одной из главных причин поражения и падения Западной Римской империи.

Библиографический список

1. Грант, М. Крушение Римской империи / М. Грант; Пер. с англ. Б. Бриксмана. – М.: ТЕРРА, 1998.
2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., 1976.
3. Джонс, А. Х. М. Гибель античного мира / А. Х. М. Джонс. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997.
4. Коптев, А. В. Питер Гарнсей о поздней Римской империи / А. В. Коптев // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. – 2005. – № 3. – С. 196–207.
5. Курбатов, Г. Л. Восстание Прокопия (365–366 гг.) / Г. Л. Курбатов // Византийский временник. – 1958. – Т. XIV. – С. 3–26.
6. Лазарев, С. А. Военная организация Римской империи в IV в. н. э.: от Диоклетиана до Феодосия: Дис. ... канд. ист. наук / С. А. Лазарев. – М., 1986.
7. Мехамадиев, Е. А. Галльский узурпатор Магненций и далматская кавалерия в 350 г.: К вопросу о трактовке сведений византийского историка Зосима

(Zos. II. 42. 2 и 4) / Е. А. Мехмадиев // Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – 2018. – Вып. 4 (2). – С. 28–49.

8. Парфенова, Н. В. Геркулес и Юпитер против Христа: Битва при Фригиде (394 г.) / Н. В. Парфенова // Воен.-ист. исслед. в Поволжье. – Саратов, 2005. – С. 3–8.

9. Сергеев, И. П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории / И. П. Сергеев. – Харьков: Майдан, 1999.

10. Уильям, С. Диоклетиан: Реставратор Римской империи / С. Уильям; Пер. с англ. И. И. Хазановой. – СПб.; М.: Евразия, 2014.

УДК 94 (3)

ФАРН В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ БОСПОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Е. К. Матюхина

matyuh1na.e@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Данная статья посвящена иранскому божеству Фарну в политике Боспорского царства римского времени. Автор на основе изученного материала связывает появление Фарна с приходом с Востока кочевых племён, которые могли быть опасны для Боспора и Римской империи.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фарн (Хварно), сармато-иранская династия.

UDC 94(3)

FARN IN THE STATE IDEOLOGY OF THE BOSPORUS OF THE ROMAN TIME

E. K. Matyukhina

matyuh1na.e@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article is devoted to the Iranian deity Farn in the politics of the Bosporan kingdom of Roman times. The author, on the basis of the studied material, connects the appearance of Farn with the arrival of nomadic tribes from the east, which could be dangerous for the Bosporus and the Roman Empire.

Keywords: Bospran Kingdom, Farn (Khvarno), Sarmato-Iranian dynasty.

На Боспоре, как и во многих государствах поздней античности, фигурой центральной власти являлся царь. В ходе развития царская власть претерпевала изменения своего характера, но вместе с тем имела три основных источника государственной власти – эллинизм, иранизм и римский протекторат. К эллинизму, возникшему на Боспоре, который стал «колониальной» державой при Спартокидах [3, с. 117], относятся такие приобретённые яркие черты эллинистической эпохи, как обоснование царской власти завоеванием и обожествление царей. С обожествлением царской власти возникала, так называемая, политическая религия. Эта мера обеспечивала законность действий царя и даже после его смерти [1, с. 67].

В эпоху Митридата VI Евпатора Боспорское царство подвергается сильному влиянию традиций иранского мира [4, с. 1–62, 133–140] которые уже были заимствованы от североиранских народов. Так же после падения Ахеменидов, эти традиции и связанные с ними ритуалы активно использовались государствами иранской периферии и через Понт, Каппадокию и Коммаген проникали на Боспор [1, с. 63].

Но в большей мере нас интересует Боспор в момент правления Риметалка (131–154 гг. н. э.) и Евпатора (154–171 гг. н. э.), когда сармато-иранская династия вернула себе боспорский трон. В это время, сюда проникают поздне-сарматские племена и вместе с этим происходит смена римской стратегии. Именно тогда на Боспор возвращаются тамги сармато-иранской династии. Таким образом Рим хотел установить союзные отношения с поздними сарматами [12, с. 162–163]. Союз удалось заключить, скорее всего, благодаря родственным связям боспорских царей с сарматской знатью. Предположить это можно, исходя из тамги Тиберия Евпатора, верхняя часть которой имела отношение к Динамии, а нижняя к поздне-сарматскому «триденсу» [13, с. 52] По мнению С. Ю. Сапрыкина, подобные царские знаки были необходимы для того, чтобы сарматские вожди воспринимали боспорских царей, как своих владык, а не просто союзников [6, с. 242]. Но только царских знаков было недостаточно и тогда власть Боспора обратилась к иранским политическим традициям, которые уже формировались при Митридате VII Евпаторе.

По своим взглядам иранцы считали политическую царскую власть божественной. Для них царь – не божество, как это было, например, в Египте, но он считался избранником бога и власть его была священной. Поэтому царями иранцы выбирали лишь представителей определённого рода, который, как им казалось, имел право на обладание царской властью [8, с. 136–137.] Подобные взгляды наблюдаются и в придании о «царских скифах». По скифским представлениям царь должен быть воином по рождению, но для полноты власти ему была необходима сакральная функция, принадлежащая жречеству [1, с. 64]. Из этого возникает связь царя с Фарном – харизма царства – фарн, хварно.

Фарн – божество иранской мифологии. Одним из главных источников является Яшт 19 Авесты, Замйад-яшт. Фарн или хвар(е)но – воплощение солнца, небесного огня и жизненной силы. Оно является одновременно неперсонифицированным, началом абстрактного и материального и конкретным божественным персонажем [5, с. 557]. Фарн призвано для подтверждения природности царской власти. Оно связано с ритуальным брачным обрядом, так как для полного обожествления власти царю необходимо заключить союз с богиней огня Табити, что и объединяет военную и сакральную функции правителя (Hdt. IV. 68). Через связь богини Табити с огнём и государственности можно провести параллель с почитаемой эллинистами Гестии (Hdt. IV.59). Однако в Боспоре жречество не играло такой важной роли, как у иранцев, что говорит о преобладании эллинистических традиций. У скифов хварно воплощено в образе животных, выраженных в искусстве звериного стиля – главным образом барана [9, с. 149–158], что

является характерной чертой и для других иранцев. По мнению С. В. Ярцева, на Боспоре со временем образ Фарна барана меняется на образ лошади [10, с. 332]. О важности фарна в культуре иранцев свидетельствует существование имён с этим словом в составе, в том числе и царские, например, имя царя Сайта-фарн [2, с. 157, 158]. Ещё большим доказательством почитания Хварно сарматами являются многочисленные находки, украшенные символами этого божества – баран, хищная птица, иногда их объединение грифобаран, а также конь и позднее лев. Предметы, украшенные этими символами, различны – от частей конской сбруи до золотого перстня из Денисовой могилы (близь г. Орджоникидзе), зеркала и даже подлокотники трона, найденные в III Келерменском кургане [9, с. 149–158].

Стоит так же отметить записи Диогена Лаэртского (Diog. Laert. I, 6), в которых он упоминает персидских магов. Они отрицают изображение богов и, более того, отнесение их к мужскому или женскому полу. Соответственно, можно говорить, что Фарн могло представляется в обликах и мужчины, и женщины [9, с. 152].

Так же на Боспоре продолжали существовать эллинистические традиции: преобладание римских имён в среде населения, сохранение греческих и греко-малоазийских культов, эллинского и греко-иранского погребального обряда. При этом продолжалась традиция называть царей потомками греческих богов – Посейдона и Геракла, но с присваиванием фарна, то есть, особой благодати, и проведение ритуального брака с богиней Тибити, что пришло на Боспор именно от иранских племён [13, с. 236–243].

Таким образом, на территории Боспорского царства сосуществовали несколько этнокультурных традиций. Со второго века нашей эры в политике Боспора большое значение имели иранские и в большей мере сарматские обычаи. Они использовались для укрепления союзнических отношений с пришедшими с степи Северного Причерноморья поздне-сарматскими племенам.

Библиографический список

1. Болгов, Н. Н. Закат античного Боспора / Н. Н. Болгов. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1996.
2. Грантовский, Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии / Э. А. Грантовский. – М., 1970.
3. Жебелев, С. А. Северное Причерноморье / С. А. Жебелев // Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – М.; Л., 1953.
4. Ростовцев, М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре / М. И. Ростовцев // Изв. археол. комиссии. – СПб., 1913. – № 49.
5. Сапрыкин, С. Ю. Северное Причерноморье в эпоху Античности и Средневековья / С. Ю. Сапрыкин. – М., 2006.
6. Тарн, В. Эллинистическая цивилизация / В. Тарн. – М.: Изд-во иностр. лит., 1949.

7. Топоров, В. Н. Фарн / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т. 2.
8. Фрай, Р. Наследие Ирана / Р. Фрай. – М., 1972.
9. Шауб, И. Ю. Из истории языческих верований в Северном Причерноморье: Культ Фарна у скифов / И. Ю. Шауб // Вестн. Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та. – М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та, 2004. – № 2.
10. Ярцев, С. В. Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III–IV вв. н. э.): От морских походов до битвы при Андрианополе / С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, А. Ю. Бутовский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015.
11. Ярцев, С. В. Сармато-иранская династия на Боспоре / С. В. Ярцев // Кондаковские чтения V. Античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород, 2016.
12. Ярцев, С. В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии: Моногр. / С. В. Ярцев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2014.
13. Яценко, С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С. А. Яценко. – М.: Восточная лит., 2001.

УДК 94(495)

ВОЕННЫЙ ДЕКРЕТ АНАСТАСИЯ ИЗ ГОРОДА ПЕРГЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ

С. Н. Мишнев
1394191@bsu.edu.ru

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация. В данной статье автор рассматривает важность такого исторического источника, как военный декрет Анастасия из города Перге относительно проблемы изучения реформирования ранневизантийской армии во время правления императора Анастасия. Этот декрет, предположительно изданный во время Исаврийской войны, способен пролить нам свет на те изменения в военной организации ранней Византии, которые привели к оздоровлению армии.

Ключевые слова: Анастасий I, военный декрет Анастасия, город Перге, реформирование византийской армии, ранняя Византийская империя, Поздняя Античность, Исаврийская война.

UDC 94(495)

THE ANASTASIAN MILITARY DECREE FROM THE CITY OF PERGE AS A SOURCE FOR STUDYING THE REFORM OF THE BYZANTINE ARMY BY ANASTASIUS

S. N. Mishnev
1394191@bsu.edu.ru

Belgorod National Research University

Abstract. In this article, the author examines the importance of such a historical source as the military decree of Anastasius from the city of Perge regarding the problem of studying the reform of the early Byzantine army during the reign of Emperor Anastasius. This decree, presumably issued during the Isaurian War, is able to shed light on the changes in the military organization of early Byzantium, which led to the recovery of army's health.

Keywords: Anastasius I, The Anastasian military decree, the city of Perge, the reform of the Byzantine army, the early Byzantine empire, the late antiquity, Isaurian war.

Эпоха правления Анастасия I (491–518) является очень важным полем исследований для выявления специфики преемственности средневековья по отношению к поздней античности. Именно Анастасий является инициатором множества реформ, позволивших оздоровить империю и являющимися этакой пло-

дородной почвой, на которой выросли, словно пшеница, многие последующие внешнеполитические успехи Византии под управлением императора Юстиниана Великого (537–565).

Реформированию подверглись такие области организации государственной машины, монетарная система [2, р. 1], налоговое обложение [4] и армия империи (не стоит забывать, что изменения в военной организации сопровождались осуществлением существенных логистических и оборонительных проектов, таких как, например, Анастасиева стена [3, р. 235–262]). Именно для исследования реформы организации армии нам и нужно обратиться к такому источнику, как военный декрет Анастасия I из города Перге. Этот город находился в римской провинции Памфилии, заставляя нас предполагать, что время издания декрета происходило в ходе Исаврийской войны (492–496 гг.).

Большая часть фрагментов данного декрета была найдена в ходе раскопок в Перге в 1974 и 1981–1982 [3, р. 133–212] годах. Декрет, судя по реконструкции, представлен в виде текста на трёх мраморных плитах. Первые две включают в себя сам декрет, а третья показывает количество войск, их жалование и занимаемую ими земельную площадь. В своей статье я бы хотел особенно обратить внимание на первые две плиты, так как данные, которые они предоставляют, могут нам многое рассказать о состоянии армии в начале правления императора Анастасия I. Однако нужно удерживаться от далеко идущих выводов и предположений, ибо мы обладаем лишь одним подобным источником, что нас, в свою очередь, несколько ограничивает.

Лейтмотив декрета – осуждение коррумпированности армии и установка на улучшение работоспособности честного способа построения карьеры для военнослужащих. Анастасий недоволен тем, что некоторые новобранцы строят себе стремительную карьеру, не столько за счёт заслуг, труда и срока военной службы, сколько за счёт нахождения под чьим-то покровительством или покупки должности. Именно на устранение последнего аспекта военной организации Византийской империи и был направлен сей декрет. Также, немаловажным фактором в оценке информативности данного источника является предполагаемая дата его выхода в свет. Оценочно, декрет был выпущен в годы Исаврийской войны, начавшейся практически с самого начала правления императора Анастасия I.

«Поскольку ясно, что ваши повышения, звания и завершения службы, [кои устроены] в согласии с древней традицией, сохранившейся до наших дней, каким-то образом стали отчуждёнными, и каждая из различных военных частей получает более высокое звание в соответствии с коррумпированностью, хитростью и благосклонностью некоторых людей, но не по заслугам, труду и условиям военной службы, не в установленный срок, но лишь несколько определённых мужчин, за очень короткий срок службы и в очень молодом возрасте, среди низших чинов, [действуя] вопреки благополучию большинства, получают должности своих сослуживцев, которые присоединяются к их прекращению службы» [3, р. 133–212]. Данный отрывок из декрета Анастасия демонстрирует нам пробле-

мы, которые призван решить этот документ. Помимо этого, важно помнить, что подобные декреты выпускались с целью удовлетворения претензий войск, расквартированных в месте выхода данного “послания” византийского императора. Это позволяет нам представить ситуацию в войске империи в ходе Исаврийской войны. Некоторые исследователи считают, что состояние армии было достаточно печальным, расшатанным, так как, действительно, разнузданность войск и цветущая в их рядах коррупция не могли позитивно отражаться на ходе боевых действий византийской армии до реформ Анастасия. И в связи с такими предположениями, данный императорский военный декрет в городе, находящемся неподалёку от разворачивающейся войны, является очень ценным и наделяет те предположения некоторым обоснованием.

Регламентация получения повышений по службе и контроль над ним являются центральной темой декрета: теперь, по крайней мере, войска, расквартированные в городе Перге, получили обновления в своей организации, изменилась структура подчинения родов войск, что можно пронаблюдать на примере данного отрывка: «Поскольку всякого рода коррупционные вымогательства и продажи бездействуют, Имперское предвидение решило, что подходящие люди должны быть назначены в соответствии с подходящим вариантом таким образом, чтобы драконарии были размещены под ответственностью магистра драконов» [3, р. 133–212]. Таким образом, меняя структуру подчинения родов войск, Анастасий также способствовал большей дифференциации функций этих самых войск. Судя по всему, данные изменения оказались весьма действенными и, немаловажно, были введены в армиях, расположенных в прочих городах империи (особенно это касается городов восточной части Византии, так как это бы объяснило некоторые успехи имперских войск в войне с персами, случившейся несколько позже завершения Исаврийской войны).

Следует сказать, что лейтмотив декрета очень хорошо согласуется с другим источником по проблеме изменений организации армии империи при Анастасии I, с кодексом Юстиниана. Законы, вводимые Анастасием, также имели направленность к устранению возможности вымогательства денежных средств у солдат, к защите их прав и имущества [5]. Вот, например, такой закон также подтверждает, что коррумпированность армии на момент начала правления Анастасия была весьма серьёзным отягощением для армии: «Эти командиры должны контролировать магистратов и их помощников и следить за тем, чтобы декурионы, или сборщики налогов, не причиняли солдатам, находящимся под командованием своих командиров, каких-либо расходов, с тем чтобы упомянутые командиры могли в мирное время, пересматривать и созывать войска, когда они того пожелают». В данном отрывке, конечно, не используются столь радикальные выражения, как в военном декрете, но это связано в первую очередь с различными целями, с которыми создавались эти документы. Декрет был изначально направлен на разрешение претензий войск, расквартированных в городе Перге, поэтому неудивительно, что в декрете используется более расплывчатая и эмоционально окрашенная подача.

Таким образом, военный декрет Анастасия из города Перге является достаточно важным источником об изменении организации армии ранней Византии во время правления этого императора, более того, он является, по сути, уникальным в своём роде. Помимо прочего, декрет способен также пролить свет на состояние армии до реформ Анастасия, хорошо согласуясь с распоряжениями этого императора, сохранившимися в кодексе Юстиниана. Исследуя эти источники в совокупности, мы можем определенно утверждать, что уровень коррупции внутри армии был достаточно высок, и именно на её подавление и были направлены многие его распоряжения, затрагивавшие военную организацию империи.

Библиографический список

1. Crow, J. Investigating the Hinterland of Constantinople: an interim Report on the Anastasian Long Wall / J. Crow, A. Ricci // *Journal of Roman Archaeology*. – 1997. – № 10. – P. 235–262.
2. *Dumbarton Oaks. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection* / Ed. by Alfred R. – Bellinger and Philip Grierson.
3. Fatih, O. The Anastasian Military Decree from Perge in Pamphylia: Revised 2nd Edition / O. Fatih // *GEPHYRA*. – 2017. – № 14. – P. 133–212.
4. Evagrius. III, 39.
5. Cod. Just.12.37.18.

УДК 94 (3)

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ РАДАМСАДА

А. Р. Стрижак

Nastya.200018@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматриваются проблема прихода к власти боспорского царя Радамсада и его взаимоотношения с Максиминем II Даза и Лицинием, а также появление на боспорском престоле соправителя Радамсада – Рискупорида VI. По мнению автора, Радамсад мог оказывать помощь и поддержку Максиминому в организации переворота 310 г. В благодарность за это Даза мог поддержать его претензии на боспорский престол.

Ключевые слова: Боспорское царство, Римская империя, Максимин Даза, Радамсад, Рискупорид VI.

UDK 94 (3)

BOSPORAN KINGDOM DURING THE REIGN OF RADAMSAD

A. R. Strizhak

Nastya.200018@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article deals with the problem of the coming to power of the Bosporan king Radamsad and his relationship with Maximin II Daza and Licinius, as well as the appearance on the Bosporan throne of the co – ruler of Radamsad-Riskuporid VI. According to the author, Radamsad could have helped and supported Maximin in organizing the coup of 310. In gratitude for this, Daza could support his claim to the Bosporan throne.

Keywords: Bosporan Kingdom, Roman Empire, Maximin Daza, Radamsad, Riskuporid VI.

В 308 г. боспорский престол занимает царь Радамсад. Как и его предшественник Фофорс он имеет иранское имя, следовательно, скорее всего являлся представителем иранской группы племен. Правление Радамсада практически не нашло отражение в письменных источниках (исключения составляют надписи КБН 65, 66), историю его царствования мы узнаем по монетам, которые чеканились от имени этого царя [4, с. 69]. Если мы обратимся ккладам, в которых найдены монеты Радамсада, то увидим, что ни в одном из них они не являются последними [6, с. 198]. Из этого можно сделать вывод, что внутренняя ситуация

в царстве была спокойной. Это может подтверждать и надпись КБН 66, из которой мы узнаем о постройке храма в период его правления. Радамсад занимал боспорский престол с 308 по 322 г., однако следует отметить, что с 314 г. у царя появляется соправитель Рискупорид VI (КБН 66).

До сих пор неизвестно как Радамсад занял Боспорский престол, так как письменных источников данного периода практически нет. Для того, чтобы разобраться в данной проблеме нужно рассмотреть ее в контексте римского международного права. Напомним, что по правилам Римской империи власть делилась между цезарями и августами, такая система была введена Диоклетианом и называлась тетрархией [1, с. 63, 64.]. Таким образом территория империи делилась на части, которые находились в ведении одного из правителей. При этом все зависимые союзные государства номинально не входившие в состав Римского государства, являлись, по мнению римлян, неотъемлемой его частью. Нас интересует восточная часть империи, которая включала Фракию, Нижнюю Мезию и Скифию [7, с. 151]. Считалось, что владыке Востока, подчинялись античные государства Крыма, в том числе и интересующее нас Боспорское царство.

Еще во время правления Фофорса часть восточных провинций находилась под властью цезаря Максимиана II Дазы, в их числе был и Боспор. Сергей Владимирович Ярцев считает, что цезарь имел прямое отношение к воцарению Радамсада [7, с. 159]. Однако цезарем Максимиан был недолго, на встрече правителей империи 308 г. в Карнунте, вопреки всем ожиданиям стать августом, он становится «сыном августа» (*Augusti filius*). Такая должность в истории Рима появляется впервые, дядя Максимиана Галерий специально придумал ее для Дазы, чтобы успокоить племянника. Августом же становится Лициний, боевой друг Галерия. Максимиан не захотел мириться с новыми обстоятельствами и начал готовить заговор. Поэтому уже в 310 г. с помощью военного переворота он объявляет себя августом. После смерти же Галерия Максимиан, опережая своего врага, Лициния, занимает территорию Малой Азии и доходит до Босфора. Однако, в этом году схватка между двумя врагами Дазой и Лицинием не состоялась, они пошли друг другу на уступки и разграничили территорию востока между собой [3, с. 271]. В результате чего Боспорское царство остается под властью Максимиана.

Именно в это время на политическую арену Боспора выходит Радамсад. Учитывая, что подготовка к захвату власти у Максимиана II Дазы началась уже с 308 года, можно допустить, что именно в это время он обратился за помощью, в том числе и на Боспор, со своей стороны, утвердив на его царском троне своего ставленника Радамсада. Предполагать, что Максимиан II Даза никак не был связан с его восхождением на престол, мы не можем, ведь по римским традициям, нового Боспорского царя должен был утвердить Рим. Исходя из этого, возвышение Радамсада на престол, действительно могло быть связано либо с его участием и помощью Максимиану в подготовке военного переворота, либо он пришел к власти сам и получил одобрение Рима. Попробуем разобраться в данной проблеме.

Вспомним, что Лактаций описывает Максимиана как полуварвара, называя его вчерашним пастухом, который «явился от скота и лесов» (Lact. Demort. XVIII. 13.). Мать Максимиана Ромула была уроженкой из Траяновой Дакии, но была вынуждена перебраться в Рим. Поэтому, можно предположить, что Даза по крови действительно был варваром. Боспорский царь Радамсад тоже принадлежал к числу варваров, так как явно являлся выходцем из иранской группы племен. Вполне, возможно, что этот факт «близости по крови» помог Радамсаду получить одобрение на занятие Боспорского престола у Максимиана Дазы. Однако, Ромула, мать Максимиана, принадлежала к числу романизированного населения Дакии, о чем может говорить ее имя. Причиной, по которой она покинула родной дом, является массовое нашествие варваров [2, с. 274]. Поэтому, скорее всего Максимиан считал себя римлянином, а наличие варварской крови явно предпочитал не афишировать. Следовательно, данное предположение о том, что Радамсаду помогли его варварские корни занять престол, является несостоятельным.

В 1832 г. в Керчи был найден обломок плиты из белого мрамора, на которой была высечена надпись: «В добрый час... при царях Радампсадии и Рескупориде воздвигнут был этот храм...» (КБН 66). Эта надпись говорит о том, что у Радамсада был соправитель. В 314 г. Рескупорид VI начинает чеканить свои монеты параллельно с Радамсадом [5, с. 50]. Скорее всего, появление соправителя связано с восстанием 313 г. под руководством Максимиана II Дазы и поражением последнего. Воспользовавшись отсутствием Константина Максимиан решается напасть на Лициния, с целью захвата власти и титула августа. Главное сражение состояла на Чистых полях (Tzirallum), несмотря на численное превосходство войск Дазы, его утомленная, столь дальним походом, армия потерпела сокрушительное поражение. Однако победа для Лициния не была столь легкой, как может показаться. Зосим пишет: «Лициний, казалось, был побежден, но сумел быстро сплотить оставшиеся силы» (Zosim., II, 17, 3). Максимиан бежал с поля боя, переодевшись рабом, а вскоре после битвы он заболел и умер. Появление после данной победы монет Рескупорида, может свидетельствовать о том, что, избавившись от конкурента на Востоке, Лициний решил поставить «своего» боспорского царя. Рескупорид был представителем сармато-иранской династии, который мог поддержать своего покровителя воинскими отрядами, а также данный клан был лояльно настроен по отношению к Риму. Возведением проримски настроенных царей на боспорский престол является обычной практикой Римских императоров. Вспомним Фофорса, который пришел к власти благодаря Диоклетиану. Такое возведение производилось с целью возвращения римского влияния на территорию Северного Причерноморья.

Но чем же не угодил Лицинию Радамсад? По-нашему мнению, этот боспорский царь мог оказывать помощь и поддержку Максимиану в организации переворота в 310 г. В благодарность за это Даза мог поддержать его претензии на Боспорский престол. Но почему же Лициний не убрал Радамсада, когда Максимиан потерпел сокрушительное поражение? Возможно, это связано с поддержкой данного царя боспорской знатью. Напомним, что в период правления Радамада

в источниках не упоминается ни одного военного столкновения. Также в данный период наблюдаются строительные работы и нет кладов, отсутствие которых может косвенно свидетельствовать о стабилизации жизни при единоличном правлении Радамсада.

Библиографический список

1. Бейкер, Дж. Константин Великий. Первый христианский император / Дж. Бейкер. – М., 2004.
2. Ведешкин, М. А. О варварах и тиранах / М. А. Ведешкин // Цивилизация и варварство. – М., 2020. – Вып. IX. – С. 266–280.
3. Грант, М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи / М. Грант. – М., 1998.
4. Исанчурина, Р. А. Монетное дело боспорского царя Радамсада / Р. А. Исанчурина, Е. Р. Исанчурина // НиЭ. – Вып. XV. – М., 1989. – С. 69–73.
5. Фролова, Н. А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида / Н. А. Фролова // СА. – 1975. – С. 45–56.
6. Фролова, Н. А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным / Н. А. Фролова // СА. – 1989. – С. 196–206.
7. Ярцев, С. В. Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III–IV вв. н. э.): От морских походов до битвы при Адрианополе / С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, А. Ю. Бутовский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015.

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

ТГУ
им. Л. Н. Толстого

Секция 2

**ЭТНО-
КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
В ИСТОРИИ**

УДК 94(44).04

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1789–1794 гг.

Ю. Е. Зарукина
zarukina.yulya@mail.ru

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация. В статье анализируются религиозные и политические процессы, происходившие в период Великой французской революции в 1789-1794 гг. Раскрываются основные принципы философско-религиозной жизни общества в конце XVIII века. Описываются различные религиозные культы периода революции, а также определено их основное значение в становлении национального самосознания французского народа.

Ключевые слова: Великая французская революция, политика дехристианизации, Культ Разума, Культ Верховного Существа, якобинская диктатура, национальное самосознание.

UDC 94(44).04

RELIGION AND CHURCH DURING THE PERIOD OF THE GREAT FRENCH REVOLUTION IN 1789–1794 YEARS

J. E. Zarukina
zarukina.yulya@mail.ru

Belgorod National Research University

Abstract. The article analyzes the religious and political processes that took place during the Great French Revolution in 1789-1794. The basic principles of the philosophical and religious life of society at the end of the 18th century are revealed. Various religious cults of the period of the revolution are described, and their main importance in the formation of the national consciousness of the French people is determined.

Keywords: Great French Revolution, policy of de-Christianization, Cult of Reason, Cult of the Supreme Being, Jacobin dictatorship, national identity.

В период Великой французской революции конца XVIII века французское общество жаждало политических и религиозных перемен. Характеризовалось это тем, что при Старом порядке представители третьего сословия, а это приблизительно 98 % всего населения тогдашней Франции, находились весьма в критическом и затруднительном положении [1, с. 11–21].

Дело в том, что 80-е годы XVIII века выдались для страны крайне тяжелыми. Причин здесь несколько. Во-первых, в 1787 году начался экономический спад,

постепенно перешедший в кризис, добавлялись также неурожаи и стихийные бедствия 1788 года. Доходов в казне не хватало, так как Франция потратила их на поддержку американских колоний в борьбе за независимость против Великобритании (Лекманов Филипп. История французских революций. Основные события, случившиеся во Франции с 1789 по 1875 год: революции, реставрации, перевороты, восстания, войны и прочие потрясения: [Arzamas]. URL: <https://arzamas.academy/materials/756>). Попытки видных государственных и финансовых министров хоть как-то наладить экономическую ситуацию в стране потерпели неудачу. В 1789 году вспыхнула первая в истории государства буржуазная революция, которая потрясла и фактически уничтожила все порядки, существовавшие до этого [3, с. 36–43]. С 1792 года Франция стала республикой, с абсолютной монархией было покончено. Были приняты документы, регламентировавшие равенство, свободу, различные политические и социальные права. К таким документам можно отнести Декларацию прав человека и гражданина 1789 года и Конституцию 1791 года [4, с. 91–99].

Примечательно, что Конституция опубликовывалась каждый раз новая. Все зависело от политической ситуации в стране и от того, какая политическая группировка находилась у власти во Франции в период революции в 1789–1799 гг. [5, с. 156–168]. Если до событий 1792 года в стране была учреждена конституционная монархия, то после 1792 года Франция стала республикой, а король и королева были объявлены вне закона и казнены [6, с. 99–110].

После долгой и упорной политической борьбы в июне 1793 года к власти пришли якобинцы или монтаньяры. Эта политическая партия опиралась на поддержку городской мелкой и средней буржуазии, крестьянства и плебейских масс (Адо А. В. Якобинская диктатура: [Booksite.ru]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/128/195.htm>). Придя к власти, монтаньяры начали проводить активную политику в области образования, государственного управления, военного дела, социального обеспечения. Изменения коснулись и религиозной жизни общества.

Начиная с XVII века католическая церковь во Франции находилась в состоянии глубокого кризиса. Представители духовенства имели определенную поддержку со стороны государства. Они были освобождены от большей части государственных налогов, как и дворянство, пользовались определенными привилегиями. Помимо этого, богатство и роскошь церковных владений дополнял так называемый «дар» церкви, который составлял довольно огромную по тем временам сумму, что вызывало недовольство большинства простых граждан.

В период Великой французской революции институт духовенства претерпел значительные изменения. 12 июля 1790 года был принят декрет о гражданском устройстве духовенства и церкви. Прежние иерархии упразднились. Сохранились только должности кюре и епископов, которые теперь должны избираться гражданами всех вероисповеданий. Многие епархии и приходы упразднились, религиозные ордена, не связанные с благотворительностью, распускались

(Чудинов А. В. Французская революция и церковь в 18 веке: [Историк]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal>).

С приходом якобинцев к власти началась политика дехристианизации. Иконы, реликвии церковей уничтожались, священников подвергали гонениям и репрессиям, многих отправили в тюремное заключение и ссылку. Вместо католического вероучения революционные власти проводили антирелигиозные кампании, стараясь отвлечь большинство населения от веры в Бога и в загробную жизнь, заменяя учениями о мире и человеке, подчерпнутых в истоках политики французского Просвещения [9, с. 53–68].

Так, 10 ноября 1793 года или 20 брюмера II года Республики по революционному календарю, действовавшему в стране с 5 октября этого же года, в Соборе Парижской Богоматери состоялась церемония так называемого «Фестиваля свободы» (фр. *Fête de la Liberté*), организованного и подготовленного революционером П. Г. Шометтом. Внутри собора состоялась коронация «Богини Разума», роль которой исполняла артистка Оперы [10, с. 81–89].

После казни радикальных якобинцев во главе с Эбером и Шометтом в марте 1794 года, монтаньяры во главе с М. Робеспьером запретили Культ Разума. Взамен его, под давлением Робеспьера, разумеется, был введен Культ Верховного Существа в качестве государственной религии. 7 мая 1794 года Национальный Ковент принял декларацию, согласно положениям которой народ Франции признает существование Верховного Существа и бессмертие души. По мнению Робеспьера, поклонение Верховному Существу есть исполнение человеческих и гражданских обязанностей. Во главе этих обязанностей лежит ненависть к неверию и тирании, наказание изменников и тиранов, помощь несчастным и угнетенным, оказание ближним всякого добра, избежание всякого рода зла и лицемерная любовь к отечеству [11, с. 53–73].

Истоки этого так называемого религиозного учения о Верховном Существе, управляющим этим миром, Максимилиан Робеспьер подчерпнул из философско-религиозного учения знаменитого философа эпохи французского Просвещения Ж. Ж. Руссо (1712–1778). Известно, что Руссо был деистом, т. е. признавал наличие какого-то «божества», Верховного Существа, но категорически отвергал евангельского Иисуса Христа и его учения, которое проповедовала католическая церковь. В своем трактате «Об общественном договоре», опубликованном в 1762 году, автор изложил свою версию построения гражданского общества, основанного на народном суверенитете. Ж. Ж. Руссо считал, что свобода не может быть ничем ограничена, где было прямое правление народа в законодательстве и государственном управлении. Также он подразумевал, что при такой народной форме правления можно будет построить так называемое «царство добродетели», в котором все будет основано на справедливости и равенстве под покровом того самого Верховного Существа [12, с. 125–132].

Следуя заветам своего дорогого учителя-философа, Максимилиан пожелал устроить праздник в честь Верховного Существа, надеясь таким образом сплю-

тить всех граждан Франции как нацию в непростое для государства революционное время.

Итак, празднование этого «чудесного и прекрасного» для всей нации дня было проведено 8 июня 1794 года или 20 прериала II года Республики. По описаниям очевидцев этот день был солнечным, небо голубым, люди радостными. Член революционного трибунала Вилат описал поведение Робеспьера в этот праздничный день:

«Все лицо его сияло радостью. Он не завтракал. Его взоры часто обращались на это прекрасное зрелище. Его пьянил восторг. Таким веселым не видели его еще никогда» [13, с. 72].

Празднество проходило в Тюильерийском саду, а потом на Марсовом поле. Было много народу. Робеспьер был в голубом фраке и нанковых панталонах. В его руках был букет цветов, колосьев и плодов. Он шел впереди всей праздничной процессии. После произнесенной Максимилианом торжественной речи, посвященной Верховному Существу и французскому народу, была сожжена статуя Атеизма и зажжен факел в честь Мудрости. После второй речи Робеспьера процессия двинулась на Марсово поле, там празднование продолжалось. Повсюду были слышны крики: «Да здравствует республика! Да здравствует Робеспьер!».

Народ был в полном восторге. Казалось бы, ничто не сможет омрачить это великолепное празднество. Однако не все поддерживали идею Максимилиана о введении Культа Верховного Существа в качестве государственной республиканской религии, которая бы помогла объединить и сплотить народ Франции в единое целое. Один из депутатов Конвента выкрикнул: «Посмотрите на него! Ему мало главенствовать над всеми, и он хочет стать богом!». Другие члены Конвента также были возмущены, а наиболее смелые обратились к Максимилиану с упреками. Вторая часть празднества была омрачена негативными настроениями депутатов и поведением некоторых граждан. Домой Робеспьер вернулся в ужасном настроении. Он понял, что новая государственная религия не сможет прижиться в французском обществе, как прежняя [14, с. 455–478].

Действительно, после проведения праздника в честь Верховного Существа, популярность Робеспьера как политика и депутата резко упала. Его перестали поддерживать не только негативно настроенные к нему депутаты Конвента, но и его друзья и соратники, например, Сен-Жюст и Кутон. Многие его считали сумасшедшим. Все попытки Робеспьера с помощью новой государственной религии превратить французский народ в республиканское общество добродетели обернулась полным крахом.

После термидорианского переворота 9 термидора (27–28 июля) 1794 года Культ Верховного Существа, который являлся по существу вариантом «очищенного христианства», не смог удовлетворить в полной мере духовные нужды и потребности французского общества. Поэтому после казни Робеспьера и его соратников, а также прекращения якобинской диктатуры новая государственная религия прекратила свое существование [15, с. 79–93].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период Великой французской революции не только политическая, но и религиозная жизнь французского общества подверглась изменениям. В частности, католическая церковь перестала быть главенствующим звеном в государстве, священство стало приносить гражданскую присягу, а во время якобинской диктатуры и вовсе подверглось различным гонениям и репрессиям. В период террора католическая религия была запрещена, а вместо нее революционные власти провозглашали деистические религиозные учения в качестве национальных религий. К таким деистическим религиозным концепциям можно отнести Культ Разума и Культ Верховного Существа. С их помощью монтаньяры надеялись сплотить французский народ в одно целое, в единую и неделимую нацию, которая имеет право на собственное счастье и национальное благо, сформировать национальное самосознание республиканского общества. К сожалению, среди простого населения данные деистические религии не были довольно популярными, поэтому после термидорианского переворота они утратили свою практическую и социальную значимость.

Библиографический список

Источники

1. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: КАНОН-ПРЕСС, 1998.

Литература

1. Блуменау, С. Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1941–1945 гг.) / С.Ф. Блуменау. – Брянск: Наука, 1995.

2. Блуменау, С. Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789–1791 гг. / С. Ф. Блуменау. – Брянск: Наука, 2011.

3. Бовыкин, Д. Ю. Французская революция / Д. Ю. Бовыкин, А. В. Чудинов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

4. Вороницын, И. П. Часть третья. Борьба с религией и атеизм в эпоху Французской революции. История атеизма / И. П. Вороницын. – М.: Атеист, 1925.

5. Домнич, М. Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь / М. Я. Домнич. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

6. Монгайт, А. Л. Культ Разума и Культ Верховного Существа / А. Л. Монгайт // Антирелигиозник. – 1941. – № 2. – С. 81–89.

7. Озуф, М. Революционный праздник 1789–1799 / М. Озуф. – М.: Книга по требованию, 2003.

8. Олар, А. Культ Разума и культ Верховного Существа во время французской революции / А. Олар. – М.: Сеятель, 1925.

9. Фюре, Ф. Постигание Французской революции / Ф. Фюре. – М.: Инапресс, 1998.

10. Чудинов, А. В. Утопии эпохи Просвещения / А. В. Чудинов. – М.: Интеграция; Образование и наука, 2017.

Электронные ресурсы

1. Адо, А. В. Якобинская диктатура [Электронный ресурс] / А. В. Адо // Booksire.ru: Электрон. журн. –

URL: <https://www.booksire.ru/fulltext/1/001/008/128/195.htm> (дата обращения: 10.02.2021).

2. Лекманов, Ф. История французских революций. Основные события, случившиеся во Франции с 1789 по 1875 год: Революции, реставрации, перевороты, восстания, войны и прочие потрясения [Электронный ресурс] / Ф. Лекманов // Arzamas: Электрон. журн. – URL: <https://arzamas.academy/materials/756> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Чудинов, А. В. Французская революция и церковь в 18 веке [Электронный ресурс] / А. В. Чудинов // Историк: Электрон. журн. – URL: <https://xn--h1aa-gokeh.xn--p1ai/journal> (дата обращения: 10.02.2021).

УДК 298.9

АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И АЛТАЙЦЫ: ПОЧЕМУ НЕ УДАЛАСЬ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ?

А. О. Ильина

*ilyina.angelina@yandex.ru**Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. С 1828 г. в Алтайском регионе начала работу Алтайская духовная миссия, основной целью которой была христианизация инородческого населения. Организация обладала значительными экономическими возможностями и поддерживалась государством. Однако в начале XX в. среди алтайцев распространяется новая религия – бурханизм, в которую активно переходили даже крещеные инородцы. В статье анализируются причина неудач православной миссии на Алтае.

Ключевые слова: бурханизм, «белая вера», Алтайская духовная миссия, миссионеры, алтайцы, Русская православная церковь.

UDC 298.9

ALTAI SPIRITUAL MISSION AND ALTAIANS: WHY FAILED CHRISTIANIZATION?

A. O. Ilyina

*ilyina.angelina@yandex.ru**Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*

Abstract. From 1828 in the Altai region has started Altai spiritual mission whose primary purpose was the Christianization inorodcheskogo population. The organization had significant economic potential and was supported by the state. However, at the beginning of the XX century. among the Altaians, a new religion is spreading – Burkhanism, into which even the baptized Altaians were actively switching. The article analyzes the reasons for the failures of the Orthodox mission in Altai.

Keywords: Burkhanism, "white faith", Altai spiritual mission, missionaries, Altaians, Russian Orthodox Church.

В начале XX в. среди алтайцев появилась новая религия – бурханизм, которую они называли «акжанг» – белая вера. Ее особенностью был синкретизм. Основу бурханистского вероучения составили традиционные религиозно-мировоззренческие представления алтайцев, смешавшиеся с ламаистским культом. Христианство также оказало влияние на формирование новой религии, но не такое заметное, как шаманизм и ламаизм.

Возникновение новой религии, как конкурента православия, не устаивало Русскую православную церковь (далее – РПЦ). Особое недовольство вызывал

рост числа сторонников «белой веры» среди крещеных инородцев. Поэтому миссионеры Алтайской духовной миссии (далее – АДМ) были заинтересованы в ликвидации нового религиозного учения. Для этого они использовали разные средства: от распространения слухов о сепаратистских настроениях бурханистов и их ненависти ко всему русскому до активного участия в разгоне последователей белой веры в Теренге. Основная задача данной работы – выяснить, почему алтайцы не перешли в православие и оказались приверженцами нового религиозного учения.

АДМ была организована в 1828 г. с целью «приобщать местное «инородческое» население к «вере Христовой» [10, с. 3]. Благодаря привлечению меценатов-благотворителей миссия смогла получить значительное влияние, в том числе и политическое [7, с. 229]. Это объясняется не только тем, что АДМ была проводником государственной идеологии на Алтае, она обладала и значительными экономическими возможностями.

В период с 1830 по 1857 гг., богатые покровители увеличили доход АДМ с 571 руб. до 5500 руб. в год [7, с. 229], поэтому сеть подчиненных организаций росла достаточно быстро. Так, в начале XX в. на Алтае существовало 15 миссионерских станов, 67 церквей, 57 школ, 2 приюта для новокрещеных сирот, было создано 188 поселков для крестившихся инородцев [12, с. 131]. Количество новообращенных исчислялось сотнями в год [7, с. 229]. Для сравнения: в 1844 г. стан Алтайской миссии, располагающийся в Улале, состоял из трех домов (в двух жили миссионеры, в третьем располагалась школа) и небольшой церкви. К 1890-м гг. в Улалинском стане появились: «обширная церковь..., дом детского приюта, дом священника миссионера, дом начальника миссии, центральное миссионерское училище с иконописным отделением и пансионом для учеников... типография Алтайской миссии; больница, свечной завод и женский общежительный монастырь, при нём – школа для девочек-инородок» [14]. На этих примерах, мы можем увидеть, какими экономическими возможностями обладала АДМ. Большие финансовые возможности должны были привести к росту влияния среди населения.

Многочисленные пожертвования, финансирование православным миссионерским обществом, наличие «высоких покровителей в Петербурге (в том числе при дворе и в правительстве), Москве, Томске, Бийске» [12, с. 131], помогли АДМ стать влиятельной организацией. Почему же АДМ, обладающая значительными ресурсами, влиянием так и не смогла обратить всех инородцев в православие?

Одной из проблем приобщения инородческого населения к новой религии было то, что вместе с ней, алтайцам пытались «привить русскость»: «чтобы сделать их (инородцев) не по вере только, но и по национальности русскими» [6, с. 7]. Подобные перспективы оказались пугающими для инородческого населения. О страхе утраты собственной этничности писал еще В. В. Радлов: «У калмыков, как и у всякого угнетенного народа, выработалось отталкивание от господствующей нации. Алтаец боится утратить свою национальность, сблизившись с русскими, и поэтому отдаляется от них» [11, с. 184]. Дело в том, что,

принимая крещение, инородец попадал в такое положение, когда язычники, больше его не принимали, считая вероотступником и предателем. При этом, как заметил В. В. Радлов, русские «никак не хотят видеть в крещеных алтайцах людей, равных себе, и смеются над ними, когда те требуют, чтобы к ним относились как к русским» [11, с. 184].

Христианизация населения предполагала ломку устоявшегося мировоззрения и формирование нового, основой которого должно было служить православие, «в результате чего только и можно создать социально управляемого человека» [4, с. 10]. Нужно отметить совпадение интересов государства и АДМ. В начале XX в. курс на интеграцию нерусских народов империи был основополагающим. С позиции властей однородность мировоззрения, идеологии, уклада жизни могли значительно упростить управление регионом. Следует отметить, что АДМ считала политические цели «необходимым следствием христианской цели» [5, с. 88].

Большой проблемой было столкновение интересов алтайцев и АДМ в земельном вопросе. Миссия была заинтересована в расширении своих земельных владений. Ярким примером того, как миссионеры совмещали христианизацию с захватом инородческих земель, является рассказ С. И. Аккерблома, очевидца происходивших на Алтае событий. Он писал: «Служители миссии часто, обратив в православие одного-двух инородцев, ставили на стойбище деревянный крест и объявляли, что язычники могут совершать свои религиозные обряды не ближе как за 5 верст от креста» [1, с. 55]. В итоге, инородцы были вынуждены уходить на другие земли, а на их место приходили крестьяне, тем самым, забирая себе лучшие земли. Или, выбрав подходящие земли для нужд миссии (например, строительства монастыря), АДМ требовала кочевое население освободить земли от стойбищ [9, с. 28]. А так как последним уходить было некуда, миссия позволяла остаться на этих землях только при условии аренды и перехода к оседлости [9, с. 28]. При этом перестроиться на ведение хозяйства по-новому удавалось далеко не всем. Многие хозяйства алтайцев разорвались.

С появлением бурханизма АДМ стала еще активнее участвовать в событиях, которые разворачивались на Алтае. Основная причина беспокойства крылась в том, что в бурханизм переходили не только вчерашние язычники, но и крещеные инородцы. Угроза потери влияния подталкивала руководство АДМ к принятию мер по нейтрализации движения.

Одним из способов борьбы с новой религией были попытки ее очернить. Миссионеры АДМ обнаружили «японский след» в новом учении, набиравшем популярность среди алтайских инородцев. Например, «Япон-хан» [13, с. 6] ассоциировался у них с японским императором, «Бурыл-Токой» [13, с. 6] – со столицей Японии Токио. В некоторых обрядах и в слове «Бурхан» обнаруживали следы буддизма. А в таких обрядах как «возжигание свечей, лампад» [2, с. 142] перед «ламскими» изображениями, «чествование оных жертвами (брызганьем молока), курением фимиама (вереск-арчын) и поклонением» [13, с. 6] усматривали монгольские корни.

По мнению служителей АДМ, если бы у движения бурханистов были только религиозные мотивы, то «было бы естественнее всего перейти им в давно проповедуемое христианство, с которым они более или менее знакомы и проповедь которого действительно в значительной мере подорвала в их глазах авторитет шаманов» [2, с. 142]. Д. А. Клеменц, находившийся в пути на Алтай во время подъема движения говорил о том, что слухи о политическом характере движения и «чуть ли не об отложении от России» [8, с. 164] активно циркулируют среди русского населения. Это привело к трагедии в Теренге, 21 июня 1904 г., когда сбор последователей новой веры превратился в «избиение беззащитных и ничем не вооруженных инородцев» [3, с. 171].

Служители АДМ не учли, что их миссионерская деятельность, в ходе которой часть инородческого населения была согнана с родных земель, не сделала православие привлекательной религией для алтайцев. Православие было дискредитировано политикой АДМ и воспринималось как чужая идеология. Навязчивая христианизация и русификация ставили под угрозу сохранение самобытного уклада народа. Тем самым она подталкивала алтайцев к объединению в противостоянии навязываемой религии. Это вызывало протестные настроения, нашедшие выражение в национальной религии – бурханизм. Учение, основанное на устоявшихся религиозно-мифологических представлениях, не предусматривающее ломку национального наследия, нашло множество последователей среди алтайцев и стало объединяющим фактором в процессе борьбы инородцев за свои интересы.

Библиографический список

1. Дело о кочевых калмыках Томской губернии: Корреспонденция о судебном процессе над Ч. Челпановым и другими, обвиняемым по 13, 1 ч. 938 и 1542 ст. Уложения о наказаниях. 1906 г. // Бурханизм – Белая вера (Ак жан): Документы и материалы / Отв. ред. Н. В. Екеев; Сост. Н. В. Екеев, Н. А. Майдунова. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014.
2. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1906 г. // Бурханизм – Белая вера (Ак жан): Документы и материалы / Отв. ред. Н. В. Екеев; сост. Н. В. Екеев, Н. А. Майдунова. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014.
3. Аккерблом, С. И. Доклад на заседании Томского юридического общества и Общества сельского хозяйства о религиозном движении алтайцев / С. И. Аккерблом // Рус. ведомости. – М., 1905. – № 4. – 4 янв.
4. Борина, Л. С. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви как фактор формирования этнического самосознания народов Саяно-Алтая // Макарьевские чтения: Материалы Третьей междунар. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. – С. 10–14.
5. Вдовин, И. С. Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / И. С. Вдовин. – Л.: Наука, 1979.

6. Вениамин. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. Соч. Вениамина, архиеп. Иркутского и Нерчинского. – СПб.: Тип. (б.) А. М. Котомина, 1885.
7. Знаменский, П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996.
8. Клеменц, Д. А. Религиозное движение на Алтае: (Сообщение Д. А. Клеменца) // С.-Петербур. ведомости. – 1904. – 7 нояб.
9. Мамет, Л. П. Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и Гражданской войны на Горном Алтае / Л. П. Мамет // Ист. б-ка «Ак-Чечек». – Горно-Алтайск, 1994.
10. Модоров, Н. С. Продвижение просвещения в отдаленные части Сибири. Из истории улалинских школ. Конец XIX – начало XX века / Н. С. Модоров, Г. Крейдун // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2012. – № 6. – С. 3–11.
11. Радлов, В. В. Из Сибири: Страницы дневника / В. В. Радлов; Пер. с нем. – М.: Наука, 1989.
12. Шерстова, Л. И. Бурханизм: Истоки этноса и религии / Л. И. Шерстова. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2010.
13. Бурханизм – Белая вера (Ак жан): Документы и материалы / Отв. ред. Н. В. Екеев; Сост. Н. В. Екеев, Н. А. Майдурова. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014.
14. Прибавление к Церковным ведомостям. – 1893. – № 28. – С. 1028–1029.

УДК 94(3)

САРМАТИЗАЦИЯ КРЫМА НА РУБЕЖЕ ЭР

М. В. Митрофанова
maria39593@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается проблема расселения сарматов на территории Крымского полуострова. В работе представлены археологические свидетельства и данные источников о передвижении сарматских народов в Крыму. Поднимается проблема появления и расселения сарматов в степной и предгорной части полуострова. Отмечаются могильники и их погребальное сооружение, в которых найдены отпечатки сарматской культуры.

Ключевые слова: сарматы, Крым, могильники, погребальные сооружения, курганы.

UDC 94 (3)

SARMATIZATION OF CRIMEA AT THE TURN OF THE ERA

M. V. Mitrofanova
e-mail: maria39593@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article considers the problem of resettlement of Sarmatians on the territory of the Crimean peninsula. The work reveals archaeological evidence and source data on the movement of Sarmatian peoples in the Crimea. The problem of the appearance and resettlement of Sarmatians in the steppe and foothill parts of the peninsula is rising. Burial grounds and their funeral structure are noted, in which prints of Sarmatian culture are found.

Keywords: Crimea, Sarmatians, cemeteries, funeral structures, barrows.

Сарматы являются кочевыми ираноязычными племенами родственные скифам по языку и образу жизни, но отличающиеся от них происхождением и материальной культурой. Упоминания о сарматах в письменных источниках появляются в IV веке до н. э. Многие исследователи считают, что сарматы произошли от савроматов, народа, обитавшего в геродотово время к востоку от Танаиса [1, с. 10]. Из рассказа Геродота становится ясно, что савроматы ведут кочевой образ жизни и говорят на языке близком скифскому.

Сарматы, это общее название многих кочевых племен, среди которых античные авторы выделяли крупные племенные объединения аорсов, сираков, роксоланов, языгов, аланов и др. Племена савроматов сформировались в Волго-Уральских степях, во времена Геродота они занимали Волго-Донское междуречье, а в IV в. до н. э. уже под именем сарматов перешли Дон и столетиями постепенно передвигались на запад в сторону Западной и Южной Европы и Северной Африки [3. с. 39].

О времени проникновения сарматов в Северное Причерноморье сложились разные мнения. Сарматскую экспансию в Северное Причерноморье относят и к IV в. до н. э., и ко II в. до н. э., но чаще к III в. до н. э. [3, с. 40]. Крым для двигавшихся с востока на запад вдоль Черного моря, сарматов был окраиной областью. Однако, в III–II вв. до н. э. постоянного сарматского населения в Крымских степях не было, они проникали на полуостров эпизодически. Постепенно они беспрепятственно проникали на полуостров с севера. В I в. до н. э. начался процесс освоения сарматами позднескифских территорий в предгорьях, где нельзя было вести кочевой образ жизни и приходилось переходить к оседлости. Страбон [VII, 3, 17] сообщает об участии сарматского племени роксоланов в военных действиях на территории Крыма в конце II в. до н. э. Благодаря "Географии" Страбона [II, 5, 7; VII, 2, 4; VII, 3, 17] известно, что роксоланы постоянно жили в степях к северу от Крыма. Сарматы были типичными кочевниками, по образу жизни мало отличавшимися от живших до них на тех же местах скифов. Автор в своей работе иллюстрирует образ жизни сарматов: "...их войлочные палатки прикрепляются кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами всегда по очереди, выбирая богатые травой места на болотах около Меотиды, а летом на равнинах".

Таким образом, сообщения древних авторов согласуются с археологией. В Крыму неизвестные сарматские погребения датируемые II–I вв. до н. э., в то время как северу от Перекопа открыты погребение сарматов [3, с. 42]. В I в. до н. э. было найдено в курганах, расположенных на севере Крыма, несколько захоронений бедным и малочисленным инвентарем. Из открытых курганов выделяется Ногайчинский, вещи в котором принадлежали женщинам [2, с. 71]. Сарматские подкурганые погребения в Крыму датируются I в. до н. э. I в. н. э.

Сарматская культура проявляется на территории Керченского полуострова, входившего в Боспорское царство, и предгорной части Крыма. В конце первого I в. до н. э. начался процесс получивший в науке название Сарматизация Боспора [5, с. 34]. Некоторые сарматы проникали в позднескифские поселения и становились их жителями, это внедрение происходило вполне мирно. Так, в позднескифских некрополях появляются сарматские подбойные могилы и различные типы вещей, которые они принесли с собой.

В начале II века нашей эры крупное передвижение сарматских племен на Северное Причерноморье привело к тому, что поздние скифы вынуждены были оставить северо-западный Крым. Так, в предгорном Крыму в ареале поздней скифской культуры открыты десятки Курганов эпохи бронзы. Погребения датируются первыми тремя веками нашей эры, поэтому, вполне вероятно, что в предгорных курганах хоронили, проникшие в этот регион через степь, сарматы. О чем свидетельствуют обнаруженные сарматские знаки на многих позднескифских памятниках [4, с. 315]. В предгорном Крыму имеется еще одна группа памятников, которая напрямую связана с проникновением сарматов на полуостров. Наиболее представительным можно назвать могильник Нейзац, который

использовался вплоть до конца IV – начала V вв. н. э. В могильниках типа Нейзацкого обнаружены все типы сарматского вооружения, конской сбруи, зеркала и другие украшения [6, с. 158].

Данные археологии свидетельствуют о том, что сарматы в очень небольших количествах проникали в крымскую степь и хоронили во впускных подкурганых погребениях в I веке до нашей эры I веке нашей эры. Так, в I веке нашей эры в Крымских предгорьях появляются подбойные могилы. Также в погребальных сооружениях иных типов обнаружены комплексы вещей неотличимых от всего ареала сарматской культуры. Зафиксированы обычаи, которые принято считать типичными для сарматов. К ним относятся, деформация головы, обшивка платьев, особенно их подолов, бусами, помещение курильниц одна в другую [4, с. 316]. Крымские предгорные могильники, конечно, отличаются от степных сарматских это обширные грунтовые некрополи, а не подкурганые погребения, тем не менее сходство погребальных сооружений инвентаря позволяет говорить о Крымском варианте сначала среднесарматской, а затем позднесарматской культуры [4, с. 317].

На сегодняшний день, основная трудность реконструкции истории сарматов в Крыму заключается в том, что они были важным, но не единственным компонентом формирующим культуру этого региона в Римское время. Отсутствие письменных источников позволяет трактовать проблему появления в Крымских предгорьях сарматских погребальных сооружений инвентаря двояко. Либо как результат проникновения сарматов в Крым, либо постоянными контактами населения Крымских предгорий со степями. Только некоторые источники пишут о населении сарматов в Крыму, вся остальная информация о сарматских народах получена в результате интерпретации археологических данных.

Библиографический список

1. Балахванцев, А. С. Сарматы I–IV вв. н. э. по данным античных авторов / А. С. Балахванцев // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. – Вып. IV. Позднесарматская культура. – М.: Восточная лит., 2009. – С. 9–14.
2. Зайцев, Ю. П. «Ногайчинский» курган в степном Крыму / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева // ВДИ. – 2003. – № 3. – С. 61–99.
3. Храпунов, И. Н. Сарматизация Предгорного Крыма (до середины III в. н. э.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 38–56.
4. Храпунов, И. Н. Сарматы в Крыму по данным археологии // Крым в сарматскую эпоху. V. – Симферополь, 2019. – С. 314–320.
5. Храпунов, И. Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму / И. Н. Храпунов // Рос. археология. – 2019. – № 1. – С. 32–49.
6. Храпунов, И. Н. Исследования могильника Нейзац / И. Н. Храпунов, Н. Л. Эрнст, А. А. Стоянова и др. – Симферополь: Доля, 2011.

УДК 93/94

СЕРБ «ПРЕВРАЩАЕТСЯ» В РУССКОГО: СУДЬБА ОТЦА И СЫНА ПИШЧЕВИЧЕЙ В XVIII в.

Я. А. Скворцова
Skvortsova.iana@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты переселения южнославянских народов в Российскую империю в XVIII в. В центре внимания автора – роль армии и военной службы в процессе инкорпорации и последующей ассимиляции сербов. На примере анализа мемуаров двух поколений одной семьи – Семена Пищевича и его сына Александра – автор раскрывает процесс встраивания сербов в российское общество.

Ключевые слова: переселение, сербы, военная служба, интеграция.

UDC 93/94

SERB "TURNS" INTO RUSSIAN: THE FATE OF THE FATHER AND THE SON OF PISHCHEVICH IN THE XVIII CENTURY

Y.A. Skvortsova
Skvortsova.iana@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines some aspects of the migration of the South Slavic peoples to the Russian Empire in the 18th century. The author focuses on the role of the army and military service in the process of incorporation and subsequent assimilation of Serbs. Using the example of the analysis of the memoirs of two generations of one family - Semyon Pishchevich and his son Alexander, the author reveals the process of the Serbs growing into Russian society.

Keywords: resettlement, Serbs, military service, integration.

Восемнадцатый век для Российской империи ознаменовался переселением на ее территорию южнославянских народов, в числе которых были сербы, болгары, валахи и др. Переселенцы, переходившие в подданство России, оказали большое влияние на внешнюю политику, принимая участие в войнах, и хозяйственное развитие страны, осваивая новую территорию и защищая границы.

В XVI в. Османская Империя захватила Балканский полуостров. В результате многочисленных войн, земли сербов оказались под властью Австрии, Венгрии и Турции. Жестокий режим, насаждаемый турками, и исламизация привели

к массовому переселению сербов в австрийские владения (реки Дунай и Сава), где они образовывали особое войско граничар, которое должно было охранять границу. Однако и австрийцы ущемляли права сербов (налоги, попытки германизации, насаждение католичества, ограничение самоуправления) [2, с. 151]. Эти обстоятельства привели к оттоку сербов в Российскую империю. Да и сама Россия была заинтересована в притоке людей, потому как южнославянские народы славились своими боевыми умениями и стали бы хорошим пополнением для русской армии.

Первый этап переселения связан с именем Петра I, который вел активную внешнюю политику против Турции. Давно назревавшее военное сотрудничество русских и сербов было частично реализовано в 1711 – 1712 гг. В это время император не раз обращался к балканским славянам с призывами о совместных боевых действиях против османов. В частности, он взывал к печскому патриарху Афанасию, сербам-граничарам из Австрии, через сербского полковника Михаила Милорадовича обращался к черногорцам.

По Указу Императора от 31 января 1715 г. Сербским, валашским и молдавским офицерам и рядовым, которые перешли на сторону России в 1711 г. без разрешения австрийского правительства, было предложено поселиться в Киевской и Азовской губерниях. Всем офицерам было обещано дать землю и для новых поселенцев, которых они призовут из «своих краёв». В военное время офицеры будут иметь команду над своими людьми, а в мирное – «от них пожиток». «А сербским офицерам и рядовым отвести в Азовской губернии места, где жить и давать годовое денежное и хлебное жалованье» (*Указ Петра I от 31 января 1715 г. «Об отводе земель молдавским, волошским и сербским офицерам и солдатам для поселения в Киевской и Азовской губерниях и выдаче им жалованья» // Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов». Ф. 86. ОП. Д. 1. Л. 7*). Это были выгодные условия, которые заинтересовали многих людей, ведь в Австрийской империи сербы такой свободой не обладали.

В конце царствования у Петра I появилась мысль о наборе за границей единоверцев для устройства войсковых подразделений, которые могут нести пограничную службу, используя успешный опыт Австрии в этом деле. Осенью 1723 г. сербскому майору Ивану Албанезу были даны четыре универсала с призывом к сербам вступать в гусарские полки на Украине. В течение 1724 г. с Албанезом прибыло в Россию 136 человек, а всего в Сербском гусарском полку на 27 декабря 1724 г. числилось 177 человек, в том числе 109 сербов [4, с. 15–16]. Всего же, по сведениям из Коллегии иностранных дел, майором Албанезом к августу 1725 года было набрано 278 человек, а на начало 1726 г. собрано офицеров, капитанов и рядовых 337 человек [1, с. 253].

Известными людьми, которые перешли в подданство Российской империи стали: Савва Лукич Владиславич – Рагузинский (1708 г.), Матия (Матвей) Христович Змаевич (1710 г.), Михаил Ильич Милорадович.

Второй этап переселения сербов в Российскую империю связан с расформированием сербских поселений (ландмилиций) в 1747 г. австрийским прави-

тельством. Это решение вызвало массовые протесты – сербы не хотели терять своего положения и становиться безвольными крепостными австрийских дворян. В этих условиях полковник Иван Хорват представил прошение о переселении русскому послу в Вене, обещая набрать с собой несколько полков. Ответом на прошение стал Указ Елизаветы Петровны от 24 декабря 1751 г. «О принятии в подданство сербов» (*Указ Сенату от 24 декабря 1751 года «О принятии в подданство сербов» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIII. 1749–1753 гг. № 9919 / сост. М. М. Сперанский. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 552–557*). В июле того же года на территории Малороссии было создано военное поселение – Новая Сербия. Переселенцам отводились огромные земли, устанавливалось жалование по штату «прочих», вдовам было обещано годовое жалование, а также было дано разрешение на строительство церквей и школ.

Грозящая Габсбургам пустующая граница и уменьшение состава армии привели к запрету выезда из Австрии. Еще в 1725 г. Карл VI издал указ, запрещающий всем обывателям уезжать из страны «без заблаговременного объявления причин и обстоятельств, куда, для чего и зачем из наследных наших земель выезжают», после чего заявителю необходимо было получить специальное позволение. С начала 50-х гг. XVIII в. преграды для миграции австрийских подданных стали умножаться: сербов облагали дополнительными налогами и пошлинами, не разрешали продавать недвижимую собственность, препятствовали вывозу членов семей и слуг. Попытки нелегального выезда наказывались тюрьмой. Наконец, 16 ноября 1763 г. был обнародован манифест Марии Терезии, согласно которому жителям государства запрещалось уезжать из страны под страхом наказания каторжными работами на срок от 5 до 10 лет и даже смертной казни за троекратную попытку. За подстрекательство к побегу – повешение, а доносчикам выдавались щедрые награды [3, с. 40].

Тем не менее, сербы все равно покидали страну. Среди известных сербских фамилий, которые перешли в российское подданство в середине XVIII в., был Петр Абрамович Текели. Именно в эти годы (1753 г.) из Австрии бежал Семен Пишчевич, ставший одним из руководителей сербской колонизации в России.

О жизни Семена Пишчевича становится известно из его мемуаров. Он родился в 1731 г., происходил из рода сербских дворян. С 1735 по 1740 гг. он учился в латино-славянской школе. Переехав в Вену, он выучил немецкий язык, который впоследствии очень помог ему в продвижении по карьерной лестнице. Смерть братьев и сестер, болезнь матери прервали обучение Пишчевича. Четыре года он жил дома, а потом уехал в Сегедин. Позже отец забрал его в Осиек, где сам служил в крепости. Весной 1744 г. полк сербской ландмилиции принял участие в войне за австрийское наследство. В составе этого полка двинулись на Францию и Пишчевичи, отец и его тринадцатилетний сын – полковой писарь.

В момент, когда недовольство сербов расформированием ландмилиций достигло апогея (1747–1748 гг.), Семен женился, породнившись таким образом с одним из сторонников переселения в Россию – Иваном Шевичем. Его рассказы

о России вдохновили Семена Степановича, и он решил уехать из Австрии. Генерал Шевич сразу дал Пишчевичу чин капитана. Затем следовало получить увольнение из службы. Это увольнение стоило ему двух месяцев в тюремных стенах и постоянных допросов. Затем пришло помилование с определением в пехотный полк. Прошения о переводе в гусарский полк были отклонены «за неимением вакансий». Тогда он решился на отважный шаг и тайно уехал в Вену к русскому послу. Там он скрывался от шпионов и караульных, пребывая в статусе дезертира самовольно покинувшего службу. Вскоре Пишчевич получил паспорт (как исключение) и отбыл в Россию.

Преодолев все трудности, в 1753 г. Пишчевич приехал в Киев, а в 1754 г. добрался до Москвы, где был представлен императрице. На тот момент Российская империя не могла напрямую призывать австрийских сербов к переселению, ведь это означало начало конфронтации между странами, но и от идеи защиты южных границ таким способом Россия не желала отказываться. Для выхода из этого положения правительство нашло решение: вербовать людей подпольно. Именно с этого началась карьера С. Пишчевича в России. В 1756 г. он отправился в Вену к русскому посланнику с секретным заданием. Там он занимался агитацией, а затем переправкой людей из Турции, через реку Сава и австрийские владения к Российской границе. На обратном пути в Россию в 1758 г. в наводнении он потерял сына и жену.

Понимая, что многие его соотечественники (даже те, что младше) быстрее продвигаются по службе, он решил пойти в армию и отправиться на войну «с Пруссакком». Поддавшись на уговоры Ивана Хорвата, который обещал определить его в чин подполковника и в составе Македонского полка отправить на фронт, Пишчевич уволился со службы при дворе и отправился в Новую Сербию в 1759 г., где вскоре женился второй раз. Однако, Хорват так и не исполнил своих обещаний, а Семен так и не участвовал в Семилетней войне.

В 1762 г. над Хорватом началось следствие о его махинациях и злоупотреблениях. Новая Сербия превратилась в Новороссийскую губернию и лишилась привилегий. Пишчевич был назначен в Сербский полк, затем переходил из одного полка в другой (Харьковский, Астраханский). Участвовал в походе в Польшу 1767 г., чему посвящена третья часть мемуаров. Затем участвовал в Русско-Турецкой войне (1768–1774 гг.), во время которой много времени провел в Румынии.

По возвращении в Российскую Империю и до 1778 г. занимался государственными делами уже в России (ликвидация Запорожской сечи, подавление восстания Пугачева, формирование Далматинского полка). Он вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в сербской колонии в Новом Миргороде. С этого времени он активно работал над своими мемуарами и «Историей сербов». Семен Степанович умер в 1797 г.

Пишчевич делал записи с 1744 г. Первоначальный текст мемуаров был написан на сербском языке. Вторая, уже переработанная версия также была на сербском. Только третья, последняя редакция, сделанная приблизительно в 1784 г., была написана на том языке, которым Пишчевич пользовался, когда

готовил к печати свое историческое сочинение, то есть на русско-славянском, что скорее всего, было лишь требованием для печати. Мемуары старшего Пишчевича описывают подробно его жизнь в Австрии до 1753 г., жизнь в Польше. России посвящено не много страниц работы, но даже в них основной акцент делается на сербах.

У Семена Степановича было шесть детей: четыре дочери и два сына. Александр Семенович Пишчевич родился в 1764 г., он был старшим сыном от второй жены. Отец держал детей в строгости, от чего отношения между ними не были теплыми. С первых страниц своих мемуаров Александр говорит: «Обыкновенно было сухое его обращение» (*Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1787. Часть 1 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). Кн. 1. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 12).*

Семен дал Александру хорошее образование. В 1777 г. мальчик пошел в училище в Петербурге, был пожалован прапорщиком в лейб-гусарский эскадрон. В 1782 г. переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк, а в 1783 г. отправлен в Крымский поход. В 1784 г. по настоянию отца Александр был отправлен на Кавказскую линию. В 1787 г. был пожалован в поручики в Астраханском полку, где командовал эскадроном. В 1789 г. отправлен на Кубань, где в 1791 г. участвовал в штурме Анапы. К этому времени служение на Кавказской линии показалось Александру «нестерпимым» и скучным, потому как повышения в чинах не было, а война уже кончилась (*Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная. 1788–1790. Часть 2 // ЧОИДР. Кн. 2. 1885. / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 142).* В 1792 г. его отстранили от командования эскадроном, начальником которого он был почти 7 лет. В чине капитана он вступил в Ростовский полк и уехал в Саратов. После подавления бунта на Дону в 1794 г. Александр перевелся в Нарвский полк. В 1797 г. он вышел в гражданскую службу и женился. В этом году умер отец, вследствие чего Александру пришлось уехать в белорусское имение отца для устройства дел. Последние главы мемуаров посвящены хлопотам по хозяйственным делам и доходам до 1805 г.

При анализе мемуаров видно, что язык, на котором писал отец – тяжелый, непонятный, неправильный и представляет собой смесь сербского с русским, несмотря на несколько редакций: «Родылся я на свет как родители мои мне сказывали в 1731 – м годе сентября 14 – го дня... как о том в родословной давольно показано есть у меня братьев и сестер было и моложе и старее меня...» (*Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. 1731–1785. С предисловием Д. Ч. Нила А. Попова // ЧОИДР. Кн. 4. № 1. 1881 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1882. С. 3).*

Жизнеописание сына написано почти совершенным русским языком: «Я был первое их дитя родившееся 1764-го года мая 31-го дня в городе Поречье... И так я есть первый из семейства Пишчевичей, который может назваться уже Россиянином» (*Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1787. Часть 1 // ЧОИДР. Кн. 1. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 8).*

Мемуары Семена большей частью касаются австро-венгерских земель, он еще не порвал связей, который остались у него там. При своих заграничных миссиях он часто навещал своих знакомых, оставаясь у них по несколько месяцев. Александр описывает свои походы по России, много пишет про русских (простых солдат и вельмож), которые с ним служили, у которых он жил. Александр никогда не был за границей и не писал о ней. Отец чаще бывал в Польше и Венгрии, в то время как сын свою военную службу нес в Крыму, на Кавказе и Поволжье.

Семен Пищевич знал высокопоставленных лиц Российской империи, был представлен Елизавете Петровне и Екатерине II. Он часто жил в Петербурге по несколько месяцев, где посещал театры и оперы, был частым гостем на приемах у С. Ф. Апраксина, П. С. Сумарокова, В. И. Суворова. Сын не был гостем таких людей, его мемуары описывают быт простого русского офицера, который уделяет внимание обычным вещам: отсутствие денег, дамы и пр.

Отношение к сербам у отца и сына разное: Семен Степанович в своих мемуарах писал о сербах много и хорошо, потому что большую часть времени проводил в их окружении. Сын же наоборот, редко пишет и плохо отзывается. Так, говоря об отставке отца, Александр указывает на то, что сербы завистливы (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1764–1787. Часть 1 // ЧОИДР. Кн. 1. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 17*). О Зориче – приятеле отца – пишет, что он бесчувственный и требует от людей унижительных поступков (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1764–1787. Часть 1 // ЧОИДР. Кн. 1. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 22*). Станишин, на попечении которого Александр находился в Петербурге и который приходился ему родственником – «злбный надзиратель» (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1764–1787. Часть 1 // ЧОИДР. Кн. 1. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 24*). «Гулянки» сербов совсем не нравились Александру, никогда он не пел вместе с ними национальных песен (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1764–1787. Часть 1 // ЧОИДР. Кн. 1. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 27*). Это указывает на отсутствие приверженности к своим традициям и в целом к народу, сербы для него уже не что-то отдельное и возвышенное, а обычные люди со своими недостатками, на которые он мог указать, ведь свои мемуары он писал не для сербов. Говоря о походе за Кубань Александр восхищался уже совсем не сербами, а русскими: «Россияне показали себя выше чело-веков» (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1788–1790. Часть 2 // ЧОИДР. Кн. 2. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 119*). На службе сын сначала отделял себя и русских, ставил себя выше других, однако со временем все изменилось. Показателен пример, когда в Крымском походе отсутствие денег вынудило пойти его к обычным солдатам. Сначала он «краснел», но потом понял, что все люди рождены «равно» и «между простыми намного больше благородно мыслящих, нежели между теми, кто титулом себя величают» (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1788–1790. Часть 2 // ЧОИДР. Кн. 2. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 38*). После крымского похода в словах

Александра часто встречается, что он пишет о себе как о русском (хотя понимает, что по происхождению он серб): «что может против россиянина устоять!», «россиянин горазд...» (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1788–1790. Часть 2 // ЧОИДР. Кн. 2. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 64*).

Трудности со службой возникали у Александра лишь в начале 80-х гг. XVIII в., когда Орлов и Потемкин отказались его брать в артиллерийские полки и гвардию. Объясняли они это тем, что обидно будет офицерам, что из другого рода службы пополняют пустые места. Но в дальнейшем Александр переходил из полка в полк, не встречая препятствий на своем пути.

Интересы Александра также изменились. Он очень хотел посмотреть на открытие памятника Петру I, «событием небывалым для России» назвал он его. Но Станишин назвал это любопытством и не отпустил молодого человека. Александру интересно было находиться с Потемкиным, т. к. «один из умнейших людей» собирал вокруг себя отборных людей для толкования политических происшествий: Александр уже не писал о сербах и Австрии, куда больше его занимали события, происходящие в России.

Одним из главных показателей интеграции Александра в русское общество, является то, как он описывает восшествие Павла I на престол и как печалится о смерти Екатерины II (1790-е гг.). Уже как совсем русский человек он пишет о негодовании русских от насаждения немецких порядков. Ничего он не говорит о коронации Павла, кроме того, что речь иноземная раздражала его слух. При подписании своего прошения об отставке писал: «Один из славнейших воинов царствования Екатерины должен уступить свое место пришельцу немцу» (*Жизнь А. С. Пищевича, им самим описанная. 1795–1805. Часть 3 // ЧОИДР. Кн. 2. 1885 / Под ред. Е. В. Барсова. М., 1885. С. 236*), здесь же называет Россию «Отечеством» и печалится о судьбе ее. «Неужели мы хуже гатчиновских офицеров» – восклицает он, уже совсем не разделяя себя и русских.

Вывод. Петровская эпоха положила начало привлечению сербов в Россию. В это время закладывался законодательный фундамент, регулировавший эти отношения, образовывались первые военные поселения сербов, которые находились на защите российских границ. Православная солидарность принесла свои плоды обеим сторонам этого процесса. Сербь получали большие вольности, а Россия – отважных солдат. Всего за XVIII в. в Россию переселилось около 10 тысяч сербов. Многие имена остались в истории: Милорадовичи, Дебрирадовичи, Текелли.

Поселения сербов в Новороссийском крае способствовали его освоению и развитию. На местах, где им приходилось начинать жизнь с начала, они сумели построить свыше 122 поселений, в которых со временем появились канцелярии, школы и церкви. Постепенно сербы смешивались не только с русским населением, но и с поляками, болгарами и другими переселенцами. С устранением автономии поселений Хорвата, Прерадовича и Шевича, включением их в состав России на равных правах, этот процесс пошел быстрее. Поколение, выросшее в Российской Империи, уже не ощущало себя другим народом в чужой стране.

Александр Пишчевич осознавал свою принадлежность к сербскому роду, но уже в конце своих мемуаров и вовсе не упоминал о своем происхождении. Процесс ассимиляции шел быстро, и в этом огромную роль сыграла военная служба. В военных походах люди испытывали большую нужду, боролись с голодом, холодом, переживали потерю родных, и в такие моменты не важно происхождение, важны лишь поддержка и взаимовыручка. В этих же походах солдаты знакомились с самыми разными людьми, встречали друзей и любовь. Нельзя было остаться чужим, пройдя всю Россию и сражаясь с русскими бок о бок.

Библиографический список

1. Богоявленский, С. К. Связи между русскими и сербами в XVII–XVIII вв. / С. К. Богоявленский // Славянский сб. – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 241–261.
2. Гарабедян, А. Переселение болгар и сербов в Россию во время Петра Великого и его наследников / А. Гарабедян, Р. Комсалова // Сеоба Срба у Руско царство половином XVIII века. – Нови Сад, 2005. – С. 146–153.
3. Костяшов, Ю. В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке / Ю. В. Костяшов. – Калининград: КГУ, 1997.
4. Скальковский, А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1823 / А. Скальковский. – Одесса: Город. тип., 1836. – Ч. 1. С 1731 по 1796 год.

УДК 94(47).08

ТУЛЬСКОЕ ЕДИНОВЕРИЕ: МЕЖДУ «РЕЛИГИОЗНЫМИ ОТЩЕПЕНЦАМИ» И «ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКОВЬЮ»

А. В. Соколов
alks_2@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Работа затрагивает проблему социально-религиозной позиции тульского единоверия в конце XIX – начала XX в. В основном тексте рассмотрены: локальные публицистические материалы, процедура организации духовной жизни единоверия. Выводами работы являются: «господствующая» православная церковь находилась в позиции одновременно защиты и нападения на единоверие в публичном поле; единоверие как инструмент борьбы с «расколом» из-за длительного процесса проникновения в Тулу не был в полной мере реализован.

Ключевые слова: единоверие, «господствующая церковь», старообрядчество, публицистика, Д. Холопов, Г. Панов.

UDC 94(47).08

TULA EDINOVERIE: BETWEEN “RELIGIOUS OUTCASTS” AND “MAINSTREAM CHURCH”

A. V. Sockolov
alks_2@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The study focuses on the problem of the socio-religious place of edinoverie in the late 19th and early 20th. The main text is dedicated to: local publicistic materials, the order of the organization of the spiritual life of edinoverie. The conclusions of the work are: the "dominant" Orthodox Church was in a position to simultaneously defend and attack edinoverie in a public field; edinoverie, as a tool to fight the "raskol", because of the long process of penetration into Tula was not fully implemented.

Keywords: edinoverie, "Mainstream Church", Old Believers, journalism, D. Kholopov, G. Panov.

Начиная с Конституции РФ от 1993 года за человеком, пребывающим в России, было закреплено право свободы совести [2]. Неготовое общество, получившее право свободно исповедовать любые взгляды, в значительной своей массе перешло от атеистической (или формально атеистической) парадигмы

к теистической. Новообращённые вступали не только в «классические» течения, но и в новые религиозные движения. Результатом «теистического бума» стало столкновение государства с рядом «неудобных» религий, что привело к попыткам ограничить деятельность подобных движений. Наиболее показательным в этом смысле стал процесс над Свидетелями Иеговы [8]. Попытка борьбы с неудобными для государств религиями в той или иной форме прослеживается на разных этапах человеческой истории.

Долгое время наиболее «неудобным» религиозным движением с точки зрения Российского государства было старообрядчество. Борьба с людьми древнего благочестия выражалась как в применении откровенно репрессивных мер – смертных казней, ссылок на каторгу, двойного налогообложения – так и в более «мягких» по типу единоверия – миссионерских проповедей и приобщения к «никонским» обрядам через приходские школы.

Единоверие – как инструмент влияния на старообрядцев выделял ещё дореволюционный исследователь П. С. Смирнов [11, с. 207–217, 258–273]. Само по себе единоверие образовалось в 1800 году в результате обращения старообрядцев к императору Павлу с просьбой дать им священника, готового служить по дониконовским богослужебным текстам, в итоге обратившиеся староверы влились в синодальную систему Российской империи фактически как подчинённое звено «господствующей церкви».

Особенностью положения единоверцев было то, что «господствующая церковь» рассматривала единоверие как звено между «расколом» и «православием». В то же самое время сами сторонники данного направления считали своё положение конечным [1, с. 71]. В сравнении с другими старообрядцами единоверцы выделялись своим положением: они обладали большими правами и возможностями, однако воспринимались «чужими» представителями иных направлений староверия. Стоит отметить, что несмотря на близость к синодальной церкви единоверцы не были защищены от государственной репрессивной политики, а лишь обладали относительной стабильностью в сравнении с иными направлениями старообрядчества [6, с. 5].

Изучая единоверие, мы сможем понять особенности положения социальной группы, которая попала в промежуточное состояние между «своими» и «чужими», как со стороны государственной церкви, так и со стороны «религиозных отщепенцев».

Осмыслить единоверие пытался ряд исследователей: Д. С. Ермакова [1], А. С. Палкин [5; 6], П. Чубаров [12], Е. Саранча [10], О. А. Павлова [4] и другие. Однако само по себе тульское единоверие ранее не выступало в качестве самостоятельного объекта изучения.

В связи с чем целью данной работы является изучить положение тульского единоверия. Основной акцент будет сделан на конце XIX – начале XX века, так как только в 1894 г. создается единоверческий приход в Туле, однако будет затронут и более ранний период. Задачами же будут: раскрытие взаимоотношений по линии церковь-единоверие в Тульской губернии; установление динамики развития Тульского единоверия в конце XIX – начале XX века.

Впервые о единоверии на территории Тульской губернии заговорили в 1806 году, в связи с желанием старообрядцев создать единоверческую церковь (Бурцев М. Ф. О единоверии и единоверческой церкви г. Белев // Тульские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1902. № 11–12. С. 272), уже 25 июня 1807 г. они просили об этом епископа Тульского и Белевского Амвросия [5, с. 5], однако епархиальное начальство стремилось препятствовать этому процессу. По заверению протоирея М. Ф. Бурцева церковная власть опасалась того, что создание единоверческой церкви приведёт к тому, что всплывут ранее не зафиксированные старообрядцы (Бурцев М. Ф. О единоверии и единоверческой церкви г. Белев // ТЕВ. 1902. № 11–12. С. 297). Процесс создания единоверческой церкви затянулся на 12 лет и, фактически, белевское единоверие оформилось лишь в 1818 г., когда была основана Вознесенская церковь [7, с. 152]. Однако дальнейшего развития единоверия в Тульской губернии не произошло. Можно сказать, что до 1894 года единоверие рассматривалось Тульской епархией сугубо умозрительно, эти рассуждения находили свое отражение в Тульских епархиальных ведомостях.

Вообще, как отмечал Ряжев А. С.: «...до определённого времени негативным было отношение Церкви к единоверию: его возникновение считалось случайным, а назначение непонятным. Как следствие, умалчивал о единоверии в своей книге о «расколе старообрядства» Макарий (Булгаков), ничего о нём не было сказано даже в жизнеописании официального отца-основателя единоверия – митрополита Платона (Левшина). О том, что главная функция единоверия в Церкви – охранительная, впервые прямо и открыто заявил Н. И. Субботин» [9, с. 14–15].

В Туле же на протяжении 60-х – начала 90-х годов XIX века представители «господствующей церкви», как правило, в лице протоирея Георгия Панова, отстаивали идею практически равного значения приверженцев «господствующей церкви» и единоверческого крыла. Такой смысл публикаций обосновывался частыми нападениями на единоверие с нескольких сторон от представителей других направлений старообрядчества и консервативных элементов внутри церкви до либеральной прессы (Прим: Панов Г. К истории раскола в Тульской епархии // ТЕВ. 1868. № 19. С. 305–314; Панов Г. Новейшие события в единоверии // ТЕВ. 1872. № 19. С. 192–200; Панов Г. Единоверие по прежним и современным взглядам // ТЕВ. 1874. № 7. С. 251–260; Панов Г. Единоверие по прежним и современным взглядам // ТЕВ. 1874. № 8. С. 321–332; Панов Г. Современные движения в сектантстве // ТЕВ. 1882. № 2. С. 41–49). Главной задачей епархиальных публицистов было доказать, что единоверческое крыло необходимо церкви, а поэтому воспринимаются как равные участники церковно-старообрядческого союза. Так в 19 номере ТЕВ за 1868 год Панов Г. доказывает, что православные не считают единоверцев «раскольниками» (Панов Г. К истории раскола в Тульской епархии // ТЕВ. 1868. № 19. С. 309), естественно, эти высказывания носили сугубо идеологический и публичный характер. Реальность, по всей видимости, была иной: так, белевский исправник использует термин «раскольники» по

отношению к сторонникам единоверия (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Ф. 90. Оп. 1.Т. 39. Д. 21136. Л. 38).

Стоит отметить, что в церковной печати приходилось давать отпор не только «нападающему» на единоверие, но и самим единоверцам. Так, в публикациях за 1874 год Г. И. Панов пытался удержаться сразу на двух противоречивых позициях: с одной стороны, он заявлял о равенстве единоверцев и приверженцев «господствующей церкви», а с другой он пытался доказать, что расширить права легальных старообрядцев невозможно и это в принципе недопустимо (Панов Г. Единоверие по прежним и современным взглядам // ТЕВ. 1874. № 7. С. 251–260). Подобные выпады на единоверцев объяснялись церковниками стремлением «сохранить» их благочестие, которое, по их мнению, заключалось не в обрядовости, а в единстве единоверцев и «господствующей церкви» (Панов Г. Наши ревнители «древнего благочестия» и их противники // ТЕВ. 1878. № 20. С. 226).

Недопустимым с точки зрения церкви было проявление «фанатизма» в единоверии (Панов Г. Наши ревнители «древнего благочестия» и их противники // ТЕВ. 1878. № 20. С. 226), под которым, по-видимому, понималось стремление к выходу из полной зависимости от государственной церкви. Так же высказывались и критические замечания в сторону единоверческого обряда. Отчасти это было связано с распространённой идеей свободного перехода от «никонианства» в единоверие. По поводу данной идеи в ТЕВ не было дано прямого комментария, однако следующая цитата из «Церковно-общественного вестника»: «Нет необходимости содействовать переходу из правильного обряда к обряду менее правильному; требуется совершенно обратное» (Панов Г. Современные движения в сектантстве // ТЕВ. 1882. № 2. С. 49) – демонстрирует основной вектор суждений представителей «господствующей церкви». При этом не только религиозное, но и гражданское положение единоверца было ниже представителя «господствующей церкви».

В публицистике также проскакивали и заявления, носящие отчасти угрожающий характер, так Г. И. Панов писал: «Если же единоверие будет воспитывать в себе такие же верования, такие же предубеждения, такие же выдумки против Церкви, какие есть у старообрядцев, то единоверие уже будет не с Церковью, но с расколом» (Панов Г.И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 253). Такие предупредительные меры были вызваны опасением сепаратизма направления, которое отчасти функционировало на деньги церкви и могло начать конкурировать с легальным православием. Всё это отчасти противоречило линии, проводимой Священным Синодом, так, согласно «Правилам об устройстве миссии...» от 1888 года, предписывалась борьба с предубеждениями об «опасности» единоверия для церкви («Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам», определение Святейшего Синода от 25 мая 1888 года, № 1116 // Миссионерский Спутник. Настольная справочная книжка по расколосектоведению и миссионерству / Под ред. В. М. Скворцова. СПб., 1904. С. 638.). Впрочем, ощущение единоверческого сепаратизма было распространено у духовенства той поры [5, с. 257].

Наиболее существенную роль в Туле единоверцы начнут играть с 30 ноября 1894 г., когда они подали ходатайство Священному Синоду о постройке храма в Туле (Панов Г. И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 246–247). Местом для постройки была выбрана Чулковая слобода, представляющая собой центр поморцев (Панов Г. И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 246–247).

Подготовка строительства единоверческого храма затянулась, поэтому процесс по юридическому оформлению постройки был приостановлен и возобновился лишь 8 марта 1901 года (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 891. Л. 19). Вначале была учреждена строительная комиссия, которая определила место строительства храма. По итогу её деятельности было принято решение возводить храм в Чулковой слободе, а приказ о начале непосредственно строительства был принят только 23 июня 1903 года (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 289. Л. 16, 22). Деньги на строительство храма поступали, преимущественно, из трех источников: трансферные средства синодальной церкви, пожертвования единоверцев и деньги, полученные по завещаниям. На третьем пункте стоит остановиться чуть подробнее. Нам удалось выявить двух, крупных посмертных жертвователей. Первым был алексинский купец Михаил Яковлев Салищев: о его жертвенном даре в 5000 рублей сообщили 6 ноября 1900 года, через день после смерти завещателя (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 891. Л. 1, 19). Другим крупным завещателем стал московский купец Яков Петрович Прошин, родившийся в Чулковой слободе Тулы (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 579. Л. 2). Он завещал 6800 рублей и уполномочил своего сына Николая Яковлевича Прошина внести эти деньги для обеспечения церковной утварью единоверческого храма, также по завещанию в Государственный банк было положено 5000 рублей, процент от которых должен был идти на обеспечение единоверческого храма (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 579. Л. 2об). Сам Николай ранее жертвовал на его строительство 3000 рублей и позже регулярно вносил деньги на его обеспечение (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 579. Л. 2). Сумма его пожертвований уже к 1906 году составила 20 тысяч рублей (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 579. Л. 25об), а когда выплаты прекратились, то в консистории было решено «мотивировать» его, выдав орден, однако, т.к. он не подходил по нормативным актам ни под одну награду, было принято решение вручить медаль «За усердие», за которую тот отдал ещё 50 рублей (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 579. Л. 25, 37, 40). В конечном счете строительство было завершено лишь в 1913 году, однако к этому времени ситуация в религиозной плоскости сильно изменилась: после реформ 1905–1906 старообрядцы получили право легально исповедовать свои взгляды, что нанесло ещё один удар по «привлекательности» единоверия для остальных староверов, т.к. теперь они могли сохранять древнее благочестие даже формально не принадлежа, как они говорили, к «антихристовой церкви».

Несмотря на то, что строительство церкви началось только в 1903 г., вопросами организации полноценной церковной жизни занялись уже в 1894 году. Так 23 декабря 1894 года в сан священника был возведен Доментий Холопов, перешедший из поморского согласия в единоверие и до постройки храма ис-

полняющий свои обязанности священника «под Сборною колокольнею» (Панов Г. И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 247), а с 1898 г. он стал исполнять обязанности миссионера [4, с. 89]. Доментий приехал в Тулу из Самарской губернии, где ранее уже был священником вплоть до отстранения от должности 5 июля 1893 за ряд грубых нарушений, в том числе «повенчанье в корыстных целях многих чужеприходных храмов лиц православного исповедания» (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 7507. Л. 6об.), из-за чего за ним в Туле был установлен особый контроль (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 2802. Л. 6об.), а его сыну было затруднительно получить должность псаломщика в тульском единоверческом приходе (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 2802. Л. 6–9).

Перед отцом Домением стояла задача присоединить как можно больше старообрядцев к синодальному православию – единоверию, на первых порах своего священства «он присоединил к православию в течение двух недель до 20 человек, так что с прежде бывшими единоверцами мужская и женского пола всех единоверцев в Туле теперь до 40 человек» (Панов Г. И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 248). Несмотря на усилия Холопова, эта религиозная группа всё равно оставалась малочисленной (Панов Г. И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 247). Протоирей Панов Г. отмечал, что остальные старообрядцы в Туле относились к единоверию крайне негативно (Панов Г. И. Открытие единоверческой церкви в Туле // ТЕВ. 1895. № 10. С. 249), что и сказывалось на медленном приросте последователей единой веры.

Таким образом, можно прийти к ряду выводов. Во-первых, старообрядчество в локальной церковной публицистике воспринимается неоднозначно: представителям «господствующей» церкви приходилось всё время лавировать в плоскости защиты-нападения на единоверие. Основной же задачей публицистов было отстаивание идеи сохранения текущего положения единоверцев и убеждения «противников» единоверия в его необходимости. Во-вторых, в Тульской губернии единоверие возникло в городе Белеве в начале XIX века, однако развитие это религиозное движение не получило. В самой же Туле единоверчество активизируется в 90-ые годы XIX века в связи с желанием открытия своей церкви, однако процедура сначала подготовки, а потом строительства затянулась и завершилась, когда единоверие уже не могло представлять прежнего интереса для староверов, т. к. в 1913 г. они уже свободно могли исповедовать свои взгляды. То есть единоверие как инструмент борьбы с старообрядчеством не был успешно реализован.

Так или иначе тему исследования тульского единоверия нельзя считать завершённой, автором была лишь затронута данная проблематика. Вопросы о связи единоверия и миссионерской деятельности, на наш взгляд, требуют отдельного исследования; вопрос о численности единоверцев, мы считаем, не может рассматриваться изолированно от численности остального старообрядчества и сопоставления этих показателей с демографическим положением в Тульской губернии; связанный с численностью встает вопрос об искренности единоверцев в единстве с «господствующей церковью», на данный момент автором была выявлена раблепная статья из ТЕВ, где единоверческий священник Д. Холопов

достаточно в уничижительной форме высказывается о своей религиозной принадлежности (Холопов Д. К столетнему юбилею единоверия // ТЕВ. 1901. № 2. С. 41–47), однако мы не можем проецировать на всё тульское единоверие; ещё одним одной нерешенной задачей остается вопрос о взаимосвязи тульского единоверчества с другими старообрядцами.

Библиографический список

1. Ермакова, Д. С. О понятии «единоверие» в XIX – начале XXI века / Д. С. Ермакова // Исторические исследования в Сибири: Проблемы и перспективы. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. – С. 69–73.
2. Конституция Российской Федерации: [Принята на всенар. голосовании 12 дек. 1993 г.] [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitution.garant.ru/> (дата обращения 02.03.2021).
3. Лисицына, О. Л. Церковные реформы, направленные на изменение положения раскольников и сектантов в конце XIX – начале XX в.: (Региональный аспект) / О. Л. Лисицына // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1. – С. 82–92.
4. Павлова, О. А. Единоверие в контексте правительственной и церковной политики России в XVIII– начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. А. Павлова. – Н. Новгород, 2007.
5. Палкин, А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: Общероссийский контекст и региональная специфика / А. С. Палкин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.
6. Палкин, А. С. Отношение старообрядцев поморского согласия к единоверию: (На примере полемических сочинений И. И. Зыкова и Д. В. Батова из собрания древлехранилища ЛАИ УРФУ) / А. С. Палкин // Информ. обеспечение науки: Новые технологии. – Екатеринбург, 2012. – С. 372–376.
7. Приходы и церкви Тульской епархии: [Извлечение из церковно-приходских летописей]. – Тула: Тип. Соколова и Фортунатова, 1895.
8. Решение Верховного Суда РФ от 20.04.2017 г. № АКПИ17-238 [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042017-n-akpi17-238/> (дата обращения: 02.03.2021).
9. Ряжев, А. С. Старообрядчество юга России в политике абсолютистского государства (XVIII в.) / А. С. Ряжев. – Элиста: Изд-во Калмыцкого науч. центра РАН, 2018.
10. Саранча, Е. Краткий очерк истории единоверия / Е. Саранча, И. Миролюбов, Н. П. Зимина. – М., 2009.
11. Смирнов, П. С. История русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1895.
12. Чубаров, П. История становления русского православного единоверия / П. Чубаров // Православное единоверие в России. – СПб., 2004. – С. 53–60.

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

ТГУ
им. Л. Н. Толстого

Секция 3

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГОСУДАРСТВ
И НАРОДОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ПРОШЛОГО**

УДК 94(3)

ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТОРА ВЕСПАСИАНА

Р. М. Бобин

sorcerer071@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. *Статья посвящена особенностям восточной политики императора Веспасиана. Выстраивание внешней политики Веспасиана на восточных границах империи на рубеже 70–80 гг. зависело от возрастающей угрозы северных и среднеазиатских кочевников. Их очередное нашествие могло обернуться тяжелейшими последствиями не только для Римской империи, но и для всей античной цивилизации в целом. Грамотное использование этой силы в своих политических целях позволило Веспасиану решить вопросы не только со своими внешними врагами, но и повысить свой авторитет в глазах плебса.*

Ключевые слова: *император Веспасиан, Закавказье, Парфия, Армения, аланы.*

UDC 94(3)

FEATURES OF EASTERN POLICY EMPEROR VESPASIAN

R. M. Bobbin

sorcerer071@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. *The article is devoted to the peculiarities of the Eastern policy of the Emperor Vespasian. Features of building Vespasian's foreign policy on the eastern borders of the empire at the turn of 70–80. at that time depended on the growing threat of the northern and Central Asian nomads. Their invasion could have had dire consequences not only for the Roman Empire, but for the entire ancient civilization as a whole. The competent use of this power for his political purposes allowed Vespasian to resolve issues not only with his external enemies, but also to raise his authority in the eyes of the plebs, which allowed him in the future to glorify his dynasty for many centuries to come.*

Keywords: *Vespasian, Transcaucasia, Parthia, Armenia, Alans.*

На рубеже 70–80 годов н. э. Риму, кроме внутренних проблем вследствие недавно окончившейся гражданской войны, которая своей масштабностью потрясла всю империю, необходимо было срочным образом решать вопросы по

защите своих внешних рубежей от все нарастающей на тот момент угрозы северных и среднеазиатских кочевников. Несмотря на то, что Парфянский вопрос был «как всегда временно решен» то по ситуации с кочевниками необходимо было предпринимать незамедлительные меры, реализация которых, легло тяжелым бременем на плечи нового главы римской администрации Тита Флавия Веспасиана.

В начале своего пути бывшему наместнику Иудеи пришлось оказаться перед серьезным выбором, но события, которые привели к гибели императора Гальбу (он должен был усыновить его сына Тита Флавия) подстегнули его к решительным действиям бороться за высшую власть. В «первом туре» он вступил в противостояния с двумя принцепсами Авлом Вителлиям и Марком Сальвием Отоном. К счастью для Веспасиана в процессе борьбы Отон сошел с дистанции, не выдержав позора и от нежелания продолжать гражданскую войну, покончил жизнь самоубийством (Тас.Нистр. II, 49). Во «втором туре» Флавий столкнулся с непререкаемым авторитетом Авла Вителлия. Об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил по себе позорную память, однако провинциями он управлял с поистине древнею доблестью (Тас. Ann.VI.32.2). Однако не смотря на целый ряд факторов, которые могли негативно повлиять на его предвыборную компанию Веспасиан в этом марафоне вышел победителем, благодаря в большей степени своему «предвыборному штабу», «который наряду с завоеванием общественного мнения проявил трезвую и подчас циничную практичность, внимательную ко всем мелочам» [7, с. 326]. Однако роль самого Веспасиана на всех этапах гонки недооценить так же невозможно.

Придя к власти при поддержке армии, а не по праву наследования он предпочел следовать курсу, проводимому ранее Августом, но в тоже время учитывая негативный опыт Цезаря, считался с мнением сената, тем самым исключив оппозиционные настроения в обществе [2, с. 54].

Благодаря своей политической гибкости и грамотно выстроенным отношениям с сенатом Веспасиан прекратил репрессии (Suet.Vesp. 15) и за счет достойнейших и честнейших людей (Suet.Vesp. 9,2) увеличил численность законотворцев с 200 до 1000 человек (Aur.Vict.De caesaribus IX.10). Пролоббировав «Закон о власти» обеспечил своим сыновьям престолонаследие и вошел в историю, как основатель новой династии Флавиев. Став посмертно обожествленным императором, заимев себе хорошую репутацию, подтвержденную позитивными отзывами выдающихся античных историков.

Веспасиан настолько хорошо укрепил финансы государства, что смог провести целый ряд дорогостоящих строительных проектов, наделяя работой большое число граждан. Был восстановлен разрушенный после войны Капитолий, построен форум Веспасиана, великолепный Храм Мира, и начато строительство самого известного древнеримского сооружения, грандиозного амфитеатра Флавиев, названного Колизеем. Колизей был торжественно открыт при следующем императоре Тите, сыне Веспасиана [5, с. 159].

В месте с тем о налаживании внешнеполитических связей, об устройстве оборонительных позиций и наступательных целях на востоке империи и на ее

Закавказских просторах в период правления императора Веспасиана до сих пор существует множество суждений и споров. На эту тему исследователи антиковеды и их коллеги по цеху археологи опубликовали не мало научных статей и монографий, в которых на основе исследованных материалов изложили свои точки зрения. В месте с тем вопрос до сих пор открыт и научная дискуссия по данную тему продолжается.

Большинство авторов, которые в своих суждениях приходят к выводам, что внешняя политика Веспасиана была выстроена с учетами угрозы экспансивных проявлений со стороны северных варваров, таких как скифов, сарматов и главным образом аланов, так же отмечают, что масштабность проявления активности была довольно обширна. Своим появлением, кочевники наводили ужас и разрушения на западных границах империи, где на Дунайских просторах хозяйничало сарматское племя роксолан. Так же не стоит забывать, что Северо-Западное Причерноморье в это время контролировалось мощнейшей сарматской группировкой царей Фарзоя и Инисмея, в состав которой вполне могли входить и находившиеся западнее роксоланы [6, с. 88]. При Нероне они находились в союзе с Римом, защищая империю от набегов степных северных племен, за это им было позволено чеканить собственную монету на монетном дворе Ольвии.

Вместе с тем при рассмотрении вопроса об особенностях внешней политики Веспасиана на востоке необходимо учитывать возможность появления среднеазиатских кочевников, с юго-востока через Каспийские ворота у г. Раг. Данные варвары творили бесчинства на всей территории Закавказья, восточных границах Римской империи, а также северных границах Парфянского царства.

Несомненно, если бы не было угрозы экспансивных проявлений со стороны северных и среднеазиатских кочевников, римляне нашли другие факторы, на основании которых стали бы выстраивать отношения между империей и соседними государственными образованиями. Однако стоит отметить, что на тот момент Веспасиану было необходимо прославиться в своих военных достижениях, чтобы авторитетно разбираться с римской знатью, которая ни как ни хотела принимать его провинциальную сущность.

При предыдущей администрации однозначно жестко-агрессивная позиция римского государства по отношению к другим народам, укладывалась в концепцию где «весь мир у римлян делился на те земли, которые находились полностью под властью римлян или в той или иной степени зависимости от них, и земли враждебных варваров, которые требовалось еще завоевать и этом враги римлян должны были быть уничтожены любой ценой» [9, с. 247].

Свою внешнюю политику Веспасиан начал с усиления римского военного присутствия на Восточных границах империи. По мнению А. Панова, ранее при Юлиях Клавдиях военная линия Римской империи была преимущественно наступательной, что и влияло на распределение ресурсов. Рутинные обязанности по охране всего периметра границ перекладывались на плечи клиентов, в то время как римляне концентрировали войска на ключевых направлениях, где предполагалась наступательная активность. Политика Флавиев была более

сдержанной, хотя официально о переходе к обороне еще не было заявлено. В связи с этим войска вдоль границ стали распределяться равномерно. Постоянное размещение гарнизонов в выдвинутых вперед зависимых государствах стало практиковаться гораздо чаще. Клиентские государства по мнению А. Панова играли роль первого пояса обороны, он одновременно укреплялся или создавался второй пояс, охватывающий провинциальные земли.

Так же свою версию по выстраиванию внешней политики представил Э. Люттвак, который считал, что клиентские государства стали больше походить на роль буферов, единственной функцией которых – быть нейтральной зоной, чтобы избежать столкновения с внешними силами. По его мнению, буфер не был обязан отражать угрозы извне, и он не мог быть привлечен на одну сторону без провоцирования другой [11, s. 114–116].

Стоит отметить, что буферные зоны формировались римлянами, они выглядели как мертвые не заселенные полосы, которые создавались перед римскими границами. Местная администрация при возникновении угрозы со стороны, была не способна грамотно оценить ситуацию и дать достойный отпор противнику. Тем более в организованных буферных зонах, сформированных еще при Нероне, как правило стояли вспомогательные отряды, состоящие из ветеранов и местного населения, недавно получивших римское гражданство за вступление в армию.

Однако при Веспасиане стало понятно, что нейтральное буферное государство малоэффективно для использования в римских целях в силу легкой уязвимости. Поэтому римляне либо расширяли в нем свой воинский контингент, либо поддерживая добрососедские отношения всячески помогали материально.

После известного восстания Аникета для поддержания миропорядка в центральный порт Южного Понта Трапезунт были введены римские вексилляции (CIL. III, 6745). Возможно, что эти мероприятия являлись частью плана по укреплению восточных границ, на которых ситуация стала стремительно меняться. Политика Флавия стала все больше ориентироваться на собственные римские ресурсы, а не на помощь зависимых государств в охране подступов к Империи [4, с.178].

Случайно или нет, но в 72 году до Веспасиана дошла информация «о готовящемся союзе Антиоха Коммагенского и его сына Елифана с Вологезом против Рима. Этот союз мог представлять опасность, так как Самосата, столица, располагалась на Евфрате около одной из лучших переправ через эту реку, и, следовательно, парфяне получили бы прекрасную базу для операций в Сирии и Киликии. Пета уполномочили выступить против Антиоха, что он и сделал со всей возможной стремительностью» [1, с. 172]. При резком обострении обстановки в отношении Коммагены «царь пустился в бегство. Это привело его войска в такое уныние, что они перешли к римлянам, а царевичи, сопровождаемые охраной всего лишь из 10 человек, бежали искать убежища у Вологеза. Парфяне оказали сыновьям Антиоха радушный прием, но позже выдали их Велию Руфу, которого прислал Веспасиан. Римляне посадили Антиоха под арест, но позволили ему жить

в Спарте, где предоставили достаточно денег, чтобы он смог содержать подобающее его царскому достоинству поместье» [1, с. 172].

Учитывая, что при Нероне по воле случая Вологезу все-таки удалось пристроить своего младшего брата на трон в Армении, Веспасиан все равно старался выстраивать отношения с парфянским царем с осторожностью. Благодаря этому их отношения вполне позволяли рассчитывать на помощь друг друга в трудной ситуации. Факт передачи Антиоха Веспасиану еще раз подтверждает, что отношения Вологеза и Веспасиана на тот момент можно назвать как минимум «партнерскими».

К тому времени значительно возрос статус Каппадокии, которая при Веспасиане стала мощным оборонительным комплексом. На Каппадокию возлагалась защита римских интересов на северо-востоке Империи. Изменение статуса управления позволило увеличению воинского контингента, и как следствие эта провинция была переведена в разряд провинций первого ранга. Кроме того, расширена была территория провинции, в состав Каппадокии была включена Галатия. В итоге из «территории бывших клиентов – Малой Армении и Коммагены – была образована новая большая провинция Галатия-Каппадокия под охраной двух легионов. Линия обороны теперь проходила здесь по верхнему Евфрату и далее по черноморскому побережью. Считается, что в Малой Азии Веспасиану удалось создать мощный плацдарм для будущего продвижения римлян на северо-восток, в сторону Кавказа» [8, с. 44].

По мнению А. Р. Панова новым мощным фактором, который играл все более важную роль в римской восточной политике, стали аланы, которые не были однозначно враждебны Риму, но чья агрессивность требовала самого пристального внимания со стороны императора. Вместе с тем А. Р. Панов является сторонником версии, исключающей появление среднеазиатских кочевников со стороны юго-восточного побережья Каспийского моря, идущей в разрез с версией о тайной дипломатии Веспасиана в отношении смены власти Фарзоя и Инесмея и нейтрализации их гегемонии на северо-западных границах Римской Империи [8, с. 50].

В этой связи можно привести версию С. А. Яценко, который изучив древний грузинский эпос «Картлис Цховреба» и труды Иосифа Флавия, выдвинул на их основе гипотезу об аланских братьях царях Базуке и Амбазуке, совершивших поход на Армению и выдавших свою сестру замуж за боспорского царя, с целью закрепления своего участия в походах боспорских войск против скифов [10, с. 48–49]. Мнение Е. Тойблера также подводит нас к тому, что аланское вторжение, возможно, осуществлялось через юго-восточное побережье Каспийского моря, так как пройти через Дербентский проход они не могли, ведь он никогда не принадлежал Гиркании. И даже если предположить иное, то в Мидию в любом случае варвары бы сразу не попали, так как с начала им пришлось бы пройти через Албанию, которая как раз находится на пути через Дербент [12, с. 14].

В этом случае задействование римлянами военной силы своих новых союзников могло происходить и по другим направлениям, например в сторону Парфии. Однако, очевидно, что в первую очередь, варваров следовало бы,

использовать против северных соседних царей Фарзоя и Инисмея, так как Парфия в данный период была временно нейтрализована силами тех же кочевников возможно даже без участия Рима. Видимо, не случайно именно в 70-х гг. I в. н. э. прекращается чеканка варварских монет на монетном дворе Ольвии и упоминания об указанных правителях исчезают из источников [9, с. 111]. Таким образом, не использовать такой мощный аланский фактор в своих внешнеполитических устремлениях, в частности против царства Фарзоя, римляне просто не могли. Поэтому не исключено, что поход 72 г. на Закавказье, действительно был инспирирован Римом [8, с. 84]. В интересы Веспасиана не входило дальнейшее дотирование враждебно настроенных соседей.

Предыдущая концепция римской администрации по управлению соседними племенами и народами средствами дотаций и разного рода преференций устарела. Необходим был свежий взгляд на решение проблемы, менее затратный и в то же время крайне эффективный. Появление среднеазиатских кочевников в Закавказье, и возможно сепарация Гиркании, сыграли «на руку» Веспасиану. Благодаря своей тайной дипломатии он сумел решить вопрос с северными кочевниками, однако вопрос с их преемниками пока оставался открытым. Вместе с тем основной «партнер» Парфянское царство так же на время был нейтрализован.

Библиографический список

1. Дибвойз, Н. К. Политическая история Парфии / Н. К. Дибвойз; Пер. с англ., Науч. ред. В. П. Никонорова. – СПб., 2008.
2. Крикуненко, Д. В. Веспасиан и сенат: Проблемы взаимодействия / Д. В. Крикуненко // Науч. тр. Калуж. гос. ун-та им. К. Э. Циолковского. Сер. Гуманитарные науки. – 2020. – С. 52–57.
3. Марченко, И. И. Сираки Прикубанья / И. И. Марченко. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996.
4. Панов, А. Р. Северо-восточные рубежи Римской империи: Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья во II в. до н. э. – начале II в. н. э. / А. Р. Панов. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
5. Попов, А. А. Краткий очерк по истории Античности / А. А. Попов. – СПб., 2007.
6. Симоненко, А. В. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. / А. В. Симоненко, Б. И. Лобай. – Киев: Наук. думка, 1991.
7. Смирнова, Е. Л. Рождение принципата Флавиев / Е. Л. Смирнова // История: мир прошлого в современном освещении: Сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова; Под ред. проф. А. Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2008. – С. 306–326.
8. Ярцев, С. В. Римская военно-политическая стратегия в Северном Причерноморье во время правления императора Веспасиана / С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев // Tractus Aevorum. – 7 (1). – 2020. – С. 39–64.

9. Ярцев, С. В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии / С. В. Ярцев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2014.

10. Яценко, С. А. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э. / С. А. Яценко // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы VI науч. конф. – Ростов н/Д, 1992. – С. 48–49.

11. Edward, N. Luttwak. The Grand Strategy of the Roman Empire / N. Edward. – Baltimore; L., 1976.

12. Täubler, E. Zur Geschichte der Alanen / E. Täubler // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. – Leipzig, 1909. – Bd. IX. – S. 14–28.

УДК 94.37

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ИРАНА И ВИЗАНТИИ В VI в.

О. С. Зайковская
1316643@bsu.edu.ru

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация. В статье представлен анализ военных конфликтов Византии и Ирана в VI в. Делается попытка проследить качественные изменения в организации византийской армии, вопросах фортификации и логистики с учетом персидского влияния.

Ключевые слова: византийское военное дело, Анастасий, Юстиниан, Ранняя Византия, персы.

UDC 94.37

ON THE QUESTION OF THE MILITARY CONFLICTS OF IRAN AND BYZANTIUM IN THE VI CENTURY

O. S. Zaykovskaya
1316643@bsu.edu.ru

Belgorod National Research University

Abstract. The article presents an analysis of the military conflicts of Byzantium and Iran in the VI century. An attempt is made to trace the qualitative changes in the organization of the Byzantine army, the issues of fortification and logistics, taking into account the Persian influence.

Keywords: Byzantine military affairs, Anastasius, Justinian, Early Byzantium, Persians.

Период IV – первой половины VII вв. можно назвать временем постоянных военных конфликтов между двумя сильными империями-соседями – Византией и Персией. Причем своеобразным яблоком раздора между ними служили области Армении, Лазики и Месопотамии [6, с. 81]. Помимо длительных, порой затяжных кампаний стоит сказать, что обе империи, безусловно, оказывали непосредственное влияние друг на друга, выраженное не только в тесных культурных связях, придворном церемониале (сильно повлиявшем на византийский придворный этикет) [6, с. 86], но и в особенностях военного искусства [6, с. 84].

Важно понимать, что VI в. стал показательным, поскольку военные конфликты назревали фактически при каждом новом императоре, начиная с Анастасия I. Последующие правители сталкивались с военной угрозой со стороны персов с переменным успехом, однако переломный момент наступил, фактически, после окончания продолжительной Лазской войны, которая вымотала обе империи и вынудила заключить перемирие. Войны Византийской империи с империей Сасанидов стали, по нашему мнению, своеобразным маркером трансформации для обеих военных организаций. Поэтому в данной статье нам представляется важным обратиться к военным кампаниям VI в., которые произошли в период правления Анастасия I, Юстина I, Юстиниана I, так и Тиберия II, Маврикия и сделать попытку проследить качественные изменения, в первую очередь, в византийской военной организации. Также принципиально важно ответить на вопрос касательно особенностей персидского искусства, которые можно проследить на протяжении столетия.

Итак, обратимся к эпохе правления Анастасия I, которая характеризовалась еще дореволюционными исследователями как качественно новая эпоха [5, с. 44]. При этом одним их характерных отличий можно назвать беспрерывные войны сразу на нескольких фронтах. Прежде всего, следует упомянуть Исаврийскую войну (492–496 гг.), своеобразную гражданскую войну, развязанную братом умершего императора Зенона Лингипом. Военные действия с хорошо обученными исаврами, как мы полагаем, показали несовершенство военного состава византийской армии, который основывался по большей части на готах-федератах. Так, позднее Анастасием будет проведен ряд реформ по оздоровлению армии [7, с. 95], результаты которого можно наблюдать во время правления уже Юстина I и Юстиниана I. Касательно войн с персами следует подчеркнуть, что военные конфликты между двумя соседями шли с переменным успехом [5, с. 352]. Причем принципиально важным моментом, по нашему мнению, является то, что именно непрекращающиеся войны с персами, в особенности персидская война во время правления Анастасия, обнажили острый недостаток в опорных пунктах для византийской армии в области Месопотамия. И здесь стоит сказать, что именно Анастасием было начато фортификационное строительство как в восточных областях, так и по всей империи. В частности, во второй книге Прокопий подробно останавливается на городе Дара [8], основанном императором Анастасием в Месопотамии, который желал сделать из совершенно неизвестной деревни на границе с персами «город, который будет передовым оплотом против врагов» (Proc. De aed. II.1.4). Юстином и Юстинианом были продолжены данные меры, укрепившие восточные границы и подготовившие Византийскую империю к дальнейшим столкновениям с империей Сасанидов.

Касательно эпохи правления Юстина I необходимо сказать, что им были продолжены тенденции, заложенные Анастасием, в первую очередь, фортификационное строительство, о котором подробно излагается в написанном позднее сочинении Прокопия Кесарийского. Вместе с тем, время правления Юстина зачастую отождествляется исследователями с сильным влиянием Юстиниана,

который стал следующим императором. Время правления Юстиниана во многих отношениях стало показательным для Византийской империи как в направлениях внутренней, так и внешней политики. Византийская военная организация, безусловно, испытала влияние таких общих процессов военного дела как ориентализация и медиевализация. Подробнее остановимся на процессе ориентализации. В рассматриваемый нами период происходит заметное усиление роли конницы. Конные подразделения были характерны как для варварских народов, так и для персидской военной организации, которая таким образом использовала кавалерийскую тактику ведения боя. Поэтому закономерным было то, что Византия переняла данный аспект, находясь в поиске новых путей развития. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что для эпохи Юстиниана характерно также взаимовлияние двух военных организаций – византийской и персидской. Это взаимовлияние можно так же отметить и в схожих военных построениях, например, в сражении при Даре [6, с. 85]. Время правления Тиберия II и Маврикия обнажает несовершенство византийской военной организации. Усиливается, однако, тенденция выхода конницы на первый уровень и становления пехоты в качестве вспомогательного соединения. Данный момент можно уже проследить не только в персидских кампаниях, но и на законодательном уровне – в Стратегиконе [3].

Касательно военной организации персов на протяжении VI в. стоит отметить, что одной из прерогатив было повсеместное использование тяжелой конницы катафрактов, а также лучников, начинающих бой. При этом в военном деле сохранялись и традиции ахеменидов [1]. Вместе с тем, изучение военного искусства персов осложняется недостатком сохранившихся персидских военных трактатов, которые позволили бы составить более целостную картину состояния персидской армии [2].

Таким образом, конфликты империи Сасанидов и Византии за преобладание в Передней Азии на протяжении VI в. шли с переменным успехом. Безусловно византийская военная организация переживала качественные изменения, на которые влияли войны с персами. В частности, начало фортификационного строительства, создание целой сети логистики было начато императором Анастасием после неудачной для Византии персидской войны, обнажившей, тем самым, необходимость создания опорных пунктов. Также усиление роли конницы наблюдается на протяжении всего столетия и, как нам предполагается, связано с персидским влиянием. Итак, войны с персами оказали значительное влияние на византийскую армию.

Библиографический список

1. Дмитриев, В. А. К вопросу об «ахеменидских традициях» в военном деле сасанидского Ирана / В. А. Дмитриев // Псков. воен.-ист. вестн. – 2015. – С. 34–42.
2. Иностранцев, К. А. Сасанидские этюды / К. А. Иностранцев. – СПб., 1909.

3. Маврикий. Стратегикон / Маврикий; Пер. В. В. Кучмы. – СПб., 2004. – (Византийская библиотека: Источники).
4. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках: В 2 ч. – М.: Арктос Вика-пресс, 1996.
5. Успенский, Ф. И. История Византийской империи / Ф. И. Успенский. – М.: Астрель; АСТ, 2005. – Т. I.
6. Чекалова, А. А. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. / А. А. Чекалова // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 81–104.
7. Шувалов, П. В. Секрет армии Юстиниана / П. В. Шувалов. – СПб.: ПВ, 2006.
8. Croke, V. Procopius and Dara / V. Croke, J. Crow // Journal of Roman Studies. – 1983. – 73. – P. 143–159.

УДК 93/94

**ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛОЖЕНИЯ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. В БЕСЕДАХ А. Н. ЯКОВЛЕВА
С ЗАПАДНЫМИ ПОЛИТИКАМИ И ЖУРНАЛИСТАМИ**

А. А. Кулинкин
1983lazarev@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. *Статья посвящена анализу бесед одного из соратников М. С. Горбачева в период «перестройки» А. Н. Яковлева с западными политическими и общественными деятелями, а также журналистами о положении в странах Центральной и Восточной Европы и политике, проводимой в отношении этих стран Советским Союзом и западными державами.*

Ключевые слова: *Советский Союз, «перестройка», страны Центральной и Восточной Европы, «бархатные революции», западные политические деятели и журналисты.*

UDC 93/94

**PROBLEMS OF THE SITUATION IN THE COUNTRIES
OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE IN THE SECOND HALF
OF THE 1980S. IN CONVERSATIONS WITH WESTERN POLITICIANS
AND JOURNALISTS, A. N. YAKOVLEV**

A. A. Kulinkin
1983lazarev@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. *The article analyzes the conversations of one of Gorbachev's associates during the perestroika period, A. N. Yakovlev, with Western political and public figures, as well as journalists, about the situation in the countries of Central and Eastern Europe and the policy pursued by the Soviet Union and Western powers towards these countries.*

Keywords: *Soviet Union, «perestroika», Central and Eastern European countries, «velvet revolutions», Western politicians and journalists.*

Положение в странах Центрально-Восточной Европы, которые во второй половине 1980-х гг. были союзниками СССР по Организации Варшавского Договора, находилось в поле зрения как советского руководства, так и руководителей западных государств. В ноябре 1986 г. на очередном заседании ПКК стран –

членов ОВД Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев высказался о необходимости развития подлинно равноправных отношений между государствами социалистического содружества. Это было расценено на Западе как ослабление контроля Москвы за странами Восточной Европы и возможность поощрять в этих странах проведение демократических преобразований. Изучив политическую и экономическую ситуацию в странах ЦВЕ, профессор исследовательского института международных отношений при Колумбийском университете С. Биалер, в своем выступлении на слушаниях в Палате представителей конгресса США заявил, что в ближайшие годы в Восточной Европе следует ожидать народных волнений и серьезных социальных взрывов. США взяли на вооружение стратегию «распространения демократии», предполагавшую прежде всего внедрение в странах ЦВЕ американских представлений о демократии. Успешное восприятие американского опыта должно было втянуть эти страны в сферу влияния США [1]. Записи бесед А. Н. Яковлева, члена и секретаря ЦК КПСС в 1986–1990 гг., а затем члена Политбюро ЦК КПСС в 1987–1990 гг., одного из активных и влиятельных соратников М. С. Горбачева, с западными политиками и журналистами позволяют лучше представить позиции лидеров Советского Союза и западных государств о положении в странах Центрально-Восточной Европы и о политике, проводимой с обеих сторон в отношении этих стран.

Во время беседы А. Н. Яковлева с директором Института международных изменений Колумбийского университета США С. Биалером 20 мая 1986 г. советской стороной была получена информация, подчеркнута названная конфиденциальной. Из нее следовало, что одной из основных целей внешней политики администрации Р. Рейгана во время второго срока президентства оставалось постоянное давление на СССР с целью снижения его внешнеполитической активности, отчуждения от него стран Восточной Европы и усугубления внутриэкономических проблем. Причем команда Р. Рейгана намеревалась действовать более агрессивно в данном вопросе, нежели администрации предыдущих президентов [3, с. 44].

Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. придал импульс начавшейся «перестройке» – комплексу реформ, кардинальным образом затрагивающий важнейшие сферы советского общества. Пленум провозгласил курс на обеспечение в советском обществе «гласности». Было ясно, что изменения, особенно общественно-политического и экономического характера, не могут не затронуть и государства Центрально-Восточной Европы.

Весной 1988 г. предприниматель и общественный деятель США Дж. Сорос во время встречи с А.Н. Яковлевым приветствовал начавшиеся процессы «перестройки» и демократизации, а также экономические реформы. Через созданный им «Фонд Сороса» Соединенные Штаты помогали развивать общественную и частную инициативу в СССР и «Восточном блоке», однако Дж. Сорос хотел пойти дальше и осуществить новый «план Маршалла», который, по его словам, создал бы основу для радикальной экономической реформы. Пока что привлеченный в Венгрию капитал МВФ использовался эффективно лишь на 20 %, в то время как начавшиеся здесь реформы привели только к усилению социального

расслоения. В Польше впервые за долгое время наметился диалог между правительством и силами оппозиции, целью которого было создание общественного договора. Но США в первую очередь стремились «помочь» с «перестройкой» Восточной Европе, что, по сути, вырывало бы инициативу из рук Советского Союза [4, с. 206–207].

«Дж. Буш как президент был бы готов работать над обеспечением условий, в которых была бы возможна политическая эволюция, но не допускался бы политический взрыв» – такое заявление 16 января 1989 г. сделал политолог и государственный деятель США Г. Киссинджер. Речь шла не только о возможном сокращении или уничтожении ядерного вооружения в Европе, но и о перспективах дальнейшего роста национализма в обеих Германиях, об «особой эволюции» Восточной Европы, что могло создать новую взрывоопасную ситуацию на континенте. И если такое бы произошло, 98 % американцев сказали бы, что «Советский Союз с самого начала все это замышлял» [5, с. 304–305].

В октябре 1989 г. под напором общественности началось мирное свержение социалистических режимов в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии и ГДР, вошедшее в историю как «бархатные революции». Такое положение дел ставило под угрозу сохранение социализма как в СССР, так и в мире. 27 декабря того же года в беседе с А. Н. Яковлевым министр внутренних дел Франции и видный социалист П. Жокс провел аналогию между «перестройкой», покачнувшей политическое доверие М. С. Горбачева, и имевшими такой же эффект на рейтинг президента Ф. Миттерана вынужденные экономические реформы во Франции. Тем не менее руководство западной державы положительно оценивало опыт «перестройки» и считало, что это явление не локальное, т. к. оно имело место и в Восточной Европе, и при этом социалистическая идея не покачнулась, а продолжила укрепляться, чтобы дать социализму новый облик [9, с. 399–400].

Политолог и государственный деятель США З. Бжезинский 31 октября 1989 г. встретившись с А. Н. Яковлевым, на предложение последнего распустить ОВД и НАТО ответил, что союзы должны быть политическими, а не идеологическими, но время для их полной ликвидации не пришло. Прежде всего должны появиться предпосылки для перехода к новой системе, а любые провокации вроде призывов одностороннего выхода Польши и Венгрии из ОВД крайне взрывоопасны для обстановки в Европе. Также политолог высказался о неминуемом воссоединении Германии после того, как в ГДР падет социалистическая идеология, искусственно создавшая это государство. Но единая и сильная Германия не будет соответствовать интересам ни американской стороны, ни советской. О серьезности намерений немцев З. Бжезинский высказался ясно: «Это же пруссаки. По природе своей люди очень дисциплинированные. Уж если там 300 тысяч людей вышло на демонстрации, это свидетельство серьезного кризиса» [4, с. 374–377].

В 1990 г. на первый план в международных делах вышла проблема объединения Германии. М. С. Горбачев, изменив свою позицию после визита в Москву канцлера ФРГ Г. Коля в феврале 1990 г., согласился на то, что вопрос об объединении должен решаться самими немцами, отстранившись от поддержки своего

союзника ГДР. Произшедшие в марте того же года выборы в Народную палату ГДР принесли победу блоку «Альянс за Германию», выступавшему за скорейшее объединение немецких государств, и этот процесс начался. 6 апреля 1990 г. представитель Наблюдательного совета «Дойче банк АГ» Ф. Кристианс заверил А. Н. Яковлева, что объединенная Германия будет вести особо интенсивное экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Однако, по мнению Ф. Кристианса, поддержку Западом «перестройки» ни в коем случае не следует понимать как аналогичную «плану Маршалла», а исключительно как сотрудничество на равных началах, т. к. СССР не является бедной или голодающей страной. Что касается Европы, то она наконец освободилась от раскола и взяла курс на обновление, в котором Советский Союз должен играть заметную роль. Однако настороженность ФРГ вызывало неэффективное использование советской стороной кредита в 3 млрд марок, полученного им 6 мая 1989 г. для модернизации предприятий, которые по-прежнему несли убытки [7, с. 443–446]. 27 мая 1990 г. А. Н. Яковлев давал интервью американской программе «Эн-Би-Си» «Встреча с прессой», где в первую очередь речь зашла вновь о германском вопросе. На тот момент для М. С. Горбачева членство объединенной Германии в НАТО было неприемлемо. В то же время для Дж. Буша неприемлемо было участие Германии в обоих военных блоках, что предлагалось советской стороной. На вопрос г-на Смита о возможных путях решения этой проблемы А. Н. Яковлев ответил, что народ в СССР пристально смотрит на все изменения, происходящие сейчас в Восточной Европе, поскольку это затрагивает его национальную и государственную память о Второй мировой войне. Преследуя исключительно свою безопасность и безопасность в Европе Советский Союз настаивал на политическом, но не военном членстве единой Германии и в ОВД, и в НАТО, по примеру Франции, не связанной с НАТО в военном плане. Г-н Смит заявил, что условие Советского Союза было бы справедливым в случае равного положения государств, в котором они отнюдь не находятся. Похоже, что теперь Запад говорил: «Мы выиграли, а вы проиграли». А. Н. Яковлев ответил, что советскую сторону в конечном итоге устраивало бы отсутствие военных блоков вообще и окончание конфронтации великих держав, того же хотели и Соединенные Штаты, если судить по последним заявлениям оттуда, в то время как вхождение члена ОВД в Организацию Североатлантического договора эту конфронтацию лишь усиливало [8, с. 464–465].

Но в дальнейшем позиция советского руководства кардинальным образом изменилась. Во время бесед с Дж. Бушем 1–3 июня 1990 г. в Вашингтоне М. С. Горбачев фактически согласился на вхождение объединенной Германии в НАТО.

19 октября 1990 г. А. Н. Яковлев, выступая на Международной конференции «Преобразования в Восточной Европе: взгляд слева», поставил вопрос так: «...Куда ведут происходящие ныне перемены в историческом масштабе времени и оценок: шаг ли это вперед или отход, отбрасывание назад?». Автор доклада считал, что право народов на самоопределение укрепилось, была продолжена историческая линия краха авторитарных режимов, происходило

постепенное сокращение вооружений и отход от милитаризма, но перспективы для левого движения расширились бы пока что только в долгосрочной перспективе, тогда как в краткосрочном плане оно должно было претерпевать кризис развития, потому что в ходе «перестройки» обнаружались нерешенные ранее проблемы. Вместе с этим, по мнению А. Н. Яковлева, должна родиться новая Европа, лишенная конфронтации, в которой открывались бы возможности для европейской социалистической идеи [2]. Однако на деле ситуация сложилась совсем иначе.

После «бархатных революций» 1989 г. процессы постсоциалистической трансформации в странах Центрально-Восточной Европы сопровождались политическим и социокультурным отчуждением от советского государства некогда близких СССР стран. 28 июня 1991 г. был расформирован Совет Экономической Взаимопомощи. 1 июля 1991 г. прекратила существование и Организация Варшавского Договора. В декабре 1991 г. произошел трагический распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа XX в. Страны Центральной и Восточной Европы устремились в Европейский Союз и НАТО.

Библиографический список

1. Белевцева, С. Н. Восточноевропейская стратегия США в конце 1980-х годов / С. Н. Белевцева // Новая и новейшая история. – 2002. – № 6. – С. 18–24.
2. Выступление А. Н. Яковлева на международной конференции «Преобразования в Восточной Европе: взгляд слева». 19 октября 1990 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 555–564.
3. Запись беседы А. Н. Яковлева с директором Института международных изменений Колумбийского университета (США) С. Биалером. 20 мая 1986 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 42–53.
4. Запись беседы А. Н. Яковлева с политологом и государственным деятелем США З. Бжезинским. 31 октября 1989 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 372–387.
5. Запись беседы А. Н. Яковлева с политологом и государственным деятелем США Г. Киссинджером. 16 января 1989 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 303–306.
6. Запись беседы А. Н. Яковлева с предпринимателем и общественным деятелем США Дж. Соросом. 17 мая 1988 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 206–207.
7. Запись беседы А. Н. Яковлева с членом наблюдательного совета «Дойче банк АГ» Ф. Кристиансом (ФРГ). 6 апреля 1990 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 443–446.

8. Из интервью А. Н. Яковлева программе «Эн-Би-Си» (США) «Встреча с прессой». 27 мая 1990 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 463–468.

9. Информация о беседе А. Н. Яковлева с министром внутренних дел Франции П. Жоксом. 27 декабря 1989 г. // Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991 / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: МФД, 2008. – С. 398–400.

УДК 93/94

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: КОНФРОНТАЦИОННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ 1963–1991 гг.

А. А. Царева

anastasiacareva81336@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. После завершения Карибского кризиса 1962 г. в мире возникла «конфронтационная стабильность». «Холодная война» продолжалась, но никто из противоборствующих сторон – ни США, ни СССР – не решались первыми нажать «ядерную кнопку». В Вашингтоне и Москве понимали, что нельзя допускать возникновения ситуации, которая могла бы привести к ядерной катастрофе. Ядерное оружие рассматривалось лишь как средство взаимного сдерживания. Периоды налаживания сотрудничества между двумя сверхдержавами сменялись периодами охлаждения и даже обострения двусторонних отношений. Так продолжалось до распада Советского Союза в 1991 г. Изучению советско-американских отношений в 1963–1991 гг. посвящена данная статья.

Ключевые слова: Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, конфронтация, стабильность, сотрудничество.

UDC 93/94

SOVIET-AMERICAN RELATIONS: CONFRONTATIONAL STABILITY 1963-1991

A. A. Tsareva

anastasiacareva81336@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. After the end of the Cuban Missile Crisis in 1962, "confrontational stability" emerged in the world. The "Cold War" continued, but none of the warring parties – neither the United States nor the USSR – dared to be the first to press the "nuclear button". Washington and Moscow understood that a situation that could lead to a nuclear catastrophe could not be allowed to arise. Nuclear weapons were considered only as a means of mutual deterrence. Periods of cooperation between the two superpowers were followed by periods of cooling and even aggravation of bilateral relations. This continued until the collapse of the Soviet Union in 1991. This article is devoted to the study of Soviet-American relations in 1963–1991.

Keywords: the Soviet Union, the United States of America, confrontation, stability, cooperation.

Советско-американские отношения на протяжении 1963–1991 гг. характеризовались сложностью и противоречивостью. Сформировался «длинный мир», проявившегося в конфронтационной стабильности, т. е. в сочетании регулируемого противостояния с Советским Союзом и стремления США и их союзников избежать ядерной войны [3, с. 278].

В отношениях между СССР и США можно выделить несколько этапов.

Первый этап – 1963–1964 гг. После разрешения Карибского кризиса главы СССР и США понимали, что нельзя допустить повторения событий октября 1962 г. Была установлена прямая линия правительственной связи между Москвой и Вашингтоном, проведена прямая телефонная линия между советским посольством в Вашингтоне и Белым домом. Стремление лидеров двух государств Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди пересмотреть свой подход к решению важнейших мировых проблем позволило заключить 5 августа 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах – атмосфере, космическом пространстве и под водой и открыло возможности для нормализации двусторонних отношений в различных областях. Однако убийство президента США Дж. Кеннеди в ноябре 1963 г. и отстранение от власти Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. не позволили этой возможности реализоваться.

Второй этап – 1964–1968 гг. Отношения между сверхдержавами были серьезно осложнены конфликтами в Индокитае и на Ближнем Востоке, где обе державы оказали поддержку враждующим сторонам. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии в марте 1966 г. Первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев отметил, что «в связи с американской агрессией во Вьетнаме и другими агрессивными действиями американского империализма ухудшились наши отношения с Соединенными Штатами Америки» (Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева, с. 40). Однако и на этом этапе стороны продолжали взаимодействовать. 27 января 1967 г. был подписан Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. В 1968 г. по дипломатическим каналам между СССР и США осуществлялось согласование проекта Договора о нераспространении ядерного оружия, который был подписан 1 июля 1968 г. (Договор о нераспространении ядерного оружия// Советский союз в борьбе за разоружения. Сборник документов, с. 43–50) и действует по настоящее время.

Третий этап – 1969–1976 гг. Рубеж 1960-х – 1970-х гг. стал во многом определяющим для дальнейшего развития советско-американских отношений. Стали регулярными советско-американские политические контакты и встречи на высоком и высшем уровне. В это же время большую роль стал играть «конфиденциальный» канал связи между высшим американским руководством и послом СССР в США А. Ф. Добрыниным. Постоянно действующим фактором в двусторонних отношениях стали переговоры по проблемам ограничения и сокращения ядерных вооружений. В первой половине 1970-х гг., в советско-американских

отношениях произошли существенные позитивные сдвиги, были выработаны основополагающие принципы этих отношений применительно к условиям ядерного века, стало налаживаться взаимовыгодное сотрудничество по широкому кругу проблем.

Переход к нормализации советско-американских отношений в 1971–1975 гг. был обусловлен следующими причинами. В начале 1970-х гг. Советский Союз и США достигли примерного стратегического ядерного паритета, чего не было в 1960-е гг. Это было признано новой республиканской администрацией США во главе с Р. Никсоном. Как отмечал в своих воспоминаниях министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, «государственное руководство США – администрация Р. Никсона, – пожалуй, ближе всего подошло к осознанию необходимости мирных отношений с СССР» (Громыко А. А. Памятное. С. 202). Укрепились международные позиции СССР. Стабилизировалась ситуация в государствах-членах Организации Варшавского Договора и СЭВ, союзниках СССР. Вышли из международной изоляции ГДР и Куба. Рухнула последняя колониальная империя – португальская, Все больше государств Азии и Африки заявляло о своей социалистической ориентации. В то же время западные страны были заинтересованы в развитии торговых взаимоотношений с СССР, крупнейшим производителем нефти и газа, особенно в условиях энергетического кризиса 1973–1974 гг., связанного с очередной арабо-израильской войной. США, помимо того, что они несли бремя огромных расходов на свои действия в Индокитае и потери и военной техники, продолжали терять своих военнослужащих во Вьетнаме, что вызывало протесты американской и мировой общественности. Вашингтону было необходимо посредничество Москвы, чтобы уйти оттуда с наименьшими потерями. Советский Союз, в условиях провокаций на советско-китайской границе, также был заинтересован в улучшении отношений с США и другими западными государствами.

Во время визита президента США Р. Никсона в Москву в мае 1972 г. и встречи с лидером СССР Л. И. Брежневым удалось заключить два важнейших договора, обеспечивающих стратегическую стабильность – Договор ОСВ-1 (Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. 26 мая 1972 г. // Советский Союз в борьбе за разоружения. Сборник документов. С. 117–120) и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. 26 мая 1972 г. // Советский Союз в борьбе за разоружения. Сборник документов. С. 111–117) (США вышли из договора по ПРО в 2002 г.). В послании конгрессу «Внешняя политика Соединенных Штатов на 70-е годы» 3 мая 1973 г. Р. Никсон, отметил, что подход администрации США к внешней политике отражает реалии ядерного века: «попытки искать тактические выгоды могут привести к конфронтации, которая может быть катастрофической» (President Nixon's Fourth Annual Report to the Congress on U.S. Foreign

Policy. Washington, May 3, 1973 // Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Volume XXXVIII, Part 1, Foundations of Foreign Policy, 1973–1976).

Новым элементом в межгосударственных отношениях стали постоянно действующие двусторонние советско-американские институты, созданные с целью реализации достигнутых договоренностей – от соглашений в области ограничении стратегических ядерных вооружений до договоренностей об обменах в сферах науки и культуры. Несмотря на различия политических и социально-экономических систем и идеологические разногласия, оба государства при решении проблем Ближнего и Среднего Востока, Индокитая и других регионов, стремились не допускать перерастания региональных конфликтов в мировые.

Четвертый этап – 1976–1980 гг. – характеризовался тем, что переговорный процесс по ограничению стратегических вооружений был осложнен политикой США, направленной на свертывание разрядки напряженности, Президент США Дж. Форд отказался от термина «детант» («разрядка»), были увеличены ассигнования США на военные нужды. Администрации американского президента Дж. Картера на переговорах ОСВ-2 по снижению суммарных уровней носителей ядерного оружия была направлена на изменение ранее достигнутой Л. И. Брежневым и Дж. Фордом Владивостокской договоренности (ноябрь 1974 г.). По требованию США Североатлантический блок принял в 1978 г. решение ежегодном увеличении военных расходов стран-членов альянса на 3 % и так называемое «двойное решение» НАТО – вести переговоры с СССР по ядерным средствам средней дальности и вместе с тем «довооружаться» путем размещения в Западной Европе нового американского оружия среднего радиуса действия. Тем не менее, в этот период усилиями, прежде всего, советской дипломатии, удалось добиться подписания с США Договора ОСВ-2 в июне 1979 г. (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений. Вена. 18 июня 1979 г. (ОСВ-2) // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003. Том четвертый. Документы 1945–2003. С. 284–288).

Введение советских войск Афганистан в декабре 1979 г. было использовано администрацией президента США Дж. Картера для отказа от рассмотрения ратификации Договора ОСВ-2, бойкота московской Олимпиады-80, свертывания сотрудничества СССР с США в ряде сфер, подписания президентом директивы № 59, допускающей «ограниченную ядерную войну», что означало отход от советско-американского соглашения от 22 июня 1973 г. о предотвращении ядерной войны.

На пятом этапе – 1981–1985 гг. – произошел возврат к советско-американской конфронтации. Президент США Р. Рейган объявил о «крестовом походе против коммунизма» и обещал оставить его «на пепелище истории» (Рейган Рассказывает. Выступление в парламенте Великобритании, Вестминстерский дворец, 8 июня 1982 года / Р. Рейган // Откровенно говоря: Избранные речи. Пер. с англ. С. 95–108). В США стали проводиться исследования с целью реализации программы Стратегической оборонной инициативы (СОИ); впервые обозна-

чило стремление к изменению Договора по ПРО 1972 г. Неудача на переговорах по ОСВ и переговорах по ядерным средствам средней дальности, в первую очередь, по вине американской стороны, бескомпромиссные позиции руководства США и СССР по этим вопросам привели к прекращению переговорного процесса. На территории ряда государств Западной Европы в ноябре 1983 г. началось размещение новых американских ядерных ракет средней дальности, а в качестве ответной меры – размещение советских оперативно-тактических ракет повышенной дальности на территории ГДР и Чехословакии. Размещение двумя сторонами «евроракет» с крайне небольшим подлетным временем резко увеличили опасность возникновения мировой ядерной войны.

Шестой этап – 1985–1991 гг. Приход к руководству СССР М. С. Горбачева, как первоначально казалось, открыл перспективы для восстановления нормальных отношений с США, окончания холодной войны без победителей и побежденных. Провозглашенная М.С. Горбачевым и одобренная высшими партийно-государственными органами Советского Союза концепция «нового политического мышления» могла означать возврат к здравому смыслу в решении международных вопросов, к принципам, заложенным в Уставе ООН. В ходе переговорного процесса в 1985 – 1991 гг. М. С. Горбачева и Р. Рейгана человечество было отодвинуто от угрозы ядерной катастрофы, произошло восстановление диалога на высшем уровне, введение двусторонних советско-американских отношений в нормальное русло. Было заключено большое количество договоров и соглашений в различных областях, в том числе Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) (декабрь 1987 г.) (Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Вашингтон. 8 декабря 1987 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. Том четвёртый. Документы 1945–2003. С. 325–331), имеющий стратегическое значение. Переговорный процесс был продолжен и после прихода в Белый дом США Дж. Буша в 1989 г. Был заключен договор в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений – СНВ-1 (июль 1991 г.) (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Москва. 31 июля 1991 г. (СНВ-1) // Системная история международных отношений: В 4 т. 1918–2003. Т. 4. Документы 1945–2003. С. 331–336). Взаимодействие СССР и США позволило решить ряд острых международных проблем: способствовать прекращению войны между Ираном и Ираном, переговорным процессам между конфликтующими сторонами на Ближнем Востоке (между Израилем и палестинцами), а также в Анголе и ряде других стран Африки, выводу войск ЮАР из Намибии и провозглашению последней независимым государством.

Однако «новое политическое мышление», по словам видного советского дипломата, первого заместителя министра иностранных дел СССР в 1977–1986 гг., Г. М. Корниенко, стало в концептуальном плане превращаться в нечто лишённое логики [2, с. 364]. Улучшение советско-американских отношений было достиг-

нуто очень высокой ценой – путем односторонних уступок СССР Соединенным Штатам Америки. Уже в 1986 г. советская сторона согласилась с предложением американцев, чтобы военно-морские силы были выведены за рамки переговоров, зная, что основная часть ракетно-ядерных сил США была расположена на море, а на встрече в Рейкьявике в октябре 1986 г. с Р. Рейганом М. С. Горбачев согласился вывести за рамки переговоров нацеленные на СССР ядерные средства Великобритании и Франции, а также американские ядерные средства передового базирования. Из высказываний соратника М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, следовало, что Генеральный секретарь ЦК КПСС дал устное согласие на предложения американского президента превратить Организацию Варшавского Договора и НАТО в политические ("Нам было не до Европы" // Коммерсантъ. С. 44). Это было сделано в ходе конфиденциальной беседы. Но если судить по последующим событиям, речь шла не о «политизации» противостоящих друг другу военных блоков, а об односторонней ликвидации ОВД. При заключении Договора по РСМД в 1987 г. по просьбе американской стороны М. С. Горбачев и его сторонники пошли на одностороннюю ликвидацию не подпадающих под договор ракет «Ока», а в соответствии с заявлениями советского лидера на Генеральной ассамблее ООН в 1988 г. – на одностороннее сокращение Вооруженных Сил СССР, оборонного бюджета страны, позже – на демонтаж двух радиолокационных станций системы предупреждения о ракетном нападении, передачу некоторой части акватории в Чукотском море американской стороне. При решении германской проблемы М. С. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе согласились в 1990 г. на скорейшее объединение Германии на условиях ФРГ и США, включение ее в НАТО в обмен на кредиты и устное обещание не расширять границы Североатлантического блока на восток. Руководство СССР предоставило Соединенным Штатам Америки и их союзникам неограниченную свободу в использовании военной силы против Ирака в 1991 г., что выходило за рамки задач освобождения захваченного им Кувейта. Госсекретарь США Дж. Бейкер утверждал, что проводимые в СССР реформы с каждым днем приближают страну к черте, после которой нет возврата. Положительная реакция на действия М. С. Горбачева не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «он идет в нашу сторону, вот пусть и идет» [1, с. 28].

Все непродуманные действия советского руководства во внутренней и внешней политике, игнорирования им национально-государственных интересов во имя интересов «общечеловеческих» способствовали распаду СССР в декабре 1991 г. и привели к потере стратегических позиций страны в мире, не позволили окончить «холодную войну» без победителей и побежденных.

Библиографический список

1. Бешлосс, М. Измена в Кремле. Протоколы тайных отношений Горбачева с американцами / М. Бешлосс, С. Тэлботт. – М.: Алгоритм, 2010.

2. Корниенко, Г. М. Холодная война: Свидетельство ее участника / Г. М. Корниенко. – М.: Междунар. отношения, 2001.

3. Системная история международных отношений: В 2 т. // Науч.-образовательный форум по междунар. отношениям; Под ред. А. Д. Богатурова. – М.: Культурная революция, 2006. – Т. 2. События 1945–2003 годов.

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

ТГУ
им. Л. Н. Толстого

Секция 4

**ОБЩЕСТВЕННОЕ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ИСТОРИИ**

УДК 94(47)

РУССКАЯ ДАЧА XIX В. – ПРЕЕМНИЦА ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Т. И. Алексеева
lekseevva@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассмотрен процесс появления в пореформенной России нового типа дворянского жилища – дачи. Автор уделяет особое внимание отличию дач от усадеб, их внешнему убранству и обустройству жизни, а также районам, в которых появлялись данные постройки.

Ключевые слова: дворянская усадьба, дача, пореформенный период, постройки.

UDC 94(47)

RUSSIAN SUMMER COTTAGE OF THE 19TH CENTURY IS THE SUCCESSOR OF THE NOBLE ESTATE

T. I. Alekseeva
lekseevva@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article considers the process of the emergence of a new type of noble dwelling – summer cottage in post-reform Russia. The author pays special attention to the difference between summer cottages and manors, their external decoration and arrangement of life, as well as the areas in which these buildings appeared.

Keywords: manor, summer cottage, post-reform period, buildings.

Вторая половина XIX в. для России была переломным моментом, когда ломались старые порядки и строились новые. Отмена крепостного права отражалась не только на положении крестьян и дворян в обществе, но и также на их организации быта и досуге. Если рассматривать вопрос о том, насколько тема русской дачи освящена в отечественной историографии, то хочется отметить, что в советский период она вовсе не рассматривалась. В современной историографии на появление нового типа дворянского жилища – дачи – обращали внимание С. Ф. Денисов и Л. В. Денисова [3, с. 8]. Они показали, что во времена угасания усадеб дача явилась спасением. Интерес исследователей также был направлен на выявление самых известных районов, в которых находились дорогостоящие дворянские дачи. Так, О. Воробьева в своей статье выделила самый известный дачный район Московской губернии [2, с. 58, 59].

Появление дачи как «жилого пространства» было вполне логичным явлением, так как с середины XIX в. распространяется феномен «затухания дворянских усадеб». По мнению профессора Н. И. Ефимова, во второй половине столетия город начинает оттеснять «умирающую усадьбу и голодную избу» [4, с. 199, 68]. Гибель дворянской усадьбы породила появление спасительного локуса – загородной дачи [3, с. 29].

Несмотря на то, что дача является преемницей усадьбы в пореформенный период, она имеет существенные отличия. Дача сама по себе была меньше, чем дворянская усадьба, там отсутствовали сельскохозяйственные угодья и хозяйственные постройки. Хозяйственные постройки не строились потому, что для жизни на даче, ежегодный период проживания в которой составлял от трех до шести месяцев, не требовалось обслуживание в том формате, которое проводилось для круглогодичной жизни в усадьбе. Так как жизнь на даче была сезонной и начиналась лишь с приходом тепла, то для обитателей дачи было не обязательно заботиться о заготовке дров и сена на зимний период. Таким образом, внутренне и внешнее убранство дачи было намного скромнее, нежели в усадьбе.

Усадьба являлась частной собственностью, а дача, в свою очередь, могла быть как собственностью дворянина, так и съемной на определенное время. К примеру, А. И. Кошелев, рассказывая в своих воспоминаниях об организации летнего отдыха указывает на то, что «сговорились с женою провести лето на даче под Москвою. В апреле мы наняли скромную дачу...» [7, с. 37]. Дачи также могли даваться за определенные заслуги. Об этом можно узнать из воспоминаний сына знаменитого архитектора Н. Л. Бенуа – А. Н. Бенуа. Он в своих воспоминаниях пишет: «<...>, я уже недели две после этого был перевезен на лето в Петергоф. Отцу, как архитектору высочайшего двора, полагалась на лето казенная дача» [1, с. 62].

Дача, в отличие от усадьбы, находилась намного ближе к городу. К примеру, для того, чтобы добраться до дачи требовалась пара-тройка часов, а пусть до усадьбы мог составлять несколько дней. Для удобства и комфорта дачников прокладывалась железная дорога со станциями, которая значительно уменьшала время в пути. Таким образом, появившаяся во второй половине XIX в. дача становится элементом городской культуры.

Дача обладала большей демократичностью и всеобщностью, в отличие от усадьбы. На дачах собирались люди, которые принадлежали разным социокультурным мирам. Летнее времяпрепровождение на дачах объединяло разные слои, формируя устойчивую прослойку для государственной экономики, именуемую впоследствии средним классом. Явление нахождения дачи в системе загородной жизни иллюстрирует А. П. Чехов в своем письме к А. С. Суворину, датированном маем 1891 г. Антон Павлович пишет: «Жил я в деревянной даче <...>, кругом были дачи и дачники, березы и больше ничего» [9, с. 54]. В классическом понимании дача являлась местом отдыха. Люди старались как можно быстрее выезжать за город. Но также встречались среди дачников и те, кто все-таки занимались сельским хозяйством, совмещая это с творческой деятельностью.

Если в усадьбе предполагалось создание искусственно разбитых пейзажных парков и аллей для облагораживания территории, то дачники, окруженные нетронутой природой, не нуждались в подобном. Они могли лишь видоизменять и приспособлять под себя ландшафт местности, а не вырабатывать новый.

Дачи могли иметь абсолютно разный внешний вид, который мог варьироваться от летней клетушки, которую принято было называть «холодничком» до дачного особняка. До нашего времени сохранились планы и фасады предполагаемых построек в книге К. Лева и К. Шульца. Исходя из оцифрованных материалов источника, мы можем рассмотреть несколько вариантов дачных построек [6, с. 10, 11, 12, 15, 16, 20]. По плану все дачи, предложенные авторами строились из дерева. Эклектика выступала основополагающим стилем, включая в себя элементы классицизма и псевдорусского стиля. К концу XIX в. дачные постройки немного видоизменяются. Они как бы «приобретают все более живописный вид, обрастая полуоткрытыми помещениями – балконами, лоджиями, эркерами, верандами, – в целях большей открытости внутреннего пространства наружу. Здания перестают быть однофасадными и приобретают черты скульптурной композиции.

Дачи могли строиться либо самими жителями, либо архитекторами. Это зависело от того, какими средствами располагали дворяне. Дачи классифицирует Э. Ю. Купффер, который проводит зависимость между достатком и количеством комнат, что вполне логично. «Малые дачи в составе помещений имеют всего одну-две комнаты и кухню, холодные пристройки, где размещены кладовые, чуланы и неотопливаемый клозет» [5, с. 278]. В свою очередь, дачи людей с хорошим достатком насчитывают в составе помещений до 10 жилых комнат, кроме того, здесь предусмотрены теплые ванны и туалеты, рядом с кухней имеются комнаты для прислуги. Отличительной чертой всех без исключения таких домов является наличие открытых или остекленных террас, балконов, веранд и навесов.

В пореформенной России стремительно увеличивалось количество дачников и самих дач. К 1888 г. отмечается примерно 6000 дач, среди которых самые дорогие располагались по Звенигородскому направлению. Неподалеку от Москвы образовывались дачные районы – Новогиреево, Тарасовка, Фирсановка, Клязьма и др. [8, с. 16, 17]. Появление дачных поселков обусловлено развивавшимся строительством железных дорог и появлением станций на ней.

Одним из известнейших мест, где могла находиться дача была подмосковная Перловка [2, с. 58]. Хозяин Перловки – Василий Перлов построил в поселке около 80 дач, аренда за которые платилась за несколько лет вперед. Особенность дачного строительства в поселке состояла в том, что заборов между дачами не было, были только деревья, которые служили естественными преградами. Тем, кому не по карману были роскошные дачи, выбирали варианты попроще – крестьянские избы. Дачники вступали в арендные отношения с крестьянами и приносили сезонный доход коренным жителям.

Появление дачного поселка Малые Мытищи связано с открытием Московско-Троицкой железной дороги в августе 1862 г. Дачи в поселке строились вдоль железнодорожного пути. К 1881 г. в поселке находилось примерно 20 дач, среди

которых всего три принадлежали собственникам, а остальные сдавались в аренду, формируя доход для жителей Малых Мытищ. Еще одним поселком, появившимся вследствие открытия станции на железной дороге является Пушкино, в котором дачное строительство начинается в конце 1860-х гг. Канчаловский писал, что в начале XX в. в Пушино появился деревянный вокзал, а также указывал на существующую еще с 1874 г. церковь и парк, который являлся любимым местом времяпрепровождения пушкинских дачников. Также он указывал на Тарасовскую платформу и обширный дачный поселок, где «Дачи около платформы отдаются за 250, 300 и до 700 руб. в лето. Дачи в деревнях Черкизове, Каргашине, в Кургане и, вообще, в крестьянских поселках гораздо дешевле [8, с. 23].

Говоря об общих тенденциях строительства дач в пореформенной России хочется отметить, что большинство зданий строилось из дерева. Богатые дворянские семьи могли позволить себе построить дачу из камня, но такие здания чаще всего носят характер усадьбы. Преобладающим стилем построек является неорусский стиль, который становится популярным в XIX в. Нередко встречается эклектика – сочетание различных стилей в одной постройке (в нашем случае это синтез классицизма и неорусского стиля). Лаконичные фронтоны и прямоугольные окна начинают украшаться живописной резьбой. Из-за появления новых элементов дачного строительства к началу XX в. начинает стираться грань, отделяющая дачу от усадьбы, так как в это время дача могла сочетать в себе крыльцо и резной конек от русской избы, а также башенки от усадьбы. Хочется отметить тот факт, что если в начале столетия дача в представлении дворян была роскошной загородной резиденцией, то к концу столетия мы можем заметить, что представление о даче значительно упрощается. Дачные поселки становятся местом объединения разных культурных слоев и формирования целой системы взаимоотношений, в которых стираются чины и рамки.

Библиографический список

1. Бенуа, А. Н. Мои воспоминания: В 2 кн. / А. Н. Бенуа. – М.: Захаров, 2005. – Кн. 2.
2. Воробьева, О. Где есть чай, там под елью рай / О. Воробьева // Пиво и напитки. – 2016. – № 4. – С. 58–59.
3. Денисов, С. Ф. Философско-антропологическая специфика эволюции усадьбы: (На материале классической русской литературы) / С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова // Гуманитарные исслед. – 2018. – № 1. – С. 26–30.
4. Ефимов, Н. И. Социология литературы: Очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии / Н. И. Ефимов. – Смоленск: Смолен. гос. ун-т, 1927. – С. 68, 199.
5. Купффер, Э. Ю. Жилой дом: Руководство для проектирования и возведения современных жилищ / Э. Ю. Купффер. – СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1914.

6. Леве, К. Сельская архитектура: Планы и фасады церквей, сельских и дачных домов, <...> и проч. / К. Леве, К. Шульц. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, [Б. г.].

7. Летягин, Л. Н. Судьба усадебного населения / Л. Н. Летягин. – 2020. – С. 37.

8. Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы / Сост. Н. Н. Ч. – М.: Д. Дмитриев и К°, 1894.

УДК 378.124.082+378.4

**РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ
КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДЕМОКРАТИИ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Д. Ю. Винокурова, Д. А. Коломенцева
dariavinokurova@mail.ru, kolomencova@tspu.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли женщин в системе управления высшим образованием в России в контексте исторического развития и современного их положения в обозначенной сфере. Постепенная феминизация руководящих должностей в РФ и увеличение влияния женщин в науке и высшем образовании является неотъемлемой частью реализации принципа демократии в указанных категориях.

Ключевые слова: управление высшим образованием, феминизация образования, принцип демократии в образовании.

UDC 378.124.082+378.4

**THE ROLE OF WOMEN
IN THE GOVERNANCE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION
AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE
OF DEMOCRACY: RETROSPECTIVE AND THE CURRENT STATE**

D. U. Vinokurova, D. A. Kolomenceva
dariavinokurova@mail.ru, kolomencova@tspu.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines the question of the role of women in the management system of higher education in Russia in the context of historical development and their current position in the designated area. The gradual feminization of leadership positions in the Russian Federation and the increase in the influence of women in science and higher education is an integral part of the implementation of the principle of democracy in these categories.

Keywords: management of higher education, feminization of education, the principle of democracy in education.

Положение мужчин и женщин в обществе, их социальные статусы, предъявляемые к ним требования – на протяжении исторического развития претерпевали значительные изменения. Изначально для женщины отводилась роль – хранительницы домашнего очага, заботливой матери и верной супруги – и такая точка зрения в обществе существовала на протяжении многих десятилетий и даже веков. Со временем роль и положение женщины в обществе меняются, и, постепенно, происходит уравнивание прав с мужчинами в таких сферах как политика, наука, трудовая деятельность и пр. Все это сопровождалось разрушением определенных социальных стереотипов, и, как следствие, формированием нового взгляда на положение женщины и ее участия в тех или иных сферах общественной жизни.

Вопрос о роли женщины в системе управления образованием в России берет свое начало в последней четверти XVIII века, когда на должность директора Санкт-Петербургской Академии наук была назначена Екатерина Романовна Дашкова (1744–1810). Занимая руководящую должность с 1783 по 1794, Е. Р. Дашкова улучшила материально-техническое оснащение заведения, руководила и принимала активное участие в научно-исследовательской деятельности Академии, в целом способствовала повышению уровня благосостояния учреждения. В период с 1783–1796 Екатерина Романовна возглавляла Императорскую Российскую академию.

С момента формирования в XVIII в. высших учебных заведений дискриминация женщин в сфере высшего образования являлась официальной государственной политикой вплоть до начала XX в. Долгие годы государственные высшие учебные заведения предназначались исключительно для лиц мужского пола [1]. Следствием такого курса стало отсутствие на руководящих должностях в университетах или академиях лиц женского пола, поскольку к идее обучения женщин высшему образованию отрицательно относились как профессора, ученые (мужчины), так и политические деятели.

В послевоенные годы приход женщин в разные отрасли научной деятельности был неравномерен. Зачастую преобладала доля женщин в гуманитарных областях знаний, но постепенно наметился рост в таких сферах как медицина, химия, биология, технические науки. Но по-прежнему был невысок процент женщин защитивших кандидатскую или докторскую диссертацию, и практически отсутствовали женщины из числа членов-корреспондентов и академиков Академии наук СССР.

Во второй половине XX века увеличивается доля женщин в отечественной науке, что обусловлено рядом причин – падение престижа науки, резкое замедление роста ее финансирования, в следствии чего произошло относительное понижение оплаты труда ученых и в результате этих факторов уменьшился приток мужчин в науку.

К 1985 г. в России из общей численности людей с законченным высшим образованием «женщины составляли 40 %, из них имеющих кандидатскую степень было около 30 %, профессоров и докторов наук было только 13 % от общего числа, а женщин-академиков в советское время было около 5 %» [3].

К началу 1990-х годов и наблюдается постепенная интеграция России в мировое сообщество, в ходе которого происходит значительное влияние международных норм на отечественное законодательство. На федеральном уровне принимается ряд нормативно-правовых актов, результатом которых становится усиление демократических и равноправных начал в части управления системой образования в РФ.

Так, в 2000 году состоялась Четвертая Всемирная конференция ООН по положению женщин, в ходе которой была провозглашена Декларация тысячелетия, определившая восемь стратегических целей развития. Для полного участия женщин во властных структурах и для замещения управленческих должностей одной из целей была провозглашена борьба с дискриминацией и достижение гендерного равенства. Данная политика, выработанная и проводимая международным сообществом, нацелена на защиту прав и свобод женщин, создание и расширение возможностей для их самореализации в профессиональной сфере.

В Основном законе нашей страны закреплено «равенство граждан РФ независимо от пола, расы, национальности, <...>, мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» – ст. 19 [2]. В этом ключе деятельность государственных органов власти была заметна в начале XIX века, когда были разработаны проекты таких документов как ФЗ «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации», Гендерная Стратегия Российской Федерации и пр. Первостепенной задачей нормативно-правовых актов в этой области стало «устранение гендерного различия в управляющем составе учреждений образования, культуры, науки, создание благоприятных условий для продвижения женщин по службе» [4].

В современное время доля женщин среди руководящих работников вузов имеет тенденцию к увеличению, хоть и относительно незначительную. В период с 2000 по 2015 гг. отмечается прирост доли женщин во внутривузовском управлении, особенно он заметен на должностях деканов (составил 18 %). На должностях проректоров (в основном по учебной и воспитательной работе), а также заведующими кафедрами прирост за этот период составил 15 %, ректоров – 8 % [4]. Таким образом, можно отметить следующую закономерность – доля женского руководства постепенно снижается при переходе к более высоким должностным позициям.

В целом образовательная политика современной России, основанная на принципах демократии, направлена на выявление и учет гендерных особенностей и развитие управленческого потенциала женщин-руководителей в учреждениях высшего образования. Анализируя опыт прошлого, можно прийти к выводу о том, что женский пол с присущим историческим статусом хранительницы очага, продолжательницы рода и умелой хозяйки способен справиться с задачами участия в управлении достаточно эффективно.

Библиографический список

1. Агамова, Н. С. Российские женщины в науке и высшей школе: Историко-научные и науковедческие аспекты: (К 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской) / Н. С. Агамова, А. Г. Аллахвердян // Вопр. истории естествознания и техники. – 2000. – № 1. – С. 141–153.

2. Конституция Российской Федерации: (Принята всенар. голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020 г. – № 31. Ст. 4398.

3. Макарова, С. Н. Женщины-руководители в системе внутривузовского управления: Моногр. / С. Н. Макарова. – М.: ИНФРА-М, 2017.

4. Штылева, Л. В. Гендерные аспекты политики Российской Федерации в области образования (конец XX – начало XXI в.) [Электронный ресурс] / Л. В. Штылева // Женщина в российском обществе. – 2006. – № 3. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-obrazovaniya-konets-hh-nachalo-hhi-v> (дата обращения: 15.03.2021).

УДК 94(47).07+94(47).08

РАЗВОД И СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В XIX ВЕКЕ

П. А. Гладких
p_gladkikh@bk.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Жизнь русской крестьянки XIX века ежедневно подвергалась угрозам со стороны супруга, виной тому стали традиции общества. Патриархальность закреплялась и законодательно, и морально. Социально-правовой статус женщины можно было сравнить с работающей лошадью, но крестьянка, в отличие от неё, всеми силами боролась за справедливость, понимая всю безвыходность своего положения.

Ключевые слова: крестьянство, российское законодательство, социально-правовой статус женщины, насилие, патриархальность.

UDC 94(47).07+94(47).08

DIVORCE AND DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE IN THE 19TH CENTURY

P. A. Gladkikh
p_gladkikh@bk.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The life of a Russian peasant woman of the XIX century was daily threatened by her husband, the fault of which was the traditions of society. Patriarchy was fixed both legally and morally. The social and legal status of a woman could be compared to a working horse, but the peasant woman, unlike her, fought with all her might for justice, realizing the hopelessness of her situation.

Keywords: peasantry, Russian legislation, social and legal status of women, violence, patriarchy.

Жизнь русской женщины-крестьянки нельзя назвать счастливой. Многочисленные ежедневные заботы о хозяйстве с самого детства были на её плечах. Будучи дочерью, у неё не было права голоса, все решения по домашним вопросам принимал глава семейства. Выдавали молодую крестьянку также, не считаясь с её предпочтениями. Главным фактором выбора супруга был статус и состояние его семьи. Женские плечи и после женитьбы держали на себе груз обязанностей по дому.

В Российской империи брак представлял собой союз мужчины и женщины, закреплённый формально и влекущий за собой юридические последствия [6, с. 27]. Вступив в него, крестьянка попадала в абсолютную зависимость от мужа, который наделял её ещё большим количеством задач по дому и хозяйству, работой в поле и уходом за ним и их детьми. Им запрещалось покидать дом без разрешения мужа, за этим особо следил волостной суд, применяя к нарушителям и их родителям наказания, аресты и штрафы. Жены, несмотря на огромную усталость, работали в хозяйстве и доме каждый новый день.

В дореволюционной России в крестьянстве было распространено семейное насилие над женщинами. Можно отметить, что насилие именно над крестьянскими женами считалось абсолютно нормальным явлением в XIX веке. Мужья били их за «леность», за малейшую провинность. Беременная женщина не отстранялась от работ по хозяйству, выполняя все обязанности, и даже в это время происходило жестокое обращение с ними. Жены терпели побои до последнего клока волос, не обращаясь к суду.

Судебный врач Верещагин писал, как при осмотре тела крестьянки, якобы умершей от простуды, он увидел наличие ран до костей, и «подобие косы» на одном виске. Её семья заплела в косу оставшиеся волосы и положила с крестьянкой в гроб. Девушка жаловалась десятскому, сельскому обществу, волостному старшине, но безрезультатно. На судебном разбирательстве свидетели подтвердили, что «коса была цела и до смерти», и было решено наказать её мужа, но ненадолго [2, с. 751–752].

«Женщина не пользуется уважением в народе, как существо глупое от природы. Она считается бездушной тварью. Душа у женщины не признается. Не признавая женщину за человека и отвергая в ней душу, крестьянин обращается с женщиной хуже, чем с лошастью и коровой. Бить женщину считается необходимостью» [4, с. 53], – так писал в 1880 году этнограф Н. А. Иваницкий. Женщин-крестьянок XIX века можно сравнить с лошастью, которая была также полна работы и хозяйственных дел, которую можно было наказывать за любую провинность. Социально-правовой статус крестьянок в XIX веке был мал, о чем свидетельствует статья мирового судьи Я. Лудмера в «Юридическом вестнике». «Ни одно судебное учреждение не может в пределах нашего законодательства ограждать женщину от дурного и жестокого обращения с нею [...] И только тогда, когда «терпеть нет уже моченьки», когда уже на ней, как говорится, нет ни одного живого места, она, избитая и изможденная, нередко с вырванной мужем косой в руках, плетется к мировому судье в надежде, что он защитит ее если не формально, то хоть своим авторитетом» [5, с. 446–447].

Что могла сделать крестьянка в XIX веке, которую избивает муж? Убежать – но в этом случае много подводных камней, которые могут помешать, такие как, например, отсутствие паспорта. Кроме того, обычно побегу жен сопровождался кражей имущества мужа, что подлежало ещё большему наказанию. Побегом считался любой уход из дома без разрешения на то мужа.

Второй путь, который существовал до отмены крепостного права, – обратиться к помещику. Для него важно сохранять физическое состояние своих крестьян в нормальном состоянии, так как они являются его рабочими, производящими продукты питания и следящие за хозяйством в доме и на поле. Как вариант, можно рассматривать убийство мужа, но на это была способна не каждая женщина. Но если такое происходило, крестьянский самосуд был жесток. В Государственном архиве Тульской области можно встретить дела об осуждении крестьянок, совершивших убийство своего мужа. Так, на крестьянку Марию Феофилактову была наложена епитимья (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее ГУ ГАТО). Ф. 3. Оп. 18. Д. 2677. Л. 1). За одно покушение на убийство супруга жен обвиняли и сажали под стражу, как например дело о нахождении под стражей в Тульском тюремном замке крестьянки крапивенского помещика Щелина Лукерьи Парамоновой за покушение на убийство мужа Павла Севостьянова (ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 28. Д. 22304. Л. 1).

Пожаловаться односельчанам – тоже возможно рассматривать как выход, но не как последнюю инстанцию. Жители деревни или села ничем не могли помочь. Крестьянку Антонову муж бил вместе с матерью кулаками, надевал на шею петлю и стегал чересседельником. Односельчане сбежались и лишь наблюдали. После этого муж снял с избитой жены одежду и пропил вместе с ними же. К судье крестьянка пришла в рубище «пренаивно требовать развода», которого в итоге не получила [5, с. 456–457].

Самой последней остается возможность обращения женщины-крестьянки в волостной суд по делу о разводе с мужем. Но этот вариант становится менее избираемым, потому что в основном суд в своих решениях был на стороне мужа. В отдельных случаях суд мог постановить лишь телесные наказания для супруга, после которых насилие в доме могло продолжиться [7, с. 1].

В исторических источниках Российской империи предполагалось несколько способов расторжения брака. Естественным была смерть одного из супругов. Российское законодательство XIX века выделяет следующие поводы к разводу при жизни обоих супругов: прелюбодеяние, заключение нового брака при существовании прежнего или бигамия, потеря невестой невинности до брака и добрачная беременность не от жениха, неспособность к брачному сожитию, тяжкая болезнь, безвестное отсутствие (побег, самовольные или долговременные отлучки), ссылка, покушение одного супруга на жизнь другого (указывалось как повод к разводу лишь в одном акте), принятие монашества, принятие христианской религии одним из супругов (если другой не желает жить с супругом христианином), возникновение духовного родства между мужем и женой (если один из супругов принимал детей у родителей другого или один из супругов принимал детей в той же семье, в которой одновременно принимал другой), в случае обращения одного из супругов из раскола в православие и нежелании другого последовать примеру первого, невозвращение из отпуска в отечество, военнопленного, женившегося на русской подданной. Также было возможно разножитие

или разлучение супругов. Эти процессы практиковались при двух случаях: как разъединение супругов до окончания разбирательства о законности их брака, деле о разводе или о жестоком обращении одного с другим; разлучение вследствие «несогласной жизни» и в особенности грубого и жестокого обращения мужа с женой. Второй случай описывался как «суррогат» развода [3, с. 301–362].

Мировой судья Я. Лудмер описывает ситуацию с обратившейся к нему крестьянкой Степановой. Она пишет о жестоком обращении к себе её мужа, доведении её физического состояния до оставления пятен на теле и крови из гортани. И при всем этом муж отобрал имущество жены. Лудмер проводит судебное заседание, на котором было решено дело о примирении супругов при условии обязательства мужа вернуть имущество жене и прощении женой побоев, если муж позволит ей вылечиться и больше не бить её. Но на заседании у Степановой хлынула кровь горлом и через два дня крестьянка умерла [5, с. 450–451].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что развод для крестьянок был практически не возможен, с большей вероятностью волостной суд примет решение о разножитии или разлучении супругов, недолгом аресте мужа, чем о расторжении брака. Судебный следователь Бобров, отвечая Я. Лудмеру, пишет о том, что даже после ареста, мужья возвращались к женам. Понимая, что в хозяйстве упадок, с мужьями мирились даже «бабы с выкушенными бровями» [1, с. 318].

После Александровских реформ решения судов о семейном насилии и разводе в крестьянской семье не претерпели изменений. Процент таких судебных разбирательств также был велик, неравноправие женщин в судебных заседаниях оставалось, наказания мужей оставались крайне недостаточными. Всё это зарождало лишь недовольство женщин, которое переродилось в целое движение эмансипации женщин лишь по прошествии нескольких веков.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что устоявшееся отношение к насилию в русской деревне имеет историческую обусловленность. Насилие над социально-незащищенными слоями общества было абсолютно нормальным процессом, так как в Российской империи существовала патриархальная иерархия: мужчина – глава семейства, имеющий права «учить» жену даже без её вины.

Законодательно бракоразводный процесс формально включал в себя закрепление и светского, и духовного способов решения дел. Можно сказать, что при рассматривании бракоразводных дел в судах или мировыми судьями, на первое место выходила именно юридическая формальность, а не добрая и ладная жизнь супругов. И потому, суд любыми способами старался сохранить брак, закрывая глаза на жестокие побои, так как союз мужчины и женщины, закреплявшийся духовно, может вытерпеть все преграды. Политика отказа от развода в крестьянской семье была распространена повсеместно.

Побои, приводившие к смерти жены, законодательством обычно расценивались как непредумышленные, и мужа наказывали соответственно: применяли телесные наказания, наложение епитимии или арест на несколько дней. Из Государственного архива Тульской области можно привести доказательство этой мысли: в 1858–1859 годах на крестьянина деревни Кручи Новосильского уезда

Михаила Михайлова за неумышленное убийство жены была наложена епитимия (ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1501. Л. 1). Такое отношение к насилию зарождалось в связи с политикой принуждения государства.

В крестьянской среде частные семейные вопросы решались особенно. Женщина как экономически важный элемент для ведения хозяйством, работающий в поле, следящий и ухаживающий за мужем и детьми, становилась на путь «исправления» мужем, а законы страны в большинстве случаев этому помогали. Неравная мера наказания для женоубийц и мужеубийц, несправедливые решения судебных дел о побоях женщины, законодательное закрепление социально-правового статуса женщины как рабыни патриархального строя, – всё это ставило жизнь крестьянки XIX века под угрозу нормального существования.

Библиографический список

1. Бобров, Д. По поводу бабьих стонов / Д. Бобров // Юрид. вестн. – Октябрь. – Г. 17 1885. – [Т. 20]. – № 10. – Кн. 2. – С. 318.
2. Верещагин, О. О бабьих столах / О. Верещагин // Юрид. вестн. – Апрель. – Г. 17 1885. – Т. 18. – Кн. 4. – С. 751–752.
3. Загоровский, А. И. О разводе по русскому праву / А. И. Загоровский. – Харьков, 1884. – С. 301–362.
4. Иваницкий, Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии / Н. А. Иваницкий // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. – 1890. – Вып. 2. – С. 53.
5. Лудмер, Я. Бабьи стоны: (Из заметок мирового судьи) / Я. Лудмер // Юрид. вестн. – Ноябрь. – Г. 16 1884. – Т. 17. – № 11. – С. 446–447, 456–457, 450–451.
6. Нижник, Н. С. «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: О проблеме расторжения брака в Российской империи / Н. С. Нижник // Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД России. – 2012. – № 1 (53). – С. 27.
7. Попп, И. А. Русская крестьянка в семейном конфликте: Правовые воззрения сельского общества и приговоры волостных судов (середина XIX века) / Попп, И. А. // Нов. ист. вестн. – 2020. – № 4 (66). – С. 96–111.

УДК 94 (495)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГЕТЕРИЗМА

Д. Н. Добрынина

Whiteswan1225@yandex.ru

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация. В статье рассматриваются экономическая составляющая жизни гетер позднеантичной Византии. Внимание автора концентрируется на раз-
мере оплаты труда, взимаемых с блудниц государственных налогов и доступном
данной профессиональной категории уровне жизни. Также оценивается положение,
занимаемое гетерами в обществе в интересующий нас исторический период.

Ключевые слова: гетеризм, христианство, общество, экономика, Поздняя
Античность, Византия.

UDC 94 (495)

ECONOMIC ASPECTS OF EARLY BYZANTINE HETAERISM

D. N. Dobrynina

Whiteswan1225@yandex.ru

Belgorod National Research University

Abstract. The article examines the economic component of the life of prostitutes of
late antique Byzantium. The author focuses on the amount of wages, state taxes paid by
prostitutes and the standard of living available to this professional category. The position
occupied by prostitutes in society in the historical period of interest to us is also assessed.

Keywords: hetaerism, Christianity, society, economics, Late antiquity, Byzantium.

В среде «жриц любви» существовала как строгая иерархия, так и выверен-
ные нормы, регламентирующие деятельность.

В позднеантичной Византии следует выделить две группы блудниц: *scenicae*
и *pornai*. К первым относили куртизанок-актрис, формировавших достаточно за-
крытое сообщество, в котором, как правило, дочери, перенимая опыт матерей,
служили юным пополнением. Следует отметить и излюбленное место «про-
мысла» – театр. Если говорить о конкретных персоналиях, то императрица Фео-
дора, в юности зарабатывавшая на хлеб игрой во фривольной театральной
пьеске, может быть отнесена именно к данному сообществу.

Pornai же – в основном девушки родом из сельских районов, гонимые
нищетой в крупные города, среди которых особо выделялись Константинополь
и Иерусалим. В городских центрах девушки, поиск лучшей жизни которых не

увенчался успехом, становились лёгкой добычей для сутенёров, охотно готовых предложить хлеб и кров.

В «Сатирах» (1.2.1) Горация (65 г. до н. э. – 8 г. до н. э.) можно встретить описание некогда увиденного на банкете кокетливого танца с кастаньетами, исполняемого юной сирийской девочкой. Номер также сопровождался виртуозной игрой на флейте, за что, вероятно, к «артистке» и обращались не иначе как *ambubaiae* (*abbut* или *ambut* – флейта в переводе с сирийского языка).

Светоний (ок. 70 г. – после 122 г.) таких желанных гостей светских мероприятий с уверенностью относит к проституткам (Книга Шестая. Нерон. с. 27). Подобного мнения придерживался и святой Иаков Низибийский (умер в 350 г.). Епископ Месопотамии называл танец «матерью всех непотребств, подстрекающей всякого к развязности в жестах и мыслях».

Обоснованность многочисленных увещаний Отцов Церкви подтверждается и свидетельствами археологических источников. Обнаруженная в городе Мадаба мозаика изображает танцовщицу, облачённую в струящееся муслиновое платье, в компании сексуально возбуждённого сатира [3, р. 134].

Епископ Иоанн Эфесский (ок. 507 г. – ок. 586 г.) не раз осмеливался припомнить императрице Феодоре её «бордельное» прошлое. Для нас же данный факт из биографии супруги Юстиниана служит доказательством тезиса о наличии высокой социальной мобильности в среде византийских гетер. Девушки, имевшие влиятельных поклонников, не просто претендовали на видные места в обществе – они зачастую и занимали значимые роли как в культурной (будучи вдохновительницами), так и в политической жизни империи.

Но важно понимать, что так изменить свою жизнь в лучшую сторону удавалось далеко не каждой. Большая часть девушек, трудившихся в борделях и тавернах, так и оставались безвольными, часто неграмотными рабынями сутенёров.

Нельзя не упомянуть о кардинально отличном пути, по которому могла пойти гетера. Примером тому служит Мария Египетская. После юных лет, преисполненных греха, девушка, раскаявшись, удалилась в пустыню.

Общественные бани были любимы как известными гетерами, так и рядовыми блудницами. Были даже специализированные заведения, которых уважаемые матери виднейших семейств государства очень сторонились, опасаясь за репутацию, когда многие их мужья с большой охотой проводили там время (Марк Валерий Марциал. Эпиграммы 3, 93).

Одежда и в сегодняшних реалиях служит важным показателем социального статуса, но ещё проститутки Рима были обязаны законом носить мужские тоги, чтобы минимизировать возможность обращения к себе как к уважаемой в обществе матроне (Гораций. Сатиры 1.2.63.). Маркером средневековых блудниц Западной Европы была полосатая одежда. Принт красноречиво говорил об их незаконном положении. Интересно, что похожие костюмы предназначались и для еретиков, прокажённых [2, р. 246].

Мы можем предположить, что у проституток Поздней Византии таких жёстких ограничений во внешнем облике не было. Сведения из источников носят

достаточно неопределённый характер. Так, в одном из разделов устной Торы гетера предстаёт «одетая как госпожа», но отсутствие каких-либо подробностей в описании предоставляет неограниченную свободу предположениям (Мидраш. Берешит Рабба. 23. 2).

В Житии святой Пелагии Антиохийской приводится описание её кортежа, величие которого вынудило многочисленных епископов «застонать, скрежеща зубами, в молчании и осознании собственного бессилия перед бесстыдной красотой первой танцовщицы Антиохии».

Красоту Пелагии сравнивали со стрелой, способной поразить сердце любого мужчины, и сан с его многочисленными обетами здесь помехой не был, когда исходивший от её юного тела запах мускуса заставляли помутиться самый боговерный разум. Даже ступни блудницы были богато убраны золотом и жемчугами. Ослепляло блеском драгоценных камней и её прекрасное сопровождение, состоявшее из румяных юношей и нежных дев.

Но характеристика быта и деятельности блудниц не может быть полной без упоминания информации о стоимости оказываемых услуг, цены свободы, гарантируемой выкупом, или же приёма на работу.

Известно, что крестьяне ближайших к Константинополю местностей отдавали дочерей сутенёрам за очень скромную плату. После этого одежда, обувь и скудная еда из первичных потребностей превращались в заработную плату, которую ещё нужно потрудиться получить.

При императоре Юстиниане в столице выкупить юную проститутку можно было достаточно дёшево (Кодекс Юстиниана. Новеллы 39, 2). В Южной Палестине конца VI – начала VII вв. покупка верблюда обходилась лишь на солид дешевле, а приобретение ослицы или мальчика-раба требовало больших вложений. То есть такая женщина уступала в стоимости вьючному животному, что весьма показательно в дискуссии о статусе проститутки в обществе Византии.

В Риме и Помпеях услуги «народной Венеры» были сопоставимы по стоимости с буханкой хлеба или двумя бокалами вина в ближайшей к дому таверне. Такая удивительная дешевизна нашла отражение у Марка Валерия Марциала (ок. 40 г. – ок. 104 г.): «Вы покупаете варёный нут и занимаетесь любовью за один ассарий!» (Эпиграммы 1.103.10).

В Александрии начала VII в. услуги проститутки по своей стоимости были доступны даже рядовому монаху. Немного арифметики по-поздневизантийски: Виталий получил за один день кератион (что равно 72 фоллисам). Лишь один фоллис был потрачен на горячую фасоль, а оставшиеся он заплатил за услуги проститутки. Но монахом руководили лишь светлые стремления: целью служили не утехы плоти, а обращение заблудшей девушки в христианство.

Р. Дункан-Джонс говорит о том, что размер взимаемого государством налога в Помпеях мог достигать 16 ассарий или 4 сестерции [4, р. 89]. Цифры служат наглядным подтверждением занимаемого девушками бедственного положения. Затянувшееся на несколько дней отсутствие клиентов неизбежно вело к голоду. Блудницы Эмесы (ныне Хомс в самом сердце Сирии) три дня до

прихода Симеона Юродивого (VI в.), принёсшего им хлеб и кувшин вина, обходились лишь водой.

Крайняя степень нужды не была редкостью. Марии Египетской удавалось угоститься свежей рыбой и хорошим вином на банкетах, гостьей которых она бывала по понятным обстоятельствам. В будни же подобная пища была доступна в редкие дни, когда плата за услуги была удивительно щедрой.

Древнегреческий комедиограф Алексид (ок. 375 г. до н. э. – ок. 275 г. до н. э.) упрекает проституток в их страстной жажде богатства (1). Агафий Миринейский (536–582 гг.), прозванный Схоластиком, соглашается с авторами афинских комедий, жившими двумя веками ранее. Оратор также осуждает распутство и любовь к золоту куртизанок империи.

Но часто единственным богатством проститутки были её ювелирные украшения. Так, жители Эдессы (ныне Урфа в юго-восточной части Турции) в 539 г. выкупали попавших в персидский плен сограждан. Блудницы, не имея достаточного количества денег, драгоценностями внесли свою лепту в общее дело (Проккопий Кесарийский. Войны. Война с персами. 2.13.4).

Тацит (сер. 50-х гг. – ок. 120 г.) утверждает, что ещё во времена Римской республики все проститутки вне зависимости от пола были занесены в специальные регистры, которые контролировал лично эдил, ведь именно данное должностное лицо было ответственным за организацию зрелищ, к которой удивительным образом добавлялся и полицейский надзор (Анналы. II. 85. 1–2). Обязали платить налог «жриц любви» уже в царствование Калигулы (Светоний. Калигула. 40).

Христианское византийское государство способствовало сохранению античной традиции. Бесспорно, блуд противоречил рамкам новой морали, но очень уж привлекал поступавший в имперскую казну налог.

Библиографический список

1. Agathias. A. P. 5. 302; Alexis, fr. 103 (Athenaeus XIII 568a), Kassel-Austin ed.
2. Duncan-Jones, R. P. The economy of the Roman Empire: Quantitative studies / R. P. Duncan-Jones. – 2d ed. – Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 1982. – P. 246.
3. Piccirillo, M. Madaba le chiese e is mosaic / M. Piccirillo. – Milano, 1989. – P. 134.
4. Schmitt, J.-Cl. Proctituées, Lépreux, Hérétiques: les rayures de l'infamie / J.-Cl. Schmitt // L'Histoire. – № 148. – Octobre 1991. – P. 89.

УДК 396.1

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 1860–1870 ГОДАХ

Т. С. Кунакова
mrs.kunakova@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Статья посвящена женскому движению в России, появившемуся после Крымской войны. Война показала потребность российского общества в помощи со стороны женщин, польза которых, принесенная ими в качестве сестер милосердия на фронте, достигла больших масштабов. Женское движение в России проявлялось преимущественно в двух сферах – медицинской и образовательной. В статье показан рост числа женщин, стремившихся к получению медицинского образования, получивших затем допуск к самостоятельной врачебной практике. Приведены сведения, показывающие растущее стремление женщин к получению высшего образования.

Ключевые слова: женское движение, феминизм, женское образование, женская медицина, женские организации.

UDC 396.1

WOMEN'S MOVEMENT IN RUSSIA IN 1860–1870

T. S. Kunakova
mrs.kunakova@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the women's movement in Russia, which appeared after the Crimean War. The war showed the need of Russian society for help from women, whose benefits, brought by them as nurses at the front, reached a large scale. The women's movement in Russia was mainly manifested in two areas—medical and educational. The article shows an increase in the number of women who sought medical education, and then received admission to independent medical practice. The article provides information showing the growing desire of women to obtain higher education.

Keywords: women's movement, feminism, women's education, women's medicine, women's organizations.

Женское движение зародилось в общественной жизни Европы и Америки в связи с кризисами в социальной и образовательной сферах во второй половине XIX в. Его определяющей чертой стало стремление женщин к равноправию с мужчинами, к борьбе с дискриминацией в любых ее проявлениях. Движение отстаивало право женщин на реализацию себя в сфере медицины и образования,

что в последствии давало им возможность активно участвовать в общественной жизни и заниматься профессиональной деятельностью.

В России женщины впервые заявили о себе как участницах общественной жизни, после Крымской войны 1853–1856 гг. Во многом это было связано с тем, что женщины, по инициативе известного хирурга Н. И. Пирогова, в годы войны начали работать сестрами милосердия [3]. Трудясь в госпиталях, они приносили большую пользу, оказывая помощь солдатам, что не могло остаться незамеченным. Как отметил Р. Стайтс, пропаганда женской эмансипации в России велась исключительно мужчинами, что, по его мнению, является одной из характерных черт общественной жизни России 1860–х гг. [8, с. 39]. Под руководством Н. И. Пирогова была основана волонтерская группа «Сестер милосердия Крестовоздвиженской общины». Профессор преследовал цель повышения социальной значимости женщин для общества, так как те могли «принести практическую пользу для блага отечества и обратить на женщин внимание общества и правительства» [11, с. 577]. Первоначально работу в симферопольских госпиталях осуществляли 34 женщины, позже за ними последовало ещё 127, преимущественно дворянского происхождения [5, с. 11]. И действительно, по мнению руководителя, женщины «перевернули госпиталь, ввели порядок и чистоту» [5, с. 13]. Оценив полезность деятельности женщин на фронте, Н. И. Пирогов один из первых поднял вопрос об их эмансипации в сфере образования, посредством которой они могли получить доступ к профессиональной деятельности [8, с. 594–595]. После окончания войны для российского общества стала очевидна необходимость профессиональной врачебной помощи со стороны женщин.

В связи с этим на протяжении второй половины XIX в. женский пол стремился к получению знаний в сфере медицины. Начиная с 1861 г. женщины стали подавать просьбы о «допущении» слушать лекции в медицинских университетах. Однако правительство решительных мер по удовлетворению таких запросов не принимало. Поэтому, начиная в 1860–х гг., женщины, стремившиеся учиться, вынуждены были поступать в зарубежные университеты. В Цюрихе медицинский факультет пользовался большой популярностью среди студенток из России. Первыми, кто защитил медицинский диплом, были Н. П. Сулова и М. А. Бокова, в дальнейшем они получили разрешение на ведение самостоятельной врачебной практики на территории России [11, с. 498]. Ежегодно количество русских студенток, желавших получить медицинское образование, росло. Встрешенное массовым отъездом женщин за границу, правительство вынуждено было задуматься об организации высших женских курсов университетского типа. В 1872 г. были приняты меры по улучшению женского образования, число женщин, обучающихся медицине за границей, начало сокращаться. Открылись курсы для акушерок при медико-хирургической Академии. После вступительных экзаменов в первый год обучения были приняты 90 студенток из 109, которые уже имели дипломы об окончании других учебных заведений, например, гимназий или педагогических курсов. В 1874 г. на курсы из 111 студенток поступило 88, в 1875–1876 гг. из 146 было принято 130 [4, с. 557]. Требования к сдаче экзаменов

были высокими, но приведенные данные свидетельствуют о росте числа поступивших на курсы девушек. Это было связано, в первую очередь, с их желанием получить право на доступ к профессиональной медицинской деятельности и быть полезными обществу.

В 1876–1877 гг. курсы были переименованы в «Женские врачебные курсы» при Николаевской военном госпитале. 40 выпускниц пятого врачебного курса могли осуществлять врачебную помощь в госпиталях на русско-турецком фронте с 1877–1878 гг. [11, с. 506]. В 1878 г. после сдачи экзаменов диплом лекаря получили 60 студенток Николаевского госпиталя с правом практиковаться на женщинах и детях. Первоначально допуск на курсы должны были получать 70 женщин ежегодно, но с каждым годом число желавших получить медицинское образование возрастало. За десять лет существования женских врачебных курсов численность обучающихся студенток составила 959 человек [11, с. 509]. Студентки по окончании «врачебных курсов» удостоивались Высочайшего знака отличия с изображением букв Ж. В. – женщина-врач [6, с. 29]. С 1879 г. женщины получили возможность занимать места врачей в городских, земских и других организациях.

Доказательством «полезности» женщин-врачей могут послужить данные о сравнительной врачебной практике мужчин и женщин. Так, к концу 1870–х гг. число пациентов у женщин-врачей более чем на одну треть превышало число пациентов у врачей-мужчин [6, с. 30–31]. Об этом также свидетельствуют документальные данные Тульского губернского земства, готовившего с 1866 г. средний медицинский персонал – фельдшеров и акушерок. Повивальная школа была открыта в 1869 г., а фельдшерская – в 1870 г. В повивальной школе, за счет земств доступ к двухгодичному обучению открывался девушкам любых сословий, в количестве 10 человек ежегодно, однако число «коммерческих» студентов не ограничивалось. С 1872 г. женщины Тульского уездного земства получили право поступать в фельдшерскую школу и, в дальнейшем, при защите двух дипломов, земства могли получить одного специалиста, совмещавшего должность фельдшера и акушерки. Как отмечает М. О. Сафронова, в самом ходатайстве о разрешении девушкам получать фельдшерский диплом, упоминалось, что крестьяне охотнее слушали женщин, нежели мужчин-фельдшеров [9, с. 136]. После разрешения обучения в фельдшерской школе численность студенток начала расти. Первый диплом фельдшера получила М. Сосаренкова в 1876 г., а к концу 1870–х гг. школа ежегодно выпускала фельдшериц. В целом, в Тульских земствах с 1872 по 1897 гг. фельдшерской школой было выпущено 142 фельдшера и 185 фельдшериц [9, с. 159–160]. Таким образом, на примере Тульской губернии можно видеть, что в итоге феминизации в 1860–1870–х гг. число женщин среди медицинского персонала увеличивалось. Считается, что женщины, по сравнению с мужчинами, более заботливо и внимательно относились к пациентам, в результате приобрели доверие среди населения. Получив доступ к образованию наравне с мужчинами, они осознали, что могут быть полезны не только в быту и семейной жизни, но и приносить пользу обществу.

Пик развития либерального феминистического движения пришелся на период правления Александра II, когда российское общество претерпевало всеобъемлющие и быстрые изменения, что повлияло и на динамику обсуждения женского вопроса. В 1860–е гг. вопросы эмансипации женщин активно обсуждались в печати и вызывали значительный интерес среди населения. Но стоит отметить, что термин эмансипация раньше понимался как освобождение от зависимости, неравноправия любого человека, а не только женщины [7, с. 910]. Необходимо подчеркнуть, что распространение феминистических идей среди всего населения было исключительным случаем. Первые феминистки в царской России были представительницами привилегированных слоев: Н. В. Стасова, А. П. Филофова, М. В. Трубникова, А. К. Цебрикова, А. Н. Энгельгардт, А. П. Суслова [12, с. 3]. Они черпали свои идеи из зарубежной литературы: книги Женни д'Эрикур, Жорж Санд, работы Байрона, Гейне, Руссо. Так как на Западе феминистическое движение начало развиваться намного раньше, их идеи стали фундаментом для развития женской эмансипации в России.

Одной из сторон проявления феминизма в России было создание первых женских организаций, нацеленных на социальную защиту и трудовую помощь женщинам. При создании таких организаций феминистки руководствовались идеями Клары Бальфур о «системе самопомощи»: помощь одних женщин другим, забота о несчастных людях со стороны «более удачливых» [10, с. 49]. Проанализировав работу организаций, Р. Стайтс отметил, что «Общество дешевых квартир», основанное феминистками в Санкт-Петербурге осенью 1861 г., было нацелено на благотворительную деятельность. Организация предоставляла жилье нуждающимся семьям, содействовала повышению уровня жизни. В частности, были основаны мастерские по пошиву одежды, общественные кухни, а также школы для работающих матерей, в которых в основном преподавали члены общества. В 1863 г. было основано «Общество переводчиц» для обеспечения женщин интеллектуальной работой (литературный труд, копирование, редактирование, переплет и перевод работ). «Общество женского труда» содействовало трудоустройству женщин: при помощи кооперативов и частных предприятий создавало для них рабочие места, а также обучало новым профессиям, оказывало поддержку безработным. Оно стало примером для других созданных феминистками организаций, таких как «Общество для пособия бедным женщинам в Петербурге», «Общество поощрения женского труда» и т. д. [10, с. 52–53]. Отметим, что создавая организации, феминистки поняли, что не целесообразно давать женщинам доступ к разному роду профессиям без качественной образовательной подготовки.

«Я мыслю, значит, я существую» – женщины, руководствуясь этим лозунгом, принялись решать проблему доступности образования для всех слоев населения [1, с. 167]. С 1859 по 1862 гг. в России повсеместно создавались воскресные школы для взрослых из разных социальных слоев. Большую роль в их организации и работе сыграли женщины. Так, например, в 1860 г. группой Стасовой была создана школа для продавщиц и фабричных работниц. К 1862 г. в России

насчитывалось около 500 школ [10, с. 54]. Возросшую популярность образовательных учреждений с неодобрением восприняло правительство, и было решено их запретить. Стремления женщин к получению знаний для доступа к профессиональной карьере были временно приостановлены.

После издания в 1869 г. работы Стюарта Милля «Подчинение женщины» женское движение за доступ к высшему образованию вновь активизировалось. Заканчивая уже существовавшие на территории России специализированные учебные заведения, девушки, получали возможность быть акушерками или домашними наставницами. Но, женщины, стремящиеся сделать профессиональную карьеру, понимали необходимость получения университетского образования, так как полученные знания открывали доступ к разным профессиям. В связи с этим было создано множество кружков (например, во дворце Елены Павловны), на которых женщины решали проблему недостаточной подготовки для присутствия на университетских лекциях. В связи с этим кружок М. В. Трубниковой подал прошение в мае 1868 г. ректору Петербургского университета о разрешении присутствовать на лекциях, которое подписали около 400 женщин [4, с. 498]. Совет университета, рассматривавший прошение, воспринял его с одобрением. Однако министерство народного просвещения поняло эту идею по-своему. Было принято компромиссное решение об организации публичных лекций, как для женщин, так и для мужчин. Стремления к знаниям феминисток не были оценены правительством должным образом.

По этой причине в конце 1860–х гг. развернулась феминистическая кампания, своеобразная ответная реакция на правительственную политику в отношении высшего женского образования. На частные средства начали открываться курсы для девушек, желавших восполнить знания, полученные в гимназиях, и облегчить поступление на курсы (такие как «Аларченские женские курсы», курсы при общеобразовательном частном женском училище Спешневой, рассчитанное на 62 учениц) [4, с. 512]. Общество сочувствовало стремлению женщин получить образование высшей категории. Правительство не оставило это незамеченным и удовлетворило поданные ранние прошения. В октябре 1869 г. открылись первые женские курсы на Лубянке. «Лубянская» учебная программа давала обширные знания наравне с мужскими гимназиями. В 1869 г. число слушательниц составляло 90 человек, к 1870 г. их число возросло до 180 (2 раза больше), а в 1873 г. количество студенток уменьшилось до 103 [6, с. 35]. В связи с уменьшением числа девушек, желающих пройти обучение, программа «лубянских» курсов постоянно расширялась. К концу 1870–х гг. они уже претендовали на звание высших учебных курсов. В январе 1870 г. открылись первые петербургские публичные курсы, из 900 записавшихся человек 797 были женщины [4, с. 523].

В 1872 г. начали работу московские высшие учебные курсы В. И. Герье, открывшие доступ к закрытым женским профессиям в высших учебных заведениях (ассистентка или преподавательница в старших классах гимназии). Курсы в первое полугодие насчитывали 58 слушательниц, к 1874–1875 гг. – 103, в 1876 г. –

117 [4, с. 527]. Успешную деятельность московских курсов профессора В. И. Герье перенял Казанский университет. С похожей программой в 1876 г. на высших казанских курсах присутствовали 99 студенток, приехавших из соседних городов. Особо популярными были петербургские высшие учебные курсы профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, открывшиеся в 1878 г. По окончании курсов все студентки, в независимости от своего происхождения, получали образование, которое приравнивалось к университетскому. В первый год после открытия курсов число слушательниц достигало 581, с каждым годом их число увеличивалось. Так к 1879–1880 гг. количество поступивших слушательниц составляло уже около 840. К закрытию «Бестужевских курсов» их число выросло до 2500, то есть почти в 5 раз [6, с. 40]. По приведенным статистическим данным можно заключить, что количество высших женских курсов, одобренных министерством просвещения, постоянно увеличивалось, начиная с 1870–х гг. Наблюдается и рост числа студенток, желавших дополнить свои знания, полученные ранее в средних учебных заведениях.

Женское движение, появившейся в пореформенной России в 1860–1870–х гг., реализовывалось в двух направлениях – медицине и образовании. Деятельность активисток женского движения была связана не только с желанием решить проблемы женской эмансипации. Приведенный фактический материал позволяет утверждать, что, несмотря на то, что правительство ограничивало доступ женщин к образованию, число женщин, желавших получить медицинское образование и высшее профессиональное образование, ежегодно увеличивалось. Рост показателей был связан со стремлением женщин доказать свою полезность обществу, получая доступ к разным профессиям.

Библиографический список

1. Айвазова, С. Г. К истории феминизма / С. Г. Айвазова // *Общественные науки и современность*. – М.: Рос. академия наук, 1992. – № 6. – С. 153–169.
2. Ельникова, Г. А. Становление и развитие феминизма в России: К истории вопроса / Г. А. Ельникова // *Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. – 2003. – № 12. – С. 1–15.
3. Крупская, А. Воспоминания Крымской войны Сестры Крестовоздвиженской общины / А. Крупская. – СПб.: Тип. Иосафата Огрязко, 1861.
4. Лихачева, Е. О. Материалы для истории женского образования в России [Электронный ресурс] / Е. О. Лихачева. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевич, 1890–1901. – URL: <https://www.prlib.ru/item/426841>
5. Махаев, С. К. (свящ.) Подвижницы милосердия: Рус. сестры милосердия: (Краткие биограф. очерки) [Электронный ресурс] / Свящ. С. К. Махаев. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. – URL: <https://www.prlib.ru/item/358081>

6. Овцын, В. Развитие женского образования: (Исторический очерк) [Электронный ресурс] / В. Овцын. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. – URL: <https://www.prlib.ru/item/441586>
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt
8. Пирогов, Н. И. Вопросы жизни [Электронный ресурс] / Н. И. Пирогов // Морской сб. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1856. – Т. 23. – № 9 (июль). – С. 559 – 597. – URL: <https://www.prlib.ru/item/343825>
9. Сафронова, М. О. Земская медицина Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук [Электронный ресурс] / М. О. Сафронова. – Курск, 2020. – URL: <https://cloud.kursksu.ru/kursksu.ru/pages/2019/December/20/tFYRde4K.pdf>
10. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайтс. – М.: РОССПЭН, 2004.
11. Тарновская, П. Женский медицинский институт и Женские врачебные курсы: Ист. очерк / П. Тарновская // Вестн. Европы. – 1903. – Кн. 8. – С. 497–517.
12. Хасбулатова, О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса / О. А. Хасбулатова // Женщина в рос. о-ве. – 2017. – № 2. – С. 5–14.

УДК 93/94

СОЛДАТСКИЕ БУКВАРИ И УЧЕБНИКИ 1860-80-х гг. ИХ ЦЕЛИ, ФУНКЦИИ И СОДЕРЖАНИЕ

Т. А. Володина, Н. О. Ланкин
nik-lankin@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В данной статье рассматривается специализированная литература, выпущенная под эгидой Военного министерства для развития грамотности и первичных знаний среди нижних чинов русской армии. Представленная учебная литература появляется лишь на поздней стадии внутренних образовательных реформ военного ведомства, но ее содержание и функции могут быть полезными, во-первых, для изучения солдатской ментальности и, во-вторых, для понимания целей и задач преследуемых военным ведомством в попытке возложить на армию функции школы.

Ключевые слова: военная реформа, Д. А. Милютин, полковые и ротные школы, К. К. Абаза, азбуки.

UDC 93/94

SOLDIERS ' PRIMERS AND TEXTBOOKS OF THE 1860S AND 1870S. THEIR GOALS, FUNCTIONS, AND CONTENT

T. A. Volodina, N. O. Lankin
nik-lankin@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article examines the specialized literature published under the auspices of the Ministry of War for the development of literacy and primary knowledge among the lower ranks of the Russian Imperial Army. The presented educational literature appears only at a late stage of educational reforms, but its content and functions can be useful firstly for studying the soldier's mentality and secondly for understanding the goals and objectives pursued by the military department in the above-mentioned reform.

Keywords: military reform, D. A. Milyutin, regimental and company schools, K. K. Abaza, ABCs.

После Крымской войны военное министерство крайне озаботилось грамотностью и начальным образованием (в объеме минимальных знаний об истории, языке и математике) рядового состава Русской императорской армии. Связано это было с утилитарными причинами. Как показал опыт иноземных государств

(в первую очередь Германии) [1, с. 85–87], грамотный солдат куда лучше, легче и быстрее поддавался обучению. Более того, начальное образование крайне требовалось в специализированных частях, таких как артиллерийские подразделения и саперные батальоны.

Учтя все это, военное ведомство уже с 1857 г. запустило целую сеть различных образовательных учреждений внутри воинских подразделений [2, с. 166]. Основными единицами в ней были ротные школы для широкого развития грамотности и начального образования среди нижних чинов вообще, а также полковые школы для подготовки унтер-офицерского состава.

Судя по имеющимся у нас сведениям, в ротных школах солдат обучали алфавиту, чтению, письму под диктовку, первым четырем арифметическим действиям и Закону божьему (С.В.-Ч-1Й Грамотность в войсках // Военный сборник. 1860. – Т. 15. – № 10. Отд. неоф. – С. 303–332). Разумеется, данные школы какой-либо отработанной методической базы (не было никакой системы обучения, предназначенной именно для солдат) и структуры не имели и, по сути, были затянувшимся экспериментом Российской империи. В ходе данного опыта были выявлены следующие проблемы: неподготовленность кадров (даже офицеры чаще всего не могли передать нужные знания, а учителями порой назначались даже просто грамотные солдаты), отсутствие методов обучения алфавиту и чтению (возникли почти сразу две системы – синтетическая и аналитическая, но они также требовали умеющих в них работать педагогических кадров, особенно вторая) и полное отсутствие необходимой учебной литературы.

Конечно, учебники выпускались в Российской империи, но их объемы были несравнимы с потребностями военного министерства, и, что куда более важно, данная учебная литература не была приспособлена для взрослой аудитории. Они были рассчитаны на детей и потому вряд ли могли быть подспорьем в обучении солдат. Известны случаи, когда закупались для учебы и не учебного чтения любые книги, попадавшие в книжных лавках, что делало эти траты бесполезными, а порой и вредными. И хоть ситуацию пытались переломить каталогами в «Чтении для солдат», серьезных изменений не было.

Все вышеперечисленные проблемы не могли не сказаться на образовательной деятельности и привели к временному упадку ротных школ как вида к 1868 году, что заметно даже по «Инструкции для специального образования в войсках строевых и нестроевых нижних чинов» (Приказ военного министра от 1867 года № 262 «Инструкция для специального образования в войсках строевых и нестроевых нижних чинов» 24 с. ГПИБ Приказы военного министра. СПб., 1840–1867 гг.), где данный вид школ даже не упоминается. О развале ротных школ писал и видный военный историк П. А. Бобровский [3, с. 295] Учитывая, что именно этим организациям государством была поручена задача общего образования всех нижних чинов, первый опыт можно считать относительно неудачным. Хотя, конечно, стоит отметить, что за данный период предположительно удалось обучить около 160–180 тысяч человек [3, с. 283].

В высшем руководстве Русской императорской армии явно сумели сделать выводы из сложившейся ситуации. В юнкерских и кадетских корпусах была

добавлена педагогическая подготовка, как и в некоторых унтер-офицерских школах. Учебная литература в данный период также начинает разрабатываться и одной из первых подобных работ становятся буквари издательства «Досуг и дело» (Букварь солдатский / [Ред.-изд. Погоский]. СПб.: Досуг и дело, 1867). Их содержание было в первую очередь направлено на знание религиозных текстов, истории ратных подвигов русской армии и знаний и умений солдат, необходимых для службы. Основной проблемой данных букварей была еще присутствующая буквенно-звуковая коллизия: это была распространенная проблема в обучении чтению и грамоте, ибо люди не могли понять, почему буква «Аз» в слове звучит как «А», и это значительно затрудняло обучение. Данная проблема получила решение с разработкой звукового метода реализованного в новом букваре Константинова (Букварь народный и солдатский / Сост. Константинов. СПб.: Изд-во «Досуг и дело», 1874.). Здесь произошел революционный переход к произношению букв. Название буквы откидывается, и она изначально запоминается ее звуком в слове. Такая практика значительно упрощала обучение чтению. В остальном данный букварь во многом похож на предыдущие буквари по своей структуре: обучение буквам, тексты, связанные с религиозной темой и военными делами и загадки для развития логического мышления. Во многом подобная ситуация будет наблюдаться и в дальнейшей учебной литературе.

Важной вехой в развитии военно-учебной литературы была разработанная в 1871 году Н. П. Столпянским с К. К. Абазой «Книга для начального чтения в войсках» (Книга для начального чтения в войсках / Сост. Н. П. Столпянский и К. К. Абаза. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1871). Она была поделена на 9 рубрик, разбросанных по тексту в беспорядке: побасенки, упражнения, жизнь великих полководцев, воинские умения и др. Данная разбросанность сделана намеренно, чтобы в течение всего курса солдат рассматривал все рубрики, а их содержание ему не приедалось. Но тем не менее любая тематика так или иначе приводилась к вопросу военной службы прямо или косвенно. Примером может послужить побасенка про мужиков и ружье. Ребята решили выстрелить из ружья, пересыпали лишку пороха, что привело к разрыву винтовки. Таким образом, учебный текст содержал напоминание нерадивому солдату об аккуратности и точности в засыпании пороха (там же, с. 1). В упражнениях для списывания большинство тем связано с военной средой, а именно: воинские звания, снаряжение солдата и даже высшее военное управление. В данной работе продолжается одна из изначальных тенденций русской императорской армии на выделение ее в отдельную касту и противопоставление другим сословиям. В сказках и побасенках с участием армии солдат выступает как положительный герой, обводящий вокруг пальца других людей благодаря своей находчивости (примером подобного является общеизвестная сказка о каше из топора представленная здесь как каша из тесака) (там же, с. 22). Учитывая давность таких тенденций, которые следует еще с XVIII века и наблюдаемые во многих полковых уставах, скорей всего данная установка намеренна и является лишь продолжением традиции [4].

Данная книга для чтения важна еще именно появлением в военном образовании Константина Константиновича Абазы. Столпянский оказался под впечатлением от своего соавтора, что не преминул отметить в предисловии. Возможно, именно это сыграло большую роль в дальнейшем. Впоследствии Абаза напишет целый цикл учебных пособий для Русской императорской армии. Вероятно, это было что-то вроде государственного заказа, который был ему предоставлен в связи с качественной проработанностью данного наставления.

Сразу же за наставлением в 1873 году выходит «Руководство по обучению в начальных военных школах» К. К. Абазы и М. Силакова (Руководство по обучению в начальных военных школах / Сост. К. Абаза и М. Силаков. СПб.: Н. Фену и К^о, 1873). Оно логически продолжает и обобщает предшествующие работы. Само руководство подчеркивает, что требуется научить солдата думать, понимать и считать, причем сделать это требуется теперь в краткий срок обучения, на который старая система воинской подготовки была не рассчитана. Программой было предусмотрено все то же письмо, чтение, арифметика и молитвы, но изучение других наук не только не отвергалось, но считалось важной задачей в подготовке бойцов, просто утверждалось, что эти задачи могут отнять время у основной: «Нельзя не оговорить, что мы не исключаем элементарных сведений по географии, естественной истории и проч. из круга знаний, необходимых для каждого: они составляют необходимый и весьма благодарный материал в хорошей книге для классного чтения, но дело в том, что они как бы играют второстепенную роль в виду главной задачи – научить учеников посредством чтения-же добывать себе знания» (там же, с. 3). Система, заложенная в руководстве, уже основана на дидактических принципах и подразумевают во многом постоянную вопросно-ответную работу на уроках. Также Абаза подчеркивает важность введения звукового метода в широкий оборот для упрощения системы обучения и выучивания алфавита. По его утверждению именно в букво-сочетательной системе лежит корень механического прочтения слов и предложений без всякого понимания смысла текста.

В 1880 г. Абаза выпускает свою «Книгу для чтения» (Книга для чтения в военных школах и казармах, в школах воскресных и вечерних классах для взрослых / Сост. К. К. Абаза. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880), которая во многом продолжает традицию предыдущих изданий разбиения информации на содержательные блоки. Большинство из этих блоков также переходят из предыдущей книги для чтения, хотя и лишаются группового названия. Большинство статей представляют собой простые короткие рассказы из солдатской жизни. Но некоторые являются отрывками серьезных произведений таких как «Капитанская дочка» или «Тарас Бульба». Данное издание впоследствии много раз переиздавалось в Российской империи.

И уже к 1883 г. выходит первое издание азбуки (для изучения использовалось лишь четвертое издание данной азбуки вышедшее в 1888 г.) (Азбука для начальных военных школ и для обучения взрослых вообще / Сост. К. К. Абаза. СПб.: Изд. Березовский, 1888), которая на самом деле представляет собой

полноценное учебное пособие. Первая часть представляет собой само последовательное изучение алфавита звуковым методом, а вторая часть разбита на тематические группы, такие как естественные и искусственные вещи, птицы, рыбы и т. п. Оканчиваются эти блоки знанием государственных праздников и строевой подготовкой. Каждый из них состоит из терминов темы, загадок, разных логических задач. Отчасти азбука лежит внахлест по передаваемым знаниям с другими предметами изучения, такими как арифметика и религия. Примером подобного пересечения интересов является чисто математическая задача как разместить 32 солдата в четырехугольной крепости так чтоб на каждой стене стояло по 10 солдат (там же, с. 20). Более того данная задач могла дать солдат минимальные азы тактических приемов

В то же время учебник по арифметике является узкоспециализированным и подразумевает лишь решение задач (Арифметика для солдат по программе, приложенной к Приказу по Военному ведомству. 1875. № 52: Целые числа, именнов. числа, понятия о дробях: В тексте помещено 200 задач / Сост. К. К. Абаза. СПб.: В. А. Березовский, 1884). Он поделен на три основных блока: целые числа, именные числа (то есть задачи на меры длины, веса и другие), и дробные числа. Одним из общих подразделов все равно являются практические экономические (хозяйственные задачи). Стоит отметить что, по словам разных офицеров-педагогов, арифметика вместе с Законом Божьим получалась у солдат лучше всего и во время начальной стадии развития военного образования (подобный пример приводит например С.В.-Ч-1Й в своей работе, рассказывая о том случае как благодарные ученики попросили после учебы продолжить их обучать арифметике и объяснить дроби). Видимо, в отличие от малозаметных преимуществ умения читать и писать, умение счета в солдатской среде ценилось достаточно высоко именно из-за его хозяйственной направленности. В отличие от старых программ подготовки Абаза включает в свой учебник именнованные и дробные числа, которые раньше не рассматривались в основной подготовке и считались уже углубленным изучением программы. Хотя, конечно, вполне вероятно, что во вновь открывшихся ротных школах по данным учебникам не учили, а использовались они, только начиная с полковых школ.

Таким образом, к середине 1880-х годов военное министерство получило весь основной комплект образовательной литературы, которая была специально подготовлена под возрастную и сословную (в первую очередь изначально крестьянский, с всеобщей воинской повинностью ситуация немного изменилась) контингент. Основными ее задачами было, передать информацию об основных сложностях и служебных обязанностях солдата (часто в неформальной форме, то есть на примере малых побасенок или притч) и сформировать навык возможного самообразования. Также важной задачей учебной литературы был процесс социализации пополнения, в частях проходящий через изучение ратных подвигов и небольшого противопоставления солдат другим сословиям, продолжающим традицию раннеимперской системы подготовки нижних чинов.

Библиографический список

1. Бобровский, П. Взгляд на грамотность и учебные команды (или полковые школы) в нашей армии / П. Бобровский // Воен. сб. – 1871. – Т. 78. – № 3 (отд. неоф.). – С. 41–87.
2. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. – М.: Воениздат, 1973.
3. Бобровский, П. Взгляд на грамотность и учебные команды (или полковые школы) в нашей армии / П. Бобровский // Воен. сб. – 1870. – Т. 76. – № 12. – С. 279–310.
4. Ланкин, Н. О. Из рекрута – в чудо-богатыря: Инструменты формирования полковой идентичности в российской армии XVIII в. / Н. О. Ланкин, Т. А. Володина // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 16–18 окт. 2019 г.). – Тула, 2020.

УДК 930

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ХОДЕ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ

Г. В. Мельников
grigroryy@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Данная статья посвящена влиянию столыпинских реформ на жизнь крестьян. В статье рассматриваются основные направления политики правительства в аграрной сфере. Делаются выводы об успешности проводимой политики и конечных результатах реформ, предпринятых царским правительством.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, крестьянство, Россия начала XX в., малоземелье, община, межевание.

UDC 930

CHANGES IN THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE PEASANTRY DURING THE STOLYPIN REFORMS

G. V. Melnikov
grigroryy@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article is devoted to the impact of the Stolypin reforms on the life of the peasants. The article discusses the main directions of the government's policy in the agricultural sector. Conclusions are drawn about the success of the policy and the final results of the reforms undertaken by the tsarist government.

Keywords: Stolypin's reforms, agrarian reform, peasantry, Russia of the beginning of the XX century.

В этом исследовании исследуется вопрос изменения социально-экономического положения крестьянства в ходе проведения Столыпинских реформ. Эти преобразования являлись реакцией на революционные события 1905–1907 годов и ставили задачей устранение огромного множества проблем, ставшими причинами этих потрясений. Необходимо было произвести изменения, которые были способствовали трансформации привычных социальных структур. Реформа сельского хозяйства стала главной в программе правительства. Доля сельского населения составляла 85,0 % [3, с. 89]. Доля сельскохозяйственная продукция и сырье составляла примерно 90 % от всего экспорта, а на зерно приходилось 40 % экспорта [6, с. 638]. Это делало развитие сельского хозяйства важнейшим

вопросом в стране. Малоземелье и чересполосица осложняло жизнь крестьян и не позволяло производить достаточное количество продуктов, для удовлетворения потребностей растущего населения. И хотя площадь пригодной для обработки земли на одного человека земледельческого населения в России была далеко не самая маленькая, а точнее даже занимала 3 место после Канады и США [4, с. 533], из-за низкого развития агрономии в стране, а также более сурового климата, труженикам не удавалось достичь увеличения урожая. Также важнейшим институциональным препятствием развития было наличие общины. В этой системе устройства крестьянского хозяйства у крестьян отсутствовал стимул к более продуктивной и продуманной обработке земли, поскольку земля принадлежала общине и перераспределялась каждые 12 лет, что делало бессмысленным весь вложенный труд. Также крестьянин фактически был прикреплен к общине и не мог без её одобрения осуществлять предпринимательскую деятельность. Кроме того, в общине с подозрением относились ко всякого рода инновациям, полагаясь на традиционный уклад хозяйственной деятельности.

Комплекс социальных и экономических практик характерный для крестьянства того времени должен был подвергнуться структурным изменениям. Правительство пришло к выводу, что крестьянская община есть причина тех проблем, которые вызывали недовольство население и снижали эффективность сельского хозяйства. Реформа должна обеспечить разрушение общины, подавлявших инициативность её членов, а также наделить крестьян в частное владение землей. Впоследствии наиболее предприимчивые земледельцы должны были образовать класс собственников, который бы стали опорой стабильного государства. Для этого 9 ноября 1906 был издан указ, по которому крестьяне получили право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела. А ещё за месяц до этого 5 октября 1906 г. был утвержден указ, уравнивающий крестьянство в правах с остальными сословиями, что являлось огромным достижением в деле фактической ликвидации сословных ограничений. За годы реформы из общины вышло 1,9 млн домохозяев (22,1 % общинников) с площадью почти в 14 млн десятин (14 % общинной земли). В добавление к этому с 1910 года крестьяне всех общин, где с 1861 года не было переделов – а таких было 32,8 %, то есть треть, — считались перешедшими добровольно от коллективных форм землевладения к индивидуальной, что давало возможность приватизировать землю им в любой момент [2, с. 810].

Важнейшим элементом новой политики стало переселение крестьян на свободные земли. В Сибири переселенцы создавали крупные фермерские хозяйства. Правительством в 1908 был введен в действие о порядке переселения за Урал, которые устанавливал правила переезда в Сибирь и наделение крестьян землей [5, с. 290]. В 1909 и 1910 годах правительство приняло постановление о бесплатной перевозке переселенцев и ходоков. Однако переселение шло не только в Сибирь. Например, казенные земли в Муганской степи, которые располагались в Азербайджане, на основании действующих Правил о переселении на казенные

земли там происходил отвод казенных участков, что зафиксировано в акте о «Об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи» [5, с. 290–291], также планировалось заселение орошаемых районов Голодной степи в Туркестане. Переселенческая политика 2,7 млн чел. начать новую жизнь в Азиатской России.

Реформа Столыпина начала агротехнологическую революцию в России. Произошел прорыв в агрономической помощи крестьянам. Давыдов приводит следующие цифры: “Так, земские безвозвратные ассигнования на сельскохозяйственные и экономические мероприятия по 34 староземским губерниям выросли с 939 тыс. руб. в 1895 г. до 4546 тыс. руб. в 1907 г., 11399 тыс. руб. в 1911 г. и 16197 тыс. руб. в 1913, увеличившись, таким образом, в 17,3 раза. За годы реформы 1906–1913 гг. они почти учетверились, а за 1911–1913 гг. увеличились в 1,8 раза.” [2, с. 532]. Перевозки сельхозмашин и орудий, которые в 1905 г. составили 12,8 млн пуд., в 1909 г. увеличились уже до 21,5 млн пуд., а в 1913 г. – до 34,5 млн пуд., т. е. выросли с начал реформы в 2,7 раза, а перевозки минеральных удобрений увеличились с 14,7 млн пуд. в 1905 г. до 23,5 млн пуд. в 1909 г., и до 37,2 млн пуд. в 1913 г., т. е. выросли в 2,5 раза [2, с. 808].

В годы реформы во многом был преодолен порог базового недоверия крестьянства к агрономии и к специалистам по сельскому хозяйству вообще.

Увеличилось участие населения в кредитно-финансовых операциях. Число сберкнижек в государственных сберегательных кассах выросло на 60,5 % – с 5,4 до 8,6 млн, а сумма вкладов на них – на 63,9 % – с 945,4 до 1549,8 млн руб. При этом количество крестьянских книжек увеличилось на 82,3 % – с 1,4 до 2,5 млн, а вклады выросли на 83,4 % – с 261,9 до 480,2 млн руб. [2, с. 809].

Важнейшим достижением реформы было проведение межевание. Землеустройства в европейской России в 47 губерниях было затронуто 34 миллиона десятин. Это значительно уменьшило проблему чересполосицы. К этому стоит добавить 10 миллионов десятин, которые были приобретены крестьянами с помощью Крестьянского банка, а так же как 20 миллионов десятин землеустройства полученные в Сибири. [2, с. 808]

Общий рост стоимости фондов сельского хозяйства составил 11865 млн. руб в 1908 против 13089 млн. руб в 1913 (в ценах 1913). [1, с. 85].

Таким образом, можно отметить, что множество сфер жизни крестьян претерпела положительные изменения начиная от их юридического положения и, скажем так их восприимчивости к новшествам, заканчивая собственно их социально экономическим положением. И хотя империя имела огромное количество проблем, изменения, происходившие в ней, позволяли надеется, что в конце концов они будут преодолены. Была заложена база для развития экономического благополучия страны, первые ростки которого мы можем увидеть уже в то время.

Библиографический список

1. Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / П. Грегори; Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2003.
2. Давыдов, М. А. Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте – Столыпина / М. А. Давыдов. – СПб., 2016.
3. Ежегодник России 1914 г. (Год четвертый) // Центральный статистический комитет МВД. – СПб., 1915.
4. Миронов, Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – М.: Весь Мир, 2012.
5. П. А. Столыпин: Программа реформ: Документы и материалы: [Посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина] / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, Российский гос. исторический архив; Под общ. ред. П. А. Пожигайло. – 2-е изд., стер. – М.: РОССПЭН, 2011.
6. Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый) // Центральный статистический комитет МВД. – СПб., 1915.

УДК 93/94

ЛЮБОВЬ СТЕЧКИНА – «ТУРГЕНЕВСКАЯ БАРЫШНЯ» АЛЕКСИНСКОГО УЕЗДА

П. В. Пищугина
polina.pishchygina@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье представлено краткое описание жизни одной из представительниц знаменитого рода Стечкиных – Любви Яковлевны Стечкиной, писательницы Алексинского уезда Тульской губернии, а также идет параллельное рассмотрение ее персоны на основе сопоставления с собирательным образом «тургеневской барышни» – духовного женского идеала, созданного И. С. Тургеневым.

Ключевые слова: Любовь Яковлевна Стечкина, Иван Сергеевич Тургенев, писатель, талант.

UDK 93/94

LYUBOV STECHKINA – "TURGENEV'S LADY" OF THE ALEKSINSKY DISTRICT

P. V. Pishchygina
polina.pishchygina@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article presents a brief description of the life of one of the representatives of the famous Stechkin family – Lyubov Yakovlevna Stechkina, a writer from the Aleksinsky district of the Tula province. And also there is a parallel examination of her person on the basis of comparison with the collective image of the "Turgenev's lady" – the spiritual female ideal created by I.S. Turgenev.

Keywords: Lyubov Yakovlevna Stechkina, Ivan Sergeevich Turgenev, writer, talent.

В 1682 году началась работа по составлению «Бархатной книги», - сборника знатных боярских и дворянских фамилий России, который можно использовать в качестве доказательства знатности происхождения. Многие представители высшего сословия поспешили составить родословные росписи для внесения их в вышеуказанное издание. Исключением не стал и род Тургеневых. Однако существовало четыре ветви упомянутой фамилии, в число которых входил и Тульский край. К этой линии принадлежал и знаменитый писатель Иван Сергеевич Тургенев, автор таких произведений, как цикл рассказов «Записки охотника», романы «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», повесть «Ася» и т. д. (Руммель В. В.,

Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб.: А. С. Суворин, 1886–1887. Т. 2. С. 536, 546).

Стоит отметить, что в своем творчестве классик уделял много внимания образу женщины. В итоге сформировался полноценный прототип героини под говорящим названием «тургеневская барышня»: Ася из повести «Ася», Наталья Ласунская из романа «Рудин», Елизавета Калитина из романа «Дворянское гнездо» и т. д. Такие особы обладали следующими чертами: душевность, жертвенность, чистота, образованность, скромность, но в то же время стойкой силой духа. Зачастую они большую часть жизни проводят вдали от городской суеты и, следовательно, низменных соблазнов, могут быть не столь хороши собой по внешнему виду, но одновременно обладать своеобразным шармом и грацией. Можно назвать их «идеалами внутренней красоты и непорочности». Но существовали ли «тургеневские барышни» в реальной жизни? Первое имя, которое приходит в голову Любовь Яковлевна Стечкина провинциальная писательница, по мнению И. С. Тургенева, обладающая огромным литературным потенциалом.

Любовь Яковлевна родилась 6 июня 1851 года в с. Плутнево Алексинского уезда Тульской губернии. Жила в деревне и совсем не контактировала с городской журналистикой, однако еще с детства «имела склонность к изящной словесности». В 1874 она отправила свою повесть «Первая гроза» в журнал «Отечественные записки». Однако после многократных писем Стечкиной рукопись вернулась с извещением о непригодности для печати. После того, как писательница поняла, что оберточную бумагу даже не вскрывали, девушка направилась в московский журнал «Русский вестник». Редактор М. Н. Катков, прочитав повесть, отметил зачатки литературного дарования и отправил на печать в июльском номере 1875 года. Увидев изменения и сокращения в своей работе, Любовь Яковлевна обрушила гневные обвинения о «нарушении права литературной собственности» в разные газеты и сборники. Тогда она получила резкое осуждение в виде статьи «Литературный курьез» сентябрьского выпуска того же журнала, в которой подробно были описаны все недостатки «неопытного автора». (Стечкин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (с приложениями семи его неизданных писем). СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1903. С. 4–5).

К началу 1878 года Стечкина закончила свою вторую работу под названием «Кривые деревья», но страх повторения неприятной истории побудил ее обратиться за помощью к более опытному литератору. Так она решила написать незнакомому ей лично Ивану Сергеевичу Тургеневу, к мнению которого часто прислушивались начинающие авторы.

Писатель заметил ее «несомненный, оригинальный, живой и даже поэтический талант» и «критическое чутье». В то же время настоятельно попросил сделать значительные изменения, которые улучшат «изуродованное» творение. (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 3). Критика Ивана Сергеевича сочетала в себе как порицание, так и одобрение. Стоит отметить, что похвалу из

его уст весьма трудно было получить, одновременно с тем фактом, что мнение литератора нередко звучало крайне прямолинейно, из-за чего не все могли его принять.

В 1878 году Тургенев прибыл в Тулу, где беседовал с Любовью Яковлевной на счет второй части романа. После долгих дискуссий Стечкина согласилась полностью переписать продолжение. Иван Сергеевич считал, что не стоило сосредотачиваться на судьбе второстепенных персонажей, а обратить внимание на выяснение отношений между главной героиней Варенькой, ее мужем и двоюродным братом Митей. Он попросил подумать над его словами и поделиться решением, когда писатель приедет в Плутнево. На Тульском вокзале Сызрано-Вяземской железной дороге его встретил младший брат Стечкиной, Николай Яковлевич: в дороге они разговаривали, в том числе и о таланте сестры [1, с. 7–8]. В это время Любовь Яковлевна ждала Тургенева на станции Суходол. Там писателя ждал новый деревянный помост, слегка обсыпанный свежим песком. Как стало известно, начальник станции, будучи ярым поклонником творчества Ивана Сергеевича, хотел изначально покрыть проход красным сукном для оказания должных почестей, но Любовь Яковлевна отговорила его от этой затеи во избежание неловкой ситуации. Однако гость был приятно удивлен подобной заботой. Во время своего пребывания в Плутнево Тургенев гулял по саду, беседовал об искусстве, Франции и литературе. Стечкину, являвшуюся искусным садоводом и огородником, даже смутила похвала хозяйства литератором. Тургенев и Стечкины наслаждались компанией друг друга, и даже не заметили, как пришло время прощаться. В полпервого ночи Николай Яковлевич проводил литератора до вокзала. «А сестре скажите, – пусть пишет. Ей сам Бог велел писать», – добавил писатель, стоя на платформе (Стечкин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (с приложениями семи его неизданных писем). СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1903. С. 9–11, 14).

Так началась устойчивая переписка Тургенева и Стечкиной. Он давал советы, делал замечания, а также периодически мотивировал ее на плодотворную работу. «Молодой автор должен ставить себе самый высокий идеал и должен верить, что он его достигнет, ... а насколько это ему удалось, – предоставьте судить нам, старикам» (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 12–13).

В процессе работы было изменено название повести. Поскольку Тургенев писал: «Гнилые болота, кривые деревья... Нет, это не годится». (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 16). «Варенька Ульмина» — просто и невзыскательно. Очень много капитальных вещей озаглавлено таким образом: Оливер Твист, Адам Вид, Евгений Онегин, Анна Каренина и т. п. Желая Вашему роману участь, подобную участи поименованных произведений» (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 17). Повесть была представлена редактору «Вестника Европы» Стасюлевичу, и в последствие напечатана в двух частях в ноябрьском и декабрьском выпусках журнала 1879 года.

Даже после выхода работы в свет Иван Сергеевич продолжал опекать молодую писательницу. «По здешним отзывам я вижу, что первая часть «Вареньки Ульминой» понравилась, а вторая нет; в этом быть может, виноват я, – так как именно я посоветовал вам переделать эту часть... Во всяком случае, это дело сделано, и надо не унывая, приниматься за другую работу». (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 31).

Любовь Яковлевна еще не раз встречалась с Тургеневым, и, когда та долго не присылала ответного письма, литератор искренне переживал за нее. «Что вы поделяваете хорошего? Месяца два тому назад я вам писал, но вероятно, мое письмо до вас не дошло, так как я позволю себе думать, что вы, наверное, бы мне не ответили...» (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 34).

В мае 1881 года Стечкина посвятила себя уходу за семилетней родственницей, перенесшей операцию на бедре. Все ее мысли были заняты здоровьем больной, а руки – непосильным трудом. Вдобавок у сиделки наблюдалась начальная стадия туберкулеза, осложненная личной невралгией. Во время личной встречи Тургенев не узнал «наполненной жизнью, цветущей девушки». Его ужаснул вид «постаревшей, исхудавшей, дамы», неспособной вести речь ни о чем, кроме состояния своей подопечной. Уходя после короткой встречи, Тургенев встретил Николая Яковлевича. Тот сообщил ему все обстоятельства, при которых его сестра заменила ребенку мать. На что Иван Сергеевич отозвался кратким ответом: «Нельзя из своей жизни делать подкладку чужой. Хороших сиделок можно найти сколько угодно, а талантливым писателем надо родиться. Это – безумие какое-то». (Стечкин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (с приложениями семи его неизданных писем). СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1903, с. 29).

Он еще не раз уговаривал Стечкину позаботиться о себе и отступить, но та не могла остановиться, и к концу года сильно заболела, из-за чего направилась во Францию.

В Париже Иван Сергеевич взвалил опеку больной на свои плечи. Он лично занялся обустройством арендованной для Стечкиной комнаты, и, заметив сквозняк, привез ковер и самостоятельно повесил над дверью [1, с. 30] В письмах в первую очередь интересовался ее состоянием, беспокоился о ее финансовых проблемах и снабжал ее необходимыми средствами. «Любезнейшая Любовь Яковлевна, что же это вы замолкли? Здоровы ли вы?» «Что же вы не дадите о себе весточки? Ни о своем здоровье, ни о предпринятой работе?» (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса: Издание гр. М. М. Толстого, 1903. С. 37–38).

Заграничные поездки продлили жизнь Стечкиной еще на 19 лет. Она умерла 30 декабря 1900 года.

Таким образом, можно сказать, что Любовь Яковлевна Стечкина представляется собой образ «тургеневской барышни» в реальности- идеала женской красоты, заключенной в духовной составляющей.

Л. Я. Стечкина.

*МБУК «Алексинская централизованная библиотечная система
им. князя Г. Е. Львова».*

URL: <http://aleksinlib.ru/info/zemlayki/s/stechkina-lyubov.html>

УДК 94.37

ПОНЯТИЕ «БЕДНОСТЬ» ПО ДАННЫМ КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ

М. Г. Сапожникова
sapozhnikova@bsu.edu.ru

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация. В статье рассматривается трактовка понятия «бедность» в Кодексе Феодосия, а именно в Новеллах Маркиана. Объясняется причина обращения императора к вопросу об определении на законодательном уровне понятия «бедный». Сравнивается понимание термина «*humilis vel abiecta*» в указах Константина Великого и Маркиана.

Ключевые слова: Кодекс Феодосия, Маркиан, Новеллы Маркиана, Ранняя Византия, законодательство.

UDC 94.37

THE CONCEPT OF «POVERTY» ACCORDING TO THE CODE OF THEODOSIUS

M. G. Sapozhnikova
sapozhnikova@bsu.edu.ru

Belgorod National Research University

Abstract. The article deals with the interpretation of the concept of «poverty» in the Codex of Theodosius, and in the Novels of Marcian. The reason for the emperor's appeal to the question of defining the concept of «poor» at the legislative level is explained. The understanding of the term «*humilis vel abiecta*» in the decrees of Constantine the Great and Marcian is compared.

Keywords: Codex Theodosius, Marcian, Novellas of Marcian, Early Byzantium, legislation.

В 454 г. н. э. озадаченный префект претория написал императору Маркиану, прося последнего разъяснить правовую двусмысленность, которая вызывала большую путаницу в судах. Префект добивался окончательного имперского постановления, которое устранило бы трудности, с которыми сталкивались судьи и тяжущиеся стороны при толковании закона Константина, исключавшего «низших и униженных» женщин из числа партнёров в браке с мужчинами высокого статуса. Особый вопрос заключался в том, принадлежали ли «бедные» к этой группе. Однако стояла более глубокая проблема: определение и классификация

«бедных» как подмножество римского гражданского общества. Новелла Маркиана, изданная в ответ на запрос префекта претория, решает первую проблему, но обходит вторую, более фундаментальную. Профессор Кембриджа Питер Гарнси предупредил современных историков о трудностях и сложностях, связанных с любыми попытками сформулировать точную таксономию римской бедноты или даже самой бедности [6, p. 155]. Ответ императора способствует разрешению современных интерпретационных трудностей: позднеримские законодатели, судьи и тяжущиеся испытывали проблемы определения, по крайней мере, равные нашим собственным, пытаясь сгруппировать и классифицировать свою бедноту.

На самом деле римские юристы, как известно, не интересовались определением класса или категории «бедных» в соответствии с юридическими или экономическими критериями. Исследователь древнеримского права Дэвид Добе отмечал, что «неимущие, подавляющее большинство граждан особо не затрагивались составителями законов» [5, p. 72]. Классическая юриспруденция, таким образом, имеет тенденцию рассматривать бедного человека случайно; каноники интересовались, например, не действительно обездоленными, а теми, кто был относительно беден, включая, и, возможно, особенно, ранее богатых или сравнительно обеспеченных граждан (*idoneus*), которые стали беднее. В имперском законодательстве начала IV – середины VI вв. ссылки на бедность и «бедных» как таковых встречаются относительно часто.

Кодекс Феодосия, по крайней мере, при первом чтении, кажется, поддерживает идею о том, что юридические отношения к бедности и «бедным» претерпели радикальный сдвиг в поздней империи. Более того, Маркиан указывает на царствование императора Константина как на катализатор. Участники тяжбы середины V в., выступавшие перед префектом претория Палладием, очевидно, оспаривали противоположные толкования двусмысленной конституции, изданной 118 лет назад. Сам Палладий не знал, как поступить, и поэтому обратился к императору Маркиану за окончательным решением (*Nov. Marc. 4.1*). Рассматриваемый указ Константина, первоначально опубликованный в Карфагене в 336 г., был включен в Кодекс Феодосия 438 г. в книге IV под названием «Законные дети и их матери»; он фактически запрещал брачные союзы между мужчинами с высоким статусом и женщинами с низким статусом (или вообще без статуса) [7, p. 283]. Сенаторы, перфектиссимы и высокопоставленные местные магистраты должны были стать чужаками в глазах римского права, потерять защиту, которую римское гражданство гарантировало их элитному статусу, привилегиям и их домашним хозяйствам, если они попытаются передать какое-либо имущество или наследство детям, не рожденным от союза, соответствующего их рангу и достоинству [1, с. 41].

Поддержание целостности и статуса высших социальных групп: регламентация распоряжения собственностью, пожертвований, женитьбы и передачи наследства долгое время было движущей силой римского гражданского права. В соответствии с этой традиционной заботой указ Константина 336 г. перечислил соответствующие женские типы, на которых мужчины с высоким статусом

женились на свой страх и риск. В этот список входили рабыни, вольноотпущенницы, актрисы и их дочери, а также простые ремесленницы и дочери сутенёров и гладиаторов. Однако среди этого стандартного перечня социально стигматизированных женщин также включили довольно двусмысленную категорию «низших и униженных» (*humilis vel abiecta*). Путаница в толковании, которую император Маркиан должен был прояснить, возникла именно в связи с этой фразой.

В «Новеллах Маркиана» была предпринята попытка выяснить, какой именно тип «низших и униженных» лиц должна охватывать категория Константина на практике. Можно ли рассматривать это выражение как синоним слова «бедные»? Некоторые тяжущиеся в V в., несомненно, думали так: «В судах возникают большие сомнения в отношении брака, относительно того, следует ли применять эту фразу также к свободнорождённым женщинам, которые бедны, и, следовательно, закон запрещает им вступать в брак с сенаторами» (*Nov. Marc. 4.1*). Чтобы разрешить эту двусмысленность, Маркиан искал первоначальное содержание закона Константина. Он решил, что император, который так добросовестно судил о морали, никогда не мог иметь в виду столь явно несправедливый смысл: «Не было зла с тех времён, когда бы бедность считалась позором для любого человека, когда стесненные состояния были свидетельством самоограничения. Ибо кто мог предположить, что Константин, когда он запретил осквернять брачные ложа сенаторов мерзостью осквернённых женщин, предпочёл дары судьбы природным добродетелям; что он считал статус свободного рождения низшим по сравнению с богатством, потому что богатство может быть нажито различными обстоятельствами, но статус свободного рождения не может быть отнят» (*Nov. Marc. 4.1*).

Начало IV в. Маркиан называл просвещённым временем, когда бедность уже не считалась позором. В ту золотую константиновскую эпоху состоятельность и богатство понимались как мимолетные дары судьбы, а не как признаки естественной добродетели. Определив таким образом новый дух, стоящий за законодательством Константина, Маркиан дал новое окончательное юридическое толкование словосочетанию «*humilis abiectaque persona*»: «Поэтому Мы устраняем все сомнения, которые были внушены некоторым лицам, и все те правила, которые были санкционированы в отношении браков сенаторов указом Константина, останутся и будут существовать. Мы не судим о том, что женщина должна быть понята как «низшая и униженная», если она, хотя и бедная, тем не менее родилась от свободнорожденных родителей. Но Мы устанавливаем, что сенаторам и всем лицам, наделённым высоким статусом перфектиссимата, разрешается вступать в брак с дочерьми свободнорожденных лиц, даже если они бедны, и не должно быть никакой разницы между такими свободнорожденными женщинами и женщинами, обладающими богатством и состоянием (*Nov. Marc. 4.2*)

Отныне выражение «*humilis vel abiecta*» следует толковать просто как категорию, под которую теперь можно было бы сгруппировать все другие типы «бесчестных» женщин, упомянутых в законе Константина 336 г. Третий титул «Новелл Маркиана» заключает: «Мы без всякого сомнения полагаем, что это имел

в виду св. Константин в указах, которые он издал». Благочестивый император середины V в. оглядывается на первого христианского правителя и, возможно, слишком охотно оправдывает своего предшественника. Выражение «низшие и презренные люди» вполне могло быть использовано для обозначения «бедных» в законодательстве начала IV в. С другой стороны, категория «низших и презренных», безусловно, обладала достаточной расплывчатостью, чтобы тяжущиеся и их адвокаты могли утверждать, что бедный свободный человек должен быть включен в неё.

Законодательные попытки, такие как четвёртый титул «Новелл Маркиана», контролировать браки и наследование высокопоставленных членов римского общества, отнюдь не были уникальными для поздней империи. В специфическом контексте супружеского богатства (или его отсутствия) юристы задолго до эпохи Константина утверждали, что союзы не должны допускаться экономически неравные союзы. Более того, в тех случаях, когда один из супругов был беднее другого, римское гражданское право запрещало любую (значительную) передачу имущества между ними [4, р. 106]. Император Каракалла, по-видимому, считал, что супружеские подарки запрещены, потому что чувства должны исходить от сердца, а не от состояния супруга; скорее, более прагматично, продолжает Каракалла, брачные соглашения не должны выглядеть так, как будто они были заключены ради денег (D. 24.1.3).

Согласно юристу Павлу, законный запрет на подарки между мужем и женой «не должен быть применяем строго, и не так, как если бы речь шла о взаимоотношениях враждебных лиц, но (право должно быть применяемо) сообразно с взаимоотношениями лиц, связанных великой любовью и боящихся лишь бедности (inopia)» (D. 24.1.28.2). Наконец, Ульпиан советовал, что, если женщина выходит замуж за человека, который впоследствии стал неплатежеспособным, она должна начать судебный процесс о возврате своего приданого, как только станет очевидно, что ресурсы её мужа истощаются (D. 24.3.24). Обязанность жены избавиться от мужа на основании неминуемой неплатежеспособности была также поддержана императором Юстинианом в 528 г. (CJ 5.12.29). Банкротство и связанная с ним социальная стигматизация рассматривались как постоянная угроза бракам среди патрициев.

Однако настойчивое утверждение императора Маркиана о том, что природные добродетели могут существовать наряду с бедностью, и его постановление 454 г. о том, что не должно быть никакой разницы между бедными и богатыми свободнорожденными женщинами, безусловно, кажутся радикальными социальными заявлениями. Идея «свободной от вины» бедности далека, например, от замечания Ульпиана о том, что «нищета не является оправданием для женщины, ведущей постыдную жизнь» (D. 23.2.43.5). Таким образом, может возникнуть искушение трактовать закон Маркиана 454 г. как часть медленного, но неизбежного проникновения христианской морали в римское право; христианская доктрина, которая призывала к нивелированию традиционных различий, основанных на богатстве и его отсутствии [8, р. 168]. Но принял ли Маркиан евангель-

ское предписание быть «любящим бедных» близко к сердцу? Нужно более внимательно рассмотреть, кого именно Маркиан определял как «бедного» в указах.

Слово «нищий» следует понимать в Новеллах как термин для сравнения: согласно Маркиану, «не должно было быть различия между бедными свободно-рожденными женщинами и женщинами, обладающими богатством и более богатым состоянием (*opulentiore fortuna*)». Нищая женщина, о которой идёт речь, обладала некоторым имуществом, но не таким большим, как у других. Как признал император, оглядываясь на эпоху Константина, «во многих случаях умеренные ресурсы (*opes modicae*) часто достигали большой славы». Ограниченные средства могут проложить путь к социальному росту, а не привести к разорению.

В первом титуле от 450 г., адресованного всем народам империи, Маркиан уже повторил имперскую риторику в пользу своих чиновников. Он снова сделал намёк на бедность как относительное понятие: наместники провинций должны «противопоставлять дух целостности богатству» и не пресмыкаться перед теми, кто обладает большим состоянием, и не смотреть свысока на бедных. Какие бы сомнения мы ни испытывали по поводу справедливого и всеобщего доступа к правовой системе поздней Римской империи, от тех, кто пытался воспользоваться её преимуществами, ожидалось, что у них будет хотя бы капля экономических ресурсов. Тяжба стоила недёшево, даже в суде самого нравственно честного провинциального наместника [2, с. 27–28]. Кроме того, в контексте судебного разбирательства оценка того, следует ли классифицировать человека как «богатого» или «бедного», может полностью зависеть от обстоятельств конкретного дела. За три столетия до Маркиана юрист Гай определил слово «богатый» следующим образом: «Богатый (*locuples*) означает того, кто достаточно состоятелен по отношению к размеру вещи, за которую истец требует возмещения» (D. 50.16.234.1). По аналогии с принципом Гая, нужно быть осторожными в определении понятия, стоящего за словом «нищий» в римских правовых источниках – его предполагаемое значение было контекстуальным, относительно конкретной правовой ситуации, которая рассматривалась или обсуждалась.

В Новеллах Маркиана нищей, была, скорее всего, женщина среднего достатка, возможно, даже женщина высокого ранга, которая потеряла своё семейное состояние и находилась на грани разорения. Она, конечно, не была одной из «постоянных бедняков», например, вольнорожденной бродяжкой или нищенкой, или вольнорожденной дочерью фермера. Социальное положение рабыни, вольноотпущенницы или вообще любой «позорной» женщины никоим образом не было искуплено или оправдывало её бедностью и страданиями.

Постановление Маркиана 454 г. слепо к действительно обездоленным и тем, кто жил на грани выживания. В Дигестах Юстиниана, например, есть только два явных упоминания «обездоленного человека» в контексте римского частного права. Один из них исходит от юриста Трифония и описывает ситуацию, в которой человек, считающий себя очень бедным, составляет завещание, а затем умирает, прежде чем узнает, что деловые отношения его рабов на самом деле сделали его богатым (но этот человек явно не был лишен ресурсов) (D. 49.17.19.2).

Второй составлен Цельсом и обсуждает гипотетический случай, когда очень бедный человек вынужден отказаться от своих домашних богов и родовых могил. У «бедняка» всё ещё есть семейное жильё, которое он может потерять. Мнения юристов, по большей части, касались знатных кругов. Отказ Маркиана отнести бедных к категории «низших и презренных», таким образом, сводится к конкретному предписанию, что высокопоставленные мужчины и социальные круги, в которых они вращаются, не должны относиться к бедности как к моральному пятну на во всём остальном почтенной свободнорожденной женщине, которая, тем не менее, обладала некоторыми средствами.

Ещё один важный момент, который следует отметить в конституции Маркиана 454 г., заключается в том, что факт свободного рождения превосходит бедность как социально-правовой показатель статуса. Независимо от богатства (или его отсутствия) женщина должна быть рождена от свободнорожденных родителей, если её брак с мужчиной высокого положения должен иметь законность. Гипотетически, дочь очень состоятельных, но вольноотпущенных родителей, не могла претендовать на такой союз. Согласно указу Маркиана, Константина следует считать благородным и честным стражем морали не потому, что он любил бедных как таковых, а скорее потому, что он верил, что статус свободного рождения является более ценным достоянием, чем богатство: «Ибо кто мог предположить, что Константин ... считал статус свободного рождения ниже богатства» (Nov. Marc. 4.1). Деньги могли приходиться и уходить, но юридический статус женщины как свободнорожденной остаётся неизменным.

Таким образом, как показывает Кодекс Феодосия, а именно Новеллы Маркиана, в середине V в. между тяжущимися, адвокатами и, возможно, судьями возник спор о том, принадлежат ли «бедняки» к разряду «низших и презренных людей», которым по закону Константина запрещалось вступать в неравный брак. Маркиан выступил против такого толкования закона Константина, настаивая на том, что уравнение этих понятий невозможно. Маркиан, очевидно, считал, что бедность не является позором, но «нищие», которых он имел в виду, не были относительно таковыми, просто обладали очень скромным доходом. Более того, император был заинтересован в сохранении достоинства римского свободнорожденного статуса.

Библиографический список

1. Гийан, Р. Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV–VI вв.): Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим / Р. Гийан // Византийский Временник. – 1964. – Т. 24.
2. Смышляев, А. Л. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе / А. Л. Смышляев // Вестн. древней истории. – 1997. – № 3.
3. Atkins, M. *Poverty in the Roman world* / M. Atkins; Osborne R. (ed.). – Cambridge Univ. Press, 2006.

4. Crook, J. A. Law and Life of Rome, 90 BC–AD 212 / J. A. Crook. – Cornell Univ. Press, 1967.
5. Daube, D. Roman Law Linguistic, Social and Philosophical Aspects / D. Daube. – Edinburgh Univ. Press, 1969.
6. Garnsey, P. Patronage of the rural poor in the Roman world / P. Garnsey, G. Woolf // Patronage in ancient society. – 1989. – Vol. 160.
7. Grubbs, J. E. Law and family in late antiquity: the Emperor Constantine's marriage legislation / J. E. Grubbs. – Oxford Univ. Press on Demand, 1999.
8. Grubbs, J. E. Women and the law in the Roman Empire: a sourcebook on marriage, divorce and widowhood / J. E. Grubbs, J. A. Evans-Grubbs, T. Evans. – Psychology Press, 2002.

УДК 94(47)

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Ю. А. Стрелкова
strelkova.julia@bk.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, происшедшие в русской крестьянской семье после отмены крепостного права. Автором затронуты вопросы главенства, обязанностей членов семьи, бытовых конфликтов и применения грубой силы. Внимание уделено рассмотрению роли отхожих промыслов в жизни крестьян, а также семейных разделов, которые вели к расшатыванию патриархальных семейных устоев.

Ключевые слова: отмена крепостного права, крестьянство, семья, отхожие промыслы, семейные разделы.

UDC 94(47)

CHANGES IN THE RUSSIAN PEASANT FAMILY IN THE POST-REFORM PERIOD

J. A. Strelkova
strelkova.julia@bk.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article discusses the changes that affected the peasant family after the abolition of serfdom in 1861. The author touches in detail on the issues of the leadership, responsibilities of family members, their domestic conflicts and the use of brute force, as well as the increasing role of seasonal work in the life of peasants and family division, which led to loosening patriarchal foundations.

Keywords: the abolition of serfdom, peasantry, family, seasonal work, family divisions.

В данной статье пойдет речь об изменениях, которые затронули крестьянскую семью после отмены крепостного права в 1861 г., а если быть точнее – о переменах в социальных ролях членов семьи. Данный вопрос получил освещение в работах В. Б. Безгина, З. З. Мухиной, М. А. Нагорной, В. Н. Никулина [1; 2; 3; 4; 5]. В качестве источников автором привлечены записки земского начальника А. И. Новикова, очерки С. Т. Семенова и О. П. Семеновой-Тян-Шанской и письма А. Н. Энгельгардта [6, 7, 8, 9].

Прежде всего, нужно сказать об изменении в жизнеобеспечении крестьянских семей. В дореформенной деревне в черноземных губерниях основной доход крестьянские семьи получали от собственного хозяйства, в нечерноземных были распространены отхожие промыслы. В пореформенный период их значение существенно выросло. Приведем данные по Санкт-Петербургской губернии: число отходников в 1869 г. было 18 254 человека, а уже к 1900 г. их стало 62 803 человек [5, с. 273–274, 279].

Обычно мужчины уходили на заработки на 5–9 месяцев осенью, возвращались к весне, началу полевых работ. Если «отхожий» долго не возвращался, это могло нанести урон его авторитету в семье. В таких случаях роль главы семьи – «большака» ослабевала, а положение женщины укреплялось, что способствовало расшатыванию патриархальных устоев. Если на заработки уходил сын, его старались поженить, чтобы у него оставалась «привязка» к дому [3, с. 233–238].

Старшая в семье женщина – «большуха» имела большой авторитет в семье и была правой рукой «большака». Бабья доля, писал А. И. Новиков, еще хуже, чем мужская. На ее плечи ложилось много обязанностей: работа в поле, поддержание порядка в доме, забота о запасах и скоте, шитье всей одежды на семью и ее стирка, руководство работой дочерей и снох, воспитание внуков. Работала женщина и днем и ночью, даже когда только родит или заболевает, снисхождения к ней почти не было [6, с. 14–16].

В пореформенный период женщины, как и мужчины, стали уходить на заработки. Хотя среди них отхожие промыслы не получили такого широкого распространения. Основными видами сельскохозяйственных местных промыслов женщин были поденные работы: жатва хлеба, сгребание сена, работа на молотилке и др. Также они нанимались прислугами, кормилицами, кухарками, няньками. Однако оплачивался женский труд меньше, чем мужской. Новым в пореформенный период для женщины стало освоение «мужской» работы. Например, строительство глинобитных зданий, работа плотника, также они пилили доски, реже, но выполняли ремесленные работы, такие как портняжное и сапожное дело [3, с. 252–257].

К сожалению, в крестьянских семьях нередким было применение грубой силы, в особенности, избивание жен. Жен драли за волосы, били кулаками, кнутом и др. Но если раньше женщина не могла пожаловаться, то в пореформенный период они начали просить защиты в волостных судах. Чаще община сама становилась на сторону хозяйки, если понимала, что муж не прав. Мужчину могли лишить его статуса большака, за оскорбление и избивание жены применяли к нему телесные наказания [3, с. 263–266]. Особо частыми были избивания своих жен мужьями-пьяницами. В подтверждение данной мысли стоит привести пример из очерка С. Т. Семенова. Он писал, что жене пьяницы выпадала самая горькая доля. Выходя замуж красивыми и здоровыми, после свадьбы с мужем-алкоголиком они быстро старели, становились поникшими и ворчливыми [7, с. 70]. В связи с этим жены стали больше уходить от мужей, происходили разводы. К уходу жены в пореформенный период община не относилась так отрицательно,

как это было до реформы. Женщина стала меньше бояться мужа и больше укоряла его за бедность семьи, лень, пьянство и неспособность к каким-либо занятиям [2, с. 51–55]. Но так как в умах крестьян все еще оставались консервативные взгляды на семью, количество официальных разводов было очень маленьким.

Говоря о детях, сложно сказать, что их детство было счастливым. О. П. Семенова-Тян-Шанская писала, что уже с 6 лет дети ухаживали за своими младшими сестрами и братьями, пока родители были в поле или на работе. С 9–12 лет они помогали пасти скот и работать в поле [8, с. 19–22]. Воспитанием детей почти не занимались, главной их задачей и ролью в семье была помощь по хозяйству [6, с. 12–13].

В пореформенное время большая патриархальная семья постепенно начала уступать место малой. Все чаще случались семейные разделы, а количество членов семьи стало уменьшаться. Например, по данным Воронежской губернии, можно проследить, что в 1858 г. среднее значение семьи составляло примерно 9,4 человек, в 1884 г. – 6,8, а в 1897 г. – 6,6 человек [1, с. 102].

Инициаторами семейного раздела становилось в основном молодое поколение. Во многом к этому подталкивали товарно-денежные отношения, все больше утверждавшиеся в деревне. В жизни крестьян повышался индивидуализм. Одним из важных, побуждавших к разделу, факторов был экономический. Крестьяне, уходившие на дополнительные заработки, становились более состоятельными, чем другие члены семьи. Из-за этого происходили конфликты с «большаками», которые требовали отдавать большую часть заработанной суммы на общее пользование семьи, что отходники делали с нежеланием, так как цель накопить в пользу собственного хозяйства стала преобладать [1, с. 103–104].

Немаловажной причиной являлись бытовые конфликты. Поводами для них было непослушание младших членов семьи перед старшими, хозяйственные распри между братьями, случаи снохачества и др. [4, с. 115–121.] По мнению А. Н. Энгельгардта «все разделы идут от баб», так как каждая из них хотела стать «большухой». Обосновывает он это данной женщинам большой воли и возникновением сильного индивидуализма [9, с. 182–184].

Молодое поколение понимало, что семейные разделы могут наносить и наносили урон хозяйству, но желание быть независимыми в пореформенный период начинало преобладать [1, с. 105].

Таким образом, в пореформенный период происходили значительные перемены в русской крестьянской семье. Они привели к изменениям социальных ролей членов семьи, а семейные разделы ускорили расшатывание большой семьи патриархального типа, на смену которого пришла малая семья со средней численностью 5–6 человек.

Библиографический список

1. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность: (Традиции конца XIX – начала XX в.) / В. Б. Безгин. – М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004.

2. Мухина, З. З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: Гендерный аспект / З. З. Мухина // Вестн. РУДН. История России. – 2013. – № 1. – С 49-63.
3. Мухина, З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века) / З. З. Мухина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
4. Нагорная, М. А. Особенности крестьянских семейных разделов в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / М. А. Нагорная // Вестн. ОмГУ. – 2011. – № 3. – С. 115–121.
5. Никулин, В. Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы / В. Н. Никулин // Тр. ист. фак. С.-Петерб. ун-та. – СПб., 2010. – № 2. – С. 272–283.
6. Новиков, А. И. Записки земского начальника / А. И. Новиков. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899.
7. Семенов, С. Т. Двадцать пять лет в деревне / С. Т. Семенов. – Пг.: Жизнь и знание, 1915.
8. Семенова-Тян-Шанская, О. П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / О. П. Семенова-Тян-Шанская. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914.
9. Энгельгардт, А. Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / А. Н. Энгельгардт. – М.: Изд-во «Наука», 1999.

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

Секция 5

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ИНСТИТУТЫ
И ПОЛИТИКА
В ПРОСТРАНСТВЕ
ПРОШЛОГО**

УДК 94(47).083

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

А. А. Гончаренко
annagontcharenko@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В данной статье рассматривается благотворительность общественных организаций и частных лиц в российской провинции на рубеже XIX–XX веков. Анализируются некоторые особенности и направления благотворительной деятельности в Тульской губернии.

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, Ведомство учреждений императрицы Марии, социальное содействие и поддержка, благотворительное общество.

UDC 94(47).083

CHARITABLE ACTIVITIES IN THE RUSSIAN PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

A. A. Goncharenko
annagontcharenko@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article is devoted to the charity of public organizations and individuals in the Russian province at the turn of the XIX–XX centuries. Some features and directions of charitable activity in the Tula province are analyzed.

Keywords: charity, public charity, the Empress Maria institutional Department, social assistance and support, charitable society.

Благотворительность с древних времён является важным процессом и одним из ключевых элементов государственной политики. С принятием православия милосердие и сострадание, добровольное и безвозмездное содействие в устранении проблем нуждающихся становятся традициями общественной жизни. Благотворительная деятельность в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. стала более масштабной и многообразной. Несмотря на недочёты в своей работе, такие как нечёткий алгоритм действий, дублирование функций, благотворительные организации оказывали разностороннюю поддержку социально незащищённым слоям населения. Приобретая системную направленность, благотворительность стала рассматриваться не только как доброе дело, помощь

обездоленным, но и как необходимый элемент социальной политики. Организации, занимающиеся благотворительностью, были начинаниями сословных учреждений, членов императорской фамилии, меценатов. Крупные исследования в этой области анализируют в основном опыт благотворительности в Санкт-Петербурге и Москве, и крайне редко рассматривается благотворительная деятельность в губернских и уездных городах. Многочисленные организации, оказывающие помощь нуждающимся в провинции, были региональными отделениями учреждений, которые функционировали под эгидой Дома Романовых. Доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-западного института управления, Гуркина Нина Константиновна в статье «Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков» пишет о том, что «в Ведомстве учреждений императрицы Марии насчитывалось в 1902 г. 803 благотворительных учреждения, в том числе 329 приютов для детей, 47 больниц и лечебниц, 44 школы для слепых и глухонемых, 55 домов призрения и др.» [3, с. 112]. Также существовали региональные отделения Российского общества Красного Креста, Попечительство о домах трудолюбия и работных домах и другие организации, которые находились в ведении губернских земств. Активно помогали в организации благотворительной деятельности светская власть и духовенство. Губернаторы, чиновники, священнослужители являлись членами региональных отделений благотворительных организаций, которые оказывали финансовую поддержку и лично принимали участие в организации филантропической деятельности.

Благотворительность широко освещалась в местной периодической печати. «В прессе была представлена разносторонняя деятельность всех благотворительных организаций региона – местных и общероссийских, сообщалось обо всех случаях пожертвований, другой помощи приютам, богадельням, школам, больницам, публиковались подробные ежегодные отчеты о деятельности благотворительных обществ и организаций (иногда отдельными изданиями с точными суммами прихода и расхода), сообщались имена не только тех, кто сделал крупные взносы (кстати, крупные жертвователи иногда оставались анонимными), но и отдавших на благое дело очень скромные суммы» [3, с. 113]. Например, в Тульской губернии особое место в социальной жизни также занимала благотворительность, для которой типичны те же особенности, что и в других регионах. «В Тульской губернии в конце XIX века имелось 810 благотворительных заведений» [2, с. 41]. Основными направлениями были личная и церковная благотворительность. Весомую позицию в оказании помощи нуждающимся в губернии занимало благотворительное общество «Милосердие», инициатором создания которого был тульский губернатор Сергей Петрович Ушаков в 1875 году. Ведущим уклоном деятельности данного общества было оказание поддержки нуждающимся и сокращение количества нищих. Известные тульские промышленники, купцы, чиновники являлись основателями общества. Материальную помощь оказывали Игнат Козьмич Платонов, Александр Степанович Баташëв, Дмитрий Яковлевич Ванькин и др. Но финансовую поддержку обществу пре-

доставляли не только местные меценаты и чиновники, но и деятели искусств. «В 1880 году пианист Николай Григорьевич Рубинштейн передал полный сбор от концерта, данного в Туле – 928 рублей 20 копеек» [1, с. 49]. На рубеже XIX – XX вв. в Туле было четыре детских приюта (Николаевский, Мариинский, Ксеньевский, Красноглазовский), Дом призрения бедных и Тульско-калужское училище для слепых детей, которые находились в ведении Ведомства учреждений императрицы Марии. Данное ведомство оказывало благотворительную поддержку в призрении сирот и нуждающихся, в воспитании и обучении мальчиков и девочек, но и медицинскую помощь слепым и глухонемым. Многие приюты, богадельни, инвалидные дома находились в ведении Тульского губернского земства. Филантропической инициативой также занимались Тульский дворянский вдовый дом, Дом трудолюбия, Тульский Баташовский исправительный приют, учреждённый Обществом земледельческих колоний и ремесленных приютов в 1890 году. При многих церквях существовали детские приюты и богадельни. Также организации, оказывающие социальную поддержку и благотворительную помощь, были в уездных городах (Ефремов, Алексин, Богородицке и др.), селах и деревнях губернии.

Одним из приоритетных направлений благотворительной деятельности в провинции было устройство и поддержка детей-сирот. Уже в конце XIX века появлялись организации, оказывающие помощь сиротам с особенностями развития и находящимися в социально опасном положении. Так, например, в Тульской губернии, совместно с Калужской было открыто училище для слепых детей, в котором содержалось 22 девочки [4, с. 49]. Так же в Туле и Тульской губернии на рубеже веков активно создавались благотворительные заведения для детей социально-педагогической направленности [5, с. 448].

Особое значение имела и частная благотворительность, которая заключалась в финансовом содействии учреждениям общественного призрения, благотворительным обществам, частным лицам. Например, в Тульской губернии было много ярких меценатов и благотворителей. Демидовы, Ермолаевы, Красноглазовы, Ливенцевы, Сапуновы, Лялины, и др. оказывали финансовое и имущественное покровительство нуждающимся. Также филантропической инициативой занимались тульские губернаторы и члены их семей. Таким образом, правительство и частные лица в Российской империи на рубеже XIX–XX веков пробовали объединить свои стремления для решения проблем граждан, которые оказались в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении.

Неурожай в Российской империи был частым явлением. Но голод 1891–1892 годов имел серьезные социально-экономические последствия, которые привели к радикальной нищете крестьян. Одним из ярких примеров благотворительной деятельности в этот период было меценатство Льва Николаевича Толстого, которой организовал сбор средств и столовых для голодающих. Софья Андреевна Толстая вспоминала: «Слухи об усиливающемся бедствии России все делались ужаснее. Становилось совестно просто жить и быть сытой... 1-го ноября я набросала небольшую статью, призывая людей к благотворительности...

3-го ноября появился в «Русских ведомостях» мой печатный призыв... Пожертвования стали поступать с необыкновенной быстротой...» [6, с. 228–229]. Так великий писатель и вся его семья активно включились в эту большую и сложную работу.

В начале XX века на благотворительность повлияли тяжелые социально-экономические последствия войны Российской империи с Японией. Благотворительные организации также стали оказывать разностороннюю поддержку в виде финансовой и продовольственной помощи пострадавшим от боевых действий и тягот войны, а также жертвовали на нужды армии и флота. Несмотря на нестабильную экономику, потери на фронте и другие трудности в период военного времени, благотворительные учреждения и общества в провинции продолжали свою деятельность.

Благотворительная помощь нуждающимся в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. оказывалась в губернских и уездных городах, некоторых селах и деревнях, она была значительной и разнообразной. Благотворительность в провинции развивалась и благодаря местным меценатам. Чиновники, представители духовенства, меценаты принимали активное участие в благотворительной деятельности.

Библиографический список

1. Бурцева, Е. Е. Из истории благотворительности в Туле / Е. Е. Бурцева // Тул. краевед. альманах. – 2008. – № 6. – С. 46–49.
2. Гаврилина, Н. А. Благотворительные учреждения и общественное признание в Тульской губернии в пореформенное время / Н. А. Гаврилина // Тул. краевед. альманах. – 2008. – Вып. 6. – С. 41–45.
3. Гуркина, Н. К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. / Н. К. Гуркина // Управленческое консультирование. – 2016. – С. 111–119.
4. Обзор Тульской губернии за 1899 год. – Тула, 1900.
5. Слугина, Н. В. Благотворительные социально-педагогические заведения для детей в Туле и Тульской губернии в конце XIX – начале XX в. / Н. В. Слугина // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 448–453.
6. Толстая, С. А. Моя жизнь: В 2 т. / С. А. Толстая. – М.: Кучково поле, 2014. – Т. II. 1887–1901.

УДК 930

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ «ПРОЛЕТАРСКОЙ» ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1918–1922 гг.

П. С. Данченков

pavel.danchenkov.99@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Данная статья посвящена истории создания «пролетарской» интеллигенции в Советской России в 1918–1922 гг. В статье рассматриваются основные направления политики большевиков в сфере создания новой интеллигенции. Анализируются действия большевистского правительства в сфере народного образования. Делаются выводы об успешности проводимой ими политики и конечных результатов предпринятых мероприятий советской власти.

Ключевые слова: интеллигенция, образование, выдвиженцы, студенчество, рабфаки.

UDC 930

FORMATION OF CADRES OF THE "PROLETARIAN" INTELLIGENTSIA IN 1918–1922

P. S. Danchenkov

pavel.danchenkov.99@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the history of the creation of the "proletarian" intelligentsia in Soviet Russia in 1918–1922. The article examines the main directions of the Bolshevik policy in the field of creating a new intelligentsia. The article analyzes the actions of the Bolshevik government in the field of public education. Conclusions are drawn about the success of their policy and the final results of the measures taken by the Soviet government.

Keywords: Intelligentsia, education, nominees, students, workers faculty.

На страницах нашей истории есть множество судьбоносных событий и одно из них произошло 25 октября 1917 года и именуется оно в историографии как Октябрьская революция, в результате которой к власти пришла партия большевиков.

Пришедшие к власти в результате революции большевики с самого начала имели свой план действий в отношении государственной политики, направленный на общество в целом, а именно – рассмотрение всех социальных, культурных, экономических и иных общественных отношений через призму теорию классовой борьбы, разработанную Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

Больше всего большевиков в российском обществе интересовало одно сильно выделяющееся на общем фоне социальное явление – интеллигенция. Именно на представителей этой части населения будет направлен пристальный взор советского государства.

Наиболее значительное преобразование, которое готовили большевики интеллигенции – это создание новой, социалистической интеллигенции. В. И. Ленин рассматривал возвращение новой интеллектуальной прослойки как часть общего процесса построения социализма, в первую очередь как составную часть культурной революции [6, с. 124].

Выдвинутые Лениным положения составили целостную программу формирования «новой» интеллигенции. Она включала в себя: привлечение на сторону большевиков и постепенное перевоспитание в духе социалистических ценностей старых специалистов; выдвижение на руководящую государственную, партийную, профсоюзную, военную и хозяйственную работу передовых рабочих и крестьян, а также создание условий для повышения их общекультурного и профессионального уровня; профессиональную подготовку кадров через систему высших и средних специальных учебных заведений. Эта программа отвечала интересам новой власти, для которой жизненно необходимо было создать интеллектуальный фундамент для дальнейшего функционирования государства.

Политика привлечения к социалистическому строительству старой интеллигенции позволили постепенно настроить её на сторону большевиков. Чем ближе подходили активные боевые действия развернувшейся в стране Гражданской войны, тем сильнее менялись позиции большевиков осуществляемой ими политики. Уже к весне 1918 г. позиции по интеллигенции переходит из русла войны с ней в русло диалога. В. И. Ленин всё больше настаивает на необходимости привлечения на сторону советской власти «мелкобуржуазных слоев», к которым относилась и интеллигенция. Он обращает внимание на то, что в сложившихся исторических обстоятельствах «нелепо и смешно было бы настаивать на одной тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам» [10, с. 194].

К середине 1918 г. вопрос об отношении к интеллигенции становится предметом серьезных разногласий в партийной среде [5, с. 165]. Задачи социалистического переустройства общества все отчетливее требовали от новой власти выработки более четкой политики в отношении интеллигенции.

Данный вопрос стал центральным на проходившем в то время на VIII съезде РКП (б). В. И. Ленин настоятельно требовал, как можно полно решить поставленную проблему, так как он определял ее как наиболее важную «для переходного периода от капитализма к коммунизму» [5, с. 98]. В своем докладе о партийной программе В.И. Ленин подчеркивал, что первоочередной задачей является, «поднятие» производительных сил, не ожидая поддержки от других стран. «Сделать это без буржуазных специалистов никак нельзя. Это надо раз и навсегда сказать» [5, с. 166].

В то же время он констатировал, что проводимая политика в отношении интеллигенции не дала сколько-нибудь значимых результатов: она способна была

«устрашить» интеллигенцию и заставить ее не участвовать активно в контрреволюции, однако «заставить работать целый слой таким способом невозможно» [5, с. 167].

Привлечение буржуазных специалистов на сторону советской власти было не единым шагом для создания интеллектуального фундамента государства, более важным шагом для успешного выполнения поставленных задач было еще и создание своей пролетарской интеллигенции.

В. И. Ленин писал о создании новой интеллигенции следующим образом: «путь к социализму, единственный путь – обучать рабочих практическому делу управления колоссальными предприятиями, организации крупного производства и крупнейшего распределения» [6, с. 263]. Пролетариат провозглашается единственным классом, способным возглавить социалистическое строительство в России. Именно поэтому рабочий класс «должен увеличивать число администраторов из своей среды, создавать школы, готовить в государственном масштабе кадры работников» [9, с. 270].

Кадры новой интеллигенции должны формироваться двумя основными путями: во-первых, путём выдвижения рабочих и крестьян на руководящие посты и обучения их на практической работе; во-вторых, путём подготовки специалистов в учебных заведениях. Коммунистическая партия развернула выдвиженческую кампанию в широких масштабах. Прежде всего, оно было направлено на создание кадров советского государственного аппарата. Рабочие и крестьяне стали также главным социальным источником пополнения кадров партийного, профсоюзного аппарата в Красной Армии.

Образовательный уровень выдвиженцев был низким, что мешало их плодотворной работе. Тем не менее, именно они несли на своих плечах основную тяжесть управления страной. В 1921 г. среди ответственных работников лиц с высшим образованием было лишь 3,3 %, а со средним – 16,9 %. Рабочий класс выдвинул из своей среды, особенно их числа партийных и профсоюзных активистов, значительную долю хозяйственных руководителей. За период с 1918 по 1921 г. на командные должности в промышленности и других отраслях производства было выдвинуто свыше 3,5 тыс. рабочих и более 2 тыс. крестьян [3, с. 9].

В сложной обстановке первых послеоктябрьских лет не было возможности организовывать глубокую теоретическую подготовку выдвиженцев. А это приводило к тому, что выдвижение на руководящую работу трудящихся, не имевших ни специального образования, ни опыта подобной деятельности, вступало в противоречие с масштабом и сложностью задач, которые им приходилось решать.

Партия ценила возможности выдвиженчества, но в то же время видела его ограниченность. Ведь для того, чтобы управлять, говорил В. И. Ленин, «нужно быть компетентным, нужно знать технику этого производства на её современной высоте, нужно иметь известное научное образование» [8, с. 215].

Организуя революционное преобразование высшей и средней специальной школы, партия на первый план выдвинула задачу изменения социального состава студенчества и идейно-политической направленности обучения. В. И. Ленин в беседе с А. В. Луначарским подчеркнул, что «всемерно надо позаботиться

о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодёжи...» [2, с. 34].

Идеи об изменении социальной направленности формирования кадров интеллигенции в учебных заведениях легли в основу государственной политики в области высшего и среднего специального образования, которая была провозглашена в декрете Совнаркома РСФСР «О правилах приёма в высшие учебные заведения» и в постановлении Совнаркома «О приёме в высшие учебные заведения РСФСР», принятых 2 августа 1918 г. Эти документы способствовали поступлению в вузы трудящихся и их детей: отменялись плата за обучение; в проекте постановления СНК «О приёме в высшие учебные заведения РСФСР» подчёркивалось, что в первую очередь «безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» [7, с. 215]. Тем самым было положено начало преобразования высшей школы, расширению сети учебных заведений и демократизации состава студенчества.

Позиции «рабочего» студенчества упрочились с созданием рабочих факультетов. Первый рабфак был организован при Московском институте народного хозяйства в феврале 1919 г. Развёртывание рабфаков ускорило после принятия Накромпросом 15 сентября 1919 г. постановления «Об организации рабочих факультетов при университетах». Раскрывая значение рабфаков, А. В. Луначарский говорил: «Мы знали, что если мы будем ждать, пока нормальным образом через низшие школы будут проходить новые студенты вверх, то солнце взойдёт тогда, когда роса выест нам очи. Поэтому мы пробили стену в университетах и вузах, и так как в эту брешь рабочий всё-таки впрыгнуть не может, то мы построили там лестницу, которая называется рабфак. Это лестница, при помощи которой рабочий от станка и крестьянин от плуга смогут после усиленнейших трёхлетних занятий пойти в университет и оказаться там достаточно подготовленным студентом» [11, с. 268].

Рабочие и крестьяне становились слушателями различных курсов, партийно-советских школ, народных университетов. За годы гражданской войны была создана сеть уездных и губернских совпартшкол, в которых в начале 1921 г. занималось уже свыше 14 тыс. слушателей.

Интенсивно велась подготовка командных военных кадров в школах и на краткосрочных курсах, которые за 1918 – 1920 гг. выпустили около 80 тыс. командиров и политработников. Учёба в таких заведениях давала лишь элементарное образование, которое являлось фундаментом превращения выдвиженцев в интеллигентов.

Усилия государства по развитию сети рабфаков принесли свои результаты: в 1920/21 учебном году в стране действовало уже 54 рабфака, в которых обучалось 18 тыс. человек [1, с. 83]. Рабфаки превратились в важный канал продвижения рабочих и крестьян в высшую школу. Опираясь на рабоче-крестьянскую часть против буржуазных и мелкобуржуазных партий за высшую школу, за старое студенчество и профессуру.

В годы гражданской войны вузы и средние специальные учебные заведения продолжали выпуск специалистов. И хотя их число было невелико, новое

пополнение интеллигенции позволяло удовлетворять самые неотложные потребности государства в кадрах.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что действия советского правительства, направленные на создание пролетарской интеллигенции увенчались успехом. Были приняты дополнительные меры для продвижения в вузы и техникумы рабочих, крестьян и их детей. Особое внимание государство уделило расширению сети рабфаков. Количество учащихся в них составляло 27,3 тыс. на 1921/22 учебный год. В их составе подавляющее большинство 81 % на 1921/22 учебный год приходилось на долю рабочих и крестьян. В целом, рабфаки оправдали поставленные им задачи. Таким образом, широкое выдвижение рабочих и крестьян на руководящую работу в сочетании с подготовкой, обучением в средней и высшей школе, в присущих советской системе социалистических ценностях, положило начало формированию советской интеллигенции.

Библиографический список

1. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. – М., 1928.
2. Ленин и культурная революция: Хроника событий. (1917–1923 гг.). – М.: Мысль, 1972.
3. Бейлин, А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин; Под ред. и с предисл. И. А. Краваля. – М.: Союзоргучет, 1935.
4. Галин, С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы советской власти (1917–1925) / С. А. Галин. – М., 1990.
5. Ленин, В. И. Доклад о партийной программе / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 38.
6. Ленин, В. И. Доклад об очередных задачах Советской власти / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 36.
7. Ленин, В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 37.
8. Ленин, В. И. Речь на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г. / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 40.
9. Ленин, В. И. Речь о хозяйственном строительстве / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 40.
10. Ленин, В. И. Ценные признания Питирима Сорокина / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. / В. И. Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 37.
11. Луначарский, А. В. О народном образовании / А. В. Луначарский. – М., 1958.

УДК 347.22+93/94

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX в.

В. А. Двойнова
vika.xudobko@mail.ru

*Тульский государственный педагогически университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие института права собственности в России в XVII – начале XX в. Прослеживается юридическое закрепление понятия собственности.

Ключевые слова: *собственность, право, право собственности, развитие, приобретение права.*

UDC 347.22+93/94

FORMATION AND DEVELOPMENT OF PROPERTY RIGHTS IN RUSSIA IN THE XVII-EARLY XX CENTURIES

V. A. Dvoynova
vika.xudobko@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. *The article examines the formation and development of the institution of property rights in Russia in the 17th – early 20th centuries. The legal consolidation of the concept of ownership is traced.*

Keywords: *property, law, property right, development, acquisition of law.*

Становление права собственности в России юридически было положено в 1649 г. с принятием Соборного Уложения. До этого, собственность не имела важного значения и была одним из средств судебного доказательства, играла вспомогательную роль. Именно Соборным Уложением устанавливались способы приобретения права собственности. К ним относились: договоры и обязательства, давность владения, пожалование, дар, завещание, выдел и наследование [1, с. 5].

При Петре Великом в России произошло усиление контроля государства над сделками с недвижимостью. Указом о едином наследии от 23 марта 1714 года ликвидировались юридические различия между вотчиной и поместьем [7, с. 2]. Справка о недвижимости стала главным документом для приобретения имущества, а момент возникновения собственности возникает с даты совершения сделки.

Впоследствии, 17 марта 1731 года Анна Иоанновна отменяет Указ о единонаследии. Уже новый указ устанавливает: «что, при наследовании по закону, признаются все сыновья умершего, и в наследство включается все имущество наследодателя, как движимое, так и недвижимое» [5, с. 14].

Термин «собственность» появился в российском законодательстве при Екатерине II. В категорию «собственность» стали относиться пастбища и леса, земля, вода, сенокосы. В этот период произошло освобождение собственности дворян от ограничений [6, с. 11]. Манифест 1782 г. признавал право собственника земли на полезные ископаемые. При этом были введены ограничения в пользовании частными лесами, а лес являлся имуществом «особого рода». Крепостные крестьяне нормативно относились к движимому имуществу [5, с. 15].

В начале XIX в. по указу Александра I от 12 декабря 1801 г. всем российским подданным, кроме крепостных крестьян было предоставлено право покупать незаселенные земли. 20 февраля 1803 г. был принят «Указ о вольных хлебопашцах» [4, с. 7]. Отныне, крестьяне, являющиеся собственниками земли, могли её продавать, закладывать и передавать по наследству, а также вступать в обязательственные отношения.

Важным этапом в истории развития права собственности является разработка в 1832 г. Свода законов Российской империи [8, с. 9]. Упомянутый свод делился на четыре самостоятельные книги: семейное право; положения о «делении имущества на движимые и недвижимые»; положения о способах приобретения прав; обязательства по договорам запродажи.

В соответствии с законом: «условиями купли-продажи являлись предмет и цена. При этом цена не обязательно должна была соответствовать действительной стоимости вещи, но быть определённой. Отсутствие в договоре определённой цены влекло его недействительность» [8, с. 12]. Недвижимое имущество, подлежащее продаже, должно было быть «свободным от запрещений» и принадлежать непосредственно продавцу на праве собственности. Кроме того, законом предусматривался нотариальный порядок установления права на недвижимое имущество.

В 1832 г. был принят «Устав промышленный», содержащий нормы о землях промышленности. Отдельные статьи Устава разграничивали частные и государственные промышленные предприятия. Так, частные предприятия подразделялись на те, которые находились «в посессионном владении» и на те, которые были в собственности. Под «посессионными» тогда понимались заведения, земли которых были «отведены от казны» [8, с. 12]. Владельцы таких предприятий могли полностью распоряжаться своим имуществом, только без «раздробления» земли. Статья 65 Устава предусматривала конфискацию земельного участка, на котором располагалась посессионная фабрика, в случае если она не работала и после этого в течение шести месяцев не была продана другому лицу.

Важным актом в формировании крестьянской частной собственности на землю в первой половине XIX в. стал Указ от 1847 года. «Указом вводилось

право, по которому крепостным разрешалось выкупаться с землей в том случае, помещичье имение продавалось с торгов» [4, с. 6]. Однако, из-за недовольства помещиков, выкуп продающихся с торгов имений был полностью под контролем дворянства. 3 марта 1848 г. бы принят указ «О предоставлении крестьянам, помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимое имущество».

В период пореформенной России основными способами приобретения права собственности были: пожалование, выдел, дарение, завещание. Переходом собственности стал считаться не момент передачи вещи, а момент заключения сделки [2, с. 13]. С этого момента собственность начала рассматриваться уже не только как право, но и как обязанность.

В 1886 г. принято Положение, в соответствии которым в городах и уездах, были определены нотариусы, которые обязаны были сопровождать все сделки с недвижимостью и фиксировать договоры. Таким образом, в начале XX в. право собственности претерпело значительные изменения, что обуславливалось введением новых норм, расширением в составе объектов собственности денежных средств и ценных бумаг: облигаций, акций и пр..

В дальнейшем право собственности в России развивалось в контексте континентального права, которое взяло за основу римское право и усовершенствовало его [3, с. 5].

События после Октябрьской революции 1917 года были связаны с идеей полного уничтожения каких-либо собственнических институтов, кроме государственного.

Библиографический список

1. Анучина, Ю. Н. Приобретение права собственности по Соборному Уложению 1649 г. / Ю. Н. Анучина // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. – 2009. – № 1 (5).
2. Ганзлик, Ю. И. Ограничения в праве собственности в России в конце XIX – начале XX в. / Ю. И. Ганзлик // Юрист-Правоведь. – М., 2008.
3. Гладкова, Е. О. О становлении понятия «право собственности» / Е. О. Гладкова // Проблемы науки. – 2019. – № 4 (40).
4. Езжева, М. Н. Российское земельное законодательство первой половины XIX века и образование класса крестьян – земельных собственников / М. Н. Езжева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Юридические науки. – М., 2007.
5. Мантул, Г. А. Институт собственности в Российской империи / Г. А. Мантул // Философия права. – М., 2014.
6. Соленцова, И. В. Завещание по своду законов Российской империи: Понятие и гражданско-правовая природа / И. В. Соленцова // Северо-Кавказский юрид. вестн. – Ростов н/Д, 2012.

7. Упоров, И. В. Формирование системного регулирования наследственных отношений в законодательных актах России (середина XVII – первая треть XVIII в.) / И. В. Упоров // Право и практика. – М., 2015.

8. Хайбуллин, В. Р. История возникновения и развития права собственности на жилые помещения в России / В. Р. Хайбуллин // Евразийский науч. журн. – СПб., 2016.

УДК 94(47).06

КАЗЕННЫЕ МАНУФАКТУРЫ ВО ФРАНЦИИ И В РОССИИ XVIII В.: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

В. А. Игнатова
varvara025@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье проводится сравнение причин возникновения королевских мануфактур во Франции и казенных в России. Автор проводит анализ причин производства той или иной продукции в разные временные периоды. Автор исследует систему поощрений для работников государственных мануфактур.

Ключевые слова: королевская, казенная мануфактура, оружейники, льготы.

UDC 94(47).06

STATE-OWNED MANUFACTORIES IN FRANCE AND RUSSIA OF THE XVIII CENTURY: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

V. A. Ignatova
varvara025@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article compares the reasons for the emergence of royal manufactories in France and state-owned ones in Russia. The author analyzes the reasons for the production of a particular product in different time periods. The author examines the system of incentives for employees of state manufactories.

Keywords: royal, state-owned manufactory, gunsmiths, benefits.

Мануфактура – предприятие, на котором применялся ручной труд и разделение труда. Королевская, казенная, государственная мануфактура – промышленное предприятие, которое было создано за счет государственного бюджета и которое выпускает продукцию, необходимую государству. Возникновение королевских мануфактур связано с производством военного снаряжения, а также с обслуживанием королевского двора и придворной знати.

Впервые королевские мануфактуры возникли при Франциске I, в 1531 году была создана мануфактура по производству ковров. Королевские мануфактуры делились на принадлежавшие королю: те, что производили ковры, которые позже стали называться гобеленами (Гобелен, Савонри и Бове), фарфор (Севр), оружие (Брест, Тулон, Рошфор), и принадлежавшие частным лицам (были

основаны по королевскому приказу с королевскими привилегиями): те, что производили сукно (Ван-Робе в Абвиле), стекло (Дю Нойер) [6, с. 45–46].

После религиозных войн французская промышленность находилась в упадке: управление, ослабленное внутренними распрями, не могло поддержать столь нужное стране производство, которое не могло существовать без помощи государства. Квалифицированные рабочие покидали страну по религиозным причинам или в поисках безопасности. Сильно пострадало оружейная производство. Франция стала зависеть от привоза оружия извне. Оздоровлением французской промышленности занялся министр финансов Жан-Батист Кольбер (1619–1683). Кольбер широко использовал экономические возможности абсолютизма, довольно щедрым образом финансируя за счет налогоплательщиков мануфактуристов, которые являлись поставщиками королевского двора.

В период правления Людовика XIV (1643–1715), особенное внимание монарха уделяется именно тем мануфактурам, которые производят предметы роскоши. Кольбер умело манипулировал модой, стремясь сделать французские товары желанными для потребителей по всей Европе. Он считал, что модные товары могут рассматриваться как сила, стимулирующая международную торговлю. Министр финансов поощрял создание крупных мануфактур, в первую очередь по производству предметов роскоши (зеркал, тонкого сукна, шелка, кружев, фаянсовой посуды) [1, с.110].

Конкурентоспособность королевских мануфактур обеспечивалась за счет государственных заказов, субсидий и предоставления различного рода привилегий, что ложилось тяжелым бременем на государственные финансы [8, с. 187]. Королевские мануфактуры являлись монополистами в своих отраслях.

Частные мануфактуры, которые финансировались из государственной казны, создавались с разрешения правительства и находились под его протекцией. Формально это были независимые от государства предприятия, но они часто получали субсидии, беспроцентные займы, различного рода поощрительные премии. Постановлениями Государственного совета королевства и жалованными грамотами им предоставлялись монопольные права на производство той или иной продукции в определенном регионе.

Во Франции до революции 1789 года рабочие государственных мануфактур, производящих, в большинстве своем, предметы роскоши, находились в привилегированном положении. Большой славой пользовались парижская парфюмерия и ювелирное дело. Эти рабочие частично или полностью они освобождались от налогообложения, получали даровую казенную квартиру, если же у администрации не хватало помещений, им выдавались особые квартирные деньги [2, с. 190].

19 августа 1792 года Законодательным Собранием было принято решение о введении пенсий для рабочих оружейных мануфактур.

До революции у рабочих оружейных мануфактур была привилегия не служить в армии, во время Революции, а позже Империи рабочие приравниваются к солдатам и подлежат призыву [3, с. 25]. Недовольные же приравнивались к врагам общественного блага (а это обвинение могло привести их на гильотину).

Однако это не касалось рабочих государственных мануфактур. Даже в смутное время предреволюционных весенних месяцев 1789 г. Администрация считала рабочих государственных мануфактур людьми, не предрасположенными к беспорядкам.

Помимо этого, в некоторых королевских мануфактурах было легализовано участие рабочих в управлении мануфактурой: в каждой из мастерских должен был образоваться выборный совет из рабочих, которые во главе с начальником мастерской еженедельно давали бы дирекции сведения о положении дел, передавали бы жалобы и просьбы рабочих и содействовали бы «порядку и успеху» мануфактуры [5, с. 119].

Первые мануфактуры в России отличались от европейских. На их зарождение и развитие наложило отпечаток существование крепостнических отношений.

В России казенные мануфактуры появляются, когда у власти находится Петр Первый, который ведет продолжительную Северную войну. Государству необходимо оружие, поэтому основной упор в производстве, основные финансовые вложения делаются в сторону оружейных заводов. В России, в отличие от Франции, все еще существовало крепостное право, поэтому наличие капиталистических отношений было невозможным. Поэтому для усиления заинтересованности рабочих в своем деле, для повышения качества производства, государство стремилось давать им определенные права, которых не имели рабочие негосударственных мануфактур. В условиях отсутствия капиталистических отношений рабочих необходимо было стимулировать, особенно в сферах необходимых государству. При этом, чем важнее было производство для государства, тем более значимыми были привилегии.

В 1595 году тульским кузнецам царь Федор Иоаннович дарует жалованную грамоту, разрешавшую им отдельно селиться от посада в отдельной Кузнецкой (Оружейной) слободе [6, с. 11]. Работа их была необходима для государства, поэтому носили они статус казенных кузнецов.

Далее оружейники получают преимущественное право перед посадом на получение железа и угля. В 1737 году императрица Анна Иоановна разрешила не забирать оружейников в рекруты. В 1782 году было принято «Положение о Тульском оружейном заводе», в котором юридически закреплялись прежние права оружейников и даровались новые. Так теперь тульские кузнецы приравнивались к мещанам.

В XIX веке тульские оружейники не только сохранили свои прежние привилегии в отличие от рабочих прочих оружейных заводов России (Ижевского, Сестрорецкого), но и приобрели новые, например, в неурожайные годы им выплачивались отдельные пособия, они бесплатно получали стройматериалы. Причиной этому послужило то, что Тульский оружейный завод выпускал в более чем в 10 раз больше, чем Сестрорецкий и в 10 раз больше, чем Ижевский [3, с. 80].

Кроме того, достаточно часто тульские кузнецы отправляли жалобы царю на свои условия жизни, при этом почти всегда просьбы туляков были удовлетворены, как например прошение об освобождении от посадского тягла. Тульские

оружейники сравнительно редко волнениями выказывали свое недовольство государству, ведь оно часто прислушивалось к их жалобам и прошениям

Государству необходимо было качественное оружие в большом количестве, поэтому оно поддерживало тульских оружейников. А многочисленные льготы, оказанные тульским мастерам, делали их род занятий действительно престижным.

Во Франции привилегированным считалось ремесло мастеров, производящих предметы роскоши, ведь до 1789 года Франция была законодателем мод. Особо отличались по своим правам рабочие королевских оружейных мануфактур. В России же на особом счету были рабочие, производившие столь необходимое для укрепляющегося государства оружие, особенно в условиях войны. Однако тульские мастера занимали особое положение в связи с тем, что тульский завод производил больше оружия. Кроме того, на обслуживание Тульского Оружейного завода уходило куда меньше средств, чем на Сестрорецкий завод, поэтому поддерживать производство оружия в Туле государству было намного выгоднее. Именно поэтому тульские мастера занимали куда более престижное положение в сравнении с рабочими других заводов.

Тульские оружейники, будучи рабочими казенного, то есть государственного предприятия, изначально занимали положение куда более высокое, чем рабочие частных заводов, да и даже рабочие казенных Сестрорецкого и Ижевского заводов. Такая же ситуация была и у рабочих королевских мануфактур. Однако во Франции помимо необходимого для государства оружия, огромное внимание уделялось производству предметов роскоши, столь нужных для усиления экономики страны и поддержания ее авторитета.

Тульские оружейники сполна пользовались льготами, предоставленными заинтересованным в их деятельности государством. В отличие от большинства рабочих Европы и России, они жили отдельным поселением, могли работать на дому. Как и оружейники Франции, туляки получали выплаты и пенсии от государства. Поэтому даже при небольших зарплатах тульские оружейники не бедствовали, а тем более не скатывались в нищету. Пользуясь своим особым положением, тульские мастера обращались с просьбами или жалобами к царю, который очень часто старался удовлетворять их прошения. Подобное происходило и во Франции, где рабочие королевских мануфактур могли потребовать себе увеличения заработной платы, однако это было очень редким явлением. К просьбам тульских мастеров власти часто прислушивались, старались улучшать условия их жизни.

Вывод

Во Франции поощрялось производство того товара, который был необходим в тот момент. Когда государство вело войны и ему требовалось оружие, поддерживали оружейников. В относительно мирное время – доход приносили предметы роскоши, которые шли на экспорт, поэтому поощрялось их производство. Поддержка мануфактур заключалась в выплатах из государственной казны, рабочим предоставлялись льготы. После Великой Французской революции производство предметов роскоши стало не востребовавшимся. Актуальным вновь

было производство оружия, чем обусловлены выплаты пенсий рабочим государственных оружейных мануфактур.

А вот в России казенные предприятия строились именно для производства оружия, например Тульский оружейный завод. Острая необходимость в оружии возникла в период Северной войны, когда обнаружилось техническое отставание России перед европейскими державами. Труд тульских оружейников был необходим государству, поэтому им предоставлялись многочисленные льготы.

Библиографический список

1. Delsalle, P. La France industrielle aux XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles / P. Delsalle. – 1993.
2. Levasseur, E. Histoire des classes ouvrières en France depuis la conquête de Jules César jusqu'à la Révolution / E. Levasseur. – P.: Guillaumin, 1859.
3. Rousseau, J. Revue du Souvenir Napoléonien, / J. Rousseau // Revue du Souvenir Napoléonien, 1971.
4. Зыбин, С. Оружейные заводы: (Тул., Сестрорец. и Ижев.) / С. Зыбин, М. Нехлюдов, М. Левицкий. – Кронштадт: Типо-лит. Д. М. Комарова, ценз. 1898.
5. Купчинский, Ю. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг. / Ю. Купчинский. – М.: Иностр. лит., 1950.
6. Тарле, Е. В. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции / Е. В. Тарле. – Пг.: Книгоиздательство В. С. Клестова, 1919.
7. Тульские оружейники: Сб. документов / Отв. ред. И. Н. Юркин, Отв. сост. Н. К. Фомин. – М.: РОССПЭН, 2003.
8. Шумпетер, Й. История экономического анализа: В 3 т. / Й. Шумпетер. – СПб., 2004. – Т. 1.

УДК 378; 340.1

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ УСТАВЫ 1863 г. и 1884 г.: ПРОИЗОШЛИ ЛИ ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНТА?

Е. М. Колесникова

kolesnikova27031989@icloud.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация университетских уставов второй половины XIX века в Российской империи, которая непосредственно повлияла на условия жизни студенчества.

Ключевые слова: XIX век, высшее образование, университетские уставы.

UDC 378; 340.1

THE UNIVERSITY STATUTES OF 1863 AND 1884: HAVE THERE BEEN CHANGES IN THE LIFE OF THE RUSSIAN STUDENT?

E. M. Kolesnikova

kolesnikova27031989@icloud.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines the transformation of university charters in the second half of the 19th century in the Russian Empire, which directly influenced the living conditions of students.

Keywords: 19th century, higher education, university statutes.

Во второй половине XIX в. правительственный курс по отношению к университетскому образованию в Российской империи менялся: сначала университеты получили автономию, а потом она была существенно ограничена. Задача данной работы – проанализировать положения университетских уставов 1863 г. и 1884 г., которые регулировали организацию студенческой жизни.

Университетский Устав был утвержден императором Александром II 18 июня 1863 г. Он состоял из двенадцати глав, в которых определялась система внутреннего контроля и внешнего управления университетами. Организации жизни студентов посвящена глава VIII, которая называется «Об учащих» [7, с. 21]. Согласно § 100, «...студенты и посторонние слушатели обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать в зданиях и учреждениях

Университета порядок, установленный особыми для учащихся правилами. Каждому Университету предоставляется составлять и представлять на утверждение попечителя сии правила с обозначением в них как действий запрещаемых, так и соответствующих оным взысканий. При поступлении в Университет каждый студент и посторонний слушатель обязываются подпиской в соблюдении означенных правил» [7, с. 23–24].

При этом у каждого университета имелся перечень «запрещаемых действий», которые отслеживались попечителем [7, с. 11–12]. Случавшиеся нарушения рассматривались в специальном университетском суде, который состоял из трёх человек. Судьи утверждались попечителем учебного округа. Обязательным условием являлось то, что один из судей должен был представлять юридический факультет [7, с. 16]. Университетский суд ведал разрешением вопросов нарушения в здании университета установленного порядка, а также вопросов столкновения между студентами и преподавателями как внутри, так и вне здания университетов [7, с. 16]. В Уставе оговаривались действия университетской администрации в случаях столкновений студентов с представителями административно-преподавательского корпуса, но если проступки учащихся не имели уголовного характера, то для их пресечения не могли быть использованы уголовные меры [7, с. 16, с. 23]. В то же время все опрометчивые действия студентов, идущие вразрез с дисциплинарным уставом, подлежали разбору в университетском суде, который налагал на провинившихся учащихся взыскания в зависимости от тяжести проступков [7, с. 16]. «Посторонние лица», нарушившие «особые правила», вносились в «черные списки» и лишались права посещать занятия [7, с. 23].

За совершение преступлений уголовного характера студенты исключались из университета и подлежали уголовной ответственности в соответствии с законодательными нормами Российской империи [7, с. 23]. Кроме того, «вне зданий и учреждений университета» студенты подлежали «полицейским установлениям на общем основании» [7, с. 23–24].

Особое место в Уставе 1863 г. отводилось мерам, направленным на «возвышение научного уровня учащихся» [9, с. 122]. Данное положение может свидетельствовать о появлении намерений повысить качество образования. В Уставе отмечалось, что главной задачей оставалось создание научно-исследовательской базы для обучения и дальнейшего выпуска квалифицированных специалистов в той или иной области. Изучаемые дисциплины делились на обязательные и вспомогательные, что свидетельствовало об учете в процессе обучения личных предпочтений студентов [7, с. 21]. Кроме того, каждый факультет мог создавать свою учебную программу и утверждать меры к привлечению студентов для занятий научно-исследовательской деятельности [9, с. 106]. Однако, комментатор Устава отметил, что: «...не желая признавать в студентах никакой отдельной корпорации, казалось, полезнее для успешного хода преподавания и научных занятий молодых людей... видеть в них только жителей университетского города, подчиненных, наряду с другими, обыкновенной полиции и имеющих право посещать университетские лекции на известных условиях» [9, с. 117].

После отмены вступительных испытаний в университеты в 1861 г. [5, 320] руководство гимназий получили возможность стать своего рода «протезе» для будущих студентов, поскольку могли принимать решение о готовности выпускников к дальнейшему обучению. При необходимости Университетский совет мог проверить уровень знаний абитуриента [7, с. 25]. По мнению министра народного просвещения, А. В. Головнина, стоило увеличить требования к потенциальным абитуриентам. В своих записках он указывал на то, что «в число университетских слушателей принимаемы были молодые люди, не имевшие надлежащей научной зрелости и подготовки» [4, с. 104]. Поэтому профессорскому составу следовало «обращаться... к гимназическим преподавателям», дабы снизить риск поступления в высшие образовательные учреждения «неподготовленных к научному знанию студентов» [4, с. 106].

Устав разрешал получать высшее образование крестьянским детям и выходцам из бедных слоёв населения. При этом обучение оставалось платным, студенты должны были сами оплачивать обучение. Отсрочка платежа или полное освобождение от платы производились при двух условиях: успешная учебная деятельность и свидетельство о неимении средств. Стипендиатом мог стать тот студент, который посещал все занятия и активно занимался научно-исследовательской деятельностью [7, с. 21–23]. Стипендия, начисленная за успехи, могла тратиться только на оплату обучения [9, с. 119], поэтому многие студенты испытывали нужду и были вынуждены подрабатывать в учебное время. Важным стимулом к занятию научно-исследовательской деятельностью стали учрежденные золотые и серебряные медали, которые присуждались за лучшие исследовательские работы [7, с. 29]. Важными стимулами, поощрения студентов к «ученым занятиям» стала практика присуждения золотых и серебряных медалей, а также почетных отзывов за лучшие исследовательские работы [7, с. 22]. Можно говорить о том, что университетский Устав был в значительной степени направлен на поощрение студентов к занятиям учебной и научной деятельностью, т. е. на подготовку специалистов, которые в будущем смогли стать светилами российской науки.

В отечественной историографии с советских времен преобладает точка зрения о прогрессивном характере Устава 1863 г. Однако еще Б. Б. Глинский заметил, что «с точки зрения студентов принятие подобного устава было шагом назад, поскольку в нем аннулировалось все то, что им удалось завоевать в 50-е годы» [3, с. 329]. Система внутреннего контроля в университетах была довольно жесткой. Американский исследователь С. Д. Кэссоу также считает, что «студенты потеряли многое из того, что уже имели», в то время как «профессора добились многого из того, что они хотели» [5, с. 328]. По мнению современного отечественного исследователя А. И. Арвуса, Устав 1863 г. был «компромиссом между либеральными веяниями 60-х гг., прежними университетскими порядками и стремлениями бюрократических петербургских кругов», из чего проистекала «неудовлетворенность всех и желание внести в устав изменения» [1, с. 68].

Активное участие российских студентов в революционной деятельности в 1870-е годы привело к принятию специального распоряжения Министра

народного просвещения 1880 г., согласно которому, начальство гимназий обязано давать «полные и обстоятельные сведения об образе мыслей... молодых людей, об их склонностях, условиях материального быта и общественной среды, к коей принадлежат их родные...» [6, с. 619]. Это было нужно для того, чтобы «отсеивать» неблагонадёжных абитуриентов, которые могли «нарушить покой» университетской жизни [6, с. 620].

Противники преобразований Александра II критиковали университетское законодательство за неприемлемую для самодержавной России автономию университетов, ослабление управленческой вертикали: влияние министра и попечителей – и предлагали усилить правительственный контроль за учащими и учащимися [1, с. 80]. Большая часть профессуры, осознавая, что устав не был безупречен, все же имела «полные основания надеяться, что время и опыт, при помощи необходимых частичных исправлений устава, дадут университетам возможность войти в нормальную колею и приведут к установлению в них прочного порядка: учебного, административного и дисциплинарного – и общего благоустройства» [11, с. 100-103].

Пересмотр университетского Устава произошел в правление Александра III. Как заметила В. А. Твардовская, новый император намеревался направить все имеющиеся силы на укрепление пошатнувшегося имперского авторитета [10, с. 220–243]. С мая 1884 г. Государственный совет начал обсуждение нового университетского устава. Оно было достаточно оживленным, разногласия вызвали многие вопросы: окончательные испытания, учебная программа, процесс замещения руководящих должностей, назначение профессоров Министром народного просвещения, право профессора преподавать на нескольких кафедрах, распределение преподавательской нагрузки, денежные средства, взимаемые в пользу профессора [12, с. 187]. Итогом бурных обсуждений стал проект Устава, который был подписан Александром III 23 августа 1884 г. [8, с. 981–984].

Условием поступления в университет по-прежнему было наличие аттестата зрелости, полученного в гимназии или прикрепленного к ней среднего учебного заведения [7, с. 66]. В Уставе не были закреплены ограничения для потенциального абитуриента, однако, университетское правление имело право запросить сведения о том или ином человеке у руководства гимназий.

Учебный план университетов строго регламентировался и контролировался ректоратами. Как и прежде, сохранялись обязательные и вспомогательные дисциплины, корректировку их изучения нужно было согласовывать с руководителем [3, с. 736–738; 7, с. 57]. К итоговым испытаниям допускались студенты, которые успешно прошли курс восьми учебных полугодий (для медицинского факультета требовалось десять) [7, с. 58]. Поощрение студентов золотыми и серебряными медалями сохранилось [7, с. 58–59]. Устанавливался надзор за посетителями университета и непосредственно учащимися в лице университетского начальства [7, с. 66]. Не допускались кружки, землячества и кассы взаимопомощи [7, с. 66–67]. Каждый студент являлся отдельным посетителем и не имел права «заискивать» перед другими в целях создания какого-либо объединения [7, с. 67].

С 1885 г. в университетах ввели обязательное ношение формы для студентов и, кроме того, требование отдавать честь членам императорской фамилии и университетскому начальству [3, с. 735]. Браки для студентов «во все время пребывания в университете» были под запретом [12, с. 194].

Большинство современников негативно оценили Устава 1884 г. Так, профессор Московского университета П. Г. Виноградов, критикуя обязательное внесение платы за обучение, отмечал, что «едва ли сторонники устава 1884 г., сумели бы сами придумать более злую карикатуру на неискренность и внутренние противоречия этого устава, нежели оброк, установленный его составителями во имя свободы преподавания и сближения между профессорами и студентами» [2, с. 547]. Граф и сенатор П. А. Капнист, с 1880 г. исполнявший обязанности попечителя Московского учебного округа, накануне первой русской революции писал: «Устав 1884 г., имевший, прежде всего в виду усиление власти в университете, лишил ее в сущности прочной опоры и повел в конце концов к полной дезорганизации университетов» [11, с. 193]. С. В. Рождественский обратил внимание на то, что «устав 1884 г. полнее всех предшествовавших проводил начало подчинения университетов правительственному контролю и влиянию». Он заметил многие нестыковки с уже имеющимся опытом работы университетов, что вызывало потребность в новых инструкциях и распоряжениях [6, с. 615, 616, 621–623].

Поддержал Устав писатель Б. Б. Глинский: «...Необходимо, чтобы сознание своего долга перед государством деятельно заявляло себя и в профессорской среде. Необходимо, чтобы преподаватели, которым государство доверяет воспитание юношества, по природе склонного к добру, были его истинными наставниками в науке, а в политическом отношении сознавали бы себя всецело органами государства. Поставление университета под более непосредственное, чем доныне, действие правительственной власти должно дать в этом отношении благотворные последствия» [3, с. 730].

Таким образом, Устав 1884 г. существенно усилил подчинение университетов правительству. Что касается студентов, то поступление в университет по-прежнему определялось наличием гимназического аттестата. В университетских стенах за ними устанавливался строгий административный надзор, студентам запрещалось создание каких-либо организаций. Предполагалось, что студенты должны, прежде всего, получать профессиональные навыки в избранной ими отрасли знаний.

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки / А. И. Аврус. – М., 2001.
2. Виноградов, П. Г. Россия на распутье: Историко-публицистические статьи / П. Г. Виноградов. – М.: Территория будущего, 2008.

3. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Электронный ресурс] / Б. Б. Глинский // Ист. вестн.: Ист.-лит. журн. – СПб., 1900. – Т. LXXIX. – С. 718–742. – URL: <https://runivers.ru/lib/book9629/484282/>

4. Головнин, А. В. Записки для немногих [Электронный ресурс] // Вопр. истории. – 1997. – № 2. – С. 96–114. – URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/view/28142649/>

5. Кэссоу, С. Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения / Великие реформы в России / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 317–331.

6. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 [Электронный ресурс] / С. В. Рождественский. – СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. – URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/4728>

7. Россия. Законы и постановления. Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. / [Электронный ресурс]. – Одесса: Тип. Акц. Южно-рус. о-ва печатного дела, 1901. – URL: <https://www.prlib.ru/item/433556> (дата обращения 01.02.2021).

8. Россия. Министерство народного просвещения: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения [Электронный ресурс]. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1864–1904. – Т. 9: Царствование императора Александра III, 1884 год. – 1893. – С. 981–984. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003507576> (дата обращения 01.02.2021).

9. Россия. Законы и постановления. Университетский устав 1863 года [Электронный ресурс] // По поводу нового университетского устава. – СПб.: Тип. Огризко, 1863– URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003543716>

10. Твардовская, В. А. Александр III / В. А. Твардовская // Рос. самодержцы. 1801–1917. – М., 1993. – С. 220–243.

11. Цыганков, Д. А. Попечитель московского учебного округа П. А. Капнист и университетские конфликты 1880–1890-х гг. / Д. А. Цыганков // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. – 2007. – Т. 2. – № 17. – С. 99–104.

12. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. / Г. И. Щетинина. – М., 1976.

УДК 94(470)

ТЕКСТ ИЛИ ПАЛИМПСЕСТ: ФЕНОМЕН ВОЗВРАТА К ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОКАМ В ТОПОНИМИКЕ

А. В. Павлов

pavlovvyache@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье анализируется процесс смыслового наполнения при переименовании в России XX века. Автор подчеркивает, что данный феномен отнюдь не является исключительной особенностью российской истории. Рассматривая данное явление на примере острых коллизий вокруг топонимики городов (Ленинград – Санкт-Петербург, Сталинград – Волгоград), автор приходит к выводу о существовании двух семиотических слоев в данном процессе: «текста», как явления, поддающегося переписыванию, и «палимпсеста», который продолжает существовать в сознании общества под слоем нового «текста».

Ключевые слова: текст или палимпсест, цепная реакция переименований, исторический маркер, социокультурный ландшафт, политический инструмент агитации.

UDC 94(470)

TEXT OR PALIMPSEST: THE PHENOMENON OF A RETURN TO HISTORICAL ORIGINS IN TOPONYMY

A. V. Pavlov

pavlovvyache@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the process of semantic content during renaming in Russia of the XX century. The author emphasizes that this phenomenon is not an exclusive feature of Russian history. Considering this phenomenon on the example of acute conflicts around the toponymy of cities (Leningrad – St. Petersburg, Stalingrad-Volgograd), the author comes to the conclusion that there are two semiotic layers in this process: the "text", as a phenomenon that can be rewritten, and the "palimpsest", which continues to exist in the consciousness of society under the layer of a new "text".

Keywords: a text or palimpsest, a chain reaction of renaming, a historical marker, a socio-cultural landscape, a political tool of agitation.

Названия улиц, площадей, городов уже давно стали не просто знаками, способными облегчить нахождения какого-то конкретного места, а настоящим показателем обстановки в общественной жизни. Их изменение, добавление,

объединение и т. д. говорит о социально-политических процессах, протекающих в данный момент в обществе. Герою советского мультсериала, знаменитому капитану Врунгелю принадлежит фраза: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». К данной ситуации я бы немного переформулировал высказывание: «Как яхту назвали, туда она и плывёт».

На данный момент этот вопрос является набирающим обороты направлением междисциплинарных исследований на стыке истории, культурологии и географии. Одна из основных наук в этом направлении, изучающая свойства знаков и знаковых систем, их смысл и значение – семиотика. В этом процессе явственно соединяются воля власти (использует переименование как инструмент конструирования культурной и политической идентичности, т. е. как раз картины мира), но и общественные настроения тоже имеют огромное значение.

Маоза Азарьяху в своей научной статье «The Purge of Bismarck and Saladin: The Renaming of Streets in East Berlin and Haifa, a Comparative Study in Culture-Planning» вводит понятие «город-текст» – культурный конструкт, который придает смысл определенному социальному и моральному порядку, представляя лежащую в его основе «теорию мира», одобряющую и санкционирующую его. Написание или переписывание города-текста является примером взаимодействия социально-политических и семиотических процессов в культуре [1]. В качестве примера, Азарьяху проводит анализ процесса «вычищения» Бисмарка из Восточного Берлина и султана Саладина из Хайфы в первые послевоенные годы.

Но неужели всегда процесс изменение топонимики является переписыванием или дополнением города-текста? Или же правильнее будет назвать это палимпсестом, на котором из-под новых имён стремятся проступить старые? Насколько устойчив и изменчив «старый текст»? В каких случаях старое выходит опять на свет, или же «новый текст» всё-таки отвоёвывает своё право на жизнь? На эти вопросы мы и постараемся найти ответы.

Прежде всего, стоит понять, что переписывание города-текста является, в частности, инициативой сверху, то есть правящая элита, желая утвердить определённый уклад жизни общества, необходимый ей для удержания своей власти, провозглашает официальную версию «прошлого», которая называет существующий общественный строй неизбежным и характерным для данной страны итогом истории. При написании города-текста власть так же может преследовать и другие цели: идеологическую (как пример, в Советском союзе в каждом городе были улицы и проспекты, содержащие в своём названии термины коммунистической идеологии: Советская, красногвардейская, красноармейская, пролетарская и т. д.), внешнеполитическую (например, переименование города Санкт-Петербург в 1914 г. в Петроград, в связи с участием Российской Империи в Первой мировой войне против Германской империи; так называемый отказ от немецкого языка в названиях) и прочие.

Палимпсест же является больше инициативой, требуемой снизу. Палимпсест – это остаточная историческая память, наполненная знаменательными, выдающимися событиями характерными для того или иного названия. Как правило,

«старое» название так и просится из-под «нового», если общество переживает определённые крутые социально-политические переломы, например, как распад СССР, обретение независимости ряда африканских стран, революция во Франции и т. д.

Так в каких же случаях, старые буквы проступают на новых, а при каких условиях новое название всё-таки остаётся на своём месте? Для простоты понимания, обратимся к примерам.

Почему песня Юрия Антонова «На улице Каштановой» (1985 г.) стала шлягером неожиданно для самого композитора? Всё потому, что в сознании советского человека, который каждый день своей жизни, идя на работу, прогуливаясь по городу, видел лишь постоянно напоминающие об идеологии «тексты», написанные советской властью, возникло желание убежать от всего этого советского натиска, вернуться к старым названиям и пройтись по обычной «Абрикосовой, свернуть на Виноградную и на тенистой улице постоять в тени», потому что они «как будто в детство давнее ведут».

Обратный же тому пример. Традиционно в русских городах были названия улиц, которые вели по направлению к другому городу. В Туле главный проспект носит имя Ленина, однако в дореволюционной России это была Киевская улица. В данном случае проспект Ленина является «текстом», написанным большевиками, а Киевская улица – палимпсестом. Но в современных условиях вряд ли проспекту вернут его историческое имя, ведь из-за достаточно напряжённых отношений между Россией и Украиной сейчас, данный поступок не будет понят общественностью, и более того, большинство людей найдут в этом следы предательства.

В истории нашей страны есть множество примеров, когда изменялась топонимика. Особенно активным этот процесс стал при советской власти, когда после переименования Петрограда в Ленинград в 1924 г. началась практически цепная реакция, положившая начало серии изменений названий городов: Сталинград, Чкалов, Молотов, Ворошиловград, Калинин, Свердловск, Киров. Безусловно, все эти переименования носили сугубо идеологический характер. Изменение топонимики являлось политическим инструментом, закладывающим определённые рамки, в которых развивалось и должно было развиваться общество.

Но в истории этого «парада переименований» есть одно интересное исключение. Большинство российских городов, получив ненадолго свою советскую версию, всё равно рано или поздно, но возвращались к своему изначальному, историческому названию. Екатеринбург, ставший с 1924 г. Свердловском, в 1991 г. стал опять Екатеринбургом, Нижний Новгород, носивший с 1932 г. имя М. Горького, вернулся к истокам в 1991, Пермь, именовавшаяся с 1940 г. Молотов, в 1957 г. снова стала Пермью. Лишь один город выбивается из данной последовательности – Царицын, ставший в 1925 г. Сталинградом, а в 1961 г. – Волгоградом. Это интересное наблюдение и вдохновило меня понять почему, например, Санкт-Петербург, долгое время носивший имя Ленина, вернулся к своему имперскому истоку, а Волгоград до сих пор носит имя, данное ему советским руководи-

телем в 1961 г. Что в этом случае будет являться «городом-текстом», а что палимпсестом.

Вопрос о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург впервые стал подниматься и обсуждаться предметно в Ленсовете в 1991 г. К тому времени по всей стране уже прокатилась волна перестройки, и скрывавшееся долгие годы недовольство коммунистическим режимом стало очень заметным. Бывший депутат Ленинградского городского совета депутатов Юрий Нестеров вспоминал: «Большинство депутатов Ленсовета были настроены антикоммунистически. Они считали, что неправильно присваивать городу имя человека, который руководил переворотом, приведшим в итоге к сталинским годам. И они считали, что политика вообще не должна вмешиваться в топонимику. Если власть начнет переименовывать города и улицы под себя, чтобы запомнили их великих, то начнется безобразие. Поэтому тогда речь зашла о возвращении исторического имени, а не о присвоении нового» [5].

Идею с переименованием города также поддерживали различные общественные движения, выступавшие против советского варианта названия города, как одного из символов коммунистического режима. Впервые о возвращении городу исторического названия весной 1989 г. заговорили представители неформальных патриотических организаций [3]. Активисты устраивали сборы подписей, а СМИ охотно это освещали, потому что данная тема была очень актуальной и обсуждаемой. Одной из основных причин переименования являлось нежелание части граждан как-либо ассоциировать себя с коммунистической системой, используя в названии города имя ключевой политической роли этой системы, а также возрастающий интерес широких слоёв населения к прошлому своей страны оказывал непосредственное влияние и призывал возвратиться к историческим истокам. Однако будет справедливым отметить и тот факт, что за сохранение Ленинграда тоже выступало немало людей. Хотя в массовом историческом сознании признавались заслуги Петра Первого и его роль в развитии нашей страны, однако для значительной части общества советские символы несли в себе какую-то сакральную ценность. Выпускалось огромное множество листовок, агитирующих против переименования. Данный вопрос оказался очень острым и насущным, включив в своё обсуждение жителей всего союза. В одной из таких листовок от 5 мая 1991 г. граждане города Донецк призывают жителей Ленинграда не позволить переименование города, называя его «Святыня советского народа», «колыбель и символ Великого октября». Также великие исторические события, произошедшие и сохранившиеся в сознании людей под этим именем, невозможно будет также переименовать либо же переписать (например, блокада Ленинграда), из-за чего и само переименование города кажется бессмысленным.

Ситуация с Ленинградом является ярким примером палимпсеста. «Старые» буквы Санкт-Петербурга так и просачиваются сквозь «новые» буквы Ленинграда. И заметьте, всё это происходит в тот период, когда страна переживает довольно крутой социально-политический поворот в общественной жизни. Вопрос о переименовании практически расколол людей на два клана: одни за Санкт-

Петербург, другие за Ленинград. Но почему это противостояние было таким серьёзным? Почему, когда, например, переименовывали Брежнев обратно в Набережные Челны, такого резонанса не было? Ответ прост. Период Санкт-Петербурга с 1703 г. по 1914 г. был наполнен различными важными, выдающимися историческими моментами. Когда мы говорим о Санкт-Петербурге, нам сразу представляется 18 или 19 век, Петергоф, Пётр Первый, начало всех крупнейших преобразований и т. д. Кстати по причине ассоциации именно Санкт-Петербурга с великими историческими событиями, такие варианты, как Петроград, Свято-Петроград (предложенный А. И. Солженицыным), не были приняты и вообще не рассматривались.

Таким же знаковым и важным является и период Ленинграда, характеризующийся, прежде всего, великой Октябрьской революцией, началом зарождения нового государства. «Город-текст», написанный большевиками, столкнулся с палимпсестом, написанным многими годами истории. Однако осложнена была ситуация тем, что за время своего существования «город-текст» Ленинград так же обрёл своё огромное историческое значение для широкого слоя населения. Этот факт стал основой для последующего компромисса. Город был переименован, однако упоминание о Ленинграде мы можем найти в учебниках истории (Блокада Ленинграда) и в названии области – Ленинградская.

Перейдём к Волгограду. Почему же нарастающая тогда ненависть к коммунистическому режиму не смогла вернуть Царицын? Прежде всего, хотелось бы напомнить, что название Царицын, произошло от речки Царицы, впадающей в Волгу. В основе названия лежат, вероятно, татарские слова «сари-су», что означает жёлтая речка, или «сари-чин» - жёлтый остров, потому что первое русское поселение с деревянной крепостью возникло на острове Царицын и служило в качестве аванпоста. Этот факт знают немногие, поэтому название Царицын соотносят со словами царь, царица, что в условиях развивающейся демократии просто было немыслимо. Итак, Царицын был неудобен в связи монархическими аллюзиями, а Сталинград неприемлем как напоминание о самых страшных десятилетиях советского строя. Одновременно с этим всплывали маркеры исторической памяти, которые невозможно было бы вычеркнуть из коллективного исторического сознания народа – «окопы Сталинграда» или «Сталинградская битва». В этом случае и был найден некий аналог «Тенистой улицы» из песни Юрия Антонова. Волга – великая русская река, с этим не поспоришь. Само это имя вызывает неконфронтационные воспоминания («Издалека, долго, течет река Волга», «Есть на Волге утес», «Много песен про Волгу пропето»). Город, стоящий на Волге, естественно было назвать Волгоградом. По этой причине, на мой взгляд, и не было принято решение переименовать Волгоград в Царицын.

Однако, как и в случае с Ленинградом, вопрос о переименовании вызвал огромный резонанс среди граждан Сталинграда. На тот момент, в газетах и партийных отчётах говорилось, что в условиях десталинизации неприемлемо, чтобы великий город-герой носил имя тирана и деспота, правление которого характеризуется с преступлениями и превышением своих полномочий. Именно поэтому

идею о переименовании диктовали сами люди, живущие в городе. Говорилось, что новый вариант названия Волгоград был встречен жителями очень горячо и с восторгом. Однако в период «перестройки» вскрылись другие, кардинально отличающиеся данные, в которых говорилось о жарких дискуссиях по поводу изменения названия города. Студенты, интеллигенция, рабочие, большая часть населения Сталинграда выступали против изменения названия [4, с. 209–215].

Но, несмотря на их митинги и выступления, властью было жёстко навязан и переписан «город-текст». В данном случае, Сталинград уже будет выступать в качестве палимпсеста, а Волгоград, как «город-текст», написанный непосредственно партией, в условиях десталинизации.

Итак, подведём итог. Как уже отмечалось, переименование географических объектов является показателем крутых социально-политических поворотов, переосмысления власти, страны и себя. Однако так же изменение названия улицы, города и т. д. может выступать как инструмент идеологического воздействия на людей. Однако это идеологическое воздействие («революционные переименования» или «возвращение к корням»), имеет свои ограничители. Эти ограничители интуитивно, вероятно, ощущают и власть и общество. Так, например, даже в самые жесткие десятилетия советской власти не было попыток переименовать Киев или Ташкент, Баку или Ригу. Одновременно с этим, после крушения СССР в неприкосновенности осталось название города Калининграда, хотя Калинин был быстро и успешно переименован в Тверь. А Грозный, несмотря на всю остроту чеченского конфликта в 1990-е годы, по-прежнему носит имя, данное ему при генерале Ермолове. Анализ различных факторов и компонентов, которые посредством именованности мест формируют социокультурный ландшафт страны, представляет одну из актуальнейших задач современной гуманитарной науки.

Библиографический список

1. Azaryahu, M. The Purge of Bismarck and Saladin: The Renaming of Streets in East Berlin and Haifa, a Comparative Study in Culture-Planning / M. Azaryahu. – [«Вычистка» Бисмарка и Саладина: Переименование улиц Восточного Беплина и Хайфы.] // Poetics Today, 1992. – Vol. 13. – № 2 (Summer, 1992). – P. 351–367.
2. Дуличенко, А. Д. Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР: Антология запечатленного времени / А. Д. Дуличенко. – Мюнхен: Abteilung der Firma Kubon & Sagner, 1999.
3. Лелина, Е. И. От Ленинграда к Санкт-Петербургу: К вопросу о возвращении названия городу в 1991 г. / Е. И. Лелина, А. Д. Матлин // Проблемы ист. регионоведения. – 2017. – № 4. – С. 149–167.
4. Липатов, А. В. Сталинград – Волгоград: История переименования города-героя 10 ноября 1961 г. / А. В. Липатов // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та, 2017. – С. 209–215.

5. Чирин, В. Как 27 лет назад Ленинград переименовали в Петербург и почему город чуть не остался с советским названием [Электронный ресурс] / В. Чирин // Бумага. – 2018. – 6 сент. – URL: <https://paperpaper.ru/kak-27-let-nazad-leningradpereimenoval/>

УДК 323

ПРИЧИНЫ ШКОЛЬНЫХ БУНТОВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

А. Д. Степашина
stepashina69@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин школьных бунтов в России в начале XX в. В работе поднимается вопрос о системе среднего образования на рубеже веков, ее влиянии на повседневную жизнь гимназистов. После смены правительственного курса с либерального на консервативный в жизни учеников гимназий появились запреты и наказания. Эти явления, прежде несвойственные гимназической жизни, вызвали недовольство среди учащихся и привели к активным действиям с их стороны во время начавшейся революции.

Ключевые слова: Устав гимназий, недовольство учащихся, надзор, гимназические волнения, школьная смута, революция.

UDC 323

THE REASONS FOR SCHOOL RIOTS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY IN RUSSIA

A. D. Stepashina
stepashina69@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article deals with the causes of school riots in Russia at the beginning of the XX century. The paper raises the question of the system of secondary education at the turn of the century, its impact on the daily life of high school students. After the change of the government course from liberal to conservative, bans and punishments appeared in the lives of high school students. These phenomena, previously uncharacteristic of high school life, caused discontent among the students and led to active actions on their part during the beginning of the revolution.

Keywords: Charter of gymnasiums, discontent of students, supervision, gymnasium unrest, school turmoil, revolution.

В начале XX в. в средних учебных заведениях Российской империи происходили ученические выступления, ставшие заметным явлением в общественно-политической жизни страны. Они выражались в протестах, массовых акциях, создании нелегальных организаций, кружков, а также в непослушании учащихся

и предъявлении требований педагогическому составу. Современники называли волнения учащихся «школьной смутой» или «среднешкольным движением» [3, с.16; 4, с.11]. Внимание исследователей к событиям активизировалось в постсоветский период [2; 6; 7]. В данной статье мы остановимся на анализе причин школьной смуты.

Еще В. Динзе отмечал, что одна из причин ученического неповиновения кроется в самой системе среднего образования Российской империи. Во второй половине XIX в. в ней происходили серьезные изменения. А новшества зачастую не только изменяли систему, но и приводили к негативным последствиям. По мнению В. Динзе, Устав гимназий 1864 г. был своего рода компромиссом между классическими и реальными гимназиями [3, с. 42]. Классические гимназии являлись традиционными для России, а появление реальных было обусловлено серьезными изменениями в стране, в частности – развитием промышленности, что предполагало развитие точных наук [3, с. 30–31]. Реальные гимназии должны были обеспечить подготовку специалистов в этой сфере, что, по мнению С. Знаменского, соответствовало западным веяниям в системе образования [4, с. 115].

При разработке Устава 1864 г. основную работу выполнил сторонник либеральных взглядов А. В. Головнин, ориентированный на европейский опыт. После покушения Д. Каракозова на Александра II, либеральный курс был свернут. Министром народного просвещения был назначен граф Д. А. Толстой один из идеологов российского консерватизма. Он предложил новые реформы в системе среднего образования. Так появился гимназический устав 1871 г.

Отметим, что Устав 1871 г. предполагал решение многих проблем, с которыми столкнулись в гимназиях. Прежде всего, это недостаточное внимание к воспитательной работе. Консерваторы полагали, что это была одна из причин увлечения молодежи радикальными идеями. Одним из новшеств устава 1871 г. стал институт классных наставников из числа учителей. На них возлагалась воспитательная функция подрастающего поколения [8, п. 61]. Воспитатель должен был осуществлять надзор за учениками и следить за их настроениями [8, п. 62]. Ужесточение контроля над учащимися можно увидеть в правилах для учеников гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения и правилах о взысканиях, являвшиеся дополнениями к уставу 1871 г. [9; 10]. Учеников обязывали носить школьную форму даже во внеурочное время, им не разрешалось выходить на улицу после 7 часов вечера, запрещалось посещать театры, библиотеки, кружки, кофейни и другие увеселительные места [9, п. 35, 36, 39]. Учащихся могли исключать из гимназий по надуманным причинам, например, непонравившийся взгляд ученика, безобидный жест или ответ на замечание [10, п. 11]. Таким образом, установилась жесткая система контроля над учащимися, которая должна была препятствовать распространению среди гимназистов радикальных взглядов. Но она не смогла взять под контроль их настроения, была негативно воспринята учащимися, что впоследствии привело к школьной смуте.

В дальнейшем министры народного просвещения часто менялись, что способствовало колебанию курса в системе образования. Оказалось невозможным

определить единое направление в развитие российской системы гимназического образования, что отрицательно сказывалось на его эффективности. В итоге в XX столетие российская средняя школа вступила с рядом нерешённых проблем [5, с. 7]. Старая система классического образования перестала устраивать всех – родителей, учащихся, прессу. Как пишет Н. С. Ватник, ее открыто критиковали за отсутствие индивидуального подхода, отсутствие связи с семьей, чрезмерный контроль учащихся вне стен школы, за низкий уровень подготовки выпускников [5, с. 4].

Еще одну причину школьных бунтов исследователи связывают с повседневной жизнью учащихся [4, с. 47]. Гимназистов того времени интересовала не только учеба и перспектива поступления в университет или институт, в свободное от занятий время они любили развлекаться. Многие увлекались театром, литературой, музыкой, спортом, любили отдыхать и проводить время с друзьями. Однако условия Устава 1871 г. поставили это все под запрет, что приводило к определенным ограничениям в повседневной жизни. Как отметил Ю. В. Бушмаков, важную роль в формировании личности школьника и его настроений, играла не гимназия и изучаемые дисциплины, как это было раньше, а круг общения учащихся или же товарищество [1, с. 120]. Именно это формировало у учеников определенные взгляды, традиции, умение слушать своих товарищей, высказывать свое мнение и считаться с чужим. Система среднего образования перестала справляться со своей воспитательной функцией, т. к. переместила всё внимание и ресурсы на контроль и надзор за учащимися гимназий во избежание каких-либо выступлений. Она утратила возможность как-то влиять на мировоззрение и жизненные взгляды гимназистов. И тогда настроения учащихся стали формироваться при помощи других внешних факторов [1, с. 115]. Гимназисты находились под надзором, были ограничены в своих действиях вне школы и лишены права распоряжаться своим свободным от учебы временем. Это все накапливалось у учащихся, пока не достигло пика и не вылилось в гимназические восстания [1, с. 113].

Важной причиной выхода гимназических недовольств в мир в качестве восстаний, протестных акций и любых других активных действий, по мнению Н. С. Ватника, стал феномен революции 1905 г. Именно события 9 января 1905 г. положили начало школьной смуте [2, с. 114]. Гимназисты понимали, что терпеть дальше запреты в повседневной жизни и контроль за каждым шагом в школе невозможно. И произошедшее событие стало благоприятным моментом для выступлений и активных действий. Гимназисты стали создавать нелегальные организации и кружки. В части кружков занимались обсуждением теоретических вопросов и просветительством, а в другой стремились вовлечь молодежь в практическую революционную работу. Гимназисты выдвигали такие требования, как изменение школьной программы, отмена излишнего, с их точки зрения, внешкольного надзора, отмену обысков, унижительных наказаний, обязательных богослужений, а также получение разрешения на различную внешкольную деятельность организацию кружков, родительских комитетов [6, с. 159].

Таким образом, можно выделить ряд причин недовольств учащихся гимназий в начале XX в. Первой причиной является то, что система среднего образования на рубеже XIX–XX вв. зашла «в тупик» и не могла решать назревшие вопросы, а также выполнять воспитательную функцию. В связи с чем, школа упустила возможность влиять на формирование личности учащихся гимназий и их настроения. Из этого вытекает следующая причина, т.к. для сдерживания недовольств система среднего образования ввела чрезмерные меры по надзору и контролю за учениками, то вызвала негативное отношение к ней гимназистов. Они хотели жить своей обычной жизнью без чрезмерного контроля, иметь возможность собираться вне школы, не бояться исключения из гимназии за малейшую провинность. Отправной точкой в открытых выступлениях стала Революция 1905 г. Гимназисты решили активно действовать для достижения своих целей. Указанные причины взаимосвязаны и взаимозависимы. При наличии у системы среднего образования четкого курса, она могла бы взять контроль над учениками без крайних мер и во многих вопросах смогла пойти на встречу учащимся.

Библиографический список

1. Бушмаков, А. В. Повседневность провинциальных гимназистов в начале XX века / А. В. Бушмаков // Южно-рос. журн. социал. наук. – 2006. – № 3. – С. 118–131.
2. Ватник, Н. С. «Школьная смута» 1905 г. как феномен революции / Н. С. Ватник // Рос. история. – 2016. – № 4. – С. 113–118.
3. Динзе, В. Очерки по истории среднешкольного движения / В. Динзе. – СПб., 1909.
4. Знаменский, С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 и их значения / С. Знаменский. – СПб., 1909.
5. Перцев, В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века / В. В. Перцев // Концепт. – 2003. – № 1. – С. 1–7.
6. Тебиев, Б. К. Студенческая и учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг. / Б. К. Тебиев // Высш. образование в России. – 2017. – № 2. – С. 157–168.
7. Ушаков, А. В. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. / А. В. Ушаков, О. А. Образцова. – М., 1999.
8. Устав гимназий и прогимназий министерства народного просвещения 1871 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13668> (дата обращения: 12.02.2021.)
9. Правила для учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения [Электронный ресурс]. – URL: <http://glukhov-gymnasien.com/?id=112> (дата обращения: 15.02.2021).
10. Правила о взысканиях (1874 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://glukhov-gymnasien.com/?id=117> (дата обращения: 15.02.2021).

УДК 94(47).084.3

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТА)

С. Н. Степочкин
roki18991945@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Статья посвящена становлению системы советской пропаганды на примере Российского телеграфного агентства. Рассматриваются истоки и причины организации РОСТА. Анализируется структура и функции данного агентства. Дается оценка эффективности советской пропаганды в первые годы советской власти.

Ключевые слова: гражданская война в России, советская пропаганда, пропаганда, агитация, Российское телеграфное агентство, РОСТА, информационное агентство.

UDC 94(47).084.3

THE FORMATION OF THE SOVIET PROPAGANDA SYSTEM DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR (BY THE EXAMPLE OF ROSTA)

S. N. Stepochkin
roki18991945@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Annotation. The article is devoted to the formation of the Soviet propaganda system on the example of the Russian Telegraph Agency. The origins and causes of the organization of ROSTA are considered. The structure and functions of this agency are analyzed. The article evaluates the effectiveness of Soviet propaganda in the first years of Soviet power.

Keywords: Russian Civil War, Soviet propaganda, propaganda, agitation, Russian Telegraph Agency, ROSTA, news agency.

Противостояние идеологий красного и белого движения вызывает большой интерес, ведь боевые действия велись на территории одной страны и во многом схожим этнически населением. Кто сумел привлечь больше людей к себе и грамотно направить их, тот и побеждает. Пропаганда – это самое яркое воплощение идеологии противоборствующих сторон. Лидеры белого движения довольно

поздно начали задумываться о создании собственных пропагандистских структур, по сути, оставляя эту важную работу на местных газетах. Большевики же, напротив, захватив власть, были вынуждены с первого дня заняться агитацией среди населения для удержания своих позиций. Начав свою историю как революционная партия они уже знали, что такое агитационно-пропагандистская деятельность и активно ей пользовались. Пускай не сразу, но большевики всё-таки сумели создать мощную и монолитную систему пропаганды, которая успешно справлялась с новыми вызовами достаточно долгое время. Принципы и особенности советской пропаганды были заложены именно в период гражданской войны.

Основными средствами распространения агитации и пропаганды в те годы были – газеты, плакаты и листовки. Однако они в свою очередь брали информацию и зачастую распространялись специальными осведомительными агентствами. Наибольший интерес из них представляет советское – российское телеграфное агентство (далее – РОСТА). Созданная на базе Петроградского телеграфного агентства (далее – ПТА) оно являлось крупнейшим отечественным информационным учреждением времён гражданской войны.

Свои истоки РОСТА берёт ещё в 1904 году, когда было основано Санкт-петербургское телеграфное агентство (далее – СПТА). Оно являлось первым официальным информационным агентством России и было создано благодаря усилиям нескольких министерств – Министерству финансов, Министерству внутренних дел и Министерству иностранных дел Российской империи. 21 июля 1904 года проект подписал Николай II, а уже в сентябре этого же года СПТА начало свою деятельность. С началом первой мировой войны учреждение переименовывают в – Петроградское телеграфное агентство и уже с таким названием оно встречает революцию.

7 ноября 1917 года задание ПТА занимает отряд балтийских моряков по командование комиссара Военно-революционного комитета Леонида Старка. В этот же день новость о революции расходится по всему миру. Придя к власти большевики сразу пытаются установить информационный контроль, 9 ноября издаётся Декрет о печати, фактически нарушавший свободу слова и нацеленный на ликвидацию буржуазной печати [2, с. 57–58]. Мотивировалось это тем, что в печать в руках буржуазии может угрожать завоеванием революции, а также подчёркивалось временность этого постановления.

Необходимость иметь полную информацию о текущих событиях заставила советское правительство декретом от 1 декабря 1917 г. возложить на ПТА функции центрального информационного учреждения при СНК [3, с. 79]. Однако его деятельность ослабляли нелояльные члены ПТА, часть старых кадров либо отказалась сотрудничать, либо переходили на службу в иностранные государства.

Серьёзно же взяться за создание системы пропаганды, большевиков заставили поражения 1918 года. 7 сентября принимается постановление ВЦИК о создании Российского телеграфного агентства теперь именно оно является центральным советским информационным органом [4, с. 62–63]. Ему начинают подчиняться с этого момента независимые провинциальные информационные

учреждения. На РОСТА были возложены обязанности по обеспечению периодической печати, партийных и советских органов оперативной информацией о происходящем на фронте и в тылу. В составе агентства организуются десять отделов: литературно-агитационный, инструкторский, художественно-фотографический и др.

Бурная деятельность, развернувшаяся во всех звеньях РОСТА способствовала его расширению с 42 местных отделений в 1919 году, до 474 корреспондентских пункта и отделения и 7 краевых объединений в 1922 году [5, с. 81–82].

На 1-м всероссийском съезде сотрудников РОСТА было принято решение об реорганизации губернских отделений в единые организационно-пропагандистские, информационно-агитационные и административно-хозяйственные учреждения [3, с. 98].

Структура местных отделений РОСТА включала информационный, инструкторско-иногородный, справочный, агитационно-художественный и библиотечный отделы. Информационные отделы состояли из редакций, информационных подотделов, выпускающих вестники новостей для губернских и уездных газет. Подотделы хроники заведовали всей корреспондентской сетью и систематизировали полученные от хроникеров сведения. Справочные отделы занимались разъяснением и толкованием декретов, распоряжений и постановлений органов советской власти. Значительную часть корреспондентов агентства составляли сотрудники органов РКП(б) и работники советов [3, с. 98]. Эта особенность была свойственна для всех пропагандистских учреждений советской власти.

Однако качество работы было не равномерным из-за отсутствия большого количества опытных кадров. В армии сотрудники РОСТА работали в качестве военных корреспондентов. Они освещали боевые действия Красной Армии, быт красноармейцев и жизнь в прифронтовой полосе. Сотрудничая с различными военными организациями корреспонденты получали эксклюзивную информацию [3, с. 98].

Главная задача большевистских газет, выходящими под крылом информационного агентства, заключалась в пропаганде коммунистических принципов. И сами газеты этого не скрывали. Советские газеты последовательно оправдывали множество мифов [3, с. 184].

Один из таких мифов – прогрессивная роль Великой Октябрьской социалистической революции, освобождение угнетённых масс населения от эксплуататорских классов. Советская форма правления в данном виде представлялась как воплощение воли народа [3, с. 184].

Мировая революция тоже была одним из составных частей большевистского мифа. Писалось что большинство рабочих и крестьян поддерживали мировую революцию, а западные угнетённые пролетарии ждали помощи красной армии. Однако после неудачи в советско-польской войне газеты стали заявлять о том, что советская власть стремится к мирным отношениям с капиталистическими странами, хотя и повестка мировой революции не снималась [3, с. 185].

Ответственность за начало гражданской войны советские газеты перекладывали на своих противников. Таким образом они снимали с большевиков ответственность с братоубийственной войны. Массовость войны они объясняли тем, что народ встал на защиту своих прав против своих классовых врагов. Неудачи социальной и экономической политики большевистские журналисты списывали на происки внутренних и внешних врагов [3, с. 185].

Стоит сказать, что деятельность советской пропагандистской системы была довольно эффективной – это можно понять по численности Красной Армии в сравнение с белой. Историк Е. З. Волков приводит численность красных на 1 сентября 1920 года в 3 538,0 тыс. человек, в период расцвета белогвардейского движения численность белой армии не превышала 682,0 тыс. человек, а с обслуживающим персоналом гарнизонами, штабами, санитарно-врачебными военными организациями и прочим эта численность может быть доведена до 1 023,0 тыс. человек [1, с. 184]. Конечно, не только пропаганда влияла на численность вооружённых формирований противоборствующих сторон, однако она играла важную роль в этом.

Таким образом советская система агитации и пропаганды начала формироваться с первых же дней прихода к власти большевиков. Однако по началу деятельность информационного агентства была довольно неэффективна из-за отсутствия большого числа квалифицированных кадров, саботажа бывших сотрудников ПТА и независимости провинциальных информационных учреждений. Поражения 1918 года заставили советское руководство пересмотреть свою стратегию и на основе ПТА сформировать новое информационное агентство – РОСТА. Российское телеграфное агентство в свою очередь стало центральным информационным органом, проблема лояльности была решена за счёт того, что значительная часть сотрудников были членами РКП(б). Проблема малого количества опытных сотрудников не могла быть решена в кратчайшие сроки, существовали местные отделения как с хорошо подготовленным составом, так и с неопытными авторами, что сказывалось на конечном результате, хотя это старались компенсировать энтузиазмом.

Тем не менее РОСТА стало мощным и монолитным учреждением, которое развернуло по всей стране успешную агитационно-пропагандистскую деятельность. Оно умело преподносило населению мифы, переплетённые с правдой. Впоследствии место РОСТА займёт более знаменитое Телеграфное агентство Советского Союза, однако свои корни ТАСС не забывает до сих пор.

Библиографический список

1. Волков, Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е. З. Волков; Предисл. С. Г. Струмилина. – М.; Л., 1930.
2. Декрет о печати. 27 октября (9 ноября) 1917 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. – М., 1972.

3. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (ноябрь 1917–1920 г.) / Л. А. Молчанов. – М., 2002.
4. О Российском телеграфном агентстве (РОСТА): Постановление Президиума ВЦИК от 7 сент. 1918 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. – М., 1972.
5. Овсепян, Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – 90-е гг.): Учеб. пособие / Р. П. Овсепян. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

**ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021**

ТГУ
им. Л. Н. Толстого

Секция 6

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИК
В ПРОСТРАНСТВЕ
НАУКИ**

УДК 93/94

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ОТ ОБОБЩЕНИЯ К АНАЛИЗУ

А. А. Гукин

AlexanderGukin1996@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается проблема современной историографии истории российского предпринимательства в пореформенную эпоху. В статье предпринята попытка обобщения историографических трудов по проблеме истории отечественного предпринимательства и их классификация на основе подходов исторического исследования.

Ключевые слова: историография, предпринимательство, кризис исторической науки, макроисторический подход, микроисторический подход.

UDC 93/94

HISTORIOGRAPHY OF BUSINESS HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES: FROM GENERALIZATION TO ANALYSIS

A. A. Gukin

AlexanderGukin1996@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines the problem of modern historiography of the history of Russian entrepreneurship in the post-reform era. The author of this article attempts to generalize historiographic studies on the problem of the history of entrepreneurship in the Russian Empire. The author of this article attempts to classify these studies by approaches of historical research.

Keywords: historiography, business, crisis of historical science, macrohistorical approach, microhistorical approach.

Исследовательский интерес к теме российского предпринимательства пореформенной эпохи остаётся высоким на протяжении последних десятилетий. Так как на современном этапе развития исторической науки происходят процессы интенсификации исследовательской деятельности, за последние десятилетия был создан обширный массив работ по проблеме отечественного предпринимательства, и, таким образом, был накоплен такой объём научного знания, при

котором стала необходима его систематизация. Научное сообщество имеет сильную потребность в обобщении историографического опыта историков предпринимательства.

Историки, занимающиеся вопросами истории исторической науки, в своих исследованиях решают важную задачу составления целостной картины развития исторической науки. Подавляющее большинство работ по историографии истории предпринимательства появилось на современном этапе развития исторической науки. Это объясняется тем, что в дореволюционной историографии тема российского предпринимательства исследовалась преимущественно с точки зрения статистики. Накопление и обобщение статистических данных – это лишь первый, ранний этап научного исследования, который, однако, прервался с приходом Советской власти. В 1920-х гг. ещё была популярна идея издания истории предприятий, заводов и фабрик. Однако, уже к середине 1920-х гг. интерес к данной теме снизился, а к концу десятилетия исследования в данном направлении прекратились.

После этого в советской историографии попытки исследования предпринимательства ограничивались рамками темы «развитие капитализма в России», т. е. предпринимательство рассматривалось, в первую очередь, через призму классовых отношений. Персоналии и торгово-промышленные династии в советский период практически не изучались [5, с. 1–6]. Это связано с особенностью марксистского подхода к историческому знанию, в котором объективные законы исторического развития имеют примат над проявлениями личностного начала.

В 1950–1960-х гг. в советской историографии стала популярной тема процессов монополизации в российской промышленности. Появились работы по проблемам концентрации производства, акционирования, образования картелей и синдикатов. Исследования 50-х и 60-х гг. XX в. не затрагивают предпринимательство напрямую.

Активное исследование предпринимательства началось на рубеже 80-х и 90-х гг. XX века. Коренные изменения в отечественной исторической науке позволили исследователям начать активно разрабатывать тему предпринимательства. Таким образом, именно на рубеже XX и XXI вв. историки исторической науки получили возможность серьёзно заняться проблемой историографии истории российского предпринимательства.

Работы по историографии истории предпринимательства целесообразно разделить на несколько групп. Группы образованы по методологическому принципу. Первая группа работ освещает историографию исторических трудов, написанных с применением макроисторического подхода.

Среди современных работ по историографии экономической истории России стоит отметить статью В. В. Волкова, который рассматривает историографию вопроса экономической модернизации России в XIX в [6]. В данной статье рассматриваются исследования, затрагивающие как государственное, так и частное предпринимательство.

Динамику изменения подходов историков к вопросу политического самоопределения российских предпринимателей затрагивает в своей статье

Р. Ю. Мальцев [15]. Автор рассматривает проблему восприятия советскими и современными историками политической активности отечественных предпринимателей в начале XX века.

Н. Д. Борщик в своей статье показывает процесс изменения взглядов отечественных историков на проблему предпринимательства в России XIX века [5, с. 1–6]. Автор проводит краткий анализ различных точек зрения на предпринимательство и показывает влияние в XX веке государственной идеологической доктрины на исследования в данной области. Несмотря на небольшой формат, данная статья имеет широкий хронологический охват.

Вторую группу образуют исследования, посвящённые историографии предпринимательства на региональном уровне. Данные работы занимают промежуточную позицию между макро- и микро- подходами исторического исследования. Среди историков исторической науки проявилось стремление обобщить труды, затрагивающие не общероссийский, а региональный уровень.

Регионалистская альтернатива глобальной историографии в последние десятилетия стала особенно актуальной. Это связано со спецификой развития исторической науки. Появление статей, посвящённых отдельным проблемам – это попытка преодолеть дробность исторического знания. Историки исторической науки смогли зафиксировать данное явление, а появление историографических обзоров подобных работ свидетельствует о расширении данной тенденции.

В современной российской историографии уже имеются специальные обобщающие работы по историографии предпринимательства XIX–XX вв. по отдельным регионам Российской империи [17]. Стоит отметить, что особенно хорошо исследована такая тема как историография предпринимательства Сибири. Сибирская школа экономической истории добилась наибольших успехов в деле обобщения исследовательского опыта. Однако историографическое обобщение истории сибирского предпринимательства находится на начальном этапе.

По другим регионам также существует работы по историографии истории предпринимательства пореформенного периода. Труд И. В. Сахневич, посвящен Центрально-чернозёмному региону, хотя и выделяется довольно узким хронологическим охватом – начало XX в. [18, с.1–9]. В данной работе рассматривается только торговое предпринимательство, кроме того, работа И. В. Сахневич, написана, главным образом, по материалам Курской губернии.

Историографию предпринимательства Центрального региона затрагивает статья Н. А. Биленко. В данном исследовании автор проводит анализ историографических трудов, посвящённых товарному рынку Тульского региона как неотъемлемой части всероссийского рынка [4, с. 47–57]. Автор уделяет внимание методологическим основам региональных историографических исследований.

Также среди исследований, связанных с региональным подходом, стоит выделить статьи И. И. Мингалеева и А. И. Мухамадеева [17]. В данных статьях выявлены основные историографические оценки роли предпринимательства в экономическом развитии отдельно взятого города. Данное исследование проведено на примере Казани – крупного центра торговли. Авторы систематизировали

основные публикации, затрагивающие предпринимательство Казани в рассматриваемый период.

Н. Н. Машновская в своей статье анализирует работы, связанные с таким сравнительно новым направлением в отечественной историографии как история ментальности [16, с. 16–24]. Автор подводит итоги изучения историками менталитета сибирского купечества конца XVIII – начала XX в.

О. Г. Климова в своей статье уделяет внимание проблеме историографии истории предпринимательства в Сибири [12]. Автор приходит к выводу о недостаточной степени изученности историографии истории предпринимателей в данном регионе при наличии обширного материала для исследований подобного рода.

Интересен опыт изучения вклада отдельных ученых-историков в исследование предпринимательства рассматриваемого периода [13; 11, с. 133–139]. В исследованиях подобного рода рассматривается взгляд на историографию через призму деятельности конкретного историка. В подобных статьях рассматриваются такие вопросы как проблематика публикаций, методы исследований, а также области научного интереса учёных-историков [10].

Некоторые исследования по историографии истории предпринимательства могут затрагивать методологические проблемы. М.С. Ермолаев в своей статье анализирует подходы к определению термина «рынок» (в значении «рыночное хозяйство») с целью выявления направлений дальнейшего изучения экономики Западно-Сибирского региона во второй половине XIX века [9, с. 59–62].

Часть исследований по истории историографии предпринимательства затрагивают вопросы изучения историками тех или иных видов источников. М. А. Смирнова в своей статье рассматривает вопрос вовлечения историками в научный оборот и использования мемуарных свидетельств представителей петербургского купечества [19, с. 27–31].

На современном этапе развития исторической науки значительная часть историков использует микроисторический подход при проведении исследований по истории предпринимательства. Подобные исследования также привлекают внимание историков, изучающих историографию истории предпринимательства. Одной из отличительных черт современной исторической науки является повышенный интерес к персоналиям, что не было свойственно советской исторической науке. Данные исследования образуют третью группу в классификации.

Например, С. Е. Агеев в своей статье рассматривает историографию, посвящённую деятельности известных русских промышленников С. И. Мальцова и Т. С. Морозова [1]. А. С. Дикун в своей статье анализирует историографию становления предпринимательства в Сибири на примере купеческой династии Сибиряковых [8, с. 16–21]. Автор изучает эволюцию взглядов историков на роль купеческих династий в экономике Сибирского региона. М. Л. Гавлин в своей работе анализирует серию научных обзоров предпринимательских династий России на страницах информационных изданий Института научной информации по общественным наукам РАН [7, с. 149–156]. Автор приходит к выводу о важном значении обзоров деятельности предпринимательских династий в процессе

отхода от издержек марксистской историографии, которая обезличивала предпринимательский слой и затрудняла изучение его особенностей.

Особняком стоят работы, посвящённые историографическому осмыслению научных исследований, в которых рассматривается предпринимательство в связи с этноконфессиональным фактором. К примеру, ряд авторов изучают историографию истории старообрядческого предпринимательства. Диссертация Е. А. Архиповой на соискание учёной степени кандидата исторических наук посвящена анализу эволюции взглядов историков на предпринимательство в старообрядческой среде [3]. В частности, Е. А. Архипова рассматривает формулирование отечественными историками проблемы влияния старообрядчества на развитие российской экономики [2, с. 240–247].

Обзор историографии истории предпринимательства позволяет сделать вывод о перспективности данного направления для историков исторической науки. Особенный интерес представляют собой обобщения исследований региональной тематики. Тем не менее, для формирования целостной картины развития исторической науки исследований по историографии истории предпринимательства ещё недостаточно много, что даёт исследователям, занимающимся данной проблематикой обширное поле для работы.

Библиографический список

1. Агеев, С. Е. Историография деятельности частных русских промышленников второй половины XIX века на территории Центральной России / С. Е. Агеев // Вестн. Брян. гос. ун-та. – Брянск, 2014.
2. Архипова, Е. А. Из истории изучения роли старообрядцев в развитии экономики России (конец XIX – начало XX в.) / Е. А. Архипова // Вестн. РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – С. 240–247.
3. Архипова, Е. А. Старообрядческое предпринимательство в российской историографии середины XIX – начала XXI в.: Дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Архипова. – М., 2013.
4. Биленко, Н. А. Историография местного товарного рынка Тульской губернии второй половины XIX века / Н. А. Биленко // Университет XXI века: научное измерение. Исторические исследования. – 2017. – С. 47–57.
5. Борщик, Н. Д. История российского предпринимательства в отечественной историографии: Традиции и современные тенденции / Н. Д. Борщик // Науч. вестн. Крыма. – 2019. – № 3 (21). – С. 1–6.
6. Волков, В. В. Экономическая модернизация России XVIII – начала XX в. в современной отечественной историографии / В. В. Волков // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – 2007. – Сер. 2. – Вып. 1.
7. Гавлин, М. Н. История династии российских предпринимателей до 1917 г. в информационных изданиях ИНИОН РАН / М. Н. Гавлин // Теория и практика общественно-науч. информации. – 2002. – С. 149–156.

8. Дикун, А. С. Деятельность купеческой династии Сибиряковых в отечественной историографии / А. С. Дикун // *Norwegian Journal of development of the International Sciences*. – Norway. Oslo. – 2019. – № 35. – Vol. 3. – С. 16–21.
9. Ермолаев, М. С. Исследовательские подходы и возможности изучения рынка Западной Сибири середины XIX – начала XX в. / М. С. Ермолаев // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. – 2009. – № 4(8). – С. 57–62.
10. Климова, О. Г. Вклад профессора В. П. Бойко в изучение отечественного предпринимательства и истории купечества Сибири / О. Г. Климова // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. – 2019. – № 58.
11. Климова, О. Г. История предпринимательства в Сибири в научных трудах Юрия Михайловича Гончарова / О. Г. Климова // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История*. – 2017. – Т. 22. – С. 133–139.
12. Климова, О. Г. Этапы историографического освоения истории предпринимательства в Сибири второй половины XIX – начала XX века / О. Г. Климова // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. – Тамбов, 2020.
13. Климова, О. Г. Вклад Александра Владимировича Старцева в изучение истории предпринимательства дореволюционной Сибири / О. Г. Климова // *Изв. АлтГУ. Исторические науки и археология*. – 2018. – № 2 (100).
14. Климова, О. Г. Вклад Рабиновича в изучение истории буржуазии дореволюционной Сибири / О. Г. Климова, В. А. Скубневский, Г. Х. // *Изв. АлтГУ. Исторические науки и археология*. – 2019. – № 5 (109).
15. Мальцев, Р. Ю. Отечественная историография о политическом самоопределении российских предпринимателей в начале XX в. / Р. Ю. Мальцев // *Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова*. – 2006. – № 6.
16. Машновская, Н. Н. Проблема структуры менталитета сибирского купечества конца XVIII – XX века в современной историографии / Н. Н. Машновская // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. – 2010. – № 18 (199). – История. – Вып. 41. – С. 16–24.
17. Мингалеев, И. И. Отечественная историография о значении предпринимательства в торгово-промышленном развитии Казани пореформенного периода / И. И. Мингалеев, А. И. Мухамадеев // *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2013. – № 1–2.
18. Сахневич, И. В. Торговое предпринимательство в Центральном Черноземье в начале XX в.: Историография проблемы / И. В. Сахневич // *Уч. зап.: Науч. журн. Курск. гос. ун-та*. – 2017. – № 1 (41). – С. 1–9.
19. Смирнова, М. А. Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII – начала XX в. в новейших отечественных исследованиях по истории предпринимательства и купечества / М. А. Смирнова // *Библиосфера*. – 2011. – № 1. – С. 27–31.
20. Шиловский, М. В. Вклад Л. М. Горюшкина в изучение истории Сибири конца XIX – начала XX в. / М. В. Шиловский // *Ист. курьер*. – 2018. – № 1.

УДК 94(3)

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОСПОРА
В III ВЕКЕ н.э. В СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

М. А. Малинин

malinin.maxim.a@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Статья посвящена основным направлениям отечественной историографии по социально-экономическому развитию Боспора в III веке н.э. Автор подробно рассматривает концепции исследователей, отдельные направления историографии и базовые факты социально-экономической истории Боспорского царства указанного времени.

Ключевые слова: варвары, готы, Боспор, торговля, экономика, кризис.

UDC 94(3)

**PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF BOSPORUS IN THE III CENTURY AD
IN CONTEMPORARY NATIONAL HISTORIOGRAPHY**

M. A. Malinin

malinin.maxim.a@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the main directions of national historiography on the socio-economic development of the Bosporus in the III century AD. The author examines in detail the concepts of researchers, individual areas of historiography and basic facts of the socio-economic history of the Bosporus kingdom of the specified time.

Keywords: Barbarians, goths, Bosporus, trade, economy, crisis.

В III веке н. э. в истории Боспора наблюдаются кризисные явления, отразившиеся на социально-экономическом развитии государства. Углублению кризиса способствовали варварские нашествия, которые затронули территорию Боспорского царства. В отечественной историографии эти нашествия получили название «готских» или «скифских» войн.

В отечественной историографии существует ряд предположений о путях проникновения готов на Боспор. Например, Виктор Францевич Гайдукевич,

подразумевавший под боранами готов, высказал гипотезу, согласно которой первая группа варваров, завладев Танаисом в 251 году, через Меотиду проникла на Боспор, а вторая – проникла в Тавриду с севера [7, с. 443].

Другую гипотезу проникновения германцев на территорию европейского Боспора обозначили Дмитрий Борисович Шелов, Татьяна Николаевна Высотская и Александр Ильич Айбабин. По их мнению, после разграбления территорий Римской империи, готы по суше достигли границ Боспорского царства через Крымский полуостров [1, с. 32; 6, с. 187; 15, с. 302]. Вторгнувшись, варварские орды, принялись грабить города и сельскую местность европейского Боспора. Однако В.Д. Блаватский отмечает, что населённые пункты азиатского Боспора не пострадали [2, с. 208]. Такому положению дел, не противоречат археологические материалы, которые отражают силу вторжения и его плачевные влияния на экономику древнего государства [1, с. 37].

Еще одну гипотезу проникновения германцев (боранов) на Боспор разработал С. В. Ярцев. По мнению исследователя, вместо того, чтобы с боями прорываться на Боспор через сухопутные системы укреплений, варвары попали к своей цели исключительно по воде, но миновав при этом, путь вдоль побережья Крыма. Двигаясь от устья Дуная на малых судах вдоль морского побережья, они поднялись вверх по Днепру и одному из его притоков с волоком в бассейн Северского Донца быстро выйдя к Танаису и на просторы Меотиды [16, с. 22].

Говоря о вторжении германцев на Боспор А.И. Айбабин, на примере городищ Семёновки, Мирмекии, Тиритаки, Китее, Илурате, Зеноновом Херсонесе отмечает, что малые населённые пункты варваров не интересовали, и жизнь на территориях этих поселений не прекращалась [1, с. 33]. Однако готское вторжение, по утверждению В. Ф. Гайдукевича [8, с. 68–69] и А. В. Зинько [9, с. 106–110], не прошло для малых населённых пунктов без следа. Примером такому положению дел, согласно работе А. В. Зинько., может служить прекращение функционирования рыбоперерабатывающих комплексов во второй половине III в. в Мирмекии и Тиритаке [9, с. 106–110].

Надо отметить, что дальнейшие разорения и разрушения городов и сельских поселений Европейского Боспора готами приводят к обострению кризисных явлений в экономике и изменению социальной структуры государства в сторону его упрощения. В это время, по мнению Николая Николаевича Болгова население Боспора делилось на три крупных слоя. Первым привилегированным слоем населения являлись знатные варварские фамилии, имевшие крупные земельные наделы и составлявшие основу боспорской армии. Вторым – разношёрстные жители городов, которые входили в группы городских купечеств, ремесленников, торговцев и т. д. Из этого слоя формировалось боспорское ополчение. Последний слой составляли пелаты и свободные землевладельцы, выходцы, как из греческой, так и варварской среды [4, с. 88–89; 3, с. 251].

Вторжение варваров привело к упадку сельского хозяйства Боспора, которое являлось основой экономики государства. Данные негативные тенденции вынудили города постепенно перекалцифицироваться из общественных и ремес-

ленно-торговых центров в аграрно-ремесленные, что сказалось на объёмах торговли между сельской округой и городами [11, с. 9]. Исследователи Боспора Ирина Тимофеевна Кругликова и Владимир Дмитриевич Блаватский делают такой вывод на основе археологического анализа Пантикапея, в котором во второй половине III века наблюдается увеличение количества зерновых ям и хозяйственных комплексов [2, с. 213–14; 12, с. 127–130].

Александр Александрович Масленников и Н. Н. Болгов в своих работах отмечают крупномасштабное расселение боспорян на безопасные от варваров сельские территории, наряду с миграцией сельского населения в города. По их мнению, в это время продолжали функционировать ряд сельских населённых пунктов в Крымском Приазовье и на побережье Керченского пролива. А. А. Масленников обращает внимание на то, что миграция в эти регионы могла идти из городов, которые подвергались угрозе со стороны готов [14, с. 24, 27, 40–41; 4, с. 59–60].

Н. Н. Болгов отмечает, что в этот период описываемые выше события привели к тому, что уже во второй половине III века окончательно формируются в замкнутые в социально-экономическом плане хозяйственные микрзоны по территориальному признаку [5, с. 101].

На примере рыбозасолочной отрасли А. В. Зинько подтверждает факт существования на территории Боспора промыслов, к данному выводу он приходит, исследуя рыбозасолочные цистерны, находящиеся в Тиритакке [10, с. 177–186]. Однако, по мнению Н. Н. Болгова, масштабы рыбозасолочного промысла значительно сократились [4, с. 66], связано это было с потерей Боспором его флота. Говоря о рыбозасолке, И. Т. Кругликова отмечает, что рыбозасолочные хозяйства в III веке получили распространение и в сельской прибрежной территории [13, с. 154–161].

Таким образом, рассмотрев самые основные работы по проблемам социально-экономического развития Боспора в III веке н. э., можно сказать, что окончательная точка в исследовании этого вопроса не поставлена. Вероятно, в будущем археологические источники позволят более детально осветить и исследовать эту проблему.

Библиографический список

1. Айбабин, А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь: Дар, 1999.
2. Блаватский, В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора / В. Д. Блаватский. – М.: Наука, 1964.
3. Блаватский, В. Д. Античная археология и история / В. Д. Блаватский. – М.: Наука, 1985.
4. Болгов, Н. Н. Закат античного Боспора / Н. Н. Болгов. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1996.

5. Болгов, Н. Н. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. / Н. Н. Болгов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002.
6. Высотская, Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму / Т. Н. Высотская. – Киев: Наук. думка, 1972.
7. Гайдукевич, В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
8. Гайдукевич, В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. / В. Ф. Гайдукевич // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 85. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – С. 9–148.
9. Зинько, А. В. Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н. э. / А. В. Зинько // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. – Керчь, 2005. – Вып. VI. – С. 106–110.
10. Зинько, А. В. Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н. э. / А. В. Зинько // Боспорские исследования. – 2006. – № 11. – С. 177–186.
11. Кругликова, И. Т. Боспор III–IV вв. в свете археологических исследований / И. Т. Кругликова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии. – М.: Наука, 1965. – Вып. 103. – С. 3–10.
12. Кругликова, И. Т. Боспор в позднеантичное время: Очерки экономической истории / И. Т. Кругликова. – М.: Наука, 1966.
13. Кругликова, И. Т. Сельское хозяйство и промыслы / И. Т. Кругликова // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1984. – С. 154–161.
14. Масленников, А. А. Сельская территория Европейского Боспора в Античную эпоху: (Система расселения и этнический состав населения): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. А. Масленников. – М.: Ин-т археологии РАН, 1993.
15. Шелов, Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры / Д. Б. Шелов. – М.: Наука, 1972.
16. Ярцев, С. В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. – 3-я четверть IV в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. В. Ярцев. – Белгород, 2016.

УДК 94(47).084.8

**АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
НАСЕЛЕНИЯ В УЧЕБНИКАХ И КНИГАХ 1946–1954 гг.
(ПОЯВЛЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ТЕМЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ)**

Е. В. Ромашина
elena020599@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье проводится анализ детской учебной литературы по проблеме появления и развития темы семьи в изданиях 1946–1954 гг. Данный анализ позволяет сделать вывод о том, какие ценности прививались детям «послевоенного» десятилетия, и каким образом государство заботилось об институте семьи.

Ключевые слова: послевоенное десятилетие, буквари, книги для чтения, семейные ценности, образ государства.

UDC 94(47).084.8

**ANALYSIS OF THE MANIFESTATION OF STATE SUPPORT
OF THE POPULATION IN TEXTBOOKS AND BOOKS 1946–1954
(RISE AND EXPANSION OF THE THEME OF FAMILY VALUES)**

E. V. Romashina
elena020599@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article analyzes children's educational literature on the problem of the appearance and development of the theme of the family in the editions of 1946–1954. This analysis allows us to draw a conclusion about what values were instilled in children of the "post-war" decade, and how the state took care of the institution of the family.

Keywords: post-war decade, primers, books for reading, family values, the image of the state.

В послевоенное десятилетие активно трансформируется институт семьи в СССР. Почему так происходило? Данные метаморфозы можно объяснить тем, что множество советских граждан мужского пола не вернулись с фронтов Второй мировой войны. Женщины оставались с детьми наедине, часто дети оставались сиротами, и у государства появилась новая задача: сформировать ореол заботы о своих, в первую очередь, младших гражданах. Женщины разных возрастов активно участвовали в восстановлении разрушенных войной районов страны, работая на государственных учреждениях (часто сверх

нормы). Поэтому нужно было создать универсальный образ внимательного наблюдателя-вождя.

Закономерным для всех пособий будет расширение внимания к институту семьи, но с помощью каких механизмов формировали послевоенные семейные ценности, и что это были за ценности? Как государство заботилось о семьях и детях со страниц учебных пособий? Закономерность обращения к теме частной семейной заботы В. Г. Безрогов называет «кризисом сталинской заботы 1943–1948 гг.» [1, с. 17], и происходит он на фоне общего системного кризиса внутри государства. Рассмотрим подробнее, как государство стремилось окружить заботой детей и какие семейные ценности им прививались.

Особую значимость для анализа этой проблемы в учебных пособиях послевоенного десятилетия занимают «Буквари» за авторством Н. А. Костина. Первым стоит проанализировать его букварь 1946 года издания. Начинается он с того, что дети после активного летнего отдыха собираются и приходят в школу, где их ждет учитель. Иллюстрация на с. 12 нам показывает часть ребят, которые прилежно сидят за партами, педагога, который ведет урок и портрет вождя СССР [3, с. 12] – И. В. Сталина, который терпеливо наблюдает за детьми. Его изображение в букваре 1947 года уже исчезает, сменяясь большим количеством правил гигиены, и класс кажется уже пустым без его взора [4, с. 14]. Это можно объяснить некоторым спадом в идеологическом накале, но изображение вождя государства еще не раз окажется перед взором читателя-ребенка. Снова глава государства предстает на специально отведенной для него странице, которая с незначительными изменениями, но переходит из букваря в букварь, протягивая красной нитью идею о том, что И. В. Сталин – «Вождь, друг и учитель» [3, с. 92].

Примечательно, что в конце букваря Н. А. Костина за 1946 год особое место отводится благодарностям в сторону государства: «Спасибо, родная страна! — За детство счастливое наше» [3, с. 96], которые вновь сопровождаются изображением вождя. Так начинается плеяда образов государственной заботы, которые должен увидеть ребенок, занимающийся по этим букварям.

Непосредственно тема семьи наиболее полно начинает раскрываться в букварях Н. А. Костина с 1947 года, когда школьные занятия плавно сменяются помощью детей взрослым при сборе урожая [4, с. 11–13]. Помимо этого, для букварей данного автора единым является текст сказки «Репка», целью которого было донести до детей, что взаимопомощь — главная ценность, к которой нужно стремиться.

В этом же букваре начинает появляться образ идеальной семьи – 4 человека: мама, отец, сын и дочь, который будет поддерживаться в букваре другого автора – С. П. Редозубова [6, с. 49]. Но самым ярким и первым проявлением заботы внутри семьи в букваре Редозубова будет являться иллюстрация в пособии за 1946 год, на которой мама собрала вокруг себя детей и читает им вслух, а они, в свою очередь, с интересом слушают ее [5, с. 18]. Такое изображение не было свойственно букварям более раннего периода, тема семьи в послевоенное десятилетие стала более популярной.

Больше упоминаний о семье содержит букварь С. П. Редозубова за 1949 год. При чем автором пособия явно была поставлена задача воспитать в детях желание помощи взрослым, взаимную заботу в семьях. Например, на с. 74 содержатся текст и визуальный компонент, иллюстрирующий этот текст, повествующий о мальчике, который ходил на рыбалку и принес рыбу для мамы. Ее похвала ребенку и обещание приготовить рыбу осуществляет обратную связь внутри семьи [6, с. 74]. Заботиться детей о своих родных ярко призывает текст со с. 88 «Больная мама» [6, с. 88], в котором говорится о внезапно заболевшей матери и заботе детей о ней. Государство сохраняло таким образом идеальное представление о взаимной заботе внутри института семьи.

Также большое внимание уделялось проявлению заботы о детях со стороны государства, а выражалась она в проявлении любви вождя к детям: «любит детей и заботится о них» [6, с. 95], закреплялся образ единственного источника счастья в его лице: «Радость и счастье твое от него. Сталин – великое имя его!» [6, с. 95].

Из букваря С. П. Редозубова за 1952 год можно понять, что тема семьи и семейной заботы друг о друге расширилась. Помимо текстов и иллюстраций о помощи маме, увеличивается количество текстов о помощи бабушкам. Например, на с. 87 текст повествует нам о заботе бабушки о внуках, а когда та по состоянию здоровья уже не могла проявлять столько заботы, как раньше, ее проявляют внуки по отношению к бабушке [7, с. 87].

Наиболее яркие примеры государственной опеки о детях присутствуют в букварях за авторством А. И. Воскресенской. Например, с. 59 повествует о создании детского дома, где живут сироты: «Этот дом построил Совет. Спасибо Совету!» [2, с. 59]. Букварь Воскресенской примечателен тем, что содержит в себе множество образов государственных деятелей и, наряду с традиционным указанием на благо, исходящее от Сталина: «Да здравствует мудрый вождь и учитель трудящихся Иосиф Виссарионович Сталин!» [2, с. 93], содержится изображение Вячеслава Михайловича Молотова и его характеристика: «друг детей. Он заботится о детях» [2, с. 93]. Такое положение должно было сформировать внутреннее доверие детей к личности и деятельности каждого из них.

Книги для чтения детей также наполнились темой семейной заботы. Например, «Родная речь» за авторством Е. Е. Соловьевой за 1946 год прославляет каждодневные подвиги матерей: «Кто вас, детки, крепко любит, кто вас нежно так голубит, не смыкая ночью глаз, все заботится о вас? – Мама дорогая!» [8, с. 14]. Интересно, что в дореволюционные буквари было включено это стихотворение, потом оно исчезло, и в 1940-е годы авторы вновь решили включить это стихотворение в пособие. Далее в этом пособии происходит плавный переход от темы семьи к описанию образа главы государства, в котором И. В. Сталину приписываются те же характеристики, что и матери: «Споем же, товарищи, песню о самом большом человеке, о самом родном и любимом – о Сталине песню споем!» [8, с. 53]. Такой переход обеспечивает ассоциативную связь заботы вождя и материнской заботы. Это оформляет в голове ребенка отождествление образа семьи и образа государства, что являлось одной из задач государства на тот момент.

Такое положение дел сохраняется и в букваре А. И. Воскресенской за 1950 год, который начинается с портрета И. В. Сталина и фразы «Сталин думает о нас» [9, с. 3], который постепенно сменяется текстами о заботливой семье, детях-помощниках и бабушках.

В букваре того же автора за 1951 год самым ярким проявлением государственной заботы о гражданах является стихотворение о Моссовете: «Моссовет в Москве хозяин. Он заботится о нас: в новый дом переезжаем – он дает в квартиру газ» [10, с. 64], в данном случае благодарность за заботу должна быть направлена не самому главе государства, а Моссовету. Это объясняется тем, что данный текст находится внутри блока «Москва», в котором все тексты и иллюстрации посвящены столице. Однако через образ заботы города о жителях также осуществлялась забота государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изменившийся под влиянием прошедшей Великой Отечественной войны институт семьи требовал особого внимания со стороны государства. В лице вождя И. В. Сталина с детства старались прививать уважение, терпение и заботу о родных. При этом, стоит отметить, что государство стремилось обеспечить формирование положительного образа семьи, в идеале, из 4 человек: отца, матери, сына и дочери, которые обязательно должны были друг о друге заботиться. Дети были главными помощниками по хозяйству, в мелких бытовых делах. Особым вниманием удостоили старшее поколение: в букварях и книгах для чтения содержится множество текстов о заботе бабушек о внуках (и наоборот).

Далее, с развитием учебных пособий, пополнялся и круг тем, о которых государство старалось заботиться со страниц книг: добавилась проблема государственной опеки над сиротами, расширился круг деятелей, которые заботливо смотрели со страниц букварей на читателей, осуществляя тем самым воспитательное воздействие на детей.

Помимо этого отдельно стоит отметить тот факт, что с начала 1950-х годов в учебных пособиях глава государства был не только политическим лидером и источником счастья для всех (взрослых и детей). Образ И. В. Сталина характеризовали как образ родной матери, и наоборот. Этот механизм был необходим для формирования внутренней установки детей на доверие первому лицу государства.

Библиографический список

1. Безрогов, В. Г. «У ребят своя забота»: Модели поведения в советском учебнике для начальной школы 1930–1970-х годов / В. Г. Безрогов // Вопр. воспитания: Науч.-практ. журн. – 2015. – № 1 (22). – С. 14–23.
2. Воскресенская, А. И. Букварь / А. И. Воскресенская. – М.: Учпедгиз, 1951.
3. Костин, Н. А. Букварь / Н. А. Костин. – Л.: Учпедгиз, 1946.
4. Костин, Н. А. Букварь / Н. А. Костин. – Л.: Учпедгиз, 1947.

5. Редозубов, С. П. Букварь для обучения чтению и письму / С. П. Редозубов. – М.: Учпедгиз, 1946.
6. Редозубов, С. П. Букварь для обучения чтению и письму / С. П. Редозубов. – М.: Учпедгиз, 1949.
7. Редозубов, С. П. Букварь для обучения чтению и письму / С. П. Редозубов. – М.: Учпедгиз, 1952.
8. Соловьева, Е. Е. Родная речь: Кн. для чтения в первом классе начальной школы / Е. Е. Соловьева, Л. А. Карпинская, Н. Н. Щепетова. – Владивосток: Примиздат, 1946.
9. Соловьева, Е. Е. Родная речь: Кн. для чтения в первом классе начальной школы / Е. Е. Соловьева, Л. А. Карпинская, Н. Н. Щепетова. – М.: Учпедгиз, 1950.
10. Соловьева, Е. Е. Родная речь: Кн. для чтения в первом классе начальной школы / Е. Е. Соловьева, Л. А. Карпинская, Н. Н. Щепетова. – М.: Учпедгиз, 1951.

УДК 94(47).081

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ: ИСТОРИК СОЛОВЬЕВ И «КРОВЬ РОМАНОВЫХ»

Н. С. Юрина

ninaroxett@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье анализируется интересный эпизод, касающийся «нерусскости» династии Романовых и приписываемый известному русскому ученому С. М. Соловьеву. Сцена эта часто упоминается в современной научной и популярной исторической литературе, посвященной проблемам национального строительства. Автор доказывает, что этот рассказ, скорее всего, является легендой, и рожден он был в революционной среде начала XX в. как средство манипуляции массовым сознанием.

Ключевые слова: С. М. Соловьев, Романовы, генетика, авторитет власти.

UDC 94(47).081

EXPOSING A LEGEND: THE HISTORIAN SOLOVYOV AND «THE BLOOD OF THE ROMANOV»

N. S. Yurina

ninaroxett@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article analyzes an interesting episode concerning the "non-Russian-ness" of the Romanov dynasty and attributed to the famous Russian scientist S. M. Solovyov. This scene is often mentioned in modern scientific and popular historical literature devoted to the problems of nation-building. The author proves that this story is most likely a legend, and it was born in the revolutionary environment of the early XX centuries as a means of manipulating mass consciousness.

Keywords: S. M. Solovyov, the Romanovs, genetics, the authority of the government.

История династии Романовых – императорского дома правившего в России в последние три века монархии, является спорной во многих аспектах. Неоднозначными являются проблемы происхождения рода, обстоятельства воцарения Романовых на престоле, а также влияния династических связей на внешнюю политику России. Наиболее остро она воспринималась русским обществом в периоды внешнеполитических конфликтов с Германией и обострения внутренних разногласий политических элит.

Проблема связи Российского императорского дома с Германией на генетическом уровне является актуальной, поскольку генетика – наука о наследствен-

ности и изменчивости организмов, в настоящий момент активно развивается, как в России, так и в мире. Так, например, в 2020 году французский и американский ученые Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Дудне получили Нобелевскую премию в области химии за создание метода редактирования генома CRISPR/Cas9. Данное открытие способствовало активизации генетических исследований, направленных на лечение тяжелых заболеваний, таких как лейкемия и гемофилия – болезнь сына последнего императора Российской империи. Однако перенесение проблематики естественных наук в плоскость гуманитарных исследований очень часто свидетельствует о стремлении к спекулятивному использованию аргументов генетики в исторических исследованиях.

Кровь императорской семьи всегда являлась причиной для дискуссий, ведь супругами почти всех русских монархов были немки. Историография данной проблематики представлена современными исследователями: Е. В. Пчелов, В. Г. Григорян, В. Н. Балязин, А. В. Манько, Д. Вульф [9, 3, 1, 8, 2].

Наиболее показательным эпизодом, который часто используют авторы подобных работ, является описание «эксперимента» С. М. Соловьева, приводимого в качестве аргумента, доказывающего немецкую национальность Романовых. Рассказ сводится к тому, что Соловьев, будучи на вечере в одной из московских гостиных, наглядно продемонстрировал посетителям процент «русской крови» у Романовых, смешивая красное вино с водой. [10, с. 34, 11, 12]. В графическом виде «эксперимент» можно представить в виде следующей схемы.

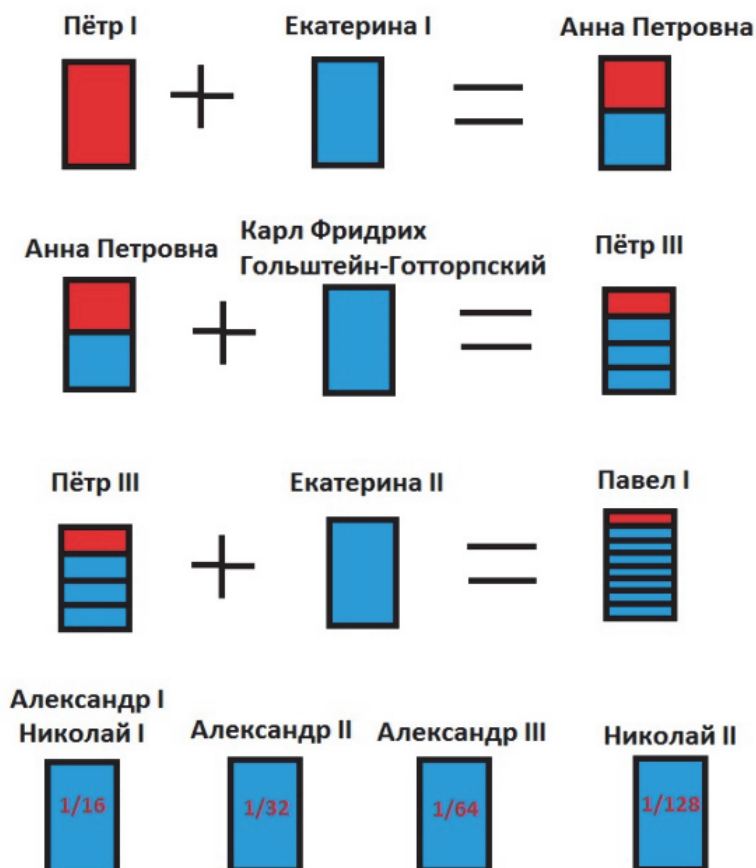

Схема эксперимента, приписываемого Соловьеву

Данное действие, в ходе которого крупнейший историк дореволюционной России С. М. Соловьев аргументирует свою позицию относительно генетического кода императорской семьи столь невежественным способом, подробно описывает современный российский государственный и политический деятель, учёный, специалист в области химической физики – А. Н. Савельев в работе «Образ врага. Расология и политическая антропология» и заключает: «Понятна игра ума историка, ищущего популярности. Но даже уровень знаний XIX века не позволяет принимать эту игру всерьёз» [10, с. 34]. Объявляя саму постановку вопроса о «крови» российской правящей династии «выдумкой либералов», А. Н. Савельев в своей работе стремится доказать, что «династия Романовых вовсе не была немецкой», ибо собственно «немцы и немки» на самом деле (если поскрести в глубине времен) сами были ... правильно – славянами. Далее закономерно начинаются рассуждения о «биологическом (а не только культурном) единстве русской нации», и о том, что «однородный русский антропологический массив» проявлял некоторое разнообразие на окраинах «не столько от смешения, сколько от действия законов диффузии генов». Правда, тут у читателя возникает некое недоумение: а что, «диффузия генов» происходила воздушно-капельным путем?

Аналогичная информация публикуется в журнале «Русская Германия» под авторством Я. Н. Черкасского [12]. В этот раз исследователь не утверждает о действительном существовании рассматриваемого выше эксперимента, а пишет о том, что для большей наглядности Сергей Михайлович Соловьёв мысленно смешивал красное вино с водой. Черкасский, в отличие от Савельева не говорит об итогах работы Соловьева, представленных в виде вычисления доли русской крови у последнего императора Российской империи. «Продолжая рассуждения Сергея Соловьёва и смешивая вино с водой, не очень трудно подсчитать, что последний российский император Николай II обладал лишь 1/128 частью русской крови» – пишет автор от своего имени.

С. В. Фомин, опубликовавший свою статью «Кровь и млеко» в журнале «Русский вестник», по-своему интерпретирует информацию и пишет о чаепитии, в ходе которого, С. М. Соловьев проделывал все ту же операцию с помощью вина, воды и чайных чашек [11]. Автор, представленной работы ссылается на данные газеты «Петроградский листок». Действительно, на страницах этого издания в марте 1917 г. мы находим описание манипуляций Соловьева с водой и вином, но под примечательным подзаголовком «Недавние апокрифы». После февральских событий пресса Петрограда несколько не щадила императорскую семью, но все-таки материал был озаглавлен – «апокрифы», что подчеркивало неточность, недостоверность представленной информации (Петроградский листок 1917 г., № 58 (9 (22) марта)).

В целом, можно сделать вывод, что в тех научных, научно-популярных и публицистических работах, где авторы обращаются к «эксперименту Соловьева», мы можем найти националистические (причем, именно в плане этнического национализма) или даже прямо нацистские идеи.

Источником, так часто встречающегося эпизода, является литературный, научный и политический журнал «Жизнь», выходивший в Санкт-Петербурге с 1897 года, а после ареста его главных редакторов, издававшийся в Лондоне и Женеве с 1902 года. Автор статьи «Шутки русской жизни» подписавшийся как W. P., повествует следующее: «В конце 70-х годов в одной из либеральных гостиных Москвы зашел спор о том, много ли русской крови в тогдашнем наследнике престола Александре Александровиче, который считал себя чисто русским?», описывает процесс «переливания крови» и от своего имени высчитывает долю русской крови императора Николая II, хотя Соловьев в данной статье якобы говорит об Александре III (Шутки Русской жизни//Жизнь» (The Life) / London S. E., 35 Blythe Vale. Catford. 1902. № 4, с.125). Но дело в том, что Соловьев умер в 1879 г., он просто не дожил ни до начала правления Александра III, ни тем более Николая II. Почему же в его уста «вкладывает» эмигрантский журнал?

С. М. Соловьев является одним из самых известных историков XIX века, автором многотомного труда по истории России, ректором Московского университета в 1877–1883 гг. – классический образ историка в представлении общества. Еще одной значимой фигурой в области исторической науки конца XIX – начала XX вв. был В. О. Ключевский, но к моменту выхода статьи «Шутки русской жизни» историк был еще жив и мог опровергнуть информацию, напечатанную в журнале «Жизнь». Однако мемуары Ключевского и других ученых помогают понять, действительно ли профессор Московского университета мог заниматься метафоричным «переливанием крови». «Это был ученый со строгой, хорошо воспитанной мыслью» – пишет В. О. Ключевский о своем учителе [4, с. 332]. Интересны и другие мемуарные свидетельства о психотипе Соловьева. Известный историк XIX века, руководитель Санкт-Петербургской школы историографии К. Н. Бестужев-Рюмин дает следующую характеристику личностным качествам Соловьева: «Стремление к научности изложения он доводил иногда до крайности», «Приучившись сдержанно относиться к другим и никогда не терять собственного достоинства, он почти никогда не вступал в полемику» (Бестужев-Рюмин, К. Н. С. М. Соловьев: Лекция, прочитанная в Санкт-Петербургском университете 3 ноября 1879 г. ип. В. С. Балашева, ценз. 1880 г., с. 13–14).

Таким образом, современники С. М. Соловьева подчеркивают интеллигентность и сдержанность историка, что прямо противоречит байке о «переливании вина и воды». Никогда бы не стал Соловьев, почтенный профессор, сдержанный и застегнутый на все пуговицы, заниматься «фокусами» в гостиной.

Показательно, что статья вышла именно в 1902 году, ведь именно в это время обстановка в стране усугубляется, растет количество забастовок и демонстраций, ведь правительственный курс императора был с недовольством встречен всеми слоями населения, рабочий и крестьянский вопросы не были решены, политическая сфера требовала преобразований. Важно отметить, что второй раз информация появляется 9 марта 1917 года, спустя неделю после отречения императора от престола. «Мы победили немца внутреннего, мы победим немца внешнего!» – гласил распространенный лозунг того времени [6, с. 11–37]. Говоря

о большом значении авторитета и символах власти, чем и является кровь монарха, которая стала понятным для народа аргументом против царя, специалист по истории революции в России – Б. И. Колоницкий пишет: «В периоды острых социальных и политических потрясений можно проследить и своеобразную архаизацию общественного сознания, сопровождающуюся значительным возрастанием роли политических символов в процессах борьбы за власть на разных уровнях» [5, с.18].

Интересным является тот факт, что не только «эксперимент» Соловьева делает акцент на крови монархов, но и историк М. К. Лемке в своей работе «250 дней в царской ставке», написанной на основе дневниковых записей 1914–1915 гг. и изданной уже после свержения монархии в России, пишет: «Царь-немец боится войны и упорно стоит против нее, в особенности в военном совете» [7, с. 10]. Однако, как указывает Колоницкий, в оригинале дневниковая запись выглядит несколько иначе: «Государь не хочет войны и очень упорно стоит против нее в военном совете [5, с. 34]. Получается, что Лемке подстроился под политическую ситуацию в стране, и сделал это посредством использования все тех же генетических рассуждений.

Таким образом, легенда является средством манипуляции массовым сознанием, и инструментом подрыва авторитета монархии в России, ведь русский народ всегда со скепсисом относился к связям Романовых с немцами, а в переломные моменты данный факт становился важным. А личность С. М. Соловьева является собирательным образом образованного русского общества и авторитетом для многих, именно поэтому информация преподносится от его лица. Именно таким – спекулятивным образом, аргументы генетической науки используются в исторических исследованиях.

Библиографический список

1. Балязин, В. Н. Тайны дома Романовых. Браки с немецкими династиями в XVIII – начале XX в. / В. Н. Балязин. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
2. Вульф, Д. Династия Романовых и Германия. Роль династической солидарности и династических браков в русско-германских отношениях (XVIII – начало XX в.) / Д. Вульф // Ист. зап.: Науч. тр. ист. фак. ВГУ. – 2002. – № 8.
3. Григорян, В. Г. Русские жены европейских монархов / В. Г. Григорян. – М., 2011.
4. Ключевский, В. О. Сочинения в девяти томах. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – Т. VII.
5. Колоницкий, Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. – М.: Нов. лит. обозрение, 2010.
6. Колоницкий, Б. И. «Русская идея» и идеология Февральской революции / Б. И. Колоницкий // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и само-

идентификация: Материалы междунар. семинара. – Тарту: Tartu Univ. Press, 1997. – С. 11–37.

7. Лемке, М. К. 250 дней в царской ставке / М. К. Лемке. – Пб., 1920.

8. Манько, А. В. Брачные союзы Дома Романовых / А. В. Манько. – М.: Вече, 2010.

9. Пчелов, Е. В. Генеалогия Романовых. 1613–2001 / Е. В. Пчелов. – М.: Экслибрис-Пресс, 2001.

10. Савельев, А. Н. Образ врага. Расология и политическая антропология / А. Н. Савельев. – М.: Белые альвы, 2007.

11. Фомин, С. В. Кровь и млеко [Электронный ресурс] / С. В. Фомин // Рус. вестн. – 2008. – URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7567>

12. Черкасский, Я. Н. Династия Романовых и немцы [Электронный ресурс] / Я. Н. Черкасский // Рус. Германия. – 2013. – № 23. – URL: http://www.rgrb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=9472&Itemid=0

**ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021**

Секция 7

**ИСТОЧНИК
И ИСТОРИК
В ПРОСТРАНСТВЕ
НАУКИ**

УДК 94(47).083

**германофобия в Российской империи
в июле–августе 1914-го
(по материалам издания «Газета-копейка»)**

Е. Н. Алешин

aleschin.egor2016@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Статья посвящена феномену германофобии в периодическом издании «Газета-копейка». Автор подчеркивает, что данный феномен зародился задолго до событий Первой мировой войны. Анализируются конкретные примеры проявления германофобии в отдельно взятом периодическом издании в период, в котором данный феномен получил новый виток своего развития, – июле–августе 1914 г.

Ключевые слова: германофобия, периодика, Газета-копейка, Первая мировая война, пропаганда.

UDC 94(47).083

**GERMANOPHOBIA IN THE RUSSIAN EMPIRE IN JULY-AUGUST
IN 1914 (ACCORDING TO THE "GAZETA-KOPEIKA")**

E. N. Aleshin

aleschin.egor2016@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article focuses on the phenomenon of germanophobia in the periodical "Gazeta-Kopeika". The author admits that this phenomenon had appeared much earlier before the First World War started. In this article particular examples of germanophobia, during the period of july-august 1914, are being analyzed.

Keywords: Germanophobia, periodical, the periodical «Gazeta-kopeika», the First World War, propaganda.

Во время Первой мировой войны в Российской империи с новой силой начало развиваться такое явление как германофобия. Появление данного феномена можно отнести к 1840-м годам, когда барон Гакстгаузен посетил Россию и отметил небывалый подъем антигерманских настроений, однако важно заметить, что «...виноваты в этом прибалтийские немцы, надменные и вечно лезущие вперед...» [1, с. 3]. Если давать определение данному термину, то германофобия – это предубеждение, ненависть против немцев и всего немецкого [2, с. 513].

Так в годы Первой мировой произошло явное усиление данного явления. И это происходило не только в Российской империи. Развитие германофобии и антигерманизма тесно связано с феноменами национального стереотипа и образа врага [3]. Германия в 1914–1918 годы воспринималась как агрессор, вследствие этого во многих странах стереотипно было мнение, что немцы и все немецкое это вражеское и сохранять это в своих странах, значит поддерживать позицию Германии в этой войне. Необходимо также отметить, что информация, которая могла порочить Российскую империю просто не печаталась, поэтому многие события просто не описывались. В связи с этим на первый план выходит пресса, как своеобразный «рупор». Благодаря газетам, листовкам, журналам и брошюрам, людям доносились идеи, которые объединяли и настраивали население против врага.

С 1908 года в Петрограде начала печататься «Газета-копейка». Это было дешевое и общедоступное издание. Материал подавался в доступной манере, вследствие чего газету читали рабочие, мещане и др. Из-за того, что читательская база данной газеты была весьма обширной, с ее страниц можно было широко вести антигерманскую пропаганду. Необходимо отметить, что «Газета-копейка» была ежедневным изданием, поэтому такая пропаганда велась ежедневно.

С момента начала войны, на страницах газеты постоянно печатались германофобские статьи. В выпуске от 25 июля 1914 года появилась информация, что немцы собираются уничтожить Соловецкий монастырь (1914, № 2163 (25 июля) 1914, с. 2). Также идет описание того, как русские подданные с трудом покидали территорию Германии: «...кое-как путешественникам удалось выхлопотать у немецкого офицера пропуск для перехода через границу, и все 300 человек двинулись пешком к Вершболову (правильное написание Вержболову), до которого оставалось 16 верст...» (1914, № 2163 (25 июля) 1914, с. 4). В дальнейшем статьи такого характера будут регулярны и их содержание будет носить все более антигерманский характер. В этом же выпуске появляется новость о том, что «...рабочие мытищинского вагоностроительного завода... не станут на работу пока не будет отстранен от заведывания мастерскими мастер-немец...» (1914, № 2163 (25 июля) 1914, с. 3). Заметки схожего характера будут регулярны в первые месяцы войны, лишь декабрь 1914 года их количество начнет уменьшаться, однако такая тенденция сохранится до Февральской революции и лишь потом характер статей несколько изменится.

В выпуске от 26 июля 1914 года появляется статья с названием «Рассуждения о немцах», в которой рассказывается о том, что «...немцы били кулаками русских женщин-туристок на границе...», и заканчивается эта статья в ироничной манере: «...кажется весь океан выпитого вами пива сразу ударил вам в голову» (1914, № 2164 (26 июля) 1914, с. 3). Также в течении нескольких выпусков подряд печаталась статья под названием «Гунны XX века». Традиционно в них описывались злодеяния немцев: «...немцы расстреляли двух 15-летних мальчиков, предупредивших французских жандармов о наступлении неприятеля...»

(1914, № 2164 (26 июля) 1914, с. 6). Целью написания данных статей было одно – показать германцев с самой худшей стороны для еще большего разжигания ненависти к немцам.

30 июля появляется статья с таким же названием, однако ее содержание было намного богаче. Прежде всего людям надо было показать, что немцы притесняют не только простое население, но и известных в Российской империи людей. Так, появляется заметка о том, что арестован член Государственной Думы Г. Ч. Гостицкий и сенатор Бельгард. Также ужасное поведение немцев демонстрируется на примере графини Воронцовой-Дашковой, когда «... пьяные солдаты с сигарами в зубах полезли в вагоны, вытолкали графиню ударами прикладов на платформу и грубо обыскали ее, хватая за волосы и за платье...» (1914, № 2168 (30 июля) 1914, с. 3). Бесспорно, такое поведение германцев не могло вызвать одобрения и население встречало эти новости с ожесточением, и многие издания того времени писали свои гневные тирады в сторону немцев, для еще большего развития антигерманской пропаганды.

Начало активных боевых действий несколько изменило курс проводимой в прессе антигерманской политики. К октябрю пропали статьи о русских за границей, поскольку многие уже покинули территорию Германии. Теперь на первый план вышли описания злодеяний немцев на поле боя. До Февральской революции статьи были посвящены именно этому. Однако в первые месяцы войны страницы газеты пестрили заметками о конфискации у немцев денежных средств, недвижимости, предприятий, автомобилей. Этим показывалось, что государство полностью на стороне русского населения и оно будет активно бороться с врагами Отечества.

Особое внимание уделялось не столько поведению во время боевых действий, сколько отношению к пленным и раненым. Подобные заметки печатались ежедневно. Это было необходимо для поддержания уровня ненависти к немцам, который был достигнут в первые недели войны. Так, 1 августа появилась заметка о варварствах немцев на поле боя: «...во всех своих действиях немцы прибегали к варварским приемам. Расстреливали заложников, производили всякие насилия и поджоги. Расстреляли старшину местечка Инье под тем предлогом, что население местечка способствовало побегу военнопленного...» (1914, № 2170 (1 августа) 1914, с. 2). И подобные статьи появлялись практически каждый день. В противовес этому печатались заметки о максимальной гуманности русских, как бы подчеркивая всю агрессию и злость, которую немцы вымещают на своих соперниках. Такая тенденция сохранялась до 1917 года, когда после революции на страницах газеты начали печатать статьи о дальнейшем пути развития России, и германофобии уделялось не так много внимания.

Особо необходимо отметить личность Вильгельма и его сыновей, и то, как о нем отзывались в прессе. Так, в выпуске от 1 августа сыновей императора называют «вампирами» и приписывают им начало войны, хоть и с оговоркой: «...если бы Вильгельм был против войны – ее бы не было» (1914, № 2170

(1 августа) 1914, с. 2). 10 августа Вильгельм описывается как наглый лгун, который говорит, что война началась из-за внешней политики России.

Описание боевых действий велось крайне скудно, поскольку на фронте с Германией российское войско вело боевые действия неудачно, и новости об этом могли подорвать с блеском проводимую политику явного антигерманизма. Важно отметить, что гневных тирад в отношении подданных Австро-Венгрии практически не было.

«Газета-копейка», будучи одним из самых дешевых и самых массовых периодических изданий Российской империи, активно вела пропаганду против всего немецкого. В силу своей тиражности и высокой распространенности, текст, печатавшийся в этом издании, с огромным успехом влиял на умы жителей Петрограда и это способствовало явному усилению антигерманских настроений, что приводило к погромам немецких лавок и постоянным антигерманским демонстрациям.

Библиографический список

1. Соловьев, С. М. Собрание сочинений / С. М. Соловьев. – СПб., 1912. – Т. 7.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. – СПб., 1890–1907. – Т. 8.
3. Гасанов, И. Б. Национальные стереотипы и образ врага / И. Б. Гасанов. – М., 1994.

УДК 94(47).081

ДВЕ «ПРАВДЫ» ВАСИЛИЯ ШАБУНИНА: В ИСТОРИИ И В КИНЕМАТОГРАФЕ

Д. С. Гончаров
davidgncrv@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье анализируется процесс искажения образа главного героя письма Льва Николаевича Толстого «Вспоминание о суде над солдатом» Василия Шабунина. Это искажение мы наблюдаем в кинематографии на примере фильма «История одного назначения». Автор статьи сравнивает образ Василия Шабунина в фильме с реальным историческим образом героя, сформированным на основе исторических источников.

Ключевые слова: Шабунин, личность, история, правда, кинематография.

UDC 94(47).081

TWO OF THE "TRUTH" OF VASILIIY SHABUNINA: IN HISTORY AND IN CINEMA

D. S. Goncharov
davidgncrv@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the process of distortion of the image of the main character of Leo Tolstoy's letter "Recollection of the Trial of a Soldier" by Vasily Shabunin. This distortion can be seen in the cinematography of the film "The Story of a Destination". The author of the article in his work compares the image of Vasily Shabunin in the film with the real historical image of the hero, formed on the basis of historical sources.

Keywords: Shabunin, personality, history, truth, cinematography.

Изучая творчество Льва Николаевича Толстого, можно наткнуться на его письмо «Воспоминание о суде над солдатом» [1, 67–78]. Сам этот рассказ состоит из письма графа к своему биографу – Павлу Ивановичу Бюрикову, который занимался описанием жизни Льва Николаевича с 1905 по 1924 год. В письме описываются события, в которых Лев Николаевич сам принимал прямое участие. В 1866 году во 2-й роты 65 Московского пехотного полка, расквартированного тогда в деревнях Ясенки, Колпна, Озерки произошло вопиющее на то время событие. Рядовой Василий Шабунин – штабной писарь, находясь в алкогольном

опьянении поднял руку на своего начальника – ротного командира капитана Яцевича. По закону того времени это преступление каралось смертной казнью.

Лев Николаевич Толстой узнал об этом событии от своих товарищей, которые служили в этом полку, – столичного поручика Григория Колокольцева и подпоручика Стасюлевича. Граф был крайне возмущен наказанием, которое полагалось рядовому Шабунину, поэтому он принял решение участвовать в деле Василия Шабунина в роли его адвоката. После суда и попыток графа спасти рядового – это дело, в конце концов, закончилось расстрелом писаря Василия Шабунина. Лев Николаевич впоследствии очень сильно переживал о произошедшем. Эта драматичная история в дальнейшем получила широкую огласку. Сейчас мы можем встретить различные произведения, посвященные данной теме. Хотелось бы заострить внимание на отображении личности Василия Шабунина в различных произведениях. Мы можем наблюдать определенные искажения действительности, в особенности это проявляется в области кинематографии.

Самый яркий пример – это фильм Авдотьи Смирновой «История одного назначения». Фильм вышел в прокат 6 сентября 2018 года. Режиссёр фильма Авдотья Смирнова – российский кинорежиссёр, телеведущая, сценарист, публицист и литературный критик. Сценарий писался Авдотьей в соавторстве с Анной Пармас – режиссером клипов группы «Ленинград» и с Павлом Басинским – автором книги о Толстом. Данный фильм получил высокую оценку критиков и награжден различными наградами.

Сценарий фильма идет в хронологической последовательности и соответствует исторической действительности. В некоторых моментах в фильме появляется искажение исторической правды, сделанное, скорее всего специально с целью привлечения зрительского внимания и интереса. Но действительно сильным искажением является образ Василия Шабунина в фильме. Василий Шабунин представлен в фильме, как невысокий, щуплый, запуганный и скромный человек. Он вечный мученик, который постоянно подвергается насилию и унижению со стороны других солдат. Авторы фильма пытались вызвать жалость у зрителей к Шабунину, создать некий образ жертвы, человека, вина которого минимальна в этом деле. Из-за своего мученического состояния Василий Шабунин пьет спиртное. Его заставляют подделывать канцелярские бумаги, на что он пытается оказывать сопротивление, но физически не может справиться с обидчиками. Постоянные придирки ротного капитана Яцевича и переписи бумаг, – все это в совокупности отравляют жизнь рядового Шабунина. Но это все так, как трактует нам фильм.

Авторы в своем фильме максимально хотели обратить внимание зрителей на жестокость того времени, на безжалостное отношение государства к своему населению. С этой целью заостряется внимание на герое Василии Шабунине, который в фильме представлялся как человек, не заслуживший такое наказание. Но на самом деле, многое в создании персонажа было искажено, с целью вызвать жалость у зрителя.

Чтобы выяснить, что было на самом деле, обратимся к историческим источникам. Одним из них является письмо графа Толстого к Бирюкову. Впоследствии это письмо будет называться «Воспоминание о суде над солдатом» Л. Н. Толстого [1, 67–78]. Источник представляет ценность, так как это один из первых источников по этой теме и его автор сам участник этого события. В письме помимо исторической хронологии событий можно увидеть эмоции автора и его оценочное рассуждение. Благодаря этому источнику уже можно составить первичный портрет Василия Шабунина.

Вторым не менее важным источником можно выделить речь Льва Николаевича Толстого в суде [1, 474–477). Граф принимал участие в этом деле в роли адвоката обвиненного рядового Василия Шабунина, и его речь в суде была записана и впоследствии опубликована в газете «Тульский справочный листок» («Тульский справочный листок», 1866. № 33 от 21 августа. Перепечатана в книге П. И. Бирюкова «Биография Льва Николаевича Толстого». Том второй. М., 1923, С. 39–43). «Тульский справочный листок» – газета, которая издавалась в городе Тула еженедельно, в период с 7 ноября 1864 года по 1866 год. Источник имеет ценность, так как он цитирует речь адвоката судебного процесса. Из этой речи можно получить достоверную информацию о событиях преступления, дополнительную информацию, которая не фигурировала ранее в описании Василия Шабунина.

На основе этих источников можно сделать вывод о личности Василия Шабунина. Во-первых, что касается внешних признаков, Василий Шабунин был далеко не молод, он был физически здоровым, хоть и маленького роста, но достаточно крупным. Во-вторых, к моменту своего перехода в Московский полк он уже имел плохую репутацию: начиная с плохой учебы, затем кража им товарищеского имущества, впоследствии суд над ним, постоянное употребление спиртных напитков, тем самым нарушение дисциплины в роте. Затем употребление алкоголя в Московском полку и невыполнение поручений начальства. Все это говорит нам о том, что Василий Шабунин не был таким невинным мучеником, как это показано в фильме, наоборот, он вел маргинальный образ жизни, тем самым заслужив к себе некое негативное отношение.

А для чего же нужно было так менять личность человека? Это сделано с целью вызвать искажённое мнение зрителя о жестокости государства того времени, показать на сколько были суровы законы и люди, находившиеся в государственном аппарате, во-вторых, это сделано для повышения интереса у зрителей. То есть зритель после просмотра фильма выходит с ощущением, что государство в 19 веке было крайне деспотичным, его законы были крайне жестоки, активно практиковалось насилие государства против населения, но это было далеко не так и это можно проследить на реальных исторических событиях.

Библиографический список

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений / Л. Н. Толстой. – М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1928–1958. – Сер. первая. «Произведения». – Т. 37. – 1956.

УДК 94(3)

КЕРАМИЧЕСКАЯ ТАРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

К. О. Маркова

Markova.Kristina.25@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается один из самых массовых материалов на памятниках позднеантичного времени в Северном Причерноморье – керамическая тара. Относительно быстрая хронологическая изменчивость этого вида артефактов делает их во многих случаях важным археологическим источником и одним из показателей активных торгово-экономических связей.

Ключевые слова: керамика, амфоры, археологический источник, производственный тип, торговые связи, позднеантичное время.

UDC 94(3)

CERAMIC CONTAINERS AS A SOURCE FOR STUDYING LATE ANTIQUE TRADE

K. O. Markova

Markova.Kristina.25@yandex.ru

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article discusses one of the most massive materials on the monuments of the late Antique time in the Northern Black Sea region - ceramic containers. Its relatively fast chronological variability makes it in many cases an important archaeological source and one of the indicators of active trade and economic ties.

Keywords: ceramics, amphorae, archaeological source, industrial type, trade relations, late antiquity.

Исследованию торговых связей древнего мира посвящена огромная литература. Это объясняется той важнейшей ролью, которую играла торговля в жизни античного общества. Торговый обмен во многом обеспечивал потребности экономического развития многих регионов ойкумены и удовлетворял повседневный спрос населения античных центров и их варварского окружения. В этой связи, керамическая тара является важным историческим источником в виду исключительной её массовости, и стандартности. В культурных отложениях античных

поселений керамический материал составляет от 45 до 90 % всех находок. В соответствии с этим становится понятным, что значение этого источника особенно велико в изучении торговых связей различных поселений.

Стоит отметить, что торговое взаимодействие отражается керамической тарой непосредственно, поскольку стоимость сосуда относительно содержимого очень невелика. В связи с этим можно думать, что характеристика торговых связей по керамическому материалу будет более точной, чем по дорогостоящим категориям вещей (парадная расписная керамика, монеты). К тому же, широкий хронологический диапазон изготовления керамической тары и множество ее остатков на античных поселениях придают этим находкам значение важного датирующего материала [4, с. 5]. Данные сосуды могут использоваться самостоятельно лишь в том случае, если удастся достаточно точно определить их появления на поселении, время их наиболее интенсивного бытования и время исчезновения [6, с. 81]. Определение времени исчезновения типов амфор для археологов достаточно сложная задача, так как некоторые типы могут еще несколько десятилетий использоваться на поселении, несмотря на то, что их производство к этому моменту может уже прекратиться.

Определенной проблемой является и то, что керамическая тара разных исторических периодов и различных центров производства исследована очень неравномерно. В Восточном Средиземноморье и Причерноморье наиболее полно изучена керамическая тара доримских периодов античной цивилизации. Керамическая тара этого же региона римского и, особенно, позднеантичного времени изучена менее детально. Многие производственные типы амфорной тары и краснолаковой керамики не выделены, а большинство из уже установленных типов отражены только в обобщающих работах. Изучение этих вопросов в значительной степени осложняется прекращением регулярного клеймения тары в период позднего эллинизма [2, с. 7].

Первостепенным для изучения греческой керамической тары является ее типология. Исследователи разделяют амфоры на различные классы, типы, варианты, группы [1, с. 89]. Амфоры эволюционируют со временем и чаще всего это связано с удобством транспортировки. Каждый центр производства амфор пытается найти лучшие формы этих сосудов. Но, несмотря на некоторые различия в типах амфор, они все имеют схожую форму. Специфическая форма амфор, а именно наличие двух ручек и остроконечной ножки обусловлена ее предназначением в торговле – транспортировка жидких или сыпучих продуктов на корабле. Функция транспортировки амфор является и одной из причин сближения стандартов сосудов различных производственных центров.

Для реконструкции торговли в античном мире разработка типологии и хронологии керамической тары имеет принципиальное значение. Если для исследователей оформление, например, венчика с желобком или без, является часто определяющим признаком для систематизации амфор, то для современников, которые покупали эти сосуды, хранящие различные вина, они различались

совершено по другим параметрам: общей форме, объему, цвету глины, надписям и т. д. Естественно возникает вопрос, насколько соответствует реальности для людей прошлого выделяемые классы, типы, варианты, группы керамической тары? Отражают ли археологические типы реальность живой культуры прошлого или же это искусственный опыт упорядочивания материала, которое не было присуще в реальности предметам прошлого? Вероятно, здесь у каждой категории людей прошлого – производителей, продавцов и потребителей могли быть разные критерии для выделения своих «производственных типов».

О. В. Шаров предлагает схему циклов бытования амфорной тары для того, чтобы понять вероятные этапы ее употребления с момента производства и до момента выброса пустой тары в месте для отходов.

Первый цикл включает в себя период поставки тары производителем заказчику. Изготовленная амфорная тара является предметом купли-продажи, а сама амфора в данном случае является товаром.

Второй цикл начинается от разлива продукта в пустую тару до момента поступления товара в продажу. Амфора в данном цикле является предметом различного использования: разлив вина, оливкового масла для последующей доставки его на склад, рынок.

Третий цикл начинается с момента поступления продуктов в амфорах на продажу до момента передачи товаров покупателю. Амфоры в данном случае являются предметом для перевозки продуктов купли-продажи. Заказчик – изготовитель – продавец могут совпадать, а в случае несовпадения цена товара меняется.

Четвёртый цикл начинается с момента покупки керамической тары до доставки к потребителю. В данном цикле амфора выступает в качестве предмета для перевозки продукта потребления.

Пятый цикл начинается с момента доставки продукта к потребителю до его потребления. Здесь амфора является предметом для временного хранения продукта потребления. В данном цикле также может происходить само потребление продукта.

Шестой цикл захватывает момент от потребления продукта, или переливания его в другую тару, или до нового использования пустой тары. В таком случае амфора либо предмет вторичного использования или предмет ритуального использования. Некоторые амфоры специально изготавливаются для погребения тела или выступают в качестве сопровождающего инвентаря. В ходе раскопок 2010 г. городища «Белинское» были обнаружены остатки двух плодов человека, перекрытые несколькими крупными фрагментами стенок амфоры типа «83» по И. Б. Зеест [5, с. 67].

Последний, седьмой цикл охватывает период с момента потребления продукта или его переливания до выбрасывания пустой тары в месте отходов. Амфора в данном случае выступает в качестве предмета утилизации [8, с. 112].

Итак, исходя из предложенных циклов бытования данных сосудов в живой культуре, к археологам могут попадать амфоры из технического брака на месте

производства (цикл 1); амфоры из открытых археологами складов керамической тары до момента разлива вина (цикл 2); амфоры с вином на месте продажи из открытых археологами складов в доме торговцев (цикл 3); амфоры из затонувших кораблей в процессе доставки вина следующему покупателю или сразу потребителю (цикл 4); и амфоры после их утилизации (цикл семь). Именно последний седьмой цикл даёт основной археологический материал [8, с. 126].

В предложенной схеме бытования амфор возможно обнаружение целых амфор по которым во многом выделяются типы и виды, определяется хронология. О. В. Шаров отмечает, что у каждой категории людей прошлого – производителей, продавцов и потребителей могли быть разные критерии для выделения своих «производственных типов» и «вариантов» [8, с. 109]. По мнению С. Ю. Монахова для современников существовали не типы, а совокупность одновременно бытующих экземпляров понятных и производителю и покупателю [7, с. 15].

С. Ю. Внуков считает, что для изготовителя амфор в первую очередь было важно создать определенное тулово, ножку, венчик, а разработка отдельных деталей зависели уже от производственных традиций того или иного керамического центра. Всего С. Ю. Внуковым выделено шесть классообразующих признаков амфор раннего римского времени, при этом наиболее показательным является, по его мнению, объем амфор, от которого напрямую зависели линейные размеры керамических сосудов. В качестве наиболее показательного класса образующего морфологического признака-маркера С. Ю. Внуков выделил форму сечения ручки, которые часто лежали в основе традиционного номенклатуры изготовления тары. Наличие поддона и ширина горла являются дополнительными признаками такой номенклатуры [2, с. 56].

Наиболее логичным является вопрос – насколько же современные типологии керамической тары отражают реальность тех лет? Производство амфор, с отличительными морфологическими признаками могли зависеть, как и от заказчика, так от производителя, так и от покупателя. Как отмечают многие исследователи, форма амфоры, ее морфология напрямую зависели от производственного центра, которые изготавливал партию амфор заданной заказчиком формой и указанного декора, либо просто согласовывалось, используя технологию, присущую своей мастерской [8, с. 114]. Заказчик также мог определять или просто согласовывать с производителем объем, общую форму товара (один из принятых мастерской стандартов), цвет и отдельные специфические детали, которые должны отличает именно его продукцию. Для продавца не меньше других морфологические признаки играли важную роль в определении товара, выставляемого на продажу. Но, в период поздней античности можно наблюдать, что заказчик, изготовитель и продавец – одно и то же лицо. Это связано с особенностями производства и внутренней торговли того времени свидетельствующей о натурализации форм хозяйства.

На Боспоре натурализация хозяйства начала проявляться ещё когда существовали развитые формы товарного производства и продолжалась торговля с гре-

ческими центрами. Но в процессе исторического развития общества происходит переход к новому общественному хозяйству. Так, на Белинском городище, как и многих поселениях Боспора, широко распространены красноглиняные амфоры местного боспорского производства типа «76» и «77» по И. Б. Зеест. Данные амфоры изучены менее детально других типов амфор боспорского производства типа «82», розовоглиняных амфор «83–85», «88», «89», с воронкообразным горлом типа «90» [3, с. 83]. Находки керамической тары производства в местных контекстах всегда вызывали дискуссии и разнообразные интерпретации. В последние десятилетия эта тема вызывала немалый интерес среди ученых, причем дискуссия в основном идет, вокруг амфорного материала.

Таким образом, следует отметить, что многочисленные фрагменты керамической тары на памятниках позднеантичного времени в Северном Причерноморье являются едва ли не самым массовым материалом в комплексе археологических артефактов. Отсюда несомненная важность изучения этой группы источников не только для определения торговых связей, импорта-экспорта товаров конкретных поселений с различными центрами, но и как датирующий материал. Так, применительно к узкодатируемым событиям, в сочетании с нумизматикой амфорный материал позволяет расширить возможности их самостоятельного использования.

Библиографический список

1. Абрамов, А. П. Классификация и периодизация амфор второй половины VI – первой половины V в. до н. э. / А. П. Абрамов // РА. – 1993. – № 4.
2. Внуков, С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология) / С. Ю. Внуков. – М.: Ин-т археологии РАН, 2003.
3. Голофаст, Л. А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи / Л. А. Голофаст // МАИЭТ. – 2010. – Вып. XVI.
4. Зеест, И. Б. Керамическая тара Боспора / И. Б. Зеест. – М.: МИА, 1960. – № 83.
5. Зубарев, В. Г. Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское» / В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев // БИ. – 2012. – Вып. 26.
6. Зубарев, В. Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений: (Из практики раскопок городища Белинское) / В. Г. Зубарев // БИ. – 2005. – Вып. X.
7. Монахов, С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. / С. Ю. Монахов. – Саратов, 1989.
8. Шаров, О. В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами / О. В. Шаров. – СПб.: Нестор-История, 2007.

УДК 070

ДОНСКОЙ КРАЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВИКТОРА СЕВСКОГО (ПЕТРОГРАДСКИЙ ПЕРИОД: 1916–1917 гг.)

А. С. Черкесова
askul@sfnedu.ru

Южный федеральный университет

Аннотация. В статье рассматривается публицистика донского журналиста Виктора Севского (В. А. Краснушкина) периода 1916–1917 гг. во время его работы в петроградской газете «Русская воля». Анализируются публикации, посвященные донскому краю и донскому казачеству, а также взаимоотношениям столицы и провинции.

Ключевые слова: Виктор Севский, В.А. Краснушкин, публицистика, Русская воля, донская пресса, донское казачество.

UDC 070

DON REGION IN PUBLICISM OF VICTOR SEVSKY (PETROGRAD PERIOD: 1916–1917)

A. S. Cherkesova
askul@sfnedu.ru

Southern Federal University

Abstract. The article examines the publicism of the Don journalist Viktor Sevsky (V. A. Krasnushkin) of the period 1916–1917 during his work in the Petrograd newspaper "Russian Will". The article analyzes publications devoted to the Don Territory and Don Cossacks, as well as the relationship between the capital and the province.

Keywords: Victor Sevsky, V. A. Krasnushkin, publicism, Russian Will, Don press, Don Cossacks.

Средства массовой информации всегда играли большую роль в укреплении связей между столицей и регионами. С помощью региональной повестки дня СМИ могут привлечь внимание к актуальным проблемам провинции. «Под региональной повесткой мы понимаем определенный содержательный сегмент, тематически связанный с жизнедеятельностью регионов и включающий совокупность текстов, тем или иным образом фиксирующих данную связь» [5, с. 125].

В начале XX века донской край и Ростов-на-Дону пользовались вниманием столичного читателя. «Об известности Ростова, его значимости свидетельствуют сравнения донской столицы с крупными городами, <...> до революции Ростов-на-Дону называли русским Чикаго, азовским Ливерпулем, маленькой Москвой»

[4, с. 38]. Немалую роль в привлечении внимания к региону играли донские публицисты. Одним из них был журналист и редактор Виктор Севский (псевдоним В. А. Краснушкина).

Виктор Севский стал известен общероссийской аудитории в конце 1916 года, когда его пригласил в штат петроградской газеты «Русская воля» редактор литературного отдела Л. Н. Андреев. Переехав с семьей в Петроград, Виктор Севский часто публиковал материалы о своем родном крае и казачестве, к которому сам принадлежал, и в чье возрождение верил.

Севский пишет о своей малой родине честно, иронично, без приукрашиваний, без «казакоманства», болея сердцем за судьбу Дона. В своих публикациях журналист знакомит петроградских читателей с донским краем, богатым разнообразными благами: углем, зерном, шерстью, красивой природой. Автор отмечает, что на регион долгое время не обращали внимание столичные чиновники. Но, когда Россия потеряла Добровский угольный район вместе с Польшей, вдруг вспомнили, что на Дону есть Власовско-Грушевский угольный район. Когда потребовался хлеб, неожиданно выяснилось, что на Кубани закрома ломаются от хлеба. Нашлись на Дону и скот, и шерсть. Тогда донским краем, наконец, стали интересоваться, и он вошел в моду, хотя по большей части на предмет вывоза.

Не без иронии Севский описывает Ростов, называя его незаконорожденным сыном южной красавицы Одессы и донского казака. Публицист отмечает, что город бойкой торгует не только с краем, но и с Европой, для прельщения которой надевает крахмальное белье, оставаясь при этом в смазанных сапогах – ведь иначе по чернозему не пройдешь. Затрагивает автор и отношения Ростова с соседями, говоря о том, что город держится по отношению к ним гордо, т. к. всех кредитует.

Не очень лестно отзывається Севский об образовании и культурной жизни города. «Образования не получил, из трактира в кафе без экзамена перешел – вот и все его образование. Науками и искусствами не интересовался, и в городском музее, кроме зуба мамонта, еще одного зуба мамонта, и портретов градоначальников ничего не имеет» [2]. По убеждению публициста Ростов-на-Дону смог принять благообразный вид только потому, что во второй половине XIX в. его возглавлял городской голова А. М. Байков, который был управленцем по призванию.

Новочеркасск Севский представляет отцом края по назначению Петрограда, подчеркивая, что город был выдуман только для того, чтобы казаки боялись начальства. Публицист уточняет, что императору Александру I не хотелось, чтобы столица Дона была близка к морскому побережью – в Азове, Аксае или Ростове, – поэтому атаман М. И. Платов построил ее подальше от моря. По замечанию Севского, Новочеркасск, в отличие от Ростова, не торгует, а скрипит перьями в канцеляриях, а его главная специальность – покрякивать на Дон.

Азов образно предстает в текстах Севского дряхлым стариком в бедных родственниках при Ростове, которому должна быть положена пенсия за исторические заслуги, а вместо этого ему приходится проживать исторические

памятники. Автор упоминает, как исторические и археологические общества возмущались, когда Азов сдал под склад керосина старинный пороховой погреб. По мнению публициста, участь Азова разделяет и колыбель донского казачества, их «Старый город» – станица Старочеркасская. Таганрог, в прошлом веке прославивший Афинами, ныне, когда Ростов-на-Дону перетянул всю торговлю на себя, «занял амплу липового чая для отставных экспортеров: лечил их природой и покоем от шумной жизни в Ростове» [2].

Краткую характеристику дает Севский и другим городам края. Публицист отмечает, что Ейск желает занять вакансию тихого города. Раньше он славился Ачуевской икрой, которой теперь мажут ботинки, за неимением черного крема. Армавир Севский называет городом, у которого все будет завтра, и который старается нагнать былую отсталость курьерским поездом. Майкоп иронично называет нефтепромышленником – раз город получил заявку на добычу, да и штопор имеется. Кавказский Ставрополь нарекает «красным городом», а Екатеринодар – командиром всей Кубани. Новороссийск публицист описывает как сортировочный пункт для курсовых на Черноморском побережье, отмечая, что для особ первых классов есть курорты-деликатесы – Сочи, Гагры, а для подписчиков ростовских газет – Геленджик и Кабардинка.

Севский подчеркивает, что уголь и хлеб, цемент и нефть, море и горы, леса и поля – все есть в непечатом крае, к которому теперь сватается петроградский чиновник. А невеста в старомодном платье могла бы много упреков высказать жениху, который был глух к ее просьбам долгое время. Но, с горькой иронией отмечает публицист, невеста покорна, а жених слишком расчетлив и уже тянется подсчитать, хватит ли угля и зерна на всю Россию и можно ли уже налаживать экспорт.

Став непосредственным свидетелем Февральской революции, Севский с особым вниманием относится к политическому возрождению казачества. Он активно изучает деятельность Союза казачьих войск, возглавляемого атаманом А. И. Дутовым. Описывая общий казачий съезд в Петрограде, Севский с горечью констатирует, что организаторов погубила излишняя торопливость, и встреча, на которую возлагалось много надежд и упований, разочаровала всех. Публицист удивляется, почему казакам не дают даже заикаться о том, какой же строй правления они хотят видеть в будущем. Отмечая, что недовольные в кулуарах собирались представить свою отдельную резолюцию, он задается вопросом: к чему тогда съезд и объединение? Севский приходит к неутешительному выводу: «Съезд не только разочаровал, но и разъединил... Остался горький привкус от съезда. И хочется думать, что это съезд – начерно. Неудачная репетиция неудачно задуманной пьесы с неудачным режиссером» [3].

Находясь в центре событий в Петрограде, Севский постепенно полностью разочаровывается в работе Временного правительства. Весной 1917 года в редакции «Русской воли» назревает конфликт, в результате которого публицист покидает издание. Севский решает, что оставаться в Петрограде больше незачем, он

возвращается домой, в Донской край, о котором тосковал все это время. Как отмечал его современник А. В. Амфитеатров, «невозможно, кажется, любить свой родной Дон больше, чем любил его В. А., изнывающий без своего станичного быта мучительною тоскою по родине: в Петрограде, который он ненавидел, его никак нельзя было удержать надолго, хотя здесь уже улыбались ему известность и заработок» [1].

Но, даже вернувшись на малую Родину, Виктор Севский, уже ставший известным по всей стране, продолжил сотрудничать со столичными изданиями и писать о донском крае и донском казачестве, внося свой весомый вклад в укрепление связей между столицей и Югом России.

Библиографический список

1. Амфитеатров, А. У свежей могилы / А. Амфитеатров // Петроградский голос. – 1918. – № 38.
2. Севский, В. Непочатый край / В. Севский // Рус. воля. – 1917. – № 24.
3. Севский, В. Съезд разочарования / В. Севский // Рус. воля. – 1917. – № 42.
4. Смеюха, В. В. Формирование в прессе начала XX в. культурно-рекреативных интересов жителей провинциального города: (На материале ростовских газет) / В. В. Смеюха // Вопр. теории и практики журналистики. – 2014. – № 3. – С. 36–45.
5. Фокина, О. А. Региональная повестка общероссийской периодики: Теоретическая и эмпирическая модели / О. А. Фокина // Вопр. теории и практики журналистики. – 2012. – № 2. – С. 124–130.

**ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021**

Секция 8

**КУЛЬТУРА
В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ**

УДК 379.851

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

О. О. Богатырева
olya-travels@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается определение понятия «коммеморативные практики», проводятся аналогии общих связующих черт этого понятия с культурно-массовыми мероприятиями и историко-культурным туризмом. Рассматриваются примеры из практики Тульской области, подготовка к культурно-массовому мероприятию и, как следствие, реализация коммеморативных практик и развитие историко-культурного туризма в регионе.

Ключевые слова: коммеморативные практики, историко-культурный туризм, культурно-массовые мероприятия, Тульская область.

UDC 379.851

COMMEMORATIVE PRACTICES, HISTORICAL AND CULTURAL TOURISM IN THE TULA REGION

O. O. Bogatyreva
olya-travels@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article deals with the definition of the "commemorative practices" concept and draws analogies of the general connecting features of this concept with recreational activities, historical and cultural tourism. It considers examples from the practice of the Tula region, preparation for recreational activity and the subsequent implementation of commemorative practices and the development of historical and cultural tourism in the region.

Keywords: commemorative practices, historical and cultural tourism, recreational activities, Tula region.

В научной литературе коммеморацией называют «практики», совершаемые людьми на территории мест исторической (коллективной) памяти. Коллективная память – это социально сконструированное пространство прошлого, накопленное коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер [4, с. 162].

Места исторической памяти способствуют укреплению стереотипов в сознании, помогая таким образом сформировать историческую память, которая является важным фактором самоидентификации социальной группы.

Сами по себе исторические события (места памяти) являются условными. Для целостного восприятия они транслируются в пространственную категорию, имеющее материальное, символическое или функциональное смысловое обозначение [4, с. 39].

Рассматривая в плоскости туризма, коммеморативные практики можно соотнести с культурно-массовыми мероприятиями и историко-культурным туризмом. На наш взгляд, они обладают следующими общими чертами.

Таблица 1

**Общие черты коммеморативных практик,
культурно-массовых мероприятий
и историко-культурного туризма**

Коммеморативная практика (исторические места)	Культурно-массовые мероприятия	Историко-культурный туризм
архитектурный объект; предмет быта; историческое событие; нематериальные памятники истории и культуры; археологический объект; объекты религиозного значения	реконструкция историко-культурных событий; историко-культурные фестивали, посвященные нематериальным памятникам истории и культуры; национальные и иные праздники, посвященные истории, культуре, религии	экскурсии и туризм, с целью посещения объектов истории, культуры, религии

Объединяющие компоненты:
материальные и нематериальные объекты истории и культуры

Культурно-массовое мероприятие, приуроченное к истории страны, имеющее национальное значение и подразумевающее под собой воспитательные, патриотические, духовные, нравственные цели – является коммеморативной практикой.

Исторические места, культурно-массовые мероприятия, коммеморативные практики нацелены на передачу мировоззренческой информации о прошлом через увековечение определенного лица и события.

Для познания истории страны, своего родного края необходимо знать и посещать объекты истории и культуры. Тульская область обладает немалым количеством памятников федерального и регионального значения. Написано множество статей о потенциале историко-культурного туризма в Тульском регионе.

Приведем следующие коммеморативные практики в Тульской области с примерами исторических мест, культурно-массовых мероприятий и историко-культурного туризма.

Таблица 2

**Коммеморативные практики
в Тульской области и их характеристика**

Коммеморативная практика (исторические места)	Культурно-массовое мероприятие	Историко-культурный туризм	Смысловое значение в культурном контексте
Музей-заповедник «Куликово поле»	Военно-исторический фестиваль «Куликово поле»	Является федеральным музеем, пользующимся популярностью как объект истории и культуры с целью посещения объекта истории и культуры, а также событийного мероприятия	Музей-заповедник создан в память об одном из величайших сражений средневековья – Куликовской битве, послужившей отправной точкой развития российской государственности, утверждения национального самосознания
Музей-усадьба «Ясная поляна»	Международный театральный фестиваль «Толстой»	Является федеральным музеем, пользующимся популярностью как объект истории и культуры с целью посещения объекта истории и культуры, а также событийного мероприятия	Музей-усадьба имеет исключительную культурно-историческую ценность и является национальным достоянием
Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова	Летний международный фестиваль искусств «Век музыки в усадьбе Поленово»	Является федеральным музеем, пользующимся популярностью как объект истории и культуры с целью посещения объекта истории и культуры, а также	Художественный музей является национальным достоянием, первый народный музей в русской деревне

Коммеморативная практика (исторические места)	Культурно-массовое мероприятие	Историко-культурный туризм	Смысловое значение в культурном контексте
		событийного мероприятия	
Тульский государственный музей оружия	«Тула оружейная: от мастера – до защитника»: историческая реконструкция доспехов и оружия российского воинства	Является федеральным музеем, пользующимся популярностью как объект истории и культуры с целью посещения объекта истории и культуры, а также событийного мероприятия	Является одним из старейших музеев России, основанный в 1724 году, в целях сохранения коллекций редкого и образцового оружия

Сохранение, использование и популяризация объектов историко-культурного наследия является актуальной задачей в Тульской области. В качестве яркого примера можно привести фестиваль, посвященный 500-летию возведения Тульского кремля как начала создания Большой засечной черты.

Благодаря целенаправленной политике в регионе, организации и длительной подготовке к этому значимому культурно-историческому и массовому мероприятию, были проведены масштабные реконструкции памятников, находившихся в полуразрушенном и ветхом состоянии.

Подобные культурно-массовые мероприятия становятся, во-первых, катализатором реконструкций, позволяющих восстановить и сохранить материальные объекты истории и культуры; во-вторых, стимулом для улучшения инфраструктуры города в социальной и иных сферах для жителей города; в-третьих, становятся притяжением в регион туристов, с целью развития историко-культурного туризма.

Местами памяти и событий, то есть коммеморативных практик являются места сражений, архитектурные сооружения, места, связанные с жизнью и творчеством знаменитых личностей.

С 2017 по 2020 год были восстановлены следующие памятники, объекты культуры и относящиеся к историческому наследию архитектурные сооружения:

– музейный квартал на улице Металлистов, в котором открылись – филиал Государственного исторического музея, филиал музей-усадьбы «Ясная поляна», две площадки музея-заповедника «Куликово поле», музейное пространство «Вкус к истории», научный центр «Археология и реставрация», центр семейной истории;

– археологическое окно на территории Тульского кремля;

- историко-этнографический комплекс «Осадные дворы» на территории Тульского кремля;
- соборная гора в Чекалине, реставрируется здание Лихвинского казначейства и дом купца Пронина (планируется открытие музея уездного города Лихвин и военной истории города);
- дворянская усадьба Мосоловых в Дубне (музей истории металлургии);
- «красная площадь» – благоустройство исторического центра в Венёве;
- «город-театр» – набережная в Богородицке, создание музейной экспозиции во въездной башне Богородицкого дворца-музея и парка, посвященная крепости Большой засечной черты и краеведению города;
- «парк уездного периода» в Крапивне – восстановление ансамбля Никольской церкви, белокаменное мощение на центральных улицах, благоустройство парка, сквера.

Для познания самого себя, человеку требуется познавать окружающий мир вокруг себя. Поэтому совершенно естественно, что для создания собственной индивидуальности и умения жить в обществе – необходимо знать и понимать культурный код (культуру и историю) своего края, своей страны. Для этих целей и существуют коммеморативные практики, реализующиеся посредством культурно-массовых мероприятий и историко-культурного туризма.

Таким образом, коммеморативные практики, организация культурно-массовых мероприятий, развитие историко-культурного туризма являются средствами в достижении главной цели – сохранение и популяризация объектов истории и культуры, формирования исторической памяти и осознания культурной идентичности народа.

Библиографический список

1. Васильев, А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социол. обозрение. – 2004. – Т. 13. – № 2. – С. 141–167.
2. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: К истории отечественной мемориальной культуры: Автореф. ... дис. д-ра культурологии / А. В. Святославский. – М., 2012.
3. Нора, П. Франция-память. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17–50. – URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Нов. изд-во, 2007.
5. Шуб, М. Л. Современные коммеморативные практики: Образовательный и воспитательный потенциал / М. Л. Шуб // Челябин. гуманитарий. – 2016. – № 3 (36). – С. 80–87.

УДК 745(470.323)

СИМВОЛИКА В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ СУДЖАНСКОГО КРАЯ: НА ПРИМЕРЕ ГОНЧАРСТВА

В. А. Егорова

victoriyafairytale@yandex.ru

Курский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу декоративно-прикладного творчества суджанских мастеров керамики. Автор на примере работ Ю. С. Спесивцева, А. В. Кучерова и О. Несмачной показала, что керамический сосуд и глиняная игрушка представляют собой образ-символ, который зачастую носил ритуальную функцию и являлся оберегом.

Ключевые слова: фигурка, символ, гончары, Суджанский край, мастер, культура.

UDC 745(470.323)

SYMBOLISM IN THE DECORATIVE AND APPLIED ART OF THE SUDZHANSKY REGION: ON THE EXAMPLE OF POTTERY BY

V. A. Yegorova

victoriyafairytale@yandex.ru

Kursk State University

Annotation. The article is devoted to the analysis of decorative and applied creativity of Sudzhansky masters of ceramics. The author, using the example of the works of Yu. S. Spesivtsev, A. V. Kucherov and O. Nesmachnaya, showed that a ceramic vessel and a clay toy represent an image-symbol, which often had a ritual function and was a talisman.

Keywords: figurine, symbol, potters, Sujan region, master, culture.

Язык символов есть истинный, всемирный, всечеловеческий язык, одинаково справедливый для всех времен и народов.

В. Шмаков

Однажды, великий русский писатель Ф. Достоевский сказал о том, что «творчество есть цельное, органическое свойство человеческой природы. Оно есть необходимая принадлежность человеческого духа... Оно неотделимо от человека и составляет с ним целое». Человек неразрывно связан с природой, так было всегда. А традиционная культура – это тонкая невидимая нить, которая связывает прошлое, настоящее и будущее, та основа, «на которой происходит формирование национального самосознания» [7, с. 146].

Искусство также является частью культуры. Зачатки искусства прослеживались ещё в древние века, (наскальные рисунки, музыкальные инструменты, сделанные из костей и кожи животных, а также магические обряды и ритуалы и др.). Созданный человеком мир вещей является объектом декоративно-прикладного искусства. Такой мир включает в себе художественно-образное представление о красоте, о мире, о гармонии.

Искусство, безусловно, символично, и таким оно было изначально. Словарь Д. Н. Ушакова определяет понятие «символ», как от (греч. *symbolon* – знак, первонач. условный опознавательный знак для членов какой-нибудь организации, тайного общества) Предмет или действие, служащее условным знаком чего-нибудь, выражающее, означающее какое-нибудь понятие, идею» [11].

Наиболее ясно это понятие обосновал Н. А. Бердяев, который отмечал, что «символ есть связь между двумя мирами, знак иного мира в этом мире» [3].

Во времена наших предков символика являлась тайным знанием, которое охранялось узким кругом посвящённых. Всплеск интереса к символам в современном мире многие считают показателем возрождения духовных потребностей людей. Изучением данной темы занимались Н. Д. Арутюнова, В. М. Рошаль, В. Б. Кошаев, Ю. М. Лотман, Б. А. Рыбаков и др. [2; 5; 7, с. 146; 8; 11; 12].

Одни из главных и важных функций народного искусства является обращение к духовным корням прошлого.

Суджанский край является колыбелью народных традиций, которые активно возрождаются в настоящее время умельцами и мастерами, проживающими в районном центре. Среди них – мастер гончарного производства Ю. С. Спесивцев, народные мастера А. В. Кучеров и О. Несмачная.

Следует подчеркнуть, что издавна Суджа считалась столицей гончарного производства в Курском крае. Здесь, в ее окрестностях местными жителями были обнаружены залежи высококачественной глины, из которой научились мастерить глиняную посуду и детские игрушки. Появилась целая слобода – Гончарная, где проживали искусные мастера, объединившиеся в гончарный ремесленный цех еще в XVII в.

Особенностью суджанского керамического промысла является технология изготовления фигурных сосудов, выполненных в виде самобытных животных и птиц, а также игрушек-свистулук. Еще в 1854 г. в журнале «Вестник географического общества» назывались такие суджанские керамические фигурные сосуды как «Быки», «Медведи-самовары», «Орлы», «Бараны», «Петухи», «Львы», «Гуси» (40 наименований сосудов). Ю. С. Спесивцеву удалось установить, что могли также изготавливать и такие фигурные сосуды как «Утка», «Царь-гусак», «Казак», «Кабан». Эти и другие фигурки предназначались, в основном, для обрядов и использования различных напитков.

Каждый из них представлял из себя определённый сакральный образ. По мнению А. Чекалова «образ в декоративно-прикладном искусстве – это сложная категория, которая включает «три уровня смыслов: образ отдельного предмета, образ среды, в которой функционирует предмет, образ исторической эпохи, к которой предмет относится» [7].

Так, образ птицы является фигурантом-демиургом, который сотворил Мир. Именно птица-демиург, ныряет на дно Мирового океана и приносит кусочек земли, из которого создаётся мировое пространство.

О. Несмачная. «Петух» [10]

Из славянских традиций и славянского мировоззрения известно, что птица относится к древним культам родового славянского общества. Может быть, поэтому греко-византийская изобразительная традиция, в образе птицы счастья, пришлась русским по душе. Образ орла – считается солярным символом, который является атрибутом солнечных богов во многих различных культурах. Он символизирует духовное начало, освобождение, вознесение, победу, гордость, величие, царственное происхождение, власть, сила.

В коллекции суджанских мастеров образ птицы один из любимых. Об этом свидетельствует коллекция Ю. С. Спесивцева, в которой есть фигурки «Петух», «Сорока» и «Гуси», «Ворона», «Лебедь», «Тетерев», «Соловей», «Пан и сокол».

Последняя из них наделена сакральным смыслом. Так, у древних славян сокол являлся воплощением настоящего мужества, храбрости и самотверженности. В нем наши далекие предки видели силу неба. Образ сокола нес мощную энергию своему владельцу, а также воодушевлял его перед битвой и настраивал на положительный ее исход. В славянской культуре известны два мсокола – Рарог – огненный дух, которому покровительствовал бог Сварог и Финист – ассоциировавшийся с победой и удачей.

К образу птицы обращается и мастер декоративно-прикладного творчества, заведующая филиалом Областного бюджетного учреждения культуры «Курский Дом народного творчества» Суджанский Центр народных промыслов и ремесел Ольга Несмачная. Она является автором удивительного глиняного сосуда «Петух» [10].

По народной традиции такую вазу использовали наши предки, во время праздника «Троица». Они собирали лекарственные травы: вставляли засушенные букетики в отверстия, расположенные на месте крыльев. Ставили «Петуха» в избах на почётное видное место, так как он являлся символом Солнца, Вестником Зари и духовного возрождения, символом предвидения, храбрости, бдительности, мужества, надежности.

У римлян он означал «третью стражу времени»: между полуночью и утренней зарей. Петух считался защитником от всякого рода зла. Считается, что ночные призраки и нечисть исчезают с первым криком петуха. Красный петух отводит пожар от дома, а белый – привидений. Восточные славяне перед вселением в новый дом запускали туда петуха. Если он благополучно проводил там ночь – в дом можно было вселяться без опасений.

К образу еще одной птицы – совы, обращается народный умелец А. В. Кучеров. Его фигурка «Сова» символизирует мудрость и богатство.

Излюбленными образами суджанских гончаров являются бык и медведь. Последний из них символизирует добродушие и ярость, богатырскую силу и неуклюжесть, лень и нежные материнские чувства, обжорство и аскетизма Он олицетворяет непредсказуемость, дурной нрав, зло, грубость, жадность, греховность дьявола, а также жестокою примитивную силу. По мнению К. Юнга «медведь символизировал темные стороны подсознания» [4].

«Бык» (Источник:)

«Медведь-гармонист»
(Источник...)

«Орел» (Источник:)

У Ю. С. Спесивцева широко представлены глиняные сосуды под названием «Быки». Суджанские легенды повествуют о том, что в реке Псёл жило животное с головой быка и хвостом рыбы. Оно защищало домашних животных от волков и других лесных зверей и наказывало пастухов за их нерадивость в работе. Примечательно, что деревянную скульптуру с изображением этого животного нашли в реке Псёл – она попала рыбакам в сети. Полагали, что это символическое отображение бога Велеса [1].

У славян бык считался важным и священным образом, который использовали для обозначения жизненной энергии и символом плодородия. Бык был эмблемой божественного могущества, особенно связанной с богами луны, солнца, неба и ветра. В этом смысле стоит отметить скандинавских богов Тора и Фрейю, греческих – Зевса (в римской мифологии Юпитера), Диониса, Посейдона (Нептуна), египетских – Осириса, Ра, Пта (в образе священного быка) Сета, месопотамских – Ила (с рогами быка) и Ваала, индийских – Индру, Адити, Агни, Рудру и Шиву [9].

Не менее популярным у суджанских гончаров, является образ барана, олицетворяющего солнечную энергию, огонь, пылкую страсть, импульсивность, мужество, упрямство, мужскую силу. В древнеегипетской культуре спиралевидные рога барана указывали на прибывающую силу бога Солнца Амона-Ра, изображаемого с головой барана. Фигурки «Барана» – излюбленный образ суджанского мастера А. В. Кучерова. А еще он является автором фигурки «Лев».

Этот образ символизирует **власть, богатство и достоинство правителей**. Не зря в слове «королевский» есть корень «лев». Так, например, в Древнем Египте бог Акер, который был изображён в виде двуглавого льва, был помощником бога Ра в его ежедневной борьбе с Апопом. Акер стоял на страже между вчера и завтра. Символ льва, по убеждению наших далеких предков, приносит удачу и счастье таким людям, которые полны огня и благородства» [6].

Среди керамических сосудов суджанцев интерес представляет фигурка «Казак». Главный герой изображен сидящим на коне. К этой группе игрушек относятся «Конь», «Лошадь», «Всадник-мужик». Образ же коня в культуре древних славян занимал особое место. Прежде всего, кони в славянской мифологии выступали спутниками богов. Они являлись героями сказок, былин и легенд и олицетворяли мудрость, добро и природные силы. Конь – это и верный слуга, надежный друг и добрый советчик. Безусловно, этот образ в керамике исследуемого региона также нашел достойное воплощение.

А еще у суджанских гончаров достаточно широко представлены христианские сюжеты. Так, на мисках «методом налепа или ангобной росписью из белых гончарных глин» изображали «рыбок». А ведь известно, что в раннем христианстве «рыбки» были символом Иисуса Христа. С ним ассоциировал и лев – царь зверей, орел являлся символом души, а голубь – Святого Духа, чистоты, Благой Вести [14, с. 153].

Таким образом, у наших далеких предков глиняная игрушка представляла из себя некий образ-символ, который зачастую носил ритуальную функцию и являлся оберегом. Создавая выразительные образы человека, животных и птиц мастера старались отразить в образе то главное, что присуще персонажу. В целом же, создание фигурки имело определенный магический смысл и силу, а ее образ, воплощая эту силу, шел из далекого прошлого народа. Мастера глиняной игрушки из Суджи сумели передать эту силу в многочисленных керамических сосудах и игрушках-свистульках.

Библиографический список

1. Агаркова, М. А. Материалы интервьюирования / М. А. Агаркова // Личный архив автора.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – URL: https://www.studmed.ru/arutyunova-n-d-obraz-metafora-simvol-v-kontekste-zhizni-i-kultury_a8af9d6b758.html
3. Бердяев, Н. Философия Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – М.: Вече, 2006. – URL: <https://bookree.org/reader?file=564906> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Библиотека эзотерической литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ezospirit.com.ua/index/medved/0-1919> (дата обращения: 9.03.2021).

5. Вовк, О. В. Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс] / О. В. Вовк. – М.: Вече, 2006. – URL: <https://bookree.org/reader?file=564906> (дата обращения: 10.03.2021).
6. Знаки и символы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.znak-simvol.ru/lev-simvol-i-totem/> (дата обращения: 08.03.2021).
7. Кошаев, В. Б. Декоративно-прикладное искусство. Понятия. Этапы развития: Учеб. пособие для вузов / В. Б. Кошаев. – М.: ВЛАДОС», 2010. Сер. «Изобразительное искусство».
8. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 191–199.
9. Порог миров [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lyrska.wordpress.com/2019/06/16/horned-god/> (дата обращения: 07.08.21).
10. Россия за моим порогом: Ольга Несмачная, Оксана Буряченко и суджанская игрушка в интерьерах XXI века [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zen.yandex.ru/media/id/5b4dadcf797123a00aa6290cf/rossiia-za-moim-porogom-olga-nesmachnaia-oksana-buriachenko-i-sudjanskaia-igrushka-v-intererah-xxi-veka-5caee31cbaeed00b958d54a> (дата обращения: 05.03.2021).
11. Рошаль, В. М. Энциклопедия символов [Электронный ресурс] / В. М. Рошаль. – М.; СПб., 2008. – URL: [иллюминат.рф/s/Рошаль...Энциклопедия символов...pdf](http://иллюминат.рф/s/Рошаль...Энциклопедия%20символов...pdf) (дата обращения: 10.03.2021).
12. Рыбаков, Б. А. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII веков [Электронный ресурс] / Б. А. Рыбаков. – М., 1971. – URL: RodnoVery.ru...article...prikladnoe...Rusi_X-XIII.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
13. Сова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 10.03.2021).
14. Спесивцев, Ю. С. Традиция, история, гончарство и народная культура земли Суджанской / Ю. С. Спесивцев. – Суджа, 2018.

УДК 94 (33, 394.5), 26

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОЙ «СВЯТОСТИ» В СВЯЗИ С ГЕНЕЗИСОМ ТЕКСТА ПЯТИКНИЖИЯ

С. С. Кочергин
sovaminervi@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития древнееврейских библейских представлений о «святости». На основе ряда положений документальной гипотезы в современной библеистике автор анализирует употребление терминологии *qdš* авторами источников J-E-P-D-R и делает ряд выводов об особенностях использования терминов в различных местах Пятикнижия.

Ключевые слова: святость, документальная гипотеза, Пятикнижие, древние евреи, священники, левиты.

UDC 94 (33, 394.5), 26

ABOUT THE QUESTION OF THE HEBREW «HOLINESS» IN RELATION WITH THE GENESIS OF THE TEXT OF THE PENTATEUCH

S. S. Kochergin
sovaminervi@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the problem of formation of Jewish Old Testament ideas about "holiness". The author analyzes the use of the *qdš* terminology within the framework of a documentary hypothesis J-E-P-D-R in modern biblical studies, which allows us to draw a number of conclusions about what causes the use of the terms in various places of the Pentateuch.

Keywords: holiness, documentary hypothesis, the Pentateuch, the ancient Jews, priests, levites.

Проблема происхождения и развития представлений о «святости» у народов ближневосточного региона и, в частности, у древних евреев является одной из наименее изученных в российской и мировой науке. Изучение этого вопроса в значительной степени должно быть основано на анализе ветхозаветных текстов на древнееврейском языке, являющихся основным источником для изучения истории израильтян со времен Исхода (XIII–XII вв. до н. э.). Широко распространенным среди ученых взглядом на происхождение и авторство текстов Ветхого

Завета является вполне аутентичная документальная гипотеза происхождения Пятикнижия и последующих исторических книг (общий обзор, например, в работах [3, с. 402–422; 2, с. 52–80; 7, р. 70–78]. В связи с тем, что существует большое количество мнений по этому вопросу, отметим, что это исследование опирается на теорию документальной гипотезы J-E-P-D-R, изложенную в концепции актуальных работ [8; 4; 5; 9; 10].

С понятием «святость» в ветхозаветных текстах ассоциируются термины, происходящие от еврейского корня шумеро-аккадского происхождения *qdš* (здесь и далее транслитерация дается по таблице [6, р. XXI], ссылки на словарь Стронга даются по [11] с аббревиатурой STR, в качестве цитируемого библейского текста используется Синодальный перевод ветхозаветных книг, в качестве оригинального текста *Biblia Hebraica Stuttgartensia*). Известно восемь вариантов ветхозаветной «святости»: *qdš* (STR 6942), *qōdeš* (STR 6944), *qādōš* (STR 6918), *miqdāš* (STR 4720), *Qedeš* (STR 6943), *qedēšâ* (STR 6948) и *qādēš* (STR 6945), *Qādēš* (STR 6946). В рамках данного исследования в нижеследующей таблице были собраны итоги распределения этих терминов по авторам текста Пятикнижия, за исключением названия *Qedeš*, которое в этих текстах не встречается и обозначает город Кедес Галилейский, и названия *Qādēš*, означающего оазис Кадес в пустыне на юге Ханаана.

Упоминание производных *qdš* авторами Пятикнижия*

	qdš (STR 6942)	qōdeš (STR 6944)	qādōš (STR 6918)	miqdāš (STR 4720)	q^edēšâ (STR 6948)	qādēš (STR 6945)
Ж	Исх. 19:10, 14, 22, 23	Исх. 3:5; 15:11, 13		Исх. 15:17	Быт. 38:21, 22	
Е	Исх. 13:2; Чис. 11:18	Исх. 22:31	Исх. 19:6			
Р	Быт. 2:3 Исх. 20:8, 11; 28:3, 38, 41; 29:1, 21, 27, 33, 36, 37, 43, 44; 30:29, 30; 31:13; Лев. 6:18, 27; 8:10, 11, 12,	Исх. 12:16; 16:23; 26:33, 34; 28:2, 4, 29, 35, 36, 38, 43; 29:6, 29, 30, 33, 34, 37; 30:10, 13, 24, 25, 29, 31, 32, 35–37; 31:10, 11, 14, 15; 35:2, 19, 21; 36:1, 3, 4, 6; 37:29; 38:24–	Исх. 29:31; Лев. 6:16, 26, 27; 7:6; 10:13; 11:44, 45; 16:24; 19:2; 20:7, 26; 21:6–9; Чис. 5:17; 6:5, 8;	Исх. 25:8; Лев. 12:4; 16:33; 19:30; 20:3; 21:12, 23; 26:2, 31; Чис. 3:38; 10:21; 18:1, 29; 19:20		

	qdš (STR 6942)	qōdeš (STR 6944)	qādōš (STR 6918)	miqdāš (STR 4720)	q^cdēšā (STR 6948)	qādēš (STR 6945)
	15, 30; 10:3; 11:44; 16:19; 20:7, 8; 21:8, 15, 23; 22:2, 3, 9, 16, 32; 25:10; 27:14–9, 22, 26; Чис. 3:13; 6:11; 7:1; 8:17; 16:37, 38; 20:12, 13; 27:14	27; 39:1, 30, 41; 40:9, 10, 13; Лев. 2:3, 10; 4:6; 5:15, 16; 6:17, 25, 29, 30; 7:1, 6, 9; 10:4, 10, 12, 17, 18; 12:4; 14:13; 16:2–4, 16, 17, 20, 23, 27, 32, 33; 19:8, 24; 20:3; 21:6, 22; 22:2–4, 6, 7, 10, 12, 22:14–16, 32; 23:2–4, 7, 8, 20, 21, 24, 27, 35–37; 24:9; 25:12; 27:3, 9, 10, 14, 21, 23, 25, 28, 30, 32, 33 Чис. 3:28, 31, 32, 47, 50; 4:4, 12, 15, 16, 19, 20; 5:9, 10; 6:20; 7:9, 13, 19, 25, 31, 37, 43, 49, 55, 61, 67, 73, 79, 85, 86; 8:19; 18:3, 5, 8–10, 16, 18, 19, 32; 31:6; 35:25	15:40; 16:3, 5, 7			
D	Втор. 5:12; 15:19; 22:9; 32:51	Втор. 12:26; 26:13, 15; 33:2	Втор. 7:6; 26:19; 28:9; 14:2, 21; 23:14 Dtn; 33:3		Втор. 23:17	Втор. 23:17

	qdš (STR 6942)	qōdeš (STR 6944)	qādōš (STR 6918)	miqdāš (STR 4720)	q^cdēšâ (STR 6948)	qādeš (STR 6945)
R		Чис. 28:7, 18, 25, 26; 29:1, 7, 12				

* (Составлено по Синодальному переводу Ветхого Завета).

Дальнейший синтез этих данных дает возможность сделать ряд выводов и замечаний.

Несмотря на то, что в книге Бытия освящаются многие вопросы, касающиеся природы Бога, о его святости можно строить лишь предположения, а единственная вставка qdš в Быт. 2:3 о происхождении субботы принадлежит сравнительно позднему (конец VIII – нач. VII вв. до н. э.) источнику Р жреческого происхождения, что обуславливает данное упоминание. Целью автора вставки могло быть дополнительное обоснование древности и важности субботнего праздника, составляющего важнейшую часть культа. Суббота была божественно освящена, нарушать покой было нельзя.

Источники J-E составляют большую часть Бытия и посвящены вопросам, имеющим, преимущественно, светский, политический и генеалогический характер, поэтому религиозная тема святости здесь не фокусе изложения. Что касается термина q^cdēšâ, используемого Яхвистом в пассаже об Иуде и Фамари (Быт. 38), то он имеет языческие, ханаанейские корни, отсылает к древнему пониманию святости, при этом негативная коннотация отсутствует. Фамарь является соучастницей родословной Давида, а сюжет относится к ассоциируемой с J и связываемой с ааронидами южной давидической традиции, датируемой в первоначальной редакции – XI–X вв. до н. э. [1, с. 124]

В книге Исхода ситуация начинает меняться, затрагиваются религиозные и культовые аспекты, вплоть до конкретных указаний, поэтому в тексте обращает на себя внимание употребление терминологии qdš авторами всех источников. Святость – одна из главных тем книги, постижение Бога Исхода происходит на личном опыте через приобщение к его святой природе, через нравственное поведение и искупительные жертвоприношения. Яхвист повествует о встрече Моисея с Богом в сюжете о несгораемом терновом кусте (Исх. 3:1–5), требует снять обувь и не подходить ближе, соблюдая святость места. Строки пассажа об освящении «первенцев» мужского пола (Исх. 13:1–16) (передача на служение или жертвоприношение) принадлежат перу Элохиста, а описываемый феномен имеет очень древнее происхождение. В тексте J под названием «Песнь о море» (Исх. 15:1–19) Яхве являет собой верх божественной святости и ведет народ к Синаю и в обетованные земли Ханаана. В девятнадцатой главе Элохист говорит о теократии, об «уделе Божьем», руководящей роли священников. Источник J сообщает о трехдневном освящении народа перед сходом Яхве на вершину Синая, о заклятости нарушителей и освящении священников (видимо,

распространенного неяхвистского культа, например, Баала). О громе, молниях, густом облаке и трубных звуках (атмосферные явления) сообщает Е, а о дыме, огне и колебании горы (геологические явления) – Яхвист. Источники дополняют друг друга, опираются на какие-то общие более древние тексты, при этом сложно строить те или иные предположения о происхождении каких-то различающихся культов, кроме их постепенного объединения. Но эта эклектичность характерна для развитого политеизма. В 22-й главе Элохист еще раз подчеркивает необходимость соблюдения установленных заповедей для достижения святости. «Книга завета» (21:1–23:33) вся представлена текстом Е. Авторство элохистической традиции, возвеличивающей роль Моисея, принадлежит израильскому левиту (левитам) из Силома, чья генеалогия восходит к некоей группе пралевитов, может быть племен с глубоко религиозным теократическим укладом, инициировавших события Исхода. Интересно, что как раз источник Е в большей степени уделяет внимание вопросам культа, а историографически, именно из Е учеными был выделен позднее священнический источник Р (VIII – начало VII вв. до н.э., к этому же времени J сливается с Е), который занимает существенную часть книги Исхода и Пятикнижия. Однако автором являются жрец или группа жрецов-ааронидов из Иудеи.

Стихи Исхода 24:12–31:18 полностью принадлежат священническому источнику с его прямым назначением, подразумевающим описание различных предметов и процессов, связанных со священническим служением. Это именно тот материал, который слабо представлен в J-E, где ведущая роль отводится пророкам. В тексте Р, напротив, священничество возвеличивается и играет ведущую роль. Описывается устройство ковчега, скинии, одежда священников, а также другие предметы культа и церемонии. Для обозначения тех или иных признаков, или предметов используется группа из трех основных терминов: qdš, qōdeš, qādōš. Спектр значений для этих слов составляют: святое, святая-святых, святилище, святыня, священный, посвящение, освящение. Источник Р, делая Яхве более отстраненным от человека, устанавливая жрецов как посредников, ограждает божественную святость, выделяет ее границы, делает более «осязаемой» и опасной для неподготовленных.

Священническому автору принадлежит и вся книга Левита. Как видно, она изобилует упоминаниями о святости, подробно раскрывая правила для священников (Лев. 8-10), законы жертвоприношения (Лев. 1-7), ритуальной чистоты (Лев. 11-16) и последовательность действий по приобщению Израиля к «царству священников и святых» (Лев. 17–26 – «Кодекс святости»). Святыней (qōdeš) жреческий источник называет остатки хлебного приношения (Лев. 2:3, 10; 6:16–18; 10:12; 21:22); жертву за грех (6:25–27, 29; 10:17); жертву повинности (7:1, 6; 14:13); мирную жертву (19:8); закланное (27:28, 33). Повествуется о священных (qōdeš) собраниях (Лев. 23), юбилейных годах (25:10, 12), законах святости десятины, обетов и территорий (Лев. 27).

Книга Чисел представлена авторством J-E-P-R, хотя священнического материала там весьма много, и подавляющее большинство искомых упоминаний

относится как раз к Р. В третьей главе описываются конкретные функции по охране святилища священников и левитов (qōdeš), подчиненных священникам-ааронидам, а также выделение (освящение) левитов в удел Яхве. Далее левиты под наблюдением священников осуществляют перенос различных частей скинии, при этом они не должны касаться святынь, чтобы им не умереть; часть же вещей переносят сами священники (Чис. 4). Последующие упоминания связаны с описанием обряда назорейства, приношениями при освящении жертвенника. В 16-й главе – в связи с восстанием Корея против священства Моисея и Аарона, в значении как святости (qōdeš) так и закятости (qdš), и далее в уже известных значениях. Упоминания в 28-й и 29-й главах относят к источнику R – финальному редактору Пятикнижия (ааронидский жрец Второго Храма, вероятно, Ездра). Эти дополнения идут в ключе Р. Немного особняком стоит 11-я глава книги Чисел, относящаяся к источнику E, где повествуется о роптании народа против Господа, когда израильтяне проявили недовольство манной и возжелали мяса, а Яхве повелел им очиститься (qdš) перед этим. Тем не менее, дав людям мясо, он поразил их смертельной язвой. Тема этой главы действительно ближе к текстам Элохиста по содержанию.

Второзаконие (D) – наиболее поздняя часть Пятикнижия, относится ко второй половине VII в. до н.э. (ок. 621 г.) Подобно Яхвисту и Элохисту эта книга содержит небольшое количество упоминаний с использованием терминологии qdš. Девтерономический текст преимущественно отсылает к J-E, и очень редко к R, что объясняет это обстоятельство. Термины qedēšâ и qādēš несут исключительно негативный смысл, что связано с императивной монотеистической позицией авторов текста. Девтерономическая реформа и последующий вавилонский плен уничтожили остатки почитания языческих божеств у евреев.

Библиографический список

1. Кочергин, С. С. Ашера, кедеш и представления о «святости» у древних евреев в допленный период / С. С. Кочергин // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2020. – № 1 (67). – С. 399–411.
2. Тантлевский, И. Р. Введение в Пятикнижие / И. Р. Тантлевский. – М., 2000.
3. Тантлевский, И. Р. История Израиля и Иудеи до 70 г. до н. э. / И. Р. Тантлевский. – СПб., 2013.
4. Baden, J. S. J, E, and the Redaction of the Pentateuch / J. S. Baden. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2009.
5. Baden, J. S. The Composition of the Pentateuch: renewing the documentary hypothesis / J. S. Baden. – New Haven, L.: Yale Univ. Press, 2012.
6. Botterweck, G. J. Theological Dictionary of the Old Testament / G. J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry. – Vol. 12. – Grand Rapids, 2003.
7. Gordon, J. New Bible Commentary / J. Gordon, J. A. Wenham, D. A. Motyer, R. T. Carson. – Leicester, 1994.

8. Friedman, R. E. The Bible with Sources Revealed. A new view into the five books of Moses / R. E. Friedman. – N. Y.: HarperOne, 2005.

9. Friedman, R. E. The Exodus: How It Happened and Why It Matters / R. E. Friedman. – N. Y.: HarperOne, 2017.

10. Friedman, R. E. Who Wrote the Bible? / R. E. Friedman. – N. Y.: Simon & Schuster, 2019.

11. Strong, J. A concise dictionary of the worlds in the Hebrew Bible / J. Strong. – Nashville – N. Y.: Abingdon Press, 1890.

УДК 94(47).04

ОХОТА В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ: ПРОМЫСЕЛ, ДОСУГ, РИТУАЛ

К. А. Максимова
kristina.m152@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В данной статье прослеживаются изменения в отношении русского народа к охоте IX–XVII вв. от средства существования – в виде добывания пищи и пушнины – к охоте как царской забаве, ритуалу, церемонии – как пышному, строго прописанному действию.

Ключевые слова: история русской охоты, промысловая охота, великокняжеская охота, царская охота.

UDC 94(47).04

HUNTING IN PRE-PETRINE RUSSIA: NECESSITY, LEISURE, RITUAL

К. А. Maksimova
kristina.m152@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article traces the changes in the attitude of the Russian people to hunting in the IX–XVII centuries. from the means of subsistence – in the form of obtaining food and furs – to hunting as a royal fun, ritual, ceremony – as a magnificent, strictly prescribed action.

Keywords: history of Russian hunting, commercial hunting, grand ducal hunting, royal hunting.

Охота одинаково свойственна и современному человеку, и человеку, жившему тысячелетия назад. Конечно, сравнивая современную и древнюю охоту, мы увидим множество различий, начиная от мотивов и заканчивая её методами. Однако, везде, где живет человек, охота существовала и существует – изменяются лишь ее, приемы и способы, согласно территориально-историческим особенностям местности и социальным условиям общества. Для первобытного человека охота была способом получения пищи и шкуры, т. е. неотъемлемой частью его существования. Позже, охота стала частью религиозных обрядов и даже царских ритуалов. Задача данной статьи – проследить изменения в отношении к охоте на Руси от средства добывания пищи, кожи и меха к царской забаве.

Говоря об истории становления охоты на Руси, необходимо учитывать те природные условия, в которых развивалось древнерусское общество. Можно предположить, что в условиях длительной зимы и жизни в лесной полосе домашнее животноводство имело сильные ограничители по сравнению со степным кочевым скотоводством. Именно поэтому охотничья добыча составляла существенную часть мясного рациона, подтверждение чему мы находим в летописи: «Древляне живяху зверинским образом... ядыху вся нечисто... И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуше все нечисто» (Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. Санкт-Петербург: издание Археографической комисс., 1841–. Т. 1: I. П. Лаврентиевская и Троицкая летописи. 1846. С. 6.) – здесь говорится о комплексной системе жизнеобеспечения, свойственной собирательству, которое включало в себя и охоту, служившую главным источником белковой пищи: «И бяше же около града того лес и бор велик и бяху ловяще зверь» (Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. Санкт-Петербург: издание Археографической комисс., 1841–. Т. 7: VII. Летопись по Воскресенскому списку. 1856. С. 263). Так, многие летописные предания указывают на тот факт, что охота в рассматриваемый нами период (IX–XVI вв.) производилась повсеместно на территории Руси.

Говоря о значимости охоты для наших предков, необходимо понимать, что лес покрывал почти всю Русь. Таким образом, жизнь наших предков была неразрывно связана с лесными угодьями, что повлияло на безусловную любовь к ловле зверя, а также на характер, которым славится хороший охотник: лихость, смелость, азартность, бесстрашие, любовь к свободе. С развитием экономики и переходом от собирательства к производящему хозяйству, тяга к охоте на Руси как к способу существования не ослабевала, ввиду многообразия и большого количества зверя.

Обилие зверя в лесах Древней Руси как нельзя ярче показывает эпизод из Ипатьевского списка летописи: «Еще мужи старии ходили за Югру и Самоядь, яко видивши сами на полунощных странах, спаде туча, и в той туче спаде веверица млада, аки топериво рожона, и взросши и расходится ар земли, и паки бывает другая туча, и спадают олени мали в ней, и расходятся по земли» (Повесть временных лет / Акад. наук СССР; подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод. 1950. С. 197). Конечно, таким рассказам верить мы не можем, однако то, что русичи в это верили, на наш взгляд, свидетельствует о большом количестве зверя в лесистой местности Руси.

Помимо обилия зверей, на которых охотились, в лесах древней Руси нельзя не отметить и их многообразие. В обширных землях, находящихся на северо-востоке центральной части России – особенно в районах Печоры, Перьми и Югры, отмечалось обилие пушного зверя. В частности, сохранились упоминания

Петрея-де-Ерлезунда о данной территории: «Не имеют ни пахотных полей, ни лугов, а живут в пустынях, как лапландцы, и вместо хлеба употребляют в пищу мясо диких птиц и зверей» (Петрей-де-Ерлезунда, Петр. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / [пер. с нем. и предисл. А. Н. Шемякина]. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1867. XII. С. 53). На востоке Руси были расположены мордовские леса, меха зверей из которых известные как «буртасские», очень высоко ценились другими народами. Сохранились и замечания о Рязанской земле, в которой тоже в XVI в. отмечалось большое количество дичи. Если говорить о центральной полосе древнерусского государства, то нельзя не отметить, что, не смотря на ее обилие дикого зверя, в данной местности было гораздо больше птиц. Петрей указывал, что «в Московской земле из диких птиц водятся: дрохвы, глухари, тетерева, лестные куропатки, дикие утки, ястреба, рябчики, седоголовые и обыкновенные дрозды, кулики, жаворонки, сороки, голуби и много других» [3, т. 1, с. 29]. Из диких зверей преимущественно на данной земле обитали медведи, волки, лоси и зайцы. Нельзя не отметить, что и в XVI в. данная местность была все еще обильна дичью. Так, из записок князя Курбского, следует, что в 1552 году, во время похода Ивана Грозного на Казань, царское войско, идя из под Тулы питалось в основном продуктами охоты и рыболовства: «Мы не имели запасов с собою, везде природа до наступления поста готовила для нас обильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали наземь перед нами» [2, с. 1117].

Несмотря на то, что значительные территории южной Руси не покрыты густыми лесами, количество зверей и птиц в степных местностях было не меньше, чем в других районах Руси. Так, Архимандрит Переяславский Пимен, совершивший в XIV веке путешествие в Царьград, так описывал южную местность: «Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво: бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ни что же, ни града ни села... пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыня велия и зверей множество: кози, лоси, волцы, бобры; и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и проч.» (Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Санкт-Петербург: издание Археографической комисс., 1841–. Т. 11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1897. VII. С. 96).

Данные факты свидетельствуют о том, что Русь с IX по XVI вв. была чрезвычайно богата зверем и птицей, на которых охотились наши предки для того, чтобы снабдить себя пропитанием, мехом, а также для развития торговли в определенных богатых редкими животными местностях.

С течением времени сельское хозяйство и животноводство на Руси стали преобладающими способами добывания пищи по отношению к охоте. Однако, последняя не потеряла своего значения, перейдя в ранг досуга как для обычного

жителя страны, так и для княжеского рода вместе с дружиной. Охота для князя и его дружины была проявлением и имитацией вне военного похода реалий военной демократии, чему свидетельствует то, что многие из них находились либо в ратном поле, либо в отъезде. Охота на зверей на Руси была настоящей тренировкой любого военного человека, т.к. охота базировалась не только на поимке дичи, а также на специально обученных охотничьих лошадях. Не удивительно, что наученные охотой всадники считались самыми лучшими в своем деле, и выпасть из седла во время боя для них почти не представлялось возможным.

Охота для Киевских князей XI–XIII века была и отдыхом, и переменной занятий – нелегким и часто опасным трудом. Различные виды охот не только составляли для князей Киевской Руси принадлежность к княжескому быту, но и были следствием непростого военизированного времени: «Можно сказать, что в этот период вся жизнь князей протекала или в ратном поле, или в отъезде; лишь только наступал мирный промежуток времени, князья спешили «на ловы» и отдавались им с таким увлечением, что забывали порою о возможной опасности со стороны врагов» [3, т. 1, с. 61]. С подобным увлечением относились к охоте и князья других княжеств. Новгородская летопись свидетельствует нам об охоте русского отряда в 1378 году: «князи и бояре старшие, вельможи и воеводы, ти все поехаша, ловы деюще, утеху себе творяще, миящся яко дома» (Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Санкт-Петербург: издание Археографической комиссии., 1841–. Т. 4: IV. V. Новгородския и псковския летописи. 1848. VIII. С. 307).

В княжеской охоте как нельзя ярко проявлялся характер каждого князя. Так, Владимир Мономах, характеризующийся источниками как решительный и отважный правитель, считался рискованным охотником, любящим многие ее виды. А князь Ярослав Мудрый – спокойный, уравновешенный человек, хоть и участвующий в некоторых «ловах», охоте предпочитал тихую рыбную ловлю.

Особенное место в списке князей-охотников занимает Владимир Мономах, по праву считающийся одним из основоположников охотничьей регламентации, превращающей охоту уже не просто в досуг, а в настоящий ритуал. Именно он первым упорядочил и организовал охоту - появился ловчий наряд и служебный персонал охоты. Также, в его время существовали разные виды упорядоченной охоты: соколиная, ястребиная, и, возможно, псовая.

Временем пышного расцвета охоты как царской забавы становится время правления Василия III. Охота для него была не просто развлечением, а целым ритуалом, его выезды в отъездное поле были настоящими праздниками, поражающими воображение людей того времени своей грандиозностью. Говоря об одежде и обмундировании Василия III, Герберштейн указывает следующее: «Сам Василий – в центре картины; он в коротком, шитом золотом, кафтане; на голове шлем с двумя козырьками вперед и назад, из которых торчали вверх, как перья, золотые пластинки...; у пояса два длинных охотничьих ножа и такой же кинжал, а за поясом кистень с металлическим привесом на конце; Василий на крупном и статном красавце-аргамаке, убранном с большою роскошью». Свита великого

князя, также шикарно обмундированная, состояла из нескольких сотен человек. Именно благодаря работе Герберштейна мы узнаем о самом ходе охоты, а также о ее эмоциональной характеристике: «Царь подает знак, псари спускают собак, во весь опор мчатся охотники и начинается потеха-травля зайцев. Стоном стонет окрестность от лая собак, от крика и шумных восторгов, когда потравлен заяц. Весело охотникам внимать этому шуму охоты; любо им, с трепетным замиранием сердца, следить за своими собаками, чья больше затравит, чья победит: тот и был героем дня, чьи собаки отличились на славу» [3, т. 1, с. 99].

Сохранилось относительно небольшое количество источников, повествующих об охоте Ивана Грозного, где указывается лишь её характер до опричнины – «нервная, кровавая, жестокая», время опричнины явилось причиной временного упадка царских охот. Несмотря на физическую и политическую слабость царя Федора Иоанновича, он с уважением относился к любимому делу своего деда, часто бывал на отъезжих полях, иногда охотился с соколами. Есть упоминания охоты царя на лося, где собственноручным трофеем Федора стала черная лисица, поимка которой была настоящей гордостью для охотников [3, т. 1, с. 108]. В целом, Федор Иванович не оставил яркого следа в истории царской охоты, однако и в запустение ее не привёл.

Интересно, что оживление Царской охоты приходит с воцарением Лжедмитрия I. Именно при нем происходят значительные изменения в характере охоты, которая приобретает большую активность. Данные изменения объясняются высокой степенью заимствования польско-литовских охот, отмечавшихся гораздо большей степенью организации, где уже имелись определенные регалии (обер-егерь, сокольник, бобровник). Таким образом, период Смуты, последующий за опричной политикой Ивана IV, стал довольно противоречивым по отношению к развитию охоты.

С воцарением династии Романовых для царской охоты открывается новый период – период еще большего расцвета царской охоты. Первые цари новой династии Михаил Федорович и Алексей Михайлович заботились о развитии царских охот. Однако в данном аспекте истории значение Михаила Федоровича гораздо ниже, что объясняется борьбой с последствиями смуты, выпавшей на его правление. Тем не менее, уже спустя 5–6 лет со дня вступления на престол, молодой царь серьезно озаботился делом восстановления царской охоты. В частности, были решены проблемы нехватки охотничьих собак и медведей для дворцовых потех. Учитывая, что Михаил Федорович не отличался великой страстью к охоте, как Владимир Мономах, Василий III или его сын Алексей Михайлович, его внимание к данной проблеме объясняется тем, что этого требовали и обиход двора, и уважение к порядкам царского быта – охота, возобновленная Михаилом Федоровичем, с течением времени достигшая пышности и великолепия при его сыне, стала необходимой частью царской жизни.

Алексей Михайлович с детства пристрастился к охоте, которая стала делом его жизни. Несмотря на спокойный нрав, за что в истории он получил прозвище «Тишайший», как он сам не раз говорил, охота вызывала в нем бурю эмоций.

Алексей Михайлович называл себя «охотником достоверным», вкладывая в это понятие смысл отношения к охоте не как к механически правильному выполнению разнообразных методов охоты, а как к настоящему искусству, высшей степени духовного наслаждения [1]. Именно ко времени правления Алексея Михайловича приходится русская пословица «Соколиная охота – царская, псовая – барская, а ружейная – псарская».

О торжественности и великолепии царской охоты времен правления Алексея Михайловича свидетельствуют его выезды на отъезжее поле, которые были грандиозным событием. Первым в выезде отправлялся окольник «пути строить и для дворовых заимки станов» [3, т. 2, с. 39]. В сопровождении царя находились не только окольные и бояре, а также стряпчие, дворяне, жильцы, многие из которых имели свое сопровождение. Подробное описание царского выезда в апреле 1651 года в село Покровское нам дает В. Кутепов: «Наперед был отправлен в Покровское с постельным возком постельничий и с ним стряпчий с ключом Григорий Ртищев, которых сопровождали жильцы в количестве 300 человек, в цветном платье, ехавшие на армагаках и жеребцах, убранных ратною сбруей; жильцы были выстроены в колонну по три в ряд. За ними ехал стрелецкий голова Михайло Зыбин с сотниками стрелецкого приказа и стрельцами на конях; 300 стрельцов, также в цветном платье с карабинами, ехали по пять человек в ряд. За стрельцами ехало 500 рейтаров, построенные рейтарским строем, имея во главе полковников и иных начальных людей. За ними 12 человек стрелковых с долгими пищалями. Далее следовал дьяк конюшенного приказа Дмитрий Булгаков, а за ним конюхи вели простых жеребцов, армагаков, коней и иноходцев, всего 40 лошадей в великолепных седлах и полном «большом» наряде; за верховыми лошадьми следовали две перемены возников, т. е. упряженных лошадей в бархатных и цветных суконных расшитых чехлах. ... Далее ехал сам царь в аглицкой карете, запряженной шестериком темно-карих возников, с крашенным немецким пером в начелках; кучера были одеты в бархатные кафтаны и собольи шапки с немецкими перьями. ... За каретой следовал рында стольник князь Григорий с 12 жильцами в цветном платье, далее ясельничий, за которым 8 пышных конюхов вели двух лошадей государева седла, в большом конском наряде и под нарядными седлами, а в руках те же конюхи несли нарядные седельные покровцы. По обе стороны дороги шли 300 пеших стрельцов, в цветных зипунах, при шпагах и кованых батогах. Вблизи самой кареты шли стрелецкие головы и сотники, одетые в шитых золотом бархатных ферязях и чюгах, с саблями и оправными топорами. В хвосте этого картежа ехали стольники, стряпчие, дворяне и всяких чинов люди по 3 в ряд в цветных, расшитых золотом, платьях, на армагаках и других пород хороших конях, в великолепной сбруе. Шествие замыкал стряпчий с государевым запасным возком, имея позади себя простых стряпчих, в цветном платье по 3 в ряд, на конях» [3, т. 2, с. 39–41].

Такое великолепие выезда на охоту уже не сравнится с промысловыми охотами времен первых князей Древней Руси. Эту охоту уже нельзя назвать просто «досугом». Охота теперь – целый ритуал, церемония – как пышное, строго

прописанное действо. Это уже не проявление военной демократии, а даже в чем-то театральное действо, с присущими царскому двору пышностью и блеском, огромным числом сопровождающих царский кортеж, требующее большого числа времени и средств, показывающее статус государя и государства. Все это стало неотъемлемой частью истории развития охоты на Руси.

Таким образом, мы видим, что вместе с развитием общества развивалось и такое явление, как охота, которая существовала с появления человечества. В России охота всегда занимала особое место, ввиду ее географических особенностей, больших охотничьих ресурсов, навыков населения. Также для развития охоты в России большую роль сыграли особые черты характера русского народа. Значимость охоты для русского человека становилась веками, совершенствуясь, модифицируясь, видоизменяясь, благодаря чему процесс развития охоты в допетровское время плавно перетекал из первой необходимости в настоящий ритуал царского двора.

Библиографический список

1. Андреев, И. Л. Достоверный охотник. Царь Алексей Михайлович (1629–1676) [Электронный ресурс] / И. Л. Андреев // Наука и жизнь. – 1998. – № 7. – URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10944/> (дата обращения: 06.03.2021).
2. Карамзин, Н. М. История государства Российского: В 3 кн., заключающих в себе 12 т. / Н. М. Карамзин. – СПб.: Золотой век; Диамант, 1997.
3. Кутепов, Н. И. Царская охота на Руси: Исторический очерк Николая Кутепова / Н. И. Кутепов; Изд. ил. В. М. Васнецовым и Н. С. Самокишем. – СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1896–1911. – Т. 1–2.

УДК 94(47).084.3

ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СССР В 1950–1960 гг.

А. К. Фардзинова

shura_fardzinova2014@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье на основании данных изученной литературы рассматриваются вопросы организации театрализованных представлений в СССР в 1950–1960 гг. Выявляются причины возрождения интереса к театрализации массовых мероприятий. Особое внимание уделяется тематике, атрибутике, музыкальному оформлению празднеств. Делается вывод, что именно на этот период приходится расцвет театрализованного представления в СССР.

Ключевые слова: театрализованное представление, праздничная атрибутика, фестиваль, сценарий, реквизит.

UDC 94(47).084.3

THEATERED PERFORMANCE IN THE USSR 1950–1960

A. K. Fardzinova

shura_fardzinova2014@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. Based on the data of the studied literature, the article examines the organization of theatrical performances in the USSR in 1950-1960s. The reasons for the revival of interest in theatricalization of mass events are revealed. Particular attention is paid to the theme, paraphernalia, musical design of the festivities. It is concluded that it was during this period that the heyday of the theatrical performance of the USSR fell.

Keywords: theatrical performance, festive attributes, festival, script, props.

Послевоенные годы в СССР характеризуются возрождением не только экономики, но и праздничной культуры. Создаются новые виды массовых театрализованных представлений, связанных с общественными событиями или знаменательными датами. «Характерные черты театрализованных представлений – сочетание всех видов искусств, активное участие масс в их подготовке и проведении» [4, с. 34].

Особый размах приходится на 50-е годы XX столетия. Это обусловлено «развернувшимся в годы первых пятилеток строительством масштабных культурных сооружений – парков культуры и отдыха, открытых театров, стадионов» [5, с. 18].

Не только эта причина скрывается за организацией таких торжеств. Театрализованные представления позволяли выразить идеи построения социализма на массовом уровне, неся политическую окраску. Так, «26 июля 1957 г. в честь открытия VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов прошел театрализованный митинг-манifestация на Манежной площади в Москве, посвященный борьбе за мир и разоружение, на котором присутствовало до полумиллиона человек» [3, с. 56]. Это представление считается эталонным и служит ярким примером смешения политического содержания с художественными формами праздника.

За несколько дней до фестиваля проводились массовые торжества и в других городах страны. Нужно отметить, что фестиваль имел многонациональный состав участников фестиваля, в нем слились воедино традиционность, самодеятельность, многожанровость и профессионализм представлений. Все это в совокупности выражалось доходчиво и было рассчитано на обывателя.

Замысел действия был прост: «дать возможность жителям Москвы увидеть всех участников фестиваля, а делегатам познакомиться с гостеприимством жителей столицы; задать ритм начинающемуся многодневному празднику молодежи, предоставить возможность жителям города ощутить масштаб фестиваля и активно включиться в массовые действия» [6, с. 193].

Вся программа праздника проходила по четкому сценарию, который разрабатывался творческой группой. В ее составе был известный сценарист – народный артист СССР И. М. Туманов, который занимался организацией VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Иосиф Михайлович отмечал, что «создавая сценарий праздника, необходимо также решать вопрос индивидуализации каждого праздничного театрализованного действия» [9, с. 17].

Индивидуализация проявлялась в проведении костюмированных маскарадов. Например, на грузовики помещали громадные «фигуры из папье-маше: Гулливер и лилипуты, вратарь с мячом, шахматист, Дон Кихот на своем Россинанте, Конек-Горбунок, Жар-птица, Арлекин, Иванушка и многие другие литературные, сказочные, «спортивные» персонажи» [2, с. 88].

Важным явлением театрализованного праздника было музыкальное сопровождение, которое объединяло все части представления воедино. Привлекались духовые оркестры, хоровые коллективы. Так, на каждое действие в сценарии планировалась своя аранжировка, которая передавала смысл происходящего. Дополнительный эффект создавался благодаря театральному реквизиту, декорациям и праздничным атрибутам таким как «наборы цветных флажков, панно с национальными орнаментами, фестивальными значками» [9, с. 19].

Таким образом, сценарий театрализованных представлений для наивысшего результата включал совокупность художественных образов с техническими возможностями. «Действие масс, сложные построения мизансцен, выразительность номеров, лаконичное символическое оформление, использование машин, электрических приборов, кинопроекции, артиллерийских орудий, монтажное построение сцен и эпизодов» [10, с. 3].

Каждый массовый праздник подразумевает не только наличие зрителя, но и желание наблюдателя стать активным участником событий. «В середине

50-х годов появляется новый вид массового празднества – «театрализованное спортивное представление» [2, с. 58], которое позволяло вовлекать граждан в мероприятие, тем самым достигалось удовлетворение от проведенного дня, чувство гордости за страну [9, с. 22].

Считается, что «праздничные театрализованные представления интерпретируют историю, формируя общественное представление о ней с официально принятой точки зрения» [1, с. 2]. В этом контексте в конце 50-х – начале 60-х годов проводились мероприятия, посвященные юбилейным и памятным историческим датам. В городах организовывались массовые инсценировки, «например, инсценировка к 950-летию Ярославля (1960). Наиболее удачными в ней были эпизоды «Александр Невский» и «1905 год», исполнявшиеся рабочими» [2, с. 120]. Проводились такие инсценировки проводились под руководством постановщиков работниками различных организаций.

Также 50-х годов XX столетия характерны и детские театрализованные праздники, и концерты. Массово проводили театрализованные праздники пионерские, комсомольские, творческие объединения на добровольных началах [7, с. 180]. Дети больше не выступали с докладами, как было принято в 1920-х гг., а радостно участвовали в общем строе, в громадном хоре, в большом счастливом коллективе [8, с. 260]. Задачей таких театрализованных празднеств было «рассказать о сегодняшней жизни юного поколения Страны Советов [7, с. 181].

Организация массовых театрализованных представлений имела успех среди населения. Считалось, что это «обогащало советских людей новым опытом общения и проведения свободного времени, выполняло агитационно-пропагандистские функции, приобщало массы к высоким образцам культуры и искусства» [7, с. 183].

Таким образом, театрализованные представления были актуальным проведением досуга населением, включали в себя различные художественные и идеологические смыслы, проводились по строго выверенному сценарию. Эталонным примером проведения таких торжеств стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Библиографический список

1. Аниконова, Т. Г. Театрализованное представление как зрелищная составляющая праздника [Электронный ресурс] / Т. Г. Аниконова // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – № 4 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralizovannoe-predstavlenie-kak-zrelischnaya-sostavlyayuschaya-prazdnika> (дата обращения: 16.02.2021).
2. Волович, В. Большой московский карнавал. Массовые праздники и зрелища / В. Волович. – М., 1961.
3. Генкин, Д. М. Массовые праздники / Д. М. Генкин. – М.: Просвещение, 1975.

4. Глан, Б. Массовые театрализованные представления и праздники: Литературная обработка стенограмм Н. Д. Синцова / Б. Глан. – М.: Всерос. театральное о-во, 1963.
5. Глан, Б. Н. Праздник всегда с нами / Б. Н. Глан. – М.: СТД, 1988.
6. Конович, А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР / А. А. Конович. – М.: Высш. школа, 1990.
7. Лазарева, Л. Н. История и теория праздников: Учеб. пособие / Л. Н. Лазарева. – Челябинск.: ЧГАКИ, 2013.
8. Сиротина, С. С. «Было непонятно и смешно»: Праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми [Электронный ресурс] / С. С. Сиротина, Келли Катриона // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bylo-neponyatno-i-smeshno-prazdniki-poslednih-desyatiletij-sovetskoy-vlasti-i-vozpriyatie-ih-detmi> (дата обращения: 16.02.2021).
9. Туманов, И. М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта / И. М. Туманов. – М.: Просвещение, 1976.
10. Фетисова, Т. А. Театрализованное представление в контексте культуры [Электронный ресурс] / Т. А. Фетисова, Т. Г. Аниконова // Вестн. культурологии. – 2018. – № 4 (87). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/t-g-anikonova-teatralizovannoe-predstavlenie-v-kontekste-kultury> (дата обращения: 16.02.2021).

УДК 94(3)

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА АПОЛЛОНА В ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Н. А. Щербакова
nata21022003@rambler.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматривается проблема особенности культа Аполлона и его влияние на уклад жизни в городах Северного Причерноморья. Данная тема остается дискуссионной, поскольку многие историки и религиоведы не могут определить точную причину данного явления. По мнению автора, многообразие культа Аполлона обусловлено постепенным переходом от политеизма к монотеизму, так как поклонение одному божеству обеспечивало покровительство многим категориям граждан одновременно.

Ключевые слова: Аполлон, Северное Причерноморье, мистерия, культ, обряд, соревнование.

UDC 94(3)

FEATURES OF THE CULT OF APOLLO IN THE CITIES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

N. A. Shcherbakova
nata21022003@rambler.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article deals with the problem of the features of the cult of Apollo and its influence on the way of life in the cities of the Northern Black Sea region. This topic remains controversial, since many historians and religious scholars cannot determine the exact cause of this phenomenon. According to the author, the diversity of the cult of Apollo is due to the gradual transition from polytheism to monotheism, since the worship of one deity provided protection to many categories of citizens at the same time.

Keywords: Apollo, Northern Black Sea region, mystery plays, cult, rite, competition.

Религия и культура городов Северного Причерноморья во многом определялась традициями Древней Греции. Этот феномен обусловлен появлением в VII–VI вв. до н. э. греческих колоний на берегу Понта Евксинского [1, с. 3]. В районах Северного Причерноморья в римский период распространяются элладские мистериические культы и празднования религиозных торжеств. Религия оказывала огромное влияние не только на быт людей, но и на формирование

искусства, традиций, поэтому обычаи поклонения тем или иным богам могут многое рассказать об организации жизни населения Северного Причерноморья. На основе раскопок и исследований можно определить, какие божества имели наибольшее значение для жителей Понта Евксинского. Это позволяет определить основные направления деятельности людей, их навыки и уровень развития в той или иной сфере. Стоит отметить тенденцию, что в городах Северного Причерноморья был свой верховный бог, который покровительствовал определенной группе жителей. В данной статье особое внимание уделяется многогранному культу Аполлона, поскольку он был одним из самых почитаемых богов пантеона на территории Понта Евксинского.

Аполлон (др.-греч. Ἀπόλλων, лат. Apollo) является богом света, покровителем искусств и муз, олицетворением мужской красоты, поэтому особое почтение ему оказывали юноши и творческие деятели. Однако данное многообразие культа устанавливается только в классическое эллинистическое время [7, с. 305]. Аполлон был наиболее почитаем у греков, поскольку отождествлялся с Солнцем, источником жизни. В связи с этим бог получил прозвище Феб, что значило «лучезарный», «сияющий». Также можно встретить образ Аполлона Врача, который приобретает наибольшую популярность среди жителей Северного Причерноморья, поскольку каждый мог обратиться к божеству с просьбой о помощи. Исследователи полагают, что данный образ пришел из Милета и впервые встречается в Пантикапее и Фанагории [2, с. 13]. Аполлон Врач считался покровителем жителей милетских городов, который оберегал людей от бед и катаклизмов. Научные труды не дают информации о распространении данного культа за пределами Северного Причерноморья, однако некоторые античные авторы упоминали в своих произведениях об Аполлоне Целителе.

В Древнегреческой мифологии также известен подвиг Аполлона – победа над змеем Пифоном. По приданию Аполлон родился на острове Делос, где его мать Латона искала укрытие от преследовавшего ее семью змея. Бог света желал отомстить змею, поэтому поразил пасть Пифона золотой стрелой. В честь победы Аполлона зазвучала торжественная песнь – пэан. На месте, где было зарыто тело змея, был основан Дельфийский Оракул, почитаемый греками как центр мира. Также существует придание о том, что бог превратился в дельфина, когда увидел критских моряков, плывущих к острову Делос. Аполлон привел корабль к Дельфийскому Оракулу и сделал моряков первыми жрецами святилища. К Оракулу приходил каждый, кто желал получить пророчество или ответ на вопрос от самого бога Аполлона, начиная от политически важных маневров и заканчивая бытовыми проблемами. Этот факт, как и наличие многочисленных праздников, храмов в честь Аполлона говорит о почитании бога в Элладе. В Северном Причерноморье так же, как и в Древней Греции, строились храмы в честь бога света, которые было принято украшать лавровыми венками. Выращивание лавра на данной территории было невозможно, поэтому растение привозилось из более южных государств [6, с. 30]. Условия, которые создавались в честь бога Аполлона, говорят о почитании божества жителями Понта Евксинского.

Большое значение культу Аполлона уделялось в таких городах Северного Причерноморья, как Боспор и Ольвия. Об этом свидетельствуют надписи времен IV века до н. э. [2, с. 1]. Жители Ольвии и Боспора, как и жители других городов Северного Причерноморья, посещали праздники на родине Аполлона – острове Делосе. Посещение Оракула было делом чести и почета каждого человека. Празднования в честь бога Аполлона в Северном Причерноморье отмечались с особым размахом. Со временем в каждой колонии торжества стали приобретали особые черты.

Ранее упоминаемый образ Аполлона Врача занимал ведущее положение в пантеоне богов Пантикапея и Боспора, поэтому праздники в честь бога были главными государственными торжествами [6, с. 43]. Боспорская династия Спартокидов считала Аполлона своим покровителем, поэтому храм Аполлона Врача в Пантикапее занимал почетное место, а представители боспорской аристократии и члены правящей династии являлись жрецами бога, что отмечено в надписях V–IV вв. до н. э. (КБН. 6, 10, 25).

Также празднества в честь Аполлона Врача отмечались в Борисфене, Ольвии и Тире. Надписи в Тире III веке до н. э. свидетельствуют о пышных празднествах в честь бога-целителя [5, 116 с.]. В Ольвии отмечались торжества в честь Аполлона с момента основания колонии. Здесь ежегодно избирали жреца бога света, так как Аполлон был верховным богом полиса. Изображение бога чеканилось на ольвийских монетах. В Ольвии были найдены не только храмы, но и скульптуры в честь Аполлона. Статуи имели отличительные символы бога: лук со стрелами, лира и кифара. Говоря о символах Аполлона, также следует упомянуть треножник, который по традиции создавался из бронзы и передавался в храм бога. Он, как и лавровый венок, выступал в качестве награды за выдающиеся заслуги и достижения.

На многих вазах и терракотах был изображен Аполлон, играющий на лире в окружении двух муз. Также можно было заметить изображение Аполлона с сестрой Артемидой и матерью. В последующем культ Аполлона Врача заменяется культом Аполлона Дельфиния в Борисфене и Ольвии. Бог был покровителем государства, поэтому на эмблеме Ольвии изображался дельфин, а с последней трети V века до первой половины II века до н.э. чеканилась монета с эмблемой полиса. В Тире и Боспоре с одной стороны монеты чеканили голову бога, а с другой изображалась кифара. Согласно мифологии, бог был покровителем моряков, поэтому празднество проходило весной в сезон мореплавания. Праздники Дельфиния были значимы для жителей Понта Евксинского. Торжество сопровождалось пышной процессией и жертвоприношениями перед храмом Аполлона Дельфиния [6, с. 47]. Большое значение уделялось песням и танцам, поскольку бог являлся покровителем искусства. Юноши и девушки выступали в венках и праздничных одеждах, чтобы не только талантом, но и внешним видом заполучить одобрение божества и победу в конкурсе. Известно, что политический деятель Никий приобрел для афинского хора роскошные костюмы и венки, что привело в восторг зрителей [6, с. 54]. Также агоны сопровождалось

драматическими состязаниями, на которых ставились комедии популярных драматургов. После проводились атлетические соревнования, победители которых получали пальмовые ветви. Также следует отметить, что в святилище Дельф проводились Пифийские игры в честь победы Аполлона над змеем Пифоном.

Культ бога Аполлона охватывал множество сфер жизни людей, что в первую очередь обусловлено разнообразием деятельности жителей полисов и необходимостью интеграции общества. Жители разных городов и государств приезжали на торжества в честь бога Аполлона. Эллина не только участвовали в различных культурных и спортивных соревнованиях, но и также узнавали новости о войнах, торговле, жизни других стран. Жители Северного Причерноморья часто выступали зрителями на панэллинских празднествах, но также удостаивались почетных званий и наград. Греки считали, что Аполлон чаще других богов участвовал в атлетических соревнованиях, поэтому в его честь устраивалось множество состязаний как спортивных, так и театральных.

Таким образом, можно убедиться в том, что бог Аполлон был значим для жителей Северного Причерноморья. Многообразие культа обусловлено желанием жителей заручиться поддержкой бога и его расположением. Юноши, деятели искусства, атлеты, моряки, болеющие люди могли получить покровительство Аполлона. В дальнейшем каждый житель полиса почитал бога света и обращался к нему с самыми разнообразными просьбами. Этот феномен можно назвать первым шагом к становлению монотеистической религии в данном регионе, однако в религиозной системе все еще продолжает существовать устойчивый пантеон божеств. В конечном итоге, особенности культа бога Аполлона коренным образом повлияли на развитие архитектуры, спортивных и драматических соревнований, а также внешнеполитических отношений.

Библиографический список

1. Агбунов, М. В. Загадки Понта Эвксинского [Электронный ресурс] / М. В. Агбунов // Студенческое науч. о-во. – URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/agbunov_zagadki_ponta/1.htm (дата обращения: 26.02.2021).
2. Голь, Н. Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила / Н. Голь, Ф. Елоева, Д. Норин, Е. Стрельцова. – Калининград: Янтарный сказ, 1999.
3. Карышковский, П. О. Надписи Тире / П. О. Карышковский // ВДИ. – 1985. – № 4. – С. 159.
4. Карышковский, П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синоп, Истрии и Ольвии [Электронная версия] / П. О. Карышковский // Нумизматика Северного Причерноморья. Нумизматика и бонистика. – URL: <http://vsemonetki.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st017.shtml> (дата обращения: 26.02.2021).
5. Лосев, А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев // Студенческое науч. о-во. – URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/losev2/losev2.pdf> (дата обращения: 26.02.2021).

6. Скржинская, М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. – СПб.: Алетейя, 2010.

7. Толстой, И. И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии [Электронный ресурс] / И. И. Толстой // Internet Archive. – URL:

https://archive.org/details/libgen_00295339/page/n5/mode/2up (дата обращения: 26.02.2021)

ТУЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021

ТГПУ
им. Л. Н. Толстого

Секция 9

**ОТРАЖЕНИЕ
В ЯЗЫКЕ
ПРОСТРАНСТВА
И ВРЕМЕНИ**

УДК 811.161.1'28

ЛЕКСИКА ПИТАНИЯ В ГОВОРАХ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ НЕПРЯДВЫ

Л. В. Кильмаматова
lubochka95.95@mail.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу содержания тематической группы «Бытовая культура» в лексике говоров. В рамках данной статьи мы останавливаемся на рассмотрении тематической подгруппы «Питание», которая включает в себя наименования продуктов питания, блюд и напитков. Названная подгруппа была проиллюстрирована лексическими единицами, бытующими в лексике говоров верхнего течения реки Непрядвы. Собранный материал был сопоставлен с данными ряда лексикографических источников.

Ключевые слова: тематические группы, бытовая культура, лексика питания, тульские говоры, диалектная лексика, река Непрядва.

UDC 811.161.1'28

FOOD VOCABULARY IN THE DIALECTS OF THE UPPER REACHES OF THE NEPRYADVA RIVER

V. Kilmamatova
lubochka95.95@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article is devoted to the analysis of the content of the thematic group "Household culture" in the vocabulary of dialects. Within the framework of this article, we dwell on the consideration of the thematic subgroup "Nutrition", which includes the names of food products, dishes and drinks. The named subgroup was illustrated by lexical units used in the vocabulary of dialects of the upper reaches of the Nepryadva River. The collected material was compared with the data of a number of lexicographic sources.

Keywords: thematic groups, everyday culture, food vocabulary, Tula dialects, dialect vocabulary, the Nepryadva river.

Пища – высочайшая жизненная ценность для каждого человека. Питание связано не только с ее употреблением и удовлетворением физиологических потребностей, но и с культурой. Культура питания включает в себя добывание пищи, различные способы ее заготовки, хранения, приготовления и употребления. По тому, как обеспечивают люди потребность в еде и питье, можно судить

о своеобразии их культуры. Ассортимент продуктов и различные способы их сочетания составляют особую кухню, которая имеет свои традиции и предпочтения. Питание может различаться не только по национальному и территориальному признаку, но и в более узком рассмотрении, например, ежедневный или праздничный рацион, питания богатых, бедных или средних слоев населения и т. д.

Проиллюстрируем тематическую подгруппу «Питание» лексическими единицами, бытующими в лексике говоров верхнего течения реки Непрядвы, протекающей по территории Воловского района Тульской области. Оговоримся, что нами были обследованы следующие населенные пункты Воловского района: д. Красный Холм, д. Пруды, д. Алексеевка, с. Никитское и с. Непрядва.

Подчеркнем, что собранный нами в ходе полевой работы лексический материал не был систематизирован и отражен в словарях, словниках. На сегодняшний день лексика, бытующая на указанной территории, не получила своего полного описания. Именно поэтому обращение к ней является актуальным и своевременным. В ходе анализа попытаемся сопоставить собранный нами материал с данными ряда лексикографических источников, в том числе с данными сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ).

Тематическая подгруппа «**Питание**» включает в себя наименование продуктов питания, блюд и напитков. Нами было зафиксировано 28 лексем, связанных с питанием. Проанализируем лексем, обозначающие блюда.

К названиям блюд, встретившимся на данной территории, можно отнести 6 лексических единиц: де́д с ба́бкой, те́сто, лизу́нья, сласте́нница, два куска́, квас.

Закуска из свёклы и двух ломтиков хлеба называлась де́д с ба́бкой [св'о'клу вар'и'л'и сла'ткују, кусо'ч'к'и св'о'клы и кусо'ч'к'и хл'э'бушкь, как вот јэ'т'и п'ич'э'н'јь пьпала'м, так'и'ја ло'мт'ик'и – јэ'ть д'эд зба'пкј нъзыва'лс'и, а пато'м фп'э'чку запа'р'ивъл'и, бы'ль о'ч'ьн' фку'снь] (с. Никитское). Данная лексема является уникальной, она не встречается ни в диалектных, ни в литературных словарях.

Блюдо, приготовленное из хлеба, свёклы, свекольного сока и квасной гуши [пато'м јиш'ш'о' д'э'льл'и т'э'сть: хл'э'п, св'о'кль и сок св'ико'л'ньј, и заква'шывъл'и јиво' гу'ш'ьј квасно'ј, пьстай'т јэ'ть, и то'жэ ку'шал'и, вот как фку'снь, јэ'ть ҃ато'в'ил'и ф по'сньи дн'и] (с. Никитское) или только из муки и свекольного сока, называлось те́сто (д. Пруды). В СРНГ данная лексема является многозначной, второе значение лексемы также связано с наименованием блюда: «Тесто... 2. Кушанье в виде каши, киселя из муки, солода (иногда с добавлением корок хлеба и т. п.). Кушанье из заварной ржаной муки с горсткой пшениной, пропаренное и заквашенное. Кушанье из вареного или пареного теста с калиной, сушеными яблоками или грушами. Кушанье – густой раствор из овсяной муки. Мучное кушанье в виде теста (иногда заквашенного и заварного)» [16, с. 95–96]. В МАС встречаем следующее определение: «Тесто... Густая вязкая масса, образующаяся при замешивании муки с водой или молоком» [16, с. 362]. Из теста изготавливают хлеб, а хлеб является составляющей частью данного блюда, поэтому можно предположить, что указанная диалектная семантика

сформировалась на основе значения ‘густая масса из муки, замешенной на воде или молоке’.

Для обозначения блюда из варёной свёклы, свекольного сока и муки использовались лексемы лизунья и сладёница [а иссв’о’клы ч’аво’. Л’изу’н’ју д’э’ль’и, слад’о’н’н’иць. Св’о’къл’к’и са’хърн’ј, памо’јьш’јіо’, пач’и’с’т’иш и то’н’ьн’к’им’и-то’н’ьн’к’им’и л’исто’ч’към’и, сва’р’иш, а сок сла’ткъј-сла’ткъј, н’ивъзмо’жнъ како’ј, и вот туда’ н’имно’уъ муч’и’цы, зава’р’иш јіјо’, пьстай’т, и јэ’л’и] (с. Непрядва). В СРНГ находим следующее определение: «Лизунья... Женск. к лизун (в 1-м и 2-м знач.) Обоян. Курск., 1859. Лизун... 1. Любитель лакомств, сладостей. Обоян. Курск., 1859. Ворон., Смол., Пек., Вят., Арх. 2. Тот, кто мало ест. Обоян. Курск., 1859» [14, с. 44 – 45]. В МАС представлено такое значение: «Лизунья... Женск. к лизун. Лизун... 1. Тот, кто любит лизать, лизаться. 2. перен. Лыстец, подхалим» [15, с. 182]. Ни одно из значений в диалектном и литературных словарях не соответствует рассматриваемому нами. Лексема сладёница, которым также обозначается данное блюдо, не была обнаружена ни в одном из словарей, поэтому является уникальной.

Блюдо, состоящее из двух сортов мяса – баранины и свинины, называли два куска’ [а јэ’сл’и хто’ хърашо’ жыл, то дају’т два куска’, нъзыва’јьць, бара’н’ину и св’ин’и’ну] (с. Никитское). Такое название не встретилось ни в одном из словарей.

На данной территории часто встречается лексема квас в значении ‘окрошка’ [с’ич’а’с акро’шкъ, а тауда’ квас нъзыва’л’и] (д. Алексеевка, с. Непрядва). В СРНГ первое значение лексемы совпадает с данным: «Квас... 1. Окрошка. Ворон., 1893, Курск., Ряз.» [13, с. 158]. Тульская локализация не отмечена, но лексема квас часто встречается на территории тульской области в названном значении. В МАС встречаем следующее определение: «Квас... 1. Кисловатый напиток, приготовляемый на воде из ржаного хлеба или из ржаной муки с солодом). 2. Шипучий напиток из ягод, фруктов или меда [16, с. 44]. В рассматриваемом нами употреблении слово, действительно, часто встречается в русских говорах. В окрошку добавляли напиток квас и называли блюдо по наименованию напитка.

Различные наименования продуктов питания, блюд и напитков, рассматриваемых в данной статье, содержат информацию об образе жизни человека, о его вкусовых предпочтениях. Зафиксированность собранных нами в полевых условиях лексем различными лексикографическими источниками свидетельствует об их устойчивом характере, который, видимо, свидетельствует о традиционном укладе жизни.

Библиографический список

1. Анохина, Л. И. Лексика питания: названия печёных кушаний из муки в орловских говорах: (Структурно-семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Анохина. – Орел, 1998.

2. Губарева, В. В. Лексика питания в говорах Тамбовской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Губарева. – Тамбов, 2001.
3. Дмитриева, С. В. Лексика тематической группы «Питание» в народной речи в ареальном аспекте: (На материале псковских говоров): Дис. ... канд. филол. наук / С. В. Дмитриева. – Псков, 1999.
4. Искакова, З. Д. Наименования продуктов питания в русском и казахском языках: Автореф. ... дис. канд. филол. наук / З. Д. Искакова. – Алматы, 1994.
5. Ильинская, Н. Г. Лексика, обозначающая выпечные изделия: (На материале архангельских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Ильинская. – М., 1985.
6. Карасёва, Т. В. Названия пищи в воронежских говорах: Этнолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Карасёва. – Воронеж, 2004.
7. Киреева, И. В. Лексико-семантические и лингвокультурные особенности русской кухонно-бытовой лексики: Автореф. дис. ... канд. дис / И. В. Киреева. – Краснодар, 2005.
8. Красовская, Н. А. Диалектная лексика трудовой деятельности людей, проживающих по берегам реки Непрядвы [Электронный ресурс] / Н. А. Красовская, Л. В. Кильмаматова // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2020. – 2 (2). – URL: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-2-47-57>
9. Красовская, Н. А. Терунки и талалуи, лесенки и пальчики: Еда в народных названиях и интерпретациях / Н. А. Красовская // Рус. речь. – 2012. – № 3. – С. 102–106.
10. Малоземлина, О. В. Лексика пищи в говорах камчадалов: Дис. ... канд. филол. наук / О. В. Малоземлина. – Петропавловск-Камчатский, 2009.
11. Пьянкова, К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи в русской языковой традиции: Этнолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Пьянкова. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2008.
12. Рудницкая, Л. И. Структурно-семантическая характеристика наименований хлебных изделий в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Рудницкая. – Днепропетровск, 1986.
13. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1977. – Вып. 13. – С. 158.
14. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1981. – Вып. 17. – С. 44–45.
15. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 2011. – Вып. 44. – С. 95–96.
16. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1–4 / Ин-т рус. яз. АН СССР; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1985–1988.

УДК 81.23

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ЛЕКСЕМЫ *ВЛАСТЬ* (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)

В. В. Салькова
vvs3061@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье сравниваются данные «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса» под редакцией Н. В. Уфимцевой, А. А. Черкасовой и «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, чтобы установить характер семантических связей внутри лексемы «власть» и проследить динамику ассоциативного поля, напрямую связанного с семантическими компонентами.

Ключевые слова: психолингвистика, понимание текста, значение слова, власть, лексема.

UDC 81.23

THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE *POWER* TOKEN (ACCORDING TO ASSOCIATIVE DICTIONARIES)

V. V. Salkova
vvs3061@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. In this article Russian Associative Dictionary, edited by Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus, edited by N. V. Ufimtseva, A. A. Cherkasova, and S. A. Kuznetsov's Large Explanatory Dictionary of the Russian Language are compared in order to establish the nature of semantic connections within the lexeme power and to trace the dynamics of the associative field directly related to semantic components.

Keywords: psycholinguistics, the understanding of the text, the meaning of the word, the power of the token.

Одной из актуальных задач в современной лингвистике является отслеживание изменений значений слов [3]. На примере лексемы *власть* попытаемся определить, изменилось ли ассоциативное поле у носителей русского языка. В качестве материала будут использованы словарные статьи, взятые из «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфим-

цевой 2003 (*далее – РАС*) и «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса» Н. В. Уфимцевой, А. А. Черкасовой, 2014 (*далее – ЕВРАС*) [4], [5].

Интерес вызывает не столько значение определенного слова для индивида, сколько его эволюция, которая основывается на социальных, политических, экстралингвистических факторах [1], [6].

Анализ словарей позволит сделать общие выводы об изменении ассоциативного значения слова-стимула. Данные результаты можно применять в ассоциативных экспериментах.

Проанализируем материал, взятый в толковом словаре Кузнецова [2]. Так, у слова *власть* выделено 6 значений:

1. «только ед. Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле <...>».
2. «чего. только ед. Могущество, господство, сила. <...>».
3. «только мн.: власти, -ей. Должностные лица, начальство, администрация <...>».
4. «только ед. Политическое господство; право управления государством или регионом; органы, наделённые таким правом. <...>».
5. «Орган государственного управления, правительство <...>».
6. «только мн.: власти, -ей. Церк. В христианской иерархии ангелов: ангелы третьего чина второго лика».

Сопоставим данные определения с реакциями из ассоциативных словарей РАС и ЕВРАС [4], [5], обозначив количество реакций в данной группе (СИЯ) и индекс яркости (ИЯ):

1. *Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле*
РАС: СИЯ 34; ИЯ 0,42.

Советов 19, Советам 9, народу 2, в руках 1, императора 1, людей 1, монархов 1, над людьми 1, над миром 1, над народом 1, народа 1, народная 1, Советам! 1, Советами 1, советская 1, управление над чем-либо 1, над чем? 1;

ЕВРАС: СИЯ 92; ИЯ 0,17.

народа 24; народу 15; политика 13; народ 11, над миром 5; в руках 3, Советов 2, над всеми 2, над людьми 2, Советом 1, мира 1, миров 1, народа – демократия 1, народу! 1, над безумцами 1, над группой 1, над собой 1, толпы 1, торгашей 1, руководство 1, управлять 1, людей 1, злоупотребление 1, рабочим 1;

1. *Могущество, господство, сила*

РАС: СИЯ 31; ИЯ 0,30.

деньги 3, сила 3, жестокость 2, беспощадная 1, великая 1, всегда 1, всласть 1, грязь 1, жесткая 1, иметь 1, могучая 1, неограниченна 1, неограниченный 1, одна 1, ответственность 1, плохая 1, подлая 1, политика 1, проданная 1, прошла 1, свергнуть 1, слабая 1, твердость 1, труда 1, у врагов 1, это сила 1;

ЕВРАС: СИЯ 192; ИЯ 0,35.

сила 45; деньги 42 зло 6, абсолютная 4, богатство 4, влияние 4, денег 4 возможность 3, могущество 3, ответственность 2, получить 2, безвластие 2, безграничная 2, беспредел 2, большая 2, диктатура 2, могучая 2, мощь 2 полная 2,

сильная 2, тирания 2, управление 2, успех 2, знание 2, бескорыстная 1, бесполезна 1, беспрекословная 1, желание 1, желания 1, жесткая 1, жестокая 1, жестокость 1, завравшаяся 1, сильна 1, сильный 1, в деньгах 1, великая 1, взять 1, видимость 1, властна 1, воры 1, все 1, всегда 1, вселенная 1, безгранична 1, и деньги 1, иметь 1, имеющая 1, неколебима 1, неограниченная 1, несправедливость 1, обедняет 1, ограниченная 1, огромная 1, одного 1, отобрать 1, подчинение 1, портит 1, правильная 1, хорошо 1, честная 1, страдание 1, странное 1, страх 1, страха 1, справедливость 1, крепка 1, единоличная 1, много 1, диктат 1, принуждение 1;

2. Должностные лица, начальство, администрация

РАС: 0

ЕВРАС: 0

3. Политическое господство; право управления государством или регионом; органы, наделённые таким правом

РАС: СИЯ 11; ИЯ 0,11.

демократическая 1, демократы 1, держать 1, КПСС 1, самодержавцам 1, тирана 1, царь 1, царя 1, Цезаря 1 А. Македонского 1, единомышленников 1;

ЕВРАС: СИЯ 102; ИЯ 0,19.

президент 29; король 7, демократия 6, Путин 6, царь 6, короля 4, монарха 4, президента 4, Медведев 3 закона 3, монархия 3, царя 3, исполнительная 2, корона 2, Медведев и Путин 1, медведь 1, анархистам 1, анархия 1, буржуазия 1, буржуазная 1, бюрократия 1, Петр I 1, Сталин 1, демократов 1, депутат 1, государства 1, государственная 1, самодержавная 1, олигарх 1, олигархия 1, монарх 1, коммунизма 1, тиран 1, политик 1, политическая 1, князь 1, авторитаризм 1, у вождя 1, тоталитарная 1, человека 1, министр 1, судебная 1, право 1, диктатор 1, лидер 1;

4. Орган государственного управления, правительство

РАС: СИЯ 5; ИЯ 0,04.

правительство 2, имущие 2, администрация 1;

ЕВРАС СИЯ 5; ИЯ 0,09.

Закон 10, правительство 10; государство 9, имущих 3, Госдума 2, Дума 2, КПСС 2, Кремль 2, в стране 2, имущие 1, имущим 1, уполномочия 1, КГБ 1, госаппарат 1 Госсовет 1, парламент 1, парламента 1, партия 1;

5. Церк. В христианской иерархии ангелов: ангелы третьего чина второго лика

РАС: СИЯ 0

ЕВРАС: СИЯ 0

Из полученных результатов можно сделать вывод, что основные значения у стимула *власть*, по данным РАС, совпадают с первым и вторым определениями из словарной статьи Кузнецова. На это указывают данные СИЯ: первое значение «право, возможность распоряжаться» – 34, второе значение «могущество, значение, сила» – 31. Четвертое значение «политическое господство» с СИЯ 11, ИЯ 0,11.

По данным ЕВРАС, частотность реакций совпадает со вторым определением «Могущество, сила, господство» СИЯ 192, ИЯ 0,35, и четвертое значение

«политическое господство» СИЯ 102, ИЯ 0,19 последним «право и возможность распоряжаться» СИЯ 92, ИЯ 0,17.

Вне лексикографических значений:

РАС: тьмы 2, жезл 1, земля 1, клен 1, кровь 1, мне 1, портит человека 1, цель 1, сласть 1;

ЕВРАС коррупция 6, моя, насилие 2, ложь 2, огня 2, владение 2, всласть 2, кулак 2, мир 2, Power 1, TV 1, Москва 1, горе 1, Саурон 1, капюшон 1, класть 1, история 1, кабинет 1, , хотелось бы 1, кровь 1, лобби 1, доход 1, ненавижу 1, отца 1, парочка 1, пасть 1, победа 1, тьмы 1, у единорогов 1, проверка 1; ярмо 1, трон 1, должность 1, дурак 1, дураков 1, над эмоциями 1, наркотик 1, земли 1, мне 1, меняется 1, мечта 1, судьба 1, дана 1, действие 1, делить 1, статус 1, стремление 1, республика 1, рука 1, сласть 1, ужас 1, свыше 1, авторитет 1, алчность 1, беда 1, бессилие 1, брат 1, доблесть 1, долг 1, душа 1, жадность 1, злость 1, коварство 1, не всегда хорошо 1, негатив 1, правление 1, превосходство 1, предрержащие 1, преимущество 1, приказ 1, приоритет 1, присвоенная 1, продажная 1, система 1, тщеславие 1, убивает 1;

Выделим основные значения по частотности употребления у носителей русского языка:

1. Могущество, господство, сила, которые имеют разную степень интенсивности. Часто сопряжены с материальными и социальными условиями. *Власть денег*. Имеют как положительное, так и отрицательное значения. *Могучая власть, власть – зло*.

Ассоциативное поле, актуализирующее данное значение:

Денотативные значения:

1. Символические обозначения РАС: деньги 3, сила 3, политика 1, ЕВРАС: сила 45, деньги 42, богатство 4, денег 4, одна 1, всласть 1, могущество 3, и деньги 1, в деньгах 1;

2. Объектная принадлежность РАС труда 1, у врагов 1, страх 1, страха 1; ЕВРАС: воры 1;

3. Объект воздействия РАС: иметь 1, прошла 1, свергнуть; ЕВРАС отобрать 1, получить 2, властна 1, взять 1 обедняет 1 иметь 1;

Коннотативные значения:

1. Положительной окраски РАС: великая 1, это сила 1; могучая 1; ЕВРАС: успех 2, могучая 2, мощь 2 полная 2, сильная 2, правильная 1, хорошо 1, честная 1, великая 1, справедливость 1, бескорыстная 1;

2. По размеру ЕВРАС большая 2 ограниченная 1, огромная 1 много 1;

3. По интенсивности ЕВРАС сильна 1, сильный 1 крепка 1, всегда 1, твердость 1;

4. Постоянство, Неограниченность воздействия: всегда 1, неограниченна 1, неограниченный 1, ЕВРАС: абсолютная 4, безграничная 2, неограниченная 1, неколебима 1, безгранична 1;

5. Отрицательной окраски РАС: жестокость 2, беспощадная 1, грязь 1, жесткая 1, плохая 1, подлая 1, проданная 1, слабая 1, видимость 1; ЕВРАС: зло 6,

безвластие 2, диктатура 2, тирания 2, беспредел 2, жесткая 1, жестокая 1, жестокость 1, завравшаяся 1, портит 1, страдание 1, диктат 1, принуждение 1, бесполезна 1, беспрекословная 1, несправедливость 1, подчинение 1;

6. Нейтральной окраски ЕВРАС: влияние 4, возможность 3, ответственность 2, управление 2, знание 2, желание 1, желания 1, все 1, вселенная 1, имеющая 1, одного 1, странное 1, единоличная 1;

В первом определении актуализируется значение «власть» – деньги, сила.

1. Сила, которая находится в управлении народа, направленная на решение политических, социальных, общественных задач. *Народная власть, народная политика.*

Ассоциативное поле, актуализирующее данное значение

Денотативные значения:

1. Принадлежность власти РАС Советов 19, Советам 9, народу 2, Советов 2, императора 1, Советом 1, монархов 1. Советам! 1, Советами 1, людей 1, народа 1, народная 1, советская 1, ЕВРАС: народа 24; народу 15; народу! 1, толпы 1, мира 1, миров 1, народа – демократия 1, руководство 1, людей 1, торгашей 1, рабочим 1;

2. Над кем применяется власть РАС: над людьми 1, над миром 1, над народом 1, управление над чем-либо 1, над чем? 1. ЕВРАС политика 13; народ 11, над всеми 2, над людьми 2, над миром 5; над безумцами 1, над группой 1, над собой 1;

3. Где находится: РАС: в руках 1, ЕВРАС: в руках 3;

4. Объект воздействия ЕВРАС: управлять 1, злоупотребление 1;

В данном ряду видна динамика ассоциативного поля в сравнении двух словарей. Если в РАС принадлежность власти сосредоточилась на политическом направлении, то по частотности реакций в ЕВРАС *власть* перешла в реакцию *народ*.

1. Политическое господство; право управления государством или регионом, сосредоточенное в лице президента *власть президента*

Воздействие РАС держать 14

1. Объект РАС самодержавцам 1, единомышленников 1; ЕВРАС самодержавная 1, олигархия 1, государства 1;

2. Субъектная принадлежность РАС тирана 1, царь 1, царя 1, Цезаря 1 А. Македонского 1; ЕВРАС президент 29; король 7, Путин 6, царь 6, короля 4, монарха 4, президента 4, Медведев 3, царя 3, Медведев и Путин 1, анархистам 1, Петр I 1, Сталин 1, политик 1, лидер 1, человека 1, министр 1 у вождя 1, олигарх 1, монарх 1, депутат 1, диктатор 1, князь 1, тиран 1;

3. Орган власти ЕВРАС демократия 6, закона 3, монархия 3, исполнительная 2, тоталитарная 1, судебная 1, право 1;

4. Общественно-политическое РАС демократическая 1, демократы 1 КПСС 1; ЕВРАС анархия 1, буржуазия 1, буржуазная 1, бюрократия 1, демократов 1, авторитаризм 1, политическая 1, коммунизма 1, государственная 1;

5. Символическое ЕВРАС корона 2, медведь 1;

В ассоциативном поле видна динамика значения. Если в РАС не было четкого определения принадлежности власти, то в ЕВРАС появляется реакция «президент».

Группы слов вне лексикографических значений:

Денотативные значения:

1. Символ власти РАС: жезл 1; кровь 1; ЕВРАС: кулак 2, кабинет 1, ярмо 1, трон 1, должность 1, статус 1, рука 1, правление 1, ;
2. Относительное представление ЕВРАС: горе 1, мечта 1, победа 1, судьба 1, история 1;
3. Фонетическое созвучие РАС: сласть 1;
4. Действие РАС портит человека 1; ЕВРАС владение 2, класть 1, брать 1 делить 1, меняется 1 действие 1, убивает 1, хотелось бы 1;
5. Принадлежность РАС мне 1; ЕВРАС моя 2, отца 1, у единорогов 1, дурак 1, дураков 1, мне 1;
6. Географическое определение ЕВРАС Москва 1, кабинет 1, республика 1;
7. Религиозные: свыше 1, душа 1;

Коннотативные значения

1. Положительной окраски ЕВРАС мир 2, победа 1, доблесть 1,
2. Отрицательной окраски ЕВРАС коррупция 6, насилие 2, ложь 2, продажная 1, алчность 1, беда 1, бессилие 1, жадность 1, злость 1, коварство 1, не всегда хорошо 1, негатив 1, ненавижу 1, присвоенная 1, тщеславие 1, ужас 1, превосходство 1;

Некоторые реакции не удалось расчленить на группы. Их можно объединить по фонетическому сходству:

власть 2, сласть 1, пасть 1; желанию испытуемого выделиться Саурон 1, соотнесение с иноязычным эквивалентом Power 1, предметная соотнесенность TV 1.

В данной работе мы проанализировали слово-стимул *власть*, чтобы увидеть динамику ассоциативных полей. Данная лексема изменила свое ассоциативное поле, это свидетельствует о переструктурировании понятия на фоне изменения политических, и социальных условий. Это хорошо отражено в ассоциативном ряде стимулов, связанных с советским прошлым: РАС 18 реакций «советам», в ЕВРАС на первый план выходят стимулы «сила», «деньги», «президент» «народа», «народу».

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – М.; Харьков: Изд-во Ра-Каравелла, 2001.
3. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – 4-е изд. – М.: Смысл, 2005.
4. Рудакова, А. В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Вопр. психолингвистики. – № 27. – Изд-во Моск. междунар. академии, 2016. – С. 194–207.

5. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ред. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов.

6. Русский региональный ассоциативный словарь ЕВРАС: В 2 т. / Ред. Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин. – М., 2014.

УДК 81.1

**ГОВОР КАК ОТРАЖЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ПРОЦЕССОВ
(НА ПРИМЕРЕ ГОВОРА С. ТРЕТЬИ ЛЕВЫЕ ЛАМКИ
СОСНОВСКОГО РАЙОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

А. С. Сергиенко
satin030699@gmail.com

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния исторического контекста на формирование и развитие говора. На основе диалектного материала, собранного в с. Третьи Левые Ламки, автор поднимает проблему сокращения числа диалектоносителей и постепенного исчезновения малых говоров.

Ключевые слова: язык и социум, язык в историческом контексте, русские говоры, тамбовские говоры, исчезновение говоров.

UDC 81.1

**DIALECT AS A REFLECTION OF HISTORICAL EVENTS AND PROCESS
(ON THE EXAMPLE OF THE DIALECT OF THE VILLAGE OF TRETYI
LEVIYE LAMKI, SOSNOVSKY DISTRICT, TAMBOV REGION)**

A. S. Sergienko
satin030699@gmail.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines the impact of the historical context on the formation and development of the dialect. On the basis of the dialectal material collected in the village of Tretyi Leviye Lamki, author raises the problem of reducing the number of dialect carriers and the gradual disappearance of small dialects.

Keywords: language and society, language in historical context, Russian dialects, Tambov dialects, disappearance of dialects.

Говоря о тесной связи языка с пространством и временем, нельзя не вспомнить о диалектах.

Русский язык, помимо литературной формы, известной любому его носителю, имеет также множество разновидностей. Говоря о русском национальном языке, мы подразумеваем не только литературный с его устной формой – разговорной речью, но также местные диалекты и городское просторечие как

языковое явление, занимающее промежуточное положение между литературным языком и диалектами.

Диалекты и говоры как более мелкие единицы членения диалектного языка весьма интересны в рамках изучения влияния на национальный язык пространства и времени. С одной стороны – каждый диалект/говор связан с конкретной, ограниченной территорией [2; с. 6], с другой – в виду относительной обособленности этих самых территорий, сохраняет след ушедшей эпохи – такие черты, которые современным литературным языком были с течением времени утрачены.

Вместе с тем, связь каждого говора с историей региона и даже страны проявляется гораздо глубже, нежели просто в сохранении архаичных языковых форм. Образование города, села, деревни – это следствие конкретных исторических процессов, поэтому, изучая и анализируя особенности говора, можно многое узнать и об истории территории, на которой он распространён. Справедливо и обратное. «Диалектологическая карта русского языка», составленная Р. И. Аванесовым и В. Г. Орловой в 1964 году, не может отражать языковые особенности абсолютно всех населённых пунктов, и, обнаружив, например, в говоре, территориально относящемся к южнорусскому наречию, некоторые незначительные черты наречия севернорусского, мы можем отыскать объяснение тому в исторических источниках.

Так, рассматриваемый нами говор с. Третьи Левые Ламки при формальной своей отнесенности к Восточной (Рязанской) группе говоров южнорусского наречия [1; с. 166] и наличии всех специфических для подобной классификации черт (южнорусское аканье, г-фрикативный, [ó] на месте этимологического [á], мягкий конечный согласный у глаголов в форме 3-го лица и др.; рязанское яканье и ассимилятивное прогрессивное смягчение согласного [к] в положении после парных мягких согласных, [ч] и [j] [1; с. 132–133]) имеет ряд черт, свойственных другим группам говоров (ассимилятивно-диссимилятивное яканье вместо распространённого в Восточной группе сильного, случаи замены редуцированных гласных на гласный большей определённости [ы], как в предударных так и в ударных позициях) и даже черты, больше тяготеющие к севернорусскому наречию (на синтаксическом уровне).

При изучении краеведческой литературы мы находим объяснение: до XVII века территория нынешней Тамбовской области находилась на границе Русского государства и сильно страдала от воинственных соседей, с. Третьи Левые Ламки было основано воеводой Боборыкиным и служившими под его началом людьми при строительстве Тамбовского вала [3; с. 270]. Тамбовский вал являлся частью грандиозной системы укреплений – Белгородской засечной черты, тянувшейся от Днепра до Волги и возведённой для отражения набегов крымских татар и ногайцев.

Здесь просматривается схожесть с образованием и развитием подобных поселений в Тульской области. И там, и там имело место строительство масштабных оборонительных сооружений и их обслуживание, для чего привлекались большие массы людей как с севера, так и с запада, и с востока. И там, и там образовались говоры, специфика которых не объясняется одним лишь фактиче-

ским местоположением территории их распространения и соседством с другими говорами, а связана с конкретными историческими событиями и спровоцированной этим миграции населения из удалённых регионов.

Если говорить о процессах, имеющих место в современном обществе и влияющих на диалектный язык на данном этапе, они приобрели кардинально иной характер. При наличии тенденции к унификации языка, в условиях урбанизации, когда целые населённые пункты оказываются заброшены или лишаются коренного сельского населения, заселённые дачниками, говоры постепенно перестают существовать.

Доступное среднее образование (что подразумевает огромное влияние на языковое сознание потенциальных носителей диалекта как письменной речи, так и в целом литературного языка), развитие транспортных путей, открытый мир и стремление молодёжи реализоваться в городской среде приводят к тому, что у нового поколения попросту нет надобности пользоваться ограниченными для понимания диалектными языковыми средствами при наличии широко распространённой литературной альтернативы. Диалектная речь – разговорная, бытовая, предназначенная для описания сельской действительности, что окружала людей веками, – имеет слишком ограниченный «инструментал» для современных реалий.

Постепенная утрата особенностей говора хорошо видна на конкретных примерах. В ходе сбора материала для исследования мне удалось пообщаться с пятью информантами, рождёнными в с. Третьи Левые Ламки: как проживающими в селе до сих пор, так и переехавшими в другое место уже по достижению взрослого возраста.

Самая старшая из информантов – Селиванова Анна Андреевна 1926 года рождения. Анна Андреевна выросла в с. Третьи Левые Ламки, получила четыре класса среднего образования, после двадцати переехала в посёлок городского типа в другой области. Её речь сохраняет все характерные для говора фонетические особенности, включая специфические вроде ассимилятивно-диссимилятивного яканья, «ыканья» и ассимилятивного прогрессивного смягчения [к] в положении после некоторых мягких. Морфологические особенности проявляются редко, в основном связаны с определением категории рода у существительных на «-о». Синтаксические проявляются нерегулярно, специфическая лексика употребляется лишь в рамках рассказов-воспоминаний, но пассивный запас довольно обширный (свыше сорока собственно-лексических диалектизмов – слов, известных только носителям диалекта).

Краснослободцева Анна Никитична 1940 года рождения, второй информант, получила пять классов среднего образования, в селе прожила всю жизнь. Фонетические особенности в её речи также явные, морфологические особенности представлены шире. Синтаксические, как и в первом случае, проявляются нерегулярно, специфическая лексика употребляется активно, но это в основном словообразовательные диалектизмы (слова, с особыми суффиксами или приставками), которых в речи первого информанта почти не наблюдалось.

Копылова Анна, 1952 года рождения, получила восемь классов среднего образования, также всю жизнь прожила в селе. Фонетические и морфологические

особенности в её речи сохраняются, синтаксических в имеющихся записях не выявлено, словообразовательные диалектизмы широко употребляются. В то же время значение некоторых собственно-лексических диалектизмов, названных предыдущими информантами, женщина объяснить не смогла.

Краснослободцева Нина, 1961 года рождения, получила также восьмилетнее школьное образование, проживает в селе, но работает в ближайшем городе. Фонетические особенности сохраняются за исключением «ыканья», морфологических и синтаксических особенностей в записях не выявлено, специфическая лексика употребляется, но очень редко.

Её сестра, Краснослободцева Татьяна, 1964 года рождения, получила, помимо школьного, два года среднего профессионального образования, живёт в городе. Фонетические особенности представлены в том же объёме, что у предыдущего информанта, прочих в записях не выявлено.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые предположения. Собственно-лексические диалектизмы постепенно пропадают из речи носителей диалекта вслед за огромным количеством предметов, явлений, действий и понятий, которые ими обозначались, словообразовательные диалектизмы, при нахождении вне диалектной среды – со временем вытесняются в языковом сознании носителя литературными аналогами. Грамматические особенности говоров также корректируются в процессе школьного обучения.

Из поколения в поколение, казалось бы, переходят особенности фонетические, но такое мнимое постоянство объясняется усвоенной в ранние годы фонетической нормой – опять же, несмотря на текущее место жительства, детство и юность абсолютно все нами опрошенные провели в с. Третьи Левые Ламки, т. е., в диалектной среде. Вне её, даже при условии периодического общения с носителями говора, человек, разумеется, сам таким носителем никак не станет.

Таким образом, исторические процессы и события находят в говорах непосредственное отражение. Язык во всех своих проявлениях на каждом этапе своего существования неразрывно связан с обществом и не может оставаться неизменным при изменении культурных, исторических и политических условий. И изучение особенностей говоров, которые еще сохраняются в небольших населенных пунктах, сейчас очень актуально, так как с исчезновением населенного пункта, скорее всего, исчезнет и его говор.

Библиографический список

1. Захарова, К. Ф. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М.: Просвещение, 1989. – 2-е изд.: – М.: Академия, 2005.
3. Юдин, Б. И. Антология истории сел, легенд и преданий Тамбовщины / Б. И. Юдин. – Тамбов, 2009.

УДК 08

**СООТНЕСЕННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ АВТОРА
И ГЛАВНОГО ГЕРОЯ МЕМУАРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСИЯ РЕЗУХИНА)**

А. И. Тимофеева
ivimavi7@rambler.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. Языковая личность героя в мемуарном произведении, приближенном по содержанию к документальной прозе, часто подавляется личностью автора, а тезаурус героя претерпевает изменения, которые скрывают мотивационно-оценочную сферу персонажа от читателя. Однако герой автобиографических воспоминаний протоиерея Алексия сохранил свое «я»: наивность взглядов, эмоциональность оценок и определенные лексические особенности, что делает мемуары особенно привлекательными для лингвистического исследования.

Ключевые слова: мемуарная литература, языковая личность героя, языковая личность автора, тезаурус, ретроспекция, словарный запас.

UDC 08

**CORRELATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITIES
OF THE AUTHOR AND THE MAIN CHARACTER IN A MEMOIR WORK
(BASED ON THE AUTOBIOGRAPHICAL MEMOIRS
OF ARCHPRIEST ALEXY REZUKHIN)**

A. I. Timofeeva
ivimavi7@rambler.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The linguistic personality of the hero in a memoir work, which is close in content to a non-fiction prose, is often suppressed by the personality of the author, and the thesaurus of the hero undergoes changes that hide the motivational and evaluative sphere of the character from the reader. However, the hero of Archpriest Alexy's autobiographical memoirs retained his "I": naivety of views, emotionality of assessments and certain lexical peculiarities, that makes the memoirs especially attractive for linguistic research.

Keywords: memoir literature, linguistic personality of the hero, linguistic personality of the author, thesaurus, retrospection, vocabulary.

Лингвисты, занимающиеся анализом мемуарной литературы, по нашему мнению, более других используют такие понятия, как ретроспекция, языковая личность героя и автора и т. д. Такие источники являются для них не просто художественным памятником, в котором особо раскрывается личность автора (повествователя), они могут быть исследованы с точки зрения истории, культурологии, психологии и т. д. Повествователь, являясь непосредственным участником событий, порой рассказывает больше, чем подвергшиеся жесткой цензуре материалы. «Мемуарная литература – в широком смысле – записи людей о событиях прошлого, которые они наблюдали или в которых участвовали. К ним принадлежат автобиографии, дневники, заметки и т. д. Основным условием для отнесения подобных записей к мемуарной литературе в узком смысле как особому виду искусства слова является установка их автором на образное воспроизведение жизни. Из многочисленных фактов мемуарист должен отобрать и воспроизвести те, которые позволят в неповторимо конкретной форме раскрыть существенные, характерные для эпохи явления» [3, с. 205–206].

Некоторые исследователи называют мемуарную литературу «литературой воспоминаний», объяснение этому мы находим в этимологическом словаре: слово, заимствованное из французского языка, сохранило свое исконное значение. На наш взгляд, воспоминания – основа данного жанра в литературе, автор заново переживает события, которые происходили с ним или его современниками некоторое время назад, но все это на данный момент находится в сознании автора, а значит, рождается после новой оценки прошедших дней, имеющих значение для повествователя. В зависимости от того, какие задачи ставит перед собой автор-мемуарист, можно говорить о степени документальности прозы. Мелкие детали и незначительные подробности, становящиеся основой композиции, выстраивающие сюжетную линию, иногда формируют представление о той или иной личности или же значимом событии.

Часто над мемуарами работает человек, умудренный жизненным опытом, склонный к анализу собственных переживаний, оценивающий ситуации и рефлексирующий. Герцен утверждал, что этот жанр литературы подвластен каждому, кто владеет родным языком в должной степени, однако мы не совсем согласны с мнением писателя и политического деятеля. Хорошая память, по нашему мнению, не является основным условием создания мемуарного произведения, необходима **автобиографическая память**, то есть способность группировать мысли и классифицировать их по критерию значимости, включенности в исторический процесс; делать выводы и воспроизводить информацию относительно объективно.

Анализируемый нами источник (Резухин А. Церковная Вологда 1930–1940-х годов / А. Резухин // Вологда: Ист.-краеведч. альманах. Вып. 3. Вологда, 2000) представляется интересным для исследователя в первую очередь потому, что истории, изложенные на страницах автобиографического произведения, содержат информацию о многих деятелях Церкви и истории СССР указанного периода. Протоиерей Алексей дает оценку событиям прошлого: последовательно, умело

и разумно повествователь предоставляет читателю информацию о непосредственных участниках событий, дает представление о социальной и культурной обстановке того времени, не подвергая никого критике, объективно рассматривая те или иные ситуации. «Автор ведет читателя по прошедшему времени последовательно, но не строго, не «летописно». Порой он надолго останавливается, особенно там, где скапливаются наиболее яркие воспоминания о событиях и людях, о собственных переживаниях. Где это необходимо, совершает обстоятельные экскурсы в прошлое или выходы в будущее. Благодаря этому воспоминания приобрели характер неспешной беседы-размышления» [2, с. 3]. Именно этот характер повествования особо привлекает внимание читателя. Анализируемый нами источник, опубликованный двадцать лет назад, до сих пор является одним из немногих, рассказывающих о церковной жизни Вологды того времени, потому часто цитируется исследователями, занимающимися рассмотрением Истории Церкви 30–40-х годов XX века. Таким образом, очерк «Церковная Вологда 1930–1940-х годов» как информационно насыщен, так и нравственно учителен, что позволяет говорить о нем как о достойном памятнике мемуарной литературы конца XX века.

Особый интерес для лингвистов представляет анализ соотношенности языковых личностей автора и героя в мемуарном произведении, так как «я» героя и «я» автора, тесно переплетаясь, все же сохраняют индивидуальные языковые особенности. Мастерство повествователя-мемуариста в том, чтобы простой читатель не обратил внимания на эти языковые особенности, а исследователь отметил грамотное сочетание отстраненности и включенности автора в события, описанные в произведении.

Автор, даже если отчасти сопряжен с героем, предоставляет читателю только модель анализа пережитого периода, организует языковую личность своего персонажа и выделяет в нем такие черты, которые особенно значимы для оценки предлагаемых ситуаций. Поскольку в данной статье мы говорим не о художественной прозе, а о мемуарном произведении без доли вымысла и преувеличения, не будем останавливаться на особенностях художественной мемуаристики, которая в русской литературе достигла расцвета еще в XIX веке. Отметим, что автор и герой документальных мемуаров редко становятся единым объектом и субъектом повествования, так как личность героя практически всегда подавляется языковой личностью автора, однако протоиерею Алексею удалось добиться вышеупомянутого единства, что, несомненно, свидетельствует о мастерстве писателя. К тому же, несмотря на то, что в тексте постоянно присутствует рассказчик (то есть писатель не скрывается за личностью героя), отсутствие резких оценок и строго фактическое изложение материала не позволяет исследователю отнести такое присутствие к недостаткам прозы. А «<...> с точки зрения эстетической наличие авторского «я» в мемуарном тексте — бесспорное достоинство, позволяющее оценивать мемуары не только как документальный источник, но и как художественное произведение» [1, с. 252].

Концептуальное единение героя и автора достигается в рассматриваемом источнике не искусственно, не с целью привлечь внимание читателя, автор уже

в первых строках своего очерка сообщает, что события, описанные в нем, происходили много лет назад: «Сейчас идут восьмидесятые годы двадцатого века, а я берусь осветить период тридцатых-сороковых годов, т. е. время, давно прошедшее, бывшее пятьдесят лет тому назад» [2, с. 6]. Подобное начало повествования свидетельствует о том, что автор выбирает роль свидетеля событий, при этом концентрирует индивидуальную память и не претендует на роль историка-исследователя конкретного временного отрезка. Впоследствии в тексте мы также видим лексические конструкции, относящие нас к личности повествователя: «я помню» [2, с. 7], «в начале тридцатых годов» [2, с. 8], «как и раньше» [2, с. 31] и т. д. Протоиерей Алексей фиксирует точные даты, что подчеркивает достоверность повествования. Также стоит отметить, что основным временем текста становится прошедшее, лишь изредка переключаясь, в авторских отступлениях рассказчик использует настоящее, будущее же время в тексте отсутствует.

Повествование о событиях прошлого периодически прерывают авторские комментарии, которые всегда несут определенную смысловую нагрузку, но не всегда одинаковы по форме. В определенных моментах носят информативный характер, помогают читателю сориентироваться в особенностях культурной и политической обстановки того времени. Например, чтобы показать разницу в отношении к Церкви в 30-е и 70-е годы прошедшего столетия, повествователь приводит выдержку из журнала «Наука и религия» за 1984 год, соотнося оценки критически настроенных, антирелигиозных деятелей XX века. Иногда же ремарки становятся частью повествования и отделяются от основной сюжетной линии только при ближайшем рассмотрении. Примечательно, что, изначально повествуя о событиях прошлого, протоиерей Алексей осуществляет ретроспекцию к событиям конца XIX века или первого десятилетия XX века. Рассказ о реальных людях, упомянутых в тексте, не ограничивается двадцатью годами повествования, о судьбе каждого, если это возможно, автор пишет по окончании рассказа об этом человеке. Все это свидетельствует об исторической осведомленности и эрудированности повествователя.

Также автор-повествователь присутствует в тексте в ненавязчивых оценках произошедших событий, зачастую они выражаются при помощи определенных лексических конструкций или даже одного оценочного слова.

Знание церковной терминологии и осведомленность в истории Церкви того времени являются источниками сформированности функционального и формального тезауруса рассказчика. Использование такие слов, как «богослужебный стиль», «ектения», «митрофорный протоиерей», «афонское письмо», «аналойный», «причт» позволяют читателю, не знающему о служении повествователя, сделать вывод о том, кем является автор текста. Также значимой чертой языковой личности повествователя на лексическом уровне является использование устаревших слов и возвышенной лексики, например, «великаторжественно», «приурочен», «вдохновенный проповедник» и т. д.

Несмотря на то, что языковая личность автора в тексте превалирует над языковой личностью героя, авторское «я» не поглощает «я» героя-ребенка (на всех

уровнях анализа языковой личности). В оценке некоторых событий, в описании конкретных случаев исследователю будет замечен переход от нейтрально окрашенной лексики или лексики высокого стиля к тезаурусу персонажа, что является несомненным достоинством рассматриваемого очерка. Пример подобного перехода видим в описании жизни семинаристов после революции 1905 года: «Так, воспитанник семинарии Геннадий Городецкий, впоследствии протоиерей, обладавший большой физической силой, схватил инспектора иеромонаха, которому семинаристы устроили «темную», зажал его голову между ногами и отду-басил его галошей по заднему месту» [2, с. 36]. Стоит отметить, что разговорная (отчасти негативно окрашенная) лексика, которая присутствует в данном фрагменте, очень редко встречается на страницах произведения и появляется там именно потому, что передает настроение описываемых событий, а значит, отсылает нас к герою.

Также наиболее значимыми для анализа языковой личности персонажа являются фрагменты очерка, в которых описываются события, происходившие непосредственно с повествователем много лет назад. Вспоминая призвание к служению, исполнение своих обязанностей в Церкви или же общение с духовенством, писатель будто погружается в сознание и преподносит нам материал, не обремененный оценкой с точки зрения многолетнего опыта, а по-особому чистый, возвышенно эмоциональный и привлекающий этим читателя. Мы ощущаем трепет, благоговение и серьезность юноши, с радостью исполняющего послушания в Церкви, что формирует мотивационную сферу языковой личности героя. Также стоит обратить внимание на разницу синтаксических конструкций: в отрывках, где воспоминания главенствуют над историческими фактами, часто используются более простые конструкции, нередко – односоставные предложения, нераспространенные предложения. Одним из центральных синтаксических средств становится парцелляция. Таким образом, языковая личность героя данного очерка все же отличается от языковой личности автора, имеет ряд характерных лексических, семантических и синтаксических особенностей.

В художественном произведении языковая личность героя обычно выражена более ярко: присутствие других персонажей, формирующих определенную сюжетную линию, и выстраивание диалогов главного героя с ними дают исследователю возможность более детально разграничить языковые личности автора и главного героя. В очерках, документальной прозе языковые границы между автором и героем практически стерты, однако от мастерства повествователя зависит: будут ли переданы живые эмоции героя посредством лексики и грамматики, сумеет ли читатель воспринять информацию так, как это прочувствовал субъект и объект повествования в разные периоды жизни. Таким образом и соблюдается принцип ретроспекции, принцип временной соотнесенности мемуарного произведения.

Библиографический список

1. Кознова, Н. Н. Воплощение авторского «я» в мемуарном произведении / Н. Н. Кознова // Пушкинские чтения. – СПб., 2012. – Вып. XVII.
2. Резухин, А. Церковная Вологда 1930–1940-х годов / А. Резухин // Вологда: Ист.-краевед. альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3.
3. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974.

УДК 81-139

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКИ ТЕКСТОВ-ВОСПОМИНАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

И. С. Шитлина
kukusyonok@bk.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В данной статье приведены научные исследования, которые проводились с целью анализа отражения лексики прошлого века в современном обществе и культуре. В ходе этой работы были выявлены интересные факты, благодаря которым можно понять, насколько разносторонне поколение нашего времени владеет лексикой русского языка, описывающей события, происходившие во времена Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: лексика, тексты-воспоминания, дезертир, эшафот, атаманка, дуранды.

UDC 81-139

REFLECTION OF THE VOCABULARY OF TEXTS-MEMORIES IN MODERN CULTURE

I. S. Shitlina
kukusyonok@bk.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This article presents the scientific research that was conducted to analyze the reflection of the vocabulary of the last century in modern society and culture. In the course of this work, interesting facts were revealed, thanks to which it is possible to understand how versatile the generation of our time is in the vocabulary of the Russian language, describing the events that took place during the Great Patriotic War.

Keywords: vocabulary, texts-memories, deserter, scaffold, atamanka, durandy.

Устные рассказы – термин, восходящий к работам М. М. Бахтина, под которым понимается «неписменный речевой жанр, обладающий специфической тематикой, которая связана с повседневным бытием человека, и характерный для неформальных условий общения» [Бахтин, 2000].

Данный речевой жанр имеет специфические черты, поскольку является рефлексией прошлого опыта, важнейшим компонентом речевого общения, а также средством сохранения и передачи информации, которая с позиции говорящего является значимой в культурном, эстетическом, социальном отношении.

Для того, чтобы проанализировать уровень владения лексикой текстов-воспоминаний в современном обществе, мною было разработано исследование

в форме анкетирования. Данная анкета содержала четыре фразы, употребленных респондентами в ходе сбора информации о событиях, происходивших во времена Великой Отечественной войны.

Выбранные слова из этих фраз, на мой взгляд, являются отражением той эпохи, в которой существовало старшее поколение. Они содержат лексику времен Великой Отечественной войны и наиболее четко могут определить уровень знаний современного поколения.

Прежде всего необходимо предоставить использованные слова и обозначить их значения, обратившись для этого к словарям.

ДЕЗЕРТИР, -а, м. Тот, кто совершил дезертирство. По утрам ездили эскадронами на станцию ловить дезертиров, бежавших с Юго-Западного фронта. Н. Островский, Как закалялась сталь. || Тот, кто уклонился от исполнения своего гражданского долга, своих служебных или общественных обязанностей. – Все мобилизованы на восстановление завода, и каждый отлынивающий – дезертир и предатель! Первенцев, Испытание. – Когда городу угрожает наводнение, жители выходят строить дамбу ---. И кто не вышел, кто спрятался, тот дезертир. Федин, Необыкновенное лето. [Евгеньева, 1999].

ДЕЗЕРТИР, а, м. [от фр. *déserteur*]. Лицо, бежавшее с военной службы или скрывающееся от призыва в армию. || перен. Лицо, уклоняющееся от исполнения своих общественных обязанностей (нов.). Д. труда. Дезертиры на фронте ликвидации неграмотности. [Ушаков, 1935-1940].

ЭШАФÓТ, -а, м. Помост для казни. Розовский долго бился, так что его втащили на эшафот и силой вложили ему голову в петлю. Л. Толстой, Воскресение. [Евгеньева, 1999].

Эшафоты были возвышенной сценой для лучшей видимости происходящего. Казни проводились на городских площадях, а их общественный характер служил устрашению, подчёркиванию авторитета правительства, а также развлечению масс.

АТАМА́НКА, искаж. то же, что оттоманка; мягкий диван, не имеющий спинки и подлокотников ◆ В кухне у Мухи Бенгальцевой, рядом с плитой – турецкая атаманка. [Евгеньева, 1999].

ДУРА́НДА, -ы, ж. Остатки семян масличных растений после извлечения масла, идущие на корм скоту; жмыхи. Льняная дуранда. [Евгеньева, 1999].

Теперь можно перейти к результатам проведенного исследования и сделанным выводам.

В исследовании принял участие 41 человек.

Я разделила их на две возрастные группы – до 30 и после 30. Также отделение на группы произошло по половому признаку, так как для меня это важно, поскольку считаю, что люди мужского пола должны знать больше слов, относящихся к военной тематике. Таким образом, получилось четыре группы:

1. Мужчины до 30 лет в количестве 6 человек.
2. Мужчины после 30 лет – 8 человек.
3. Женщины до 30 лет – 18 человек.

4. Женщины от 30 лет – 9 человек.

Рассмотрим первую группу – мужчины до 30 лет, 6 человек.

В данной группе пять человек читали военные книги и у четверых из шести в семье есть участник войны.

Все 6 человек дали верное понятие слову «дезертир». Это соответствует 100 %.

На второй вопрос верно ответили 4 человека, один – не знаю, и еще один человек скорее всего воспроизвел личные ассоциации, предположив, что слово «эшафот» – это последние минуты жизни. В процентном соотношении это 67 %.

Что касается третьего слова «атаманка», то здесь верных ответов не было. Не знаю сказали 4, и двое предположили, что это то же самое, что шинель. Почему у них возникла такая ассоциация? Возможно, в связи с общим представлением из книг или фильмов о том, кто такой атаман и как он выглядит. Получилось 100 % опрошенных данной группы не знают значения слова «атаманка».

И наконец слово «дуранды». Здесь 2 человека дали правильный ответ, не знаю так же сказали двое, и оставшиеся два человека предположили, что это что-то из еды, но точного определения не дали. 33 % точно знают значение данного слова.

Сделаем небольшой вывод. В целом, молодые люди в возрасте до 30 лет разбираются в терминологии военных лет, это 50 % из всех опрошенных. Но смею предположить, что знают они это из второстепенных источников – книг и фильмов.

Перейдем ко второй группе – мужчины после 30 лет, 8 человек.

В этой категории все так или иначе читали книги о войне, у семерых есть воевавшие члены семьи.

Все 8 человек дали верное определение слову «дезертир» и «эшафот». Это 100 %.

Что касается слов «атаманка» и «дуранды», то здесь процентное соотношение одинаково (13 %), то есть один человек, знает определение этих слов. Но здесь следует отметить, что это разные люди, то есть один знает определение слова «атаманка», но не знает, что такое «дуранды», а другой – наоборот.

Делая вывод о познаниях терминов войны, можно сказать, что мужчины данной категории владеют этой информацией на 56,5 %, что немного больше, чем эти же познания у мужчин до 30 лет.

Рассмотрим далее третью группу – женщины до 30 лет, 18 человек.

В данной группе 15 девушек читали военную литературу и почти у всех (17 человек) есть родственники военных лет.

В этой категории все 18 человек (100%) понимают значение слов «дезертир» и «эшафот». Здесь следует отметить, что у трех девушек «дезертир» – это предатель. И еще у троих «эшафот» ассоциируется сугубо с виселицей. Но все женщины из этой группы точно знают, о чем идет речь.

Что касается слова «атаманка», то трое (17 %) дали точный ответ, а вот у остальных 15 данные разнятся. Четыре человека (22 %) сделали верный шаг и предположили, что это мебель, но точного определения дать не смогли. Двое

(11 %) сказали не знаю, двое (11 %) были уверены, что это стол. По одному человеку (5,5 %) сказали, что это скатерть, одежда, ткань. Самым интересным и неожиданным для меня оказалось предположение одной (5,5 %) девушки, что это название поселка. Почему она так подумала – остается загадкой, ведь даже по контексту там очевидно, что это не имя собственное.

Наконец, слово «дуранды». 4 девушки (22 %) знают это слово. 6 (33,3 %) ответили не знаю, 5 человек (27,7 %) предположили, что это еда, при этом двое из них сказали, что это картофель. По одному (5,5 %) заявили, что это мука и хлеб. И еще одно, интересное предположение, что это порох.

Эта категория оказалась самой большой, поэтому здесь нагляднее видно, насколько хорошо люди данного возраста и пола, владеют информацией времен Великой Отечественной войны. 59,75 % – это уровень познания данной группы.

Завершаем анализ четвертой группой – женщины после 30 лет, 9 человек.

В этой группе все читали книги о войне и у каждой в семье есть участник военных событий.

Опять мы можем видеть, как все 100 % опрошенных знают определение слов «дезертир» и «эшафот». Но я связываю это с тем, что в данной категории средний возраст участников – 45 лет. А у людей такого возраста скорее всего было больше возможности слышать что-то о Войне, так как они ближе к старшему поколению, которое как раз принимало участие в боевых событиях.

Понятие слову «атаманка» дали 4 человека (44 %). Не знаю сказали двое (22,2 %) и по одному (11,1 %) предположили, что это печка, скамейка и оружие.

А вот понятие к слову «дуранды» смогла дать только одна женщина (11,1 %). Не знаю ответили 5 человек (55,5 %), и оставшиеся три (33,3 %) сделали выбор в пользу еды, но что конкретно это означает не знают.

На основании всего вышеизложенного были сделаны следующие выводы:

1. Люди до 30 лет осведомлены меньше (54,87 %), чем более старшее поколение (60,13 %).

Это доказывает выдвинутую мною гипотезу, что возраст имеет непосредственное значение, если мы говорим о временах Великой Отечественной войны и информации, которая передается.

2. Мужчины знают предоставленную им информацию на 53,25 %, женщины же на 61,75 %, что на 8,5 % больше.

Второй вывод опровергает предположение, что мужчины, в силу своих жизненных обстоятельств (несение службы в армии), своих интересов (оружие, война, машины и пр.) должны знать больше, чем женская аудитория. Возможно, это можно объяснить тем, что женщины лучше запоминают, больше общаются с родственниками и интересуются их прошлым.

3. Если говорить о начитанности и осведомленности участников анкетирования, то 90,24 % опрошенных читали военную литературу и имеют родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Этот факт говорит нам о том, что данный показатель не влияет на уровень знаний лексики старшего поколения. Этот вывод для меня является странным,

поскольку изучение военной литературы наверняка должно было хотя бы натолкнуть испытуемых на верные определения слов, но этого в большинстве своем не произошло. Предполагаю, что либо это была литература современных издателей, которые не используют лексику 40х годов и ориентируются на общие сведения событий, происходящих в военные годы, либо если подобные слова и встречались читателям, то ввиду их непонимания и отсутствия желания обратиться к словарям и узнать толкование слов, они просто пропускались.

Таким образом, если говорить об уровне знаний лексики текстов-воспоминаний в современной культуре, то здесь необходимо отметить, что молодое поколение интересуется своим прошлым, не боится открывать новое для себя, бережет информацию, переданную им от старшего поколения. А это значит, остается надежда, которая позволяет думать, что наше будущее никогда не забудет наше прошлое.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
2. Голованов, И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст / И. А. Голованов // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (293). – С. 89–92.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935–1940.

УДК 81'28

СВОЕОБРАЗИЕ ТУЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ЭРГОНИМОВ (НАЗВАНИЙ ПАРИХМАХЕРСКИХ И САЛОНОВ КРАСОТЫ)

Т. А. Шитова
g-exclusive@mail.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В данной работе рассматриваются стилистические особенности названий парикмахерских и салонов красоты Тулы. В качестве источников выступает информационная база «2ГИС. Карта Тулы». Названия городских объектов (вывесок) представляют собой тексты малой формы, которые отражают языковой облик города и имеют высокую степень воспроизводимости в современном коммуникативном процессе. Они входят в сознание носителей языка и участвуют в формировании его картины мира.

Ключевые слова: эргонимы, топонимика, городские вывески, рекламная номинация, языковой облик города.

UDC 81 ' 28

THE ORIGINALITY OF THE TULA SPACE ON THE EXAMPLE ERGONIMIC (NAMES HAIRDRESSING AND BEAUTY SALONS)

T. A. Shitova
g-exclusive@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. This paper examines the stylistic features of the names of hairdressers and beauty salons in Tula. The sources are the information base "2GIS. Map of Tula". The names of city objects (signs) are small-form texts that reflect the linguistic appearance of the city and have a high degree of reproducibility in the modern communication process. They enter the consciousness of native speakers and participate in the formation of their picture of the world.

Keywords: ergonyms, toponymy, city signs, advertising nomination, language image of the city.

В данной работе рассматриваются названия тульских салонов красоты и парикмахерских (всего 299 единиц), которые проанализированы путем прямой выборки в варианте (написании) зафиксированном в источнике. Во время исследования использовались следующие методы: описательный, (включающий в себя сбор, систематизацию материала); статистический (для подсчета количества эргономических единиц, соответствующих каждой тематической группе).

Словосочетание «городские вывески» в современной исследовательской практике соотносится с такими понятиями, как «эргоним» и «рекламное имя». «Эргоним» – термин Н. В. Подольской, означающий наименование любого делового объединения людей (различные союзы, учреждения, корпорации, кружки, заведения) [5]. И. В. Крюкова в своей работе «Рекламное имя: от изобретения до прецедентности» [4] предлагает использовать общий термин «рекламное имя» предприятий, учреждений, организаций, фирм и компаний. Эргоним привязан к какому-то месту, поэтому близок с топонимом. Эргонимия города является специфическим пластом лексики современного русского языка, в котором отражаются все временные изменения, по которой можно судить в целом о языковой среде города о и о языковой личности отдельного номинатора. Со временем на смену старым названиям городских объектов приходят новые, удовлетворяющие сегодняшние потребности общества.

Онимизация является сквозным процессом образования эргонимов, переходом имен нарицательных в собственные. Ведущие функции эргонимов (номинативная и идентификативная) дополняются информативной функцией, в соответствии с которой можно выделить прямо информирующие, косвенно информирующие и условные названия городских объектов. В последнее время для эргонимов становится актуальной функция языкового воздействия. Названия вывесок, входящих в лингвокультурное пространство города, имеют также рекламную функцию, поэтому языковая игра – отклонения от норм литературного языка, преднамеренные орфографические ошибки, различные виды стилизации и другие приемы, используются с определенной целью: привлечения внимания потребителей. Сложившаяся в последнее время рекламная номинация близка к разговорной речи, опирается на ее словообразовательные, стилистические и лексические модели, отличаясь от строгих вывесок советского периода. Индустрия красоты является конкурентной сферой, поэтому зачастую для привлечения клиентов требует запоминающее и привлекающее внимание название. Как правило, названия парикмахерских более незамысловаты, чем салонов красоты, поскольку они рассчитаны на широкую разновозрастную аудиторию разного социального положения. Встречаются названия, ориентированные на мужчин и детей. Здесь чаще используются варианты, связанные с прическами, стрижкой и волосами, что объясняется соответствующим набором услуг.

Рассмотрим все собранные названия, распределив их по тематическим группам.

Иностранные названия. Всего – 73 наименования.

«Chop-Chop», «Geek Chik Chik», «Studio Rai Barbe», «HAIR BEAUTY STUDIO CHILLIN», «Losk», «TOPGUN», «Luxe Pafos», «Tardis like», «Brow time», «Face Factory», «Domino», «LerAnto», «LiBlack», «Blur», «ReGina», «Nika Nagel дом красоты», «Go-Studio», «Profil Lam», «Beautiful Color piace permanent nail studio», «Love is», «Berkana», «Top Beauty», «Lamour», «My Iris», «Veter Luxe», «Gala Salon4you», «Lauris lalabab», «Kapper street», «Tardis like», «Matreshka», «Magic ANISSE», «Beauty Salon», «Beauty Youse», «Armano», «Pudra», «A & Mi», «Primavera», «Beauty line», «InStyle», «FaTun», «Lady& Man», «Favorite studio Li

&Lu», «Beauty House», «Royal lounge», «I am Beautiful», «LerAnto», «Luciano Bravo Red Galate», «Kapper Street», «Classic», «Mon Plaisir», «Filini», «Fox Art», «Catys Brows», «White lab», «Sugar lab», «Possiamo», «Bellissima», «Lilas Glory», «Alfa», «Veter», «Hair room», «Gala Possiamo», «Mon Plaisir», «5th aveny Redken», «Belle», «Jadore», «April», «Losk», «Mixte Lake studio Vip71», «BeautyLand», «Glamour», «Maria infant», «BEAUTY~ROOM», «Beauty Loft», «Platina».

Среди них встречаются громоздкие и трудновоспроизводимые, состоящие из нескольких слов названия, из сочетаний заглавных и строчных букв, цифр, других знаков, которые пишутся слитно, без пробелов. В составе многих есть слово «Beauty» или производные от него, что в переводе на русский означает «красота». Также в названиях встречаются женские имена, местоимения, слова: «линия», «студия», «салон», «дом», «лаборатория», «комната», «улица» или «авеню», «страна». Одни переводятся дословно на русский язык, другие представляют собой русские названия, которые написаны латинскими буквами.

Более подробно остановимся на названиях на русском языке.

Имена собственные. Всего – 59 наименований. Группу можно разделить на несколько подгрупп.

Имена женские. Всего – 51 объект. «Аида», «Анастасия», «Анжелика», «Аннет», «Амальфи», «Амели», «Варвара», «Василиса», «Венера», «Виктория», «Далила», «Даяна STAIL», «Делина», «Елена», «Жанна», «Кармен», «Катрин», «Ксюша», «Лайма», «Леди Ди», «Леди Ди Style», «Линда», «Людмила», «Маруся», «Мелисса», «Надежда», «Ника», «Николь», «Натали», «Наташа», «Олеся», «Оливия», «Ольга», «Пелагея», «Севиля», «Светлана», «Сима», «Скарлетт», «Софи», «София», «Стелла», «Тали», «Татиана», «Тиффани», «Ульяна», «Фрида», «Элен», «Юлия», «Юнона», «Ярославна».

Распространенные названия для парикмахерских и салонов красоты, а также для других городских объектов. В этой подгруппе представлены имена различного происхождения, в том числе интернациональные. Среди них есть повторяющиеся названия, но употребленные в разных вариантах. Например, «Натали» и «Наташа»; «Софи» и «София»; «Ника» и «Николь». Название «Тиффани» – английский вариант женского имени Феофания, от которого происходит фамилия многих известных личностей. Отдельно можно выделить группу так называемых старинных имен, которые в наши дни приобрели большую популярность и вновь вошли в моду: «Варвара», «Василиса», «Пелагея», «Ульяна», «Ярославна».

Имена мужские. Всего – 4 варианта. «Кеша Хороший» – название детской парикмахерской представляет словосочетание существительного с прилагательным. «Оскар» – мужское имя древнегерманского происхождения (либо Премия Американской академии кинематографических искусств и наук), «Фигаро» – по имени героя трех пьес Бомарше, ставшее нарицательным. «Сосо» – уменьшительно-ласкательный вариант имени Иосиф на грузинском языке.

По фамилии. Всего – 1 название. «Люмбер», очевидно, по фамилии братьев, родоначальников кино.

Имена (состоящие из заглавных и строчных букв). Всего – 3 названия. «АЛиСА», «ЛеАна», «NiКОль». Возможно, такие названия происходят из

нескольких усеченных имен, например, последнее имя может состоять из начальных слогов двух имен – мужского Николай и женского Ольга или от имени и фамилии – Николаева Ольга.

В названиях присутствуют слова: «парихмахерская», «салон», «студия», «красота», «стрижка», «стиль».

Всего – 32 наименования.

«парихмахерская»: «Парикмахерская», «Городская парихмахерская», «Парикмахер +», «Первая парикмахерская», «Парикмахерская-салон», «Салон-Парикмахерская», «Салон парикмахерских услуг». «Парикмахерский кабинет Маргариты Дерюгиной».

«салон»: «Салон», «Салон парикмахерских услуг», «Салон мужских стрижек», «Богатырское здоровье салон красоты и здоровья».

«красота»: «Краса», «Ген красоты», «Интонации красоты», «Студия красоты», «Технологии красоты», «Территория красоты», «Точка красоты», «Прокрасоту71», «Богатырское здоровье салон красоты и здоровья». «Анастасия Соустова студия красоты», «Студия красоты Алексея Амелина», «Студия красоты Екатерины Горбачевой», «Студия красоты Анастасии Попковой», «Бьюти-студия Виктории Аборкиной», «Beauty Spase Цветаевой Ли».

«студия»: «А-студия», «Студия наращивания волос», «Имидж-студия Oksi Ультра», «Экспресс-студия». «Студия красоты Алексея Амелина», «Студия красоты Екатерины Горбачевой», «Студия красоты Анастасии Попковой», «Студия стиля Светланы Дульневой», «Бьюти-студия Виктории Аборкиной», «Elena Shegay Studio», «Анастасия Соустова студия красоты».

«стрижка»: «Экспресс-стрижка», «Стильная Стрижка», «Салон мужских стрижек».

«стиль»: «Стиль 71 КОЛОР», «Стиль», «А-стиль», «Кабинет стилиста». «Стильно». «Студия стиля Светланы Дульневой».

Некоторые из этих названий можно отнести к разным подгруппам, поскольку они состоят из двух, ключевых слов – названий подгрупп, а также к другим группам исходя из лексического содержания.

Названия географических объектов, мест.

Всего – 15 объектов.

«Вегас», «Лонда», «Монблан», «Олимп», «Париж», «Прованс», «Рублевка», «Славия», «Фиджи», «Ханой», «Шампань», «Эдем». «Саванна», «Пляж». «Москвичка», «Парижанка». «Крутое место». «Территория красоты», «Точка красоты».

Данную тематическую группу можно разделить на подгруппы: названия конкретных городов и других географических пространств. Два объекта номинированы по названию жительниц городов. Последние три названия учтены в других тематических группах, здесь нет конкретной географической привязки, но есть ключевые слова: «место», «точка», «территория». В название «Крутое место» под словом «крутое», очевидно, подразумевается то, что в этой парикмахерской услуги оказываются на высоком уровне, работают профессионалы своего дела.

По принадлежности.

Всего – 10 названий.

«Студия красоты Алексея Амелина», «Студия красоты Екатерины Горбачевой», «Студия красоты Анастасии Попковой», «Студия стиля Светланы Дульневой», «Бьюти-студия Виктории Аборкиной», «Beauty Spase Цветаевой Ли», «Elena Shegay Studio», «Inna Geraskina Studio», «Парикмахерский кабинет Маргариты Дерюгиной», «Анастасия Соустова студия красоты».

Включение в название коммерческих организаций фамилий владельцев относится еще к традициям русского купечества. Чаще всего используются имена, отчества и прозвища лиц (предположительно, владельцев, хотя, возможно, это свободно варьирующаяся традиционная модель). Названия с использованием личного бренда владельца, одно из самых простых вариантов. В данных примерах кроме имени и фамилии используется слова – «студия», «красота», «кабинет». Слова написаны русскими буквами или латинскими, а также встречаются смешанные варианты. Фамилии и имена чаще употреблены в родительном падеже, встречается название, где все слова употреблены в именительном падеже.

Мифические существа (божества).

Всего – 9 названий.

«Ангел», «Богиня», «Властелин», «Галатя», «Гера», «Диво», «Жар Птица», «Пегас», «Чародейка».

В группе представлены названия-имена конкретных богинь древнегреческих мифов, сказочных и религиозных существ.

Название мужчин и женщин (по их качествам, профессиям).

Всего – 9 названий.

«Агент-Интеллигент», «Галант +» (поклонник, обходительный человек), «Лидер», «Миледи», «Особа», «Фаворит», «Цирюльник», «Эгоистка», «Эстет».

Явления природы и времена года.

Всего – 8 наименований.

Три названия обозначают непредсказуемое явление природы, которое меняет погоду: «Бриз», «Ветер», «Ветер Перемен». Следующие три обозначает время года и названия, соответствующих ему месяцев, когда обновляется природа: «Весна», «Март», «Березень» (март на украинском языке). «Радуга».

Названия драгоценных камней и металлов.

Всего – 6 наименований. «Алмаз», «Гранат», «Жемчужина», «Изумруд», «Сапфир», «Топаз Плюс», 6 названий на русском языке, но сюда же можно отнести названия написанные латинскими буквами - «Platina» и состоящее из латинских и русских букв – «Golden ножницы». Эти объекты учтены в других тематических группах.

Названия растений и животных.

Всего - 5 наименований.

«КЛЕВЕР», «Тюльпан», «Эдельвейс». «Стриж», «Хамелеон».

В данной группе интересны последние два названия. Стриж – название птицы, созвучно со словом «стрижка» – главной функцией сферы парикмахер-

ских услуг или его усеченный вариант. Хамелеон – ящерица, которая меняет окраску, может сравниться, например, с женщиной, которая после посещения салона красоты приобрела другой образ (прическу, цвет волос).

По месту нахождения.

Всего – 4 названия.

«На Майской», «У Ксюши», «У Людмилы», «У Мурата».

Используется существительное с предлогом. Привязка к месту всегда востребована в сфере городской коммерческой номинации. Падежные формы словосочетаний существительных с предлогом типа «У + имя собственное в родительном падеже» или «На + имя существительное (чаще собственное) в предложном падеже». Большинство наименований такого рода опирается на давно сложившуюся и оформившуюся топонимическую систему города, элементы которой используются номинатором в качестве своеобразных ориентиров. Эта специфическая для вывесок модель номинации представляет собой свернутое (сокращенное) глагольное словосочетание с локальной семантикой.

Названия пищевых веществ (продуктов).

Всего – 2 названия.

«Ваниль», «Шоколад».

В название «Шоколад» можем проследить процесс метонимии: цвет шоколада переносится на смуглый оттенок кожи, который, видимо, можно приобрести после посещения солярия при данном салоне красоты.

Названия парикмахерских и салонов красоты Тулы можно классифицировать и **по морфологическим признакам (по частям речи)**.

Всего – 52 наименования.

В большем объеме это *существительные* в именительном падеже. Многие из них не соответствуют предыдущей классификации, их можно выделить отдельно: «Антураж», «Арт», «Бигуди», «Бархат», «Блик», «Вдохновение», «Визави» (соседа), «Визит», «Домино», «ЗавитОК» (название может иметь двойной смысл: завиток – «прядь волос со спиральной структурой» либо «завит хорошо, отлично закрутили, уложили волосы»), «Идеал», «Имидж», «Каприз», «Комплимент», «Ланж» (зал, гостиная, комната для отдыха), «Лик», «Магия», «Мафия», «Мечта», «Миф», «Молодость», «Нюанс», «Овация», «ПРОФиль», «Пудра», «Расческа», «Релакс», «Совершенство», «Соло», «Шарм», «Шик», «Эталон», «Эффект».

Выше были приведены примеры существительных в родительном падеже с предлогом (группа по месту нахождения). Рассмотрим другие неучтенные ранее названия: «Без шляпы», «Для всей семьи».

Названия – *прилагательные*: «Модный», «Радужная», «Хорошая». Последнее название, исходя из способа написания, можно интерпретировать так: «краткое прилагательное + местоимение». Названия, составленные по модели «прилагательное + существительное»: «Белый кролик», «Веселая расческа» (детские парикмахерские), «Golden ножницы», «Мужской зал», «Крутое место».

Местоимения (или имеют местоимения в своем составе): «Она», «Я и ты», «Та самая», «Твой стиль», «Ваш каприз», «Для всей семьи».

Наречия – «Стильно», «Визави» (друг напротив друга), «Браво» (хорошо, прекрасно).

Другие наименования.

Всего – 15 объектов.

«О-ла-ла», «Аль де Ботэ», «Бонжур», «Босса Нова», «ВК»,», «Вуаля», «Комильфо», «Мерси», «Ноэль», «Фристайл» (свободный, вольный; вид горнолыжного спорта; импровизация, направление в музыке), «ЦИРИ», «Эко», «Эконом», «Эль» (возможно название напитка), «Эсте».

Исследование эргонимов позволяет расширить представление о содержательной стороне словесного знака, его специфике в пограничной зоне между нарицательными именами и собственными. Данная работа представляет фактический систематизированный материал в виде структурно-семантической классификации, которая показывает процесс онимизации и образования имен городских объектов, раскрывает явление метонимии как лингвистический и когнитивный феномен номинации, объясняет мотивацию при названии городских объектов. На основании исследуемого материала можно сделать вывод, что тульские названия парикмахерских и салонов красоты даются исходя от целевой аудитории клиентов: социальный уровень, возрастная и половая принадлежность. Среди них прослеживаются тенденция к разговорному стилю, склонность к названиям на иностранном языке, которые требуют перевода или к русским, которые пишутся латинскими буквами, тяготение с небольшой разницей к однословным наименованиям. Лингвопрагматический анализ эргонимических единиц помогает дать необходимые рекомендации по созданию наименований городских объектов, которые будут отвечать эстетическому вкусу их пользователей.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
2. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М., 2004.
3. Крюкова, И. В. Рекламное имя: От изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004.
4. Подольская, Н. В. Словарь ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1988.
5. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен / Т. П. Романова // Вестн. СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55).

Они защищали Родину

Завтра вся страна празднует День Победы над фашистской Германией. Мысленно обратившись к тем, кто, не оружием и родную землю, честь и свободу.

ТУЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕСНА — 2021

ТГУ

им. Л.Н.Толстого

На физико-техническом факультете работает много преподавателей и сотрудников, которые были участниками Великой Отечественной войны. Когда над нашей Родиной нависла опасность, им было столько же лет, сколько сейчас нам, нынешним студентам.

Прервав учебу, оставив работу, они ушли на фронт, чтобы защитить завоевания Великого Октября, помочь народам других стран освободиться от фашистского нашествия. Так, ныне старший преподаватель И. В. Петерс гримировал немецко-фашистских захватчиков на территории Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии. Старший преподаватель Б. Д. Карташов, младший лейтенант, участвовал в освобождении от гитлеровцев Венгрии, Румынии, Чехословакии. Лаборант В. М. Баранец во-

в Польском разном участвовал в боях за Радом, награжден орденами и медалями. Лаборант В. Г. Фокеев, участвовал в боях на «Малой земле» у Новороссийска, длившихся 6 месяцев. Старший преподаватель Н. Н. Соуский воевал под Смоленском, старший преподаватель Н. А. Филиппов сражался в составе 6-й армии Украинского фронта. Победоносное шествие Советской Армии завершилось взятием Берлина. В штурме Берлина участвовали ныне доцент В. А. Парожский, лаборант С. Е. Отрахов и А. И. Бучапов.

Отрешив последние годы войны, и советские граждане вернулись к своим мирным занятиям. Ветераны войны, работавшие на нашем факультете, много сил и энергии отдали

из них стали учеными. Это кандидат физико-математических наук, доцент В. С. Коробков, кандидат технических наук К. Н. Белкин, кандидат наук Г. В. Починков. на втором этаже нашего факультета висит стенд «Они защищали Родину», на котором вывешены портреты преподавателей и сотрудников факультета, всех тех, кто в кровопролитных боях отстаивал нашу советскую Отчизну. И каждый раз, проходя мимо, мы с благоговением думаем: им, оставшимся в живых, и тем, кто не вернулся с поля боя, мы обязаны, что можем сейчас жить и учиться.

Сегодня, в канун большого праздника советского народа — Дня Победы над гитлеровской Германией, от имени студентов физико-технического факультета хочется поздравить всех участников Великой Отечественной войны и пожелать им больших успехов.

Владимир ЗАЙЧИН,
4 курс физтеха.

«Круглый стол»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941 – 1945 гг.: ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! ЗА ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ЗАЩИЩАЮЩАЯ РОДИНУ

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина
Дважды в боях за Волгу, Озер, Брал Варшаву, и, наконец, освобождение Берлина, но героическая судьба Николая Николаевича Николаева.
Строгие годы войны оставили на нем свои жестокие следы — многочисленные шрамы. От Волги до Эльбы прошел он во главе своей роты. Много провел смертельных боев с немцами врагом. Но бой за Днепр он не забудет никогда.
Высок и крут западный берег Днепра. Фашисты господствовали над окружающей местностью. Под прикрытием темной стальной ночи бойцы сражались в тесной цепочке в узком коридоре.

ном верку — несколько тыри-пелютицы, вонючие по отесной стене, но появились в фашистских лапах. Так был взят стратегический опорный пункт.
Но вот немцы опрости неожиданности и бросили контратаку. Завязался новый бой. Было отбито несколько вражеских атак, кончились патроны. А Николаевич встал во главе роты и крикнул: «За мной! — крикнул В рукопашную!» Бой продолжился за спиной рек. Чем-то горючим пахло в воздухе, но Анатолий продолжал воевать. И не выдержав, отступил назад, но не выдержав, отступил назад, но не выдержав, отступил назад.

УДК 93/94

СОВЕТСКИЕ ОФИЦЕРЫ, ПРОШЕДШИЕ ПЛЕН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КАТЕГОРИИ И СУДЬБЫ

Н. С. Курганов

nkurganov@mail.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье рассмотрены причины подозрительного отношения советского государства к освобожденным из плена офицерам. Изучены возможные варианты судеб командиров в зависимости от обстоятельств пленения, поведения в неволе, времени освобождения. Сделан вывод, что офицеры являются одной из наиболее пострадавшей категорий репатриантов, но при этом особое внимание со стороны властей позволяло с большей вероятностью восстановить свое честное имя.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, плен, коллаборационизм, советские офицеры, репрессии, репатриация.

UDK 93/94

POW SOVIET OFFICERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: CATEGORIES AND DESTINIES

N. S. Kurganov

nkurganov@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article examines the reasons for the suspicious attitude of the Soviet state towards the officers released from captivity. Possible options for the fate of commanders have been studied, depending on the circumstances of capture, behavior in captivity, and the time of release. It was concluded that officers are one of the most affected categories of repatriates, but at the same time, special attention from the authorities made it more likely to restore their honest name.

Keywords: the Great Patriotic War, captivity, collaborationism, Soviet officers, repression, repatriation.

Советские граждане, сумевшие занять командную должность в армии или на флоте, в довоенном обществе занимали особое положение, являясь представителями элиты. Карьера военного считалась крайне престижной, а руководство страны возлагало на командиров в случае начала боевых действий большие

надежды по управлению армией, полагаясь на их лояльность и профессионализм (Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М: ГИПЛ, 1939. С. 487–506).

В годы Великой Отечественной войны миллионы советских военнослужащих оказались в плену. Среди них было огромное количество командиров и комиссаров. Точное количество установить невозможно, так как многие стремились скрыть свою личность и настоящее звание по идеологическим мотивам, а также с целью сохранить свою жизнь в случае допросов, пыток и возможной казни (Литвиненко С. Н. Завещаю непримиримость (Свидетельство человека, пережившего свою смерть) / Семен Литвиненко. Тула: Приок. кн. изд-во, 1965). Высокое положение профессиональных военных в предвоенном СССР предполагало особое отношение к военнопленным из их числа. Требования к этой социальной группе в годы Великой Отечественной были высоки. Знаменитый Приказ № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» своим острием был направлен прежде всего против командиров и комиссаров. Он обещал им и даже их семьям в случае дезертирства самые жестокие кары (Ни шагу назад! «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» // Российская газета. Федеральный выпуск № 98 (6669), 08.09.2015 [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2015/05/08/plen.html> (дата обращения: 05.02.2021)). Кроме этого, сами нацисты рассматривали офицеров и прежде всего политработников как носителей коммунистической идеологии, готовых сопротивляться до последнего, а потому существовали предписания немедленно расстреливать комиссаров (Документ «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 года // Нюрнбер. Начало Мира. [Электронный ресурс] URL: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20201201/50683/Prikaz-o-komissarakh.html> (дата обращения: 05.02. 2021)). По этой причине советское руководство считало, что честным путем, не запятнав себя изменнической деятельностью, во вражеском плену выжить невозможно.

Совокупность этих факторов определяла подозрительное и заведомо негативное отношение к офицерам, попавшим в плен, со стороны советской власти. Офицеры после плена могли быть лишены званий и наград. Из них с августа 1943 года формировались штурмовые батальоны [2, с. 208]. По существу, эти подразделения были почти идентичны штрафным. Те офицеры, которые были освобождены из плена и прошли проверку раньше данного приказа, не пострадали. Будущий Герой Советского Союза за штурм Берлина полковник (на момент пленения майор) Василий Николаевич Косов находился в немецком плену 27 июля 1942 по 15 января 1943 года, откуда был освобожден войсками Воронежского фронта. После проверки был восстановлен в воинском звании и направлен в действующую армию, а затем продолжил воевать.

Штурмовые батальоны использовались на самых тяжелых участках фронта и отличались высокой боеспособностью. Герой Советского Союза Михаил Владимиров Ашик, который в ходе боевых действий в районе Будапешта бок о бок сражался с бойцами этих подразделений, подчеркивает их смелость, решительность, а также профессионализм. В воспоминаниях он отмечает, что бывшие

офицеры, которые имели в документах приставку «красноармеец» к своему званию, были вооружены качественными ножами «Труд-Вача»¹ для рукопашной схватки. После боя бойцы были реабилитированы. (Герои Победы: Михаил Владимирович Ашик // Партия «Единая Россия», 2005–2021. [Электронный ресурс] URL: <https://spb.er.ru/activity/news/geroi-pobedy-mihail-vladimirovich-ashik> (дата обращения: 05.02.2021)).

В боях штурмовые подразделения несли большие потери, но ранение позволяло «искупить вину кровью» и вновь получить офицерское звание. Существовала возможность быть награжденным за подвиги в составе данных подразделений. Из воспоминаний Михаила Сергеевича Трапезникова, прошедшего штурмовой батальон: «В каждом бою наши солдаты гибли десятками. В одном из сражений меня ранило в левую руку, и в августе 1944 года я снова попал в госпиталь. После реабилитации за участие в боях был награжден медалью «За отвагу» (Испытание войной // Администрация города Вологды, 2005–2021. [Электронный ресурс] URL: http://vologda-portal.ru/o_gorode/index.php?ID=63173&SECTION_ID=4246 (дата обращения: 05.02.2021)).

Негативное отношение к офицерам проистекало из положения, что командиры отвечают не только за себя, но еще и за подчиненных, а потому на них лежит большая ответственность. Летчик-штурмовик Беликин Валентин Иванович во время фильтрации сумел установить товарищеские отношения с «особистом», но все равно не сумел избежать дискриминирующего вопроса «почему ты не застрелился?» Выражение фронтовику показалось глупым, чему он и возмутился. «Особист» признался, что имеет приказ задавать такой вопрос. В дальнейшем эту фразу летчик слышал еще не раз. (Беликин Валентин Иванович – Летчик-штурмовик // Я помню. Воспоминания и интервью с ветеранами и участниками Великой Отечественной войны. Каталог книг по истории ВОВ. 2000–2019. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/belikin-valentin-ivanovich/> (дата обращения: 22.11.2020).

Особое внимание при проверке давало возможность офицерам, которые оказались в неволе по причине тяжелых ранений, потери сознания не просто избежать репрессий, а вернуть свое честное имя и вообще считаться участниками войны еще при жизни Сталина. Они смогли получить заслуженные награды, в частности ордена и медали за полученную как последствие ранений инвалидность, а также медаль «За победу над Германией в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Это не касалось большинства бойцов и командиров, освобожденных из плена. Советским государством награждение офицера, побывавшего в плену, расценивалось как реабилитация.

Ярким примером такой ситуации является судьба полковника Ивана Михайловича Каргина, командира 3-го батальона 4-й бригады морской пехоты. В финский плен попал на острове Рахмансаари будучи тяжело ранен осколками мины в обе ноги и левую руку. После репатриации и проверок, в ходе

¹ Предприятие по изготовлению металлоизделий. Существует и в наши дни, в 2020 году отметило 190 лет со дня основания.

которых, по всей видимости, использовали данные, переданные финнами, и свидетельства, его реабилитировали и признали участником войны. Вскоре он был уволен в запас, а в 1947 году он был награжден орденом Красной Звезды за ранения (Советский полковник И. М. Каргин, взятый в плен финнами на острове Рахмансаари // Военный альбом, 2009–2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://waralbum.ru/392805/> (дата обращения: 05.02.2021); Иван Михайлович Каргин // Память народа. Подлинные документы о Второй Мировой войне URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen91716670/ (дата обращения: 05.02.2021)).

После войны освобожденные из плена офицеры оказались в лагерях НКВД и запасных частях Главупраформа (Главного управления формирования резервов) Красной Армии. После проверки те, кто не вызвал подозрения в добровольной сдаче и пособничестве захватчикам, продолжали службу или увольнялись в запас. Обычной практикой было лишение офицерского звания. Примером является судьба младшего лейтенанта Игоря Яковлевича Трапицына, помощника командира взвода 141-го отдельного строительного батальона 10-й армий. Будучи раненым, он попал в плен 1 августа 1941 года. Пробыл в различных лагерях для военнопленных до 11 мая 1945 года. После спецпроверки был лишен офицерского звания, но сумел еще во времена Сталина осесть в Москве, где работал старшим производителем по электрике на одном из предприятий. Лишь в период «оттепели» его признали инвалидом войны и наградили орденом Славы III степени. При неоспоримом признании заслуг, он все равно продолжал числиться рядовым (Трапицын Игорь Яковлевич // Память народа. Подлинные документы о Второй Мировой войне URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8058983/ (дата обращения: 05.02.2021)).

Редкими являются случаи, когда офицеры после плена получали звание Героя Советского Союза. Летчик-штурмовик Сергей Андреевич Купцов был сбит и попал в плен 19 февраля 1945 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза (Герой Советского Союза Купцов Сергей Андреевич // Патриотический интернет-проект «Герои Страны». 2000–2021. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14233 (дата обращения: 05.02.2021)). Лишь после освобождения во время фильтрации летом 1945 года, он узнал о том, что был представлен к высокой награде. Сергей Андреевич без проблем сумел пройти фильтрацию и проникся уважением к профессии «особиста». По состоянию здоровья был демобилизован и сумел поступить после формальных процедур проверку сумел поступить в Московский Энергетический Институт, обучаясь в котором, в 1947 году, получил Золотую Звезду в военкомате. (Купцов Сергей Андреевич. Летчики-штурмовики // Я помню. Воспоминания и интервью с ветеранами и участниками Великой Отечественной войны. Каталог книг по истории ВОВ. 2000-2021. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/kuptsov-sergey-andreevich/> (дата обращения: 05.02.2021)).

Успешно продолжил службу Герой Советского Союза командир подводной лодки Сергей Прокофьевич Лисин, который в результате крушения попал в плен

к финнам. После перемирия в 1944 году он был передан советской стороне в Выборге. В течение трех месяцев его проверяли в спецлагере, затем направили на Тихоокеанский флот, где служил старшим преподавателем кафедры Курсов офицерского состава при Учебном отряде подводного плавания флота (Герой Советского Союза Лисин Сергей Прокофьевич // Патриотический интернет-проект «Герои Страны». 2000–2021. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=126 (дата обращения: 05.02.2021).

Восстановлен в звании и регалиях был и Герой Советского Союза летчик капитан Валентин Егорович Ситнов, один из организаторов вооружённого восстания в Бухенвальде (Герой Советского Союза Ситнов Валентин Егорович // Патриотический интернет-проект «Герои Страны». 2000–2021. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5867 (дата обращения: 05.02.2021).

В годы Великой Отечественной попали в плен более 80 советских генералов, комбригов, бригадных комиссаров (Скажи нам правду, генерал. Как сложилась судьба полководцев РККА, оказавшихся в немецком плену // Российская газета – Неделя №36 (8090), 18.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/02/18/kak-slozhilas-sudba-polkovodcev-rkka-okazavshihsia-v-nemeckom-plenu.html> (дата обращения: 05.02.2021)). Судьбы этих людей сложились совершенно по-разному, некоторые до сих пор покрыты мраком. Органы следствия работали с каждым индивидуально, стараясь установить все детали и обстоятельства их пленения и пребывания в неволе.

Пятеро генералов смогли бежать из плена, четверо из них сумели доказать свою невиновность еще до смерти Сталина и продолжили службу в армии (Скажи нам правду, генерал. Как сложилась судьба полководцев РККА, оказавшихся в немецком плену // Российская газета – Неделя №36 (8090), 18.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/02/18/kak-slozhilas-sudba-polkovodcev-rkka-okazavshihsia-v-nemeckom-plenu.html> (дата обращения: 05.02.2021)). Некоторые погибли в немецком плену. Знаменитый генерал-лейтенант Д.М. Карбышев еще в сталинское время, в 1946 году, стал посмертно Героем Советского Союза (Герой Советского Союза Дмитрий Михайлович Карбышев // Патриотический интернет-проект «Герои Страны». 2000–2021. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=413 (дата обращения: 05.02.2021)). Были и те, кто после репатриации был осужден по различным обвинениям. Среди них присутствовали реальные изменники, ставшие коллаборационистами (например, генерал-майор Ф. И. Трухин) (Трухин Федор Иванович // ХРОНОС – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ИНТЕРНЕТЕ. 2000–2021 [Электронный ресурс] (дата обращения: 05.02.2021)) Были и те, чья невиновность впоследствии была доказана, а сами они реабилитированы, порой посмертно (например, генерал-майор М.А. Белишев) (Белишев Михаил Александрович (1900) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 05.02.2021)).

По данным В. Н. Земскова, к 1 марта 1946 г. среди военнопленных репатриантов было учтено 123 464 офицера (311 полковников, 455 подполковников,

2346 майоров, 8950 капитанов, 20 864 старших лейтенанта, 51 484 лейтенанта и 39 054 младших лейтенанта) [2, с. 209].

Органы, осуществляющие процесс фильтрации, старались часто изолировать офицеров, предъявляя им различные политические обвинения. Многие даже в случае отсутствия какого-либо компромата были направлены на 6-летнее спецпоселение как нацистские пособники. Произошла трагикомическая ситуация, когда в рядах офицеров-«власовцев», отправленных на спецпоселение, оказалось около двух сотен евреев [3, с. 538]. К сожалению, В. Н. Земсков не смог установить точную общую численность офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение. По примерным оценкам их было порядка 7–8 тыс. Это составило не более 7 % от общего числа офицеров, выявленных среди репатриированных военнопленных [1]. В последующие годы вплоть до смерти И. В. Сталина была репрессирована часть командиров, которые ранее успешно прошли фильтрацию. Те, кто не подвергся никаким преследованиям, продолжали время от времени подвергаться допросам, зачастую ночным и крайне унижительным. Это сильно влияло на психологическое состояние и толкало на социальное дно. Подобная ситуация показана в оттепельном фильме «Чистое небо» (реж. Г. Н. Чухрай, 1961 г.).

По мнению В. Н. Земскова, советское руководство было убеждено, что оно при решении судеб офицеров-репатриантов обошлось с ними гуманно [1]. Несмотря на явную жестокость подобной логики, либерализация так или иначе произошла, особенно по сравнению с судьбами освобожденных пленных советско-финской войны. Во время «оттепели» несправедливо репрессированные офицеры были восстановлены в правах [3, с. 540].

Таким образом, бывшие офицеры являются одной из наиболее пострадавшей категорий репатриантов. Это связано с тем, что советская власть предъявляла им крайне высокие идеологические требования, ведь командиры отвечали не только за себя, но и за своих подчиненных, а также являлись элитой общества. Вместе с этим более высокие звания предполагали особое внимание, проверка проводилась тщательнее, что позволяло многим офицерам, которые даже в условиях плена не запятнали себя преступлениями и малодушием, избежать репрессий и восстановить свое честное имя.

Библиографический список

1. Земсков, В. Н. Репатриация советских перемещенных граждан [Электронный ресурс] / В. Н. Земсков // Скепсис: Науч.-просветительский журн. – URL: http://scepsis.net/library/id_1234.html (дата обращения: 23.11.2020).

2. Земсков, В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания / В. Н. Земсков. – М.: Родина, 2018.

3. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине / П. М. Полян; Предисл. Д. Гранина. – Изд. второе, перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2002.

УДК 93/94

**СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАЦИСТОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

П. И. Матвеев

MP.1945@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

Аннотация. В статье представлен анализ свидетельских показаний о преступлениях фашистов и их пособников, подтверждающих факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецко-фашистские захватчики, оккупация, преступления против мирного населения, свидетельские показания.

UDC 93/94

**WITNESS TESTIMONY IN CRIMINAL CASES
ON THE CRIMES OF THE NAZIS AGAINST
THE CIVILIAN POPULATION IN THE OCCUPIED TERRITORY
OF THE TULA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

P. I. Matveev

MP.1945@yandex.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract. The article presents an analysis of testimonies about the crimes of the fascists and their accomplices, confirming the fact of genocide against civilians in the occupied territory of the Tula region during the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the Nazi invaders, the occupation, crimes against the civilian population, witness testimony.

Тульская земля была оккупирована германским вермахтом в ходе осеннего наступления 1941 г. Впервые опубликованные материалы архива Управления Федеральной службы безопасности по Тульской области, Государственного архива Тульской области содержат свидетельства очевидцев, которые пролили свет на преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно находившейся под властью фашистов территории Тульского края

в годы Великой Отечественной войны. С октября по декабрь в зоне оккупации оказалось свыше 3 000 населенных пунктов региона. Оккупационная политика сопровождалась разрушением городов (Богородицк, Чернь, Болохово, Крапивна, Елифань, Алексин), сожжением 652 деревень, уничтожением 316 промышленных объектов, разорением 48 530 колхозных дворов, убийством мирных граждан [3, с. 164].

Сотрудники Следственного комитета и органов государственной безопасности СССР в течение нескольких месяцев собирали уникальные свидетельские показания, которые дали представления о масштабах нацистских зверств, раскрыли детали преступлений против детей, женщин и стариков. Эти показания стали основой доказательств злодеяний фашистов на оккупированной территории тульского региона. Десятки страниц сообщений свидетелей оказались самыми красноречивыми подтверждениями нечеловеческих преступлений, для которых не существует оправданий и срока давности. На основе материалов свидетельских показаний уголовных дел о преступлениях нацистов против мирного населения на оккупированной территории Тульской области можно выделить несколько групп свидетельских сообщений.

К первой группе относятся свидетельские обвинения граждан СССР, ставших жертвами или напрямую пострадавшими от действия немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Тульской области. К таким свидетелям относятся, как правило, чудом спасшиеся жертвы нацистов. Их показания оформлены в виде заявлений. Лаконичные документы, составленные чаще всего малограмотными колхозницами, чьи мужья, сыновья, дочери погибли от рук фашистских палачей открывают ужасающие подробности жизни в немецкой оккупации. Заявления свидетелей, видевших смерть своих родных и близких, не скрывают их боли, слез, ненависти, к тем, кто совершал преступления, в документах граждане называют нацистов «извергами», а их действия характеризуют как «зверства» [1, с. 182].

Жительница города Щекино Е. К. Герасимова в своих показаниях отмечала, что во время оккупации Щекинского района немцы занимались грабежом, отбирали скот и продукты питания у граждан, 3 раза приходили за картофелем к ней. 11 декабря 1941 года при очередной попытке набрать картофель ее муж, И. П. Рахаев, стал протестовать и пояснил, что семье из 7 человек больше нечем питаться. Солдаты, не обратили на эту просьбу никакого внимания, тогда И. П. Рахаев выбросил в коридор мешки, приготовленные для картофеля, фашисты взяли их обратно, набрали картофель и ушли. На следующий день к ним в дом пришли нацисты, арестовали Рахаева и после нескольких допросов и побоев с обвинениями в принадлежности к партизанам расстреляли его в городском парке [1, с. 345]. Жительница деревни Ясная Поляна Щекинского района Н. Д. Власова в свидетельских показаниях об убийстве своего сына вспоминает о том, что фашисты, находившиеся после смерти сына в ее доме, запрещали ей плакать [1, с. 261].

Ко второй группе относятся показания, оформленные в виде актов о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Данные акты составлялись сотрудниками

следственных органов и органов госбезопасности. При оформлении данных свидетельских показаний была использована форма протокола в опросно-ответной форме, содержащей значительную часть сведений о свидетеле, что значительно расширяло данные о «допрашиваемом лице».

При анализе показаний этой группы можно выделить в отдельную подгруппу свидетельства непосредственных очевидцев карательных акций нацистов, которые подробно описывают поведения преступников на оккупированной территории и результаты их преступных действий. Так, в соответствии с протоколом допроса свидетеля Н. А. Безбородова оперуполномоченным отдела контрразведки мы узнаем о факте расстрела немецко-фашистскими захватчиками мирных граждан на территории шахты №54 в Товарковском районе [1, с. 227]. Свидетельские показания жительницы города Щекино Е. В. Алехиной проливают свет на злодеяния немецко-фашистских захватчиков во время оккупации Щекинского района. Муж Алехиной, И. А. Алехин, 15 ноября 1941 года был расстрелян за то, что порезал немецкий кабель и обстрелял нацистов [1, с. 264].

Вторая подгруппа показаний, оформленных в виде актов, это свидетельские сообщения людей, знающих случаи злодеяния немцев на территории Тульской области. Материалы данных показаний в основном перечисляют факты преступлений фашистов против мирного населения, не раскрывая при этом обстоятельств преступных деяний. В своих показаниях свидетели ссылаются на других лиц, которые были очевидцами кровавых событий. В протоколе допроса А. А. Ключевой оперуполномоченным Щекинского РО УНКГБ сообщается о расстреле восьми советских граждан на шахте № 8 треста «Щекинуголь»; казни четырех рабочих шахты № 9, в том числе и 15-летнего парня; казни четырех человек в д. Огаревка [1, с. 269].

К третьей группе стоит отнести коллективные свидетельские показания, подробно сообщающие детали и факты о погромах, разрушениях, грабежах, насилиях, издевательствах и зверствах нацистов против колхозников. Такие показания были оформлены колхозниками в виде актов комиссии жителей деревни, на территории которой располагался колхоз. Согласно Акту комиссии колхоза «Путь новой жизни» Алексеевского сельсовета Ленинского района о грабежах и насилии немецко-фашистских захватчиков во время оккупации от 28.01.1942 г. мы узнаем, что колхозника Ф. А. Ушакова немцы избили до смерти; узнаем о глумлении над женой красноармейца Ф. П. Киселевой и избивении ее малолетнего ребенка; узнаем о том, что жену красноармейца П. А. Мельникову немцы в 12 часов ночи выгнали из дома с тремя малолетними детьми на мороз [1, с. 292]. Свидетельские показания жителей села Алексеевки Алексеевского сельсовета содержат ужасающие подробности издевательства и мучений над пожилыми колхозниками – Т. Е. Осиповым, К. Н. Желтовским, которые не угодили своими действиями чванливым требованиям фашистских палачей (слишком медленно растапливали избу) [1, с. 293].

В особую группу свидетельских показаний стоит выделить сообщения и рассказы детей, которые стали очевидцами или жертвами нечеловеческих

злodeяний фашистов. Рассказ ученицы 8-го класса Алексинской школы В. Трофимовой представленный в Тульскую областную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков сообщает об использовании маленьких детей для разминирования дорог в городе Алексине (1, с. 364). Свидетельские показания шестиклассников Мышегской средней школы Алексинского района: Н. Каменской, А. Ухачевой, В. Губановой, А. Самошиной, Т. Кирюхиной, А. Бабковой, М. Емельяновой, М. Щербаниной, Л. Филатовой, В. Соколова сообщают о зверствах солдат немецко-фашистской армии по отношению к детям. Ученица 6 «А» Н. Каменская заявляет, что в их дом пришли на ночлег три немецких солдата и офицер. Фашистские оккупанты взяли все то, что было приготовлено на обед. Трехлетний брат Н. Каменской начал плакать, немецкий офицер подошел к мальчику, ударил его. Ребенок долго лежал без памяти. Мать девочки заплакала. Офицер разозлился и выгнал их всех раздетыми на улицу [1, с. 365].

Свидетельские показания – как приговор истории, в них – ужасающая правда о тех зверствах, которые творили фашисты против мирного населения в Тульской области. Массовые убийства, нечеловеческие пытки, использование советских граждан в качестве «живого щита» в боевых операциях, надругательства над женщинами, глумление над телами умерших, унижение человеческого достоинства, зверские издевательства над детьми и стариками – преступления у которых нет срока давности, что было официально закреплено конвенцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 1968 г.

Вечную печать бесчеловечности на тех, кто уничтожал стариков, женщин и детей, поставил Нюрнбергский процесс над главными нацистскими преступниками. В феврале 1946 г. на заседании Международного трибунала от СССР выступил генерал-лейтенант юстиции Р. А. Руденко. Он впервые озвучил миру страшные факты геноцида нацистов против мирных граждан [2, с. 79]. Точка в этих преступлениях не поставлена до сих пор, ведь внимание к преступлениям фашистов против мирного населения на оккупированной территории – вакцина от беспамятства как фальсификаторам истории, так и тем, кто не против повторить то, что повторять категорически нельзя.

Библиографический список

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тульская область: Сб. документов / Отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; Отв. ред. Д. Н. Антонов; Сост. И. А. Антонова, Ю. Ф. Смирнов, В. М. Лысак, Л. В. Бритенкова, Н. М. Кочеткова, А. В. Макаренко. – М.: Фонд «Связь Эпох»; Изд-во «Кучково поле», 2020.

2. Лебедева, Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор / Н. С. Лебедева // Вестн. МГИМО Университета. – 2010. – № 1. – С. 75–92.

3. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / В. Т. Анисков, А. В. Басов, А. М. Беликов [и др.]; Отв. ред. Г. А. Куманев; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1988.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Астахов И. А.

Влияние этнических изменений на властную верхушку
в Боспорском царстве в середине IV – первой четверти VI в. н. э. 4

Белан М. А.

Первый опыт мобилизации: созыв земского войска в 1806–1807 гг.
и его роль для сбора земского ополчения 1812 г. 13

Секция I

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Внуков А. А.

Место Харатона в иерархии европейских гуннов
в начале V в. и его соотношение с понятием «Ο ΤΩΝ ΡΗΓΩΝ ΠΡΩΤΟΣ»
в истории Олимпиодора Фиванского 22

Глебов В. С.

Вооружение солдат и офицеров римской армии
I в. до н. э. – II в. н. э.: проблема идентификации 28

Гудков Н. А.

Феномен узурпации императорской власти
в рамках политической системы домината 32

Матюхина Е. К.

Фарн в государственной идеологии
Боспора римского времени 39

Мишнев С. Н.

Военный декрет Анастасия из города Перге
как источник по изучению реформирования
византийской армии 43

Стрижак А. Р.

Боспорское царство в период правления Радамсада 47

Секция 2

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИСТОРИИ

Зарукина Ю. Е.

Религия и церковь
в период Великой французской революции в 1789–1794 гг. 52

Ильина А. О.

Алтайская духовная миссия и алтайцы:
почему не удалась христианизация? 58

Митрофанова М. В.

Сарматизация Крыма на рубеже эр 63

Скворцова Я. А.

Серб «превращается» в русского:
судьба отца и сына Пишчевичей в XVIII в. 66

Соколов А. В.

Тульское единоверие: между «религиозными отщепенцами»
и «господствующей церковью» 74

Секция 3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ И НАРОДОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРОШЛОГО

Бобин Р. М.

Особенности восточной политики императора Веспасиана 82

Зайковская О. С.

К вопросу о военных конфликтах Ирана и Византии в VI в. 89

Кулинкин А. А.

Проблематика положения в странах Центрально-Восточной Европы
во второй половине 1980-х гг. в беседах А. Н. Яковлева
с западными политиками и журналистами 93

Царева А. А.

Советско-американские отношения:
конфронтационная стабильность 1963–1991 гг. 99

Секция 4

ОБЩЕСТВЕННОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ

Алексеева Т. И.

Русская дача XIX в. – преемница дворянской усадьбы 107

Винокурова Д. Ю., Коломенцева Д. А.

Роль женщины в системе управления высшим образованием
как форма реализации принципа демократии:
ретроспектива и современное состояние 112

Гладких П. А.

Развод и семейное насилие в русской деревне в XIX веке 116

Добрынина Д. Н.

Экономические аспекты ранневизантийского гетеризма 121

Кунакова Т. С.

Женское движение в России в 1860–1870 годах 125

Володина Т. А., Ланкин Н. О.

Солдатские буквари и учебники 1860–80-х гг.
их цели, функции и содержание 132

Мельников Г. В.

Изменение социально-экономического положения
крестьянства в ходе столыпинских реформ 138

Пицугина П. В.

Любовь Стечкина –
«тургеневская барышня» Алексинского уезда 142

Сапожникова М. Г.

Понятие «бедность» по данным кодекса Феодосия 147

Стрелкова Ю. А.

Изменения в русской крестьянской семье
в пореформенный период 154

*Секция 5***СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПОЛИТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ПРОШЛОГО***Гончаренко А. А.*

Благотворительная деятельность

в российской провинции в конце XIX – начале XX в. 159

Данченков П. С.

Формирование кадров

«пролетарской» интеллигенции в 1918–1922 гг. 163

Двойнова В. А.

Становление и развитие права собственности в России

в XVII – начале XX в. 168

Игнатова В. А.

Казенные мануфактуры во Франции и в России XVIII в.:

сходство и различия 172

Колесникова Е. М.

Университетские уставы 1863 г. и 1884 г.:

произошли ли изменения в жизни российского студента? 177

Павлов А. В.

Текст или палимпсест: феномен возврата

к историческим истокам в топонимике 183

Степашина А. Д.

Причины школьных бунтов в России в начале XX в. 190

Степочкин С. Н.

Становление системы советской пропаганды

во время гражданской войны в России

(на примере РОСТА) 194

Секция 6

ИСТОРИЯ И ИСТОРИК В ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ

Гукин А. А.

Историография истории предпринимательства
Российской империи второй половины XIX – начала XX в.:
от обобщения к анализу 200

Малинин М. А.

Проблемы социально-экономического развития Боспора
в III веке н. э. в современной отечественной историографии 206

Ромашина Е. В.

Анализ проявления государственной поддержки
населения в учебниках и книгах 1946–1954 гг.
(появление и расширение темы семейных ценностей) 210

Юрина Н. С.

Разоблачение одной легенды:
историк Соловьев и «кровь Романовых» 215

Секция 7

ИСТОЧНИК И ИСТОРИК В ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ

Алешин Е. Н.

Германофобия в Российской империи
в июле–августе 1914-го (по материалам издания «Газета-копейка»)..... 222

Гончаров Д. С.

Две «правды» Василия Шабунина: в истории и в кинематографе 226

Маркова К. О.

Керамическая тара
как источник по изучению позднеантичной торговли 230

Черкесова А. С.

Донской край в публицистике Виктора Севского
(петроградский период: 1916–1917 гг.)..... 235

*Секция 8***КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ***Богатырева О. О.*Коммеморативные практики
и историко-культурный туризм в Тульской области..... 240*Егорова В. А.*Символика в декоративно-прикладном творчестве
Суджанского края: на примере гончарства 245*Кочергин С. С.*К вопросу о динамике древнееврейской «святости»
в связи с генезисом текста Пятикнижия 251*Максимова К. А.*

Охота в допетровской Руси: промысел, досуг, ритуал..... 258

Фардзинова А. К.

Театрализованные представления в СССР в 1950–1960 гг..... 265

*Щербакова Н. А.*Особенности культа Аполлона
в городах Северного Причерноморья 269*Секция 9***ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ***Кильмаматова Л. В.*Лексика питания
в говорах верхнего течения реки Непрядвы 275*Салькова В. В.*Ассоциативное поле лексемы *власть*
(по данным ассоциативных словарей) 279*Сергиенко А. С.*Говор как отражение исторических событий и процессов
(на примере говора с. Третьи Левые Ламки
Сосновского района Тамбовской области)..... 286

Тимофеева А. И.

Соотнесенность языковых личностей автора
и главного героя мемуарного произведения
(по материалам автобиографических воспоминаний
протоиерея Алексия Резухина) 290

Шитлина И. С.

Отражение лексики текстов-воспоминаний в современной культуре 296

Шитова Т. А.

Своеобразие тульского пространства
на примере эргонимов (названий парихмахерских и салонов красоты) 301

«Круглый стол»

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.:
ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

Курганов Н. С.

Советские офицеры, прошедшие плен
в годы Великой Отечественной войны: категории и судьбы 309

Матвеев П. И.

Свидетельские показания в уголовных делах
о преступлениях нацистов против мирного населения
на оккупированной территории Тульской области
в годы Великой Отечественной войны 316

Научное издание

**ТУЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВЕСНА – 2021**

**Социальное пространство и время прошлого:
вызовы и ответы истории**

***Материалы II Всероссийской научной конференции
молодых учёных с международным участием***

Минимальные системные требования:
Intel Celeron 1700 Mhz и выше,
128 Мб RAM, 300 Мб на винчестере, ОС Microsoft Windows 7 и выше;
дисковод CD-ROM 2x и выше, SVGA 64 Mb; мышь.

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого.
300026, Тула, просп. Ленина, 125.

www.tspu.ru. E-mail: info@tspu.ru
Объем данных: 24 Мб.

Подписано к использованию: 16.07.2021.
Заказ 21/008. «С» 1878.